

DREAMER

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

Он — красивый, самоуверенный парень, купающийся в роскоши и деньгах, и совсем не привыкший отказывать себе в своих желаниях. Она — тихая скромная, и совсем не привлекательная девушка, выросшая без родительской ласки и заботы в детском доме. Они слишком разные, и никогда не должны были встретиться. Если бы только не один вечер... Совершенно случайная встреча, положила начало тяжёлым запутанным, но все-же-таки романтическим отношениям. *Пожалуй, единственное, что отличает мою историю от сказки о золушке, это то, что я не закончу её на словах"...и жили они долго и счастливо"* Она выстрадает своё счастье. Пройдёт через боль, обиду, предательства, унижения, нищету — всё то, что ей подарит, когда-то до безумия любимый человек. Но ведь всегда за свои страдания мы получаем награду?

История одной жизни — Закончен!)

Восемнадцатое июня две тысячи девятого года — этот день навсегда оставил отпечаток в моей памяти, как яркая, запоминающаяся картина. Официальная часть выпускного вечера подошла к концу, и все мои, теперь уже бывшие одноклассники, погрузившись в несколько серебристых микроавтобусов, поехали праздновать само торжество в Смолена парк — самая красивая набережная города. Все, кроме меня. Нежелание провести один из самых главных вечеров в своей жизни (по крайней мере так нам толдычили все учителя) вместе со своими, пускай и не совсем близкими, но всё же друзьями, казалось бы, не удивило никого. Да, я никогда не любила проводить время на шумных вечеринках, всегда предпочитая им уединения с самой собой. Возможно именно поэтому — одиночество — мой лучший друг.

Но сегодня...размеренным шагом гуляя по вечерней мостовой, и наслаждаясь бьющим в лицо прохладным потоком ветра, я не чувствовала никакого умиротворения. Причиной тому, на мой взгляд, были две вещи. Первая — беспокойство. Беспокойство за своё дальнейшее будущее. Сегодня я получила аттестат — свидетельство об окончании школы. Перешёптывания между партами во время уроков, спрятанные самыми разными способами шпаргалки, и наконец, экстремальные ощущения от перекура в туалете, остались в моём недалёком прошлом. А что меня ждёт теперь? Неизвестность. Нет, конечно, я, как и все, уже определилась с выбором подходящего мне вуза, и о поступлении туда как-то не особо волновалась. Ну, во-первых, высокие баллы, полученные на ЕГЭ, несколько обнадёживают меня, на бюджетное зачисление. А, во-вторых...будь у меня даже баллов по тридцать по каждому предмету, моё имя всё равно бы присутствовало в списках зачисленных на бесплатное отделение, причём, висело бы оно выше, тех ребят, чьи знания, были бы оценены баллов в девяносто. Несправедливо? Ну, это смотря, под каким наклоном посмотреть. Конечно, с одной стороны, детям из обычных семей, наверное, обидно, что с высокими знаниями, они вынуждены уступать свои места, мягко скажем, глуповатым ребятам. Но вот с другой...должны же быть для детей-сирот какие-то поблажки? А вторая причина...не знаю, возможно, смятение, совершенно безумное, и совсем непривычное для меня, предчувствие чего-то очень важного. Наверное, кто-нибудь это когда-нибудь испытывал...душевное беспокойство. Вроде бы всё идёт своим чередом, и никаких мега важных событий не происходит в твоей жизни, но ты всё равно чувствуешь...ощущаешь, что на тебя надвигается какая-то волна.

Спускаясь по ступенькам ведущей лестницы к выходу на главный проспект вниз, я окидывала беглым взгляд мелькающих вокруг меня людей. Вот мамочка, отчитывает своё непослушное дитя, за очередную, пакостливую шалость. Вот пара влюблённых "голубков" целуются на скамейке возле фонтана. А на соседней лавке, три бабули, сверлят их осуждающим взглядом, и о чём-то тихонько перешёптываются между собой.

Улыбнувшись, я, заправила разметающуюся прядь волос за ухо, и вышла на главный, освещенный тысячами фонарей, проспект. Тишину, готовящегося ко сну, вечернего города, в

ту же секунду прервали сигналы застрявших в пробке машин, и оживление наслаждающейся летом в полной мере молодёжи. Ускорив шаг, я постаралась как можно быстрее выйти с оживлённой улицы, и как всегда направиться в свой любимый, безлюдный скверик. И именно в тот момент, когда я уже преодолела последнюю ступеньку мостовой, моё предчувствие сыграло со мной плохую шутку... Не знаю, что сподвигло меня в тот момент, резко остановиться и оглянуться назад, но то, кого я увидела по другую сторону дороги, заставило меня окаменеть.

Он стоял, подпирая собой дверцу дорогой иномарки. Белая футболка, обтягивающая накаченный торс, была немного помята. Сильные, крепкие ноги, были обличены в чёрные, слегка потрёпанные джинсы. Одной рукой он опирался на серебристую иномарку, другой обнимал тесно прижимающуюся к нему блондинку. Его лицо, на достаточно большом расстоянии, было трудно разглядеть. Но уже тогда, в ту же секунду, когда я увидела его в первый раз, я поняла, что моя жизнь изменится.

Андрей, стоял, оперившись спиной, на свой новенький Infiniti Essence — подарок отца, в честь окончания института. Пальцами одной руки он плотно сжимал прикуренную сигарету, второй, с нажимом проводил по бедру, повисшей у него на плечах Ириски. Именно Ириски. Так её называли в его компании. Не Ира, уж тем более не Ирина, и даже не Ирка. Ириска — своеобразное прозвище, главной "мед. сестрички" среди его друзей. Сейчас даже и не вспомнишь, есть ли такой парень в их компании, который не провёл с ней хотя бы одну ночь. Возможно, только Рус. Да, и то, не факт. У, него, конечно, есть девушка, с которой они уже в достаточно длительных отношениях, но ведь это никогда не мешало, хорошо проводить время на стороне?

— Андрюшечка, я уже замёрзла! Давай куда-нибудь уедем отсюда! Может в ресторан? Я проголодалась, — слащаво проныла Ирина, прильнув к мужскому телу.

— Замёрзла, сядь в машину! — кинув бычок сигареты на мокрый от ночного проливного дождя асфальт, огрызнулся Андрей. Небрежно отстранив от себя насупившую губы девчонку, парень стал, выискивать среди проезжающих мимо автомобилей, знакомую машину. И куда только этот Сашка запропастился? Ему же, кердык как приспичило, с Ириской "познакомиться". Даже встречу важную отменил. Дурак. Нашёл ради кого. Объяснял ведь он другу, что Иринка пустышка. Да, смазливенькая на внешность, с хорошей, скорее даже идеальной фигурой: загорелая кожа (в солярии она, наверное, прописалась), тонюсенькая талия, узкие бёдра, плоский животик, подкаченная аппетитная попка, и просто нереальных размеров грудь, при этом, неизвестно как, но очень упругая. Только вот, таких красоток у них в городе завались, и больше. А мозгов, не у одной нет. Та же самая Иринка, продержалась в институте до пятого курса, только благодаря папочкиным деньгам. Правда, сейчас, над её беззаботной жизнью нависла угроза. Отец Ириски — директор рекламной фирмы, а компании такого рода, как известно сейчас потихоньку разоряются. Вот девчушка и ищет себе хорошего спонсора.

— Андрюш, а может ну его, этого твоего друга? Поехали ко мне? — соблазнительно

(как она сама подумала) облизнув губки, жарко прошептала ему на ухо, Ирина.

— Садись в машину, — флегматично ответил Андрей, настойчиво отодвигая от себя девушку.

— Но, Андрюш...

— В машину! — жёстко рявкнул Андрей, так что Ирина, сама отскочила от него на пару шагов назад. Поджав губки и сверля парня обидчивым взглядом, девушка, всё же решила больше не играть на его нервах, и тихо заползла в машину. Постукивая пальцами по серебристой крыше своего автомобиля, Андрей старался потушить неожиданную вспышку ярости. И чего это на него нашло? Когда это он в последний раз отказывался хорошо провести вечер в компании красивенькой девчонки? Да, Иринка далеко не первой свежести, но раньше ведь его это не смущало.

— Чёрт, тучи сгущаются! Ливень будет! Андрюх, поехали нахер! Если Сашке так надо, пусть сам Ириску в койках пацанов вылавливает! — облокотившись спиной о капот своей машины, недовольно произнёс Стас.

— Нет, мы его дождёмся, и я лично съезжу ему по роже, за потерянный впустую час! — огрызнулся Андрей, ещё раз мельком окинув взглядом дорогу, и задержавшись на несколько секунд на девушке, стоящей у самого спуска к лесу. Скрестив руки на груди, парень уставился на неё, пристальным, оценивающим взглядом. Что в ней было такого особенного? Ничего. Абсолютно ничего. Она не красавица. Далеко не красавица. Её и симпатичной-то можно назвать с большой натяжкой. Фигурка довольно полноватая. Широкие бёдра, пухлые щёки, талия без особых очертаний, правда, животик вроде нормальный. Внешность...не очень, мягко скажем не очень. Серые глаза, обрамлённые редкими, недлинными ресницами. Светло русые волосы, собранные в небрежную косу, доходили ей до лопаток. Губы тонкие, чуть пожатые. Носик с горбинкой. Кожа бледная-бледная, словно она вообще никогда солнца не видела. Наверное, её вполне можно было бы назвать обычной девчонкой, как и все. Но так как он привык находиться в обществе сногшибательных красоток, назвать её, хотя бы симпатичной, у него язык не поворачивался. Да, он собственно и не обратил бы на неё никакого внимания, если бы она сама не гипнотизировала его взглядом своих серых глаз. Прикусив нижнюю губу, девчушка буквально приросла к нему взглядом. Казалось бы, она даже и не замечает, что он его заметил.

— Андрюх, ты меня вообще слышишь? — резко выдернул из размышлений голос Стаса. — Что с тобой происходит-то? Ты сегодня такой нервный...вон Ириске нагрубил. В чём дело?

— Нормально всё, — не отрывая взгляда от сероглазки, на автомате ответил Андрей. Проследив глазами за взглядом друга, Стас, ехидно усмехнулся:

— О, да ты у нас сегодня нарасхват! Знаешь её?

— Первый раз вижу, — криво улыбнувшись, ответил Андрей, заметив как девушка, видимо, наконец-то, очнувшись от своеобразного наваждения, засмущавшись, отвела взгляд в сторону.

— Экзооооотика, — усмехнулся друг, не отрывая глаз, от в спешке, скрывающейся из их поле зрения полноватой фигурки. — Мда, ну и наряд. Иринка бы позавидовала! — издевательски присвистнул Стас.

— Нормальный. Хотя бы зад прикрывает, — недовольно огрызнулся на друга, Андрей.

— Вот это поворот, чего это ты её защищать вздумал? Что наши малышки надоели, на экстремальные ощущения потянуло?

— Может и потянуло, — резко дёрнувшись с места, ответил Андрей.

— Эй, ты куда?

— Девочка сумочку обронила, нужно вернуть, — криво улыбнувшись, ехидно усмехнулся парень, перебегая дорогу.

Блин, как же неудобно! Стараясь не замедлять шаг, я быстрой походкой направилась в сторону остановки. Щёки непросто покраснели, они пылали. Вот тебе и чутьё....установилась на совершенно незнакомого парня, во все глаза. И ведь даже не сразу заметила, что он подловил на себе мой взгляд. Блин, какая же дура! Надо было так лохануться? Да, он, ведь только посмеялся надо мной со своим другом! Хотя чему удивляться-то...он красивый, судя по машине (если она, конечно, его), то ещё и богатый...А я?

— Это не ты обронила? — обжёг кожу шеи, наглый, запыхавшийся голос. Резко отдёрнув меня за руку, парень с самодовольной улыбкой, прошёлся по мне оценивающим взглядом от самых туфель и до макушки. И судя по кривой ухмылке, остался не очень-то доволен. А, я...а я, как дура установилась на него во все глаза, не в силах вымолвить даже слова. Пропала, точно пропала!

— Я....спасибо, — пересилив себя, тихо промямлила я. Он стоял всего в паре шагов от меня, и теперь я могла хорошо его разглядеть. Высокий, очень высокий, я со своим метр шестьдесят два, ему, разве что макушкой до груди достану. Волосы тёмные, коротко обстрижены. Черты лица красивые. Длинные густые ресницы обрамляют ярко-зелёные глаза. Губы чётко очерчены. Тело рельефное, хоть сам парень и худощавый.

— Сильно понравился? — ехидно ухмыльнулся он, заставив мои и без того покрытые румянцем щёки, запылать. Отведя от него смущённый взгляд, я попыталась восстановить сбившийся ритм сердца, и привести дыхание в норму. Про резкую нехватку воздуха, я вообще молчу.

— Чего? — включив дурочку, дрожащим голосом переспросила я, надеясь, что в ответ он только довольно хмыкнет, и, не пожелав больше тратить на меня своё время, просто развернётся и уйдёт. Хотя, какая-та часть меня, очень противилась такому развороту событий.

— Сильно говорю, понравился? — скрестив руки на груди, так, что через тонкую ткань футболки, отчётливо выступили мышцы, совершенно серьёзно спросил парень. Наверное, я бы могла сейчас расценить это как подколку, и просто не отвечать на неё....Но это был вопрос. Совершенно серьёзный вопрос. На который, под выжидающий взгляд стоящего практически вплотную ко мне парня, нужно было дать ответ.

— Да, — тихо, скорее даже беззвучно промямлила я, прибив свой пристыженный взгляд к асфальту. Щёки мгновенно покрылись румянцем, а в горле пересохло, от неожиданно охватившей меня смелости.

— И насколько я потяну? — с лёгкой усмешкой спросил он. Подняв на него смущённый взгляд, я сначала, совершенно не поняла вопроса.

— В каком смысле?

— По сто бальной шкале, сколько мне дашь? — криво улыбнувшись, осведомился он, с

явной усмешкой во взгляде всматриваясь в моё покрасневшее лицо. Ну, конечно, ему весело. Сколько раз на дню, ему вот так, признаются в симпатии совершенно незнакомые девушки?

— Не знаю, — наконец, собравшись с духом, более-менее, спокойно ответила я, стараясь не смотреть на нагло улыбающегося парня.

— Как не знаешь? Я же тебе понравился.

— А, первое впечатление всегда обманчиво, — сама ошалев от своей смелости, немного резковато ответила я. Но оторвать взгляд от мокрого асфальта и перевести его на парня, всё-таки не смогла.

— Ну, возможно, только его ведь нельзя произвести дважды? — опять усмешка в мой адрес. — Тебе, как зовут сероглазка? — от такого обращения ко мне, щёки вновь запылали.

Наконец, решившись, я всё же подняла взгляд вверх, и практически сразу столкнулась с внимательно изучавшими меня изумрудными глазами. Парень стоял всего в шаге от меня. Бугрящиеся мышцами руки, как и прежде, были скрещены на груди. Чуть поджав губы, он выжидающе смотрел на меня. И в этот раз в его взгляде уже не было усмешки, даже наоборот, какая-то заинтересованность.

— Оксана.

— Ксюха, значит, — закусив нижнюю губу, хрипловато произнёс он. — Мне нравится это имя. А меня Андреем зовут, — протянул мне руку для рукопожатия, и я, осторожно, коснулась её своей ладонью, чувствуя как кожа, начала немного покалывать. — У тебя праздник какой-то? — окинув взглядом моё бледно-розовое платье, Андрей, по-прежнему продолжал держать меня за руку, и от этого, сил, чтобы отвечать на его вопросы, у меня значительно поубавилось.

— Выпускной, — пропищала я, заметив как губы парня, вновь растянулись в довольной улыбке.

— А чего тогда ты одна по городу гуляешь? Почему не отмечаешь вместе с бывшими одноклассниками?

— Не люблю шумные вечеринки.

В этот момент пальцы Андрея не сильно сжались на моей ладони, от чего я едва сдержалась, чтобы не прикрыть глаза от наслаждения. Зато вот отказать себе в удовольствии, провести язычком по чуть приоткрытым губам, не смогла. И от этого на лице парня вновь появилась ехидная ухмылка. Сжав мою ладонь чуть крепче, Андрей провёл пальцами по моему запястью, при этом внимательно наблюдая за моей реакцией на его прикосновения. А её ждать не потребовалось. Глаза закрылись сами собой. Дыхание участилось. А сердце забилося в таком бешеном ритме, словно я чувствовала ни его пальцы на своей ладони, а вкус его губ на своих... Не знаю, смогла бы я сдержать нервный всхлип, когда Андрей крепче сжав мою ладонь, начал её чуть поглаживать, если бы в эту секунду, окружающую нас тишину, не прервал раскат грома.

— Не самое подходящее время ты выбрала для прогулок на свежем воздухе, — сквозь вату в ушах слышала я бархатистый, с лёгкой хрипотцой, голос Андрея. Пересилить себя, и открыть глаза просто не хватало сил. Он по-прежнему, не отпускал мою ладонь, продолжая её чуть поглаживать. — Может, зайдём, куда-нибудь, посидим? В кафе, например, или в ресторанчик какой-нибудь. Познакомимся поближе?

Наверное, я бы согласилась. Да, что там согласилась... Меня так колбасило от одних его прикосновений. Чёрт, я ведь не святая. Не чистый, невинный одуванчик. Даже несмотря на мою далеко незаурядную внешность, парни у меня были. Правда, не так много, всего два. В

то время как мои подружки, уже штук двадцать сменили. И тем не менее я не только с парнями за ручку держалась... Но таких нереальных ощущений, от одних лишь невинных прикосновений, у меня ещё никогда не было. Только я уже было, хотела ответить согласием, как за спиной Андрея, послышались быстрые, тяжёлые шаги, а следом за ними, и неразборчивый мат. И в это мгновение всё кончалось. Андрей резко отдёргнул от меня свою руку, и развернулся к поравнявшемуся с ним парню. Ущипнув себя за ладонь, и попытавшись справиться со своим ступором, я резко распахнула глаза, уставившись на подошедшего к нам парня. Ростом, он был практически с Андрея. Волосы тёмные, вьющиеся кудрями. Телосложение, рельефное, очень спортивное. Одет дорого. Внешность... не сказать, что красавец, но вполне себе симпатичный. Для меня, так вообще, наверное, Бред Питт.

— Пардон, конечно, — кинув на меня короткий, брезгливый взгляд, кипящим от гнева голосом, начал он, — но тебя блин ещё долго ждать? — это уже было к Андрею. — Сашка уже и тот появился, они с Ириской знакомиться укатили, — на последних словах, губы парня вытянулись в кривой ухмылке. — Мы с ребятами в 'Эрмитаж' собрались, ты с нами?

— Конечно с вами. Иди. Я сейчас догоню.

Ухмыльнувшись, парень ещё раз проехался по мне брезгливым взглядом, и резко развернувшись, довольно быстрым шагом отправился к переходу на другую полосу.

— Извини, сегодня погулять не получится, — повернувшись ко мне, виновато сказал Андрей.

— Я понимаю, — как можно спокойней ответила я. И я на самом деле всё понимала. Он, ведь мог, но не позвал меня отдыхать со своими друзьями. И дело, наверное, вовсе не в том, что Андрей не захотел меня с ними знакомить, вероятнее всего он просто постеснялся. У них богатенькая компания, мне там, кроме как развлекать их своим внешним видом, делать нечего. И Андрей это понимал. Вон как резко отдёргнул руку.

— Дай, мне свой телефон, — недовольно поморщившись, настойчиво попросил Андрей.

Хмыкнув, я продиктовала ему свой номер, совершенно отчётливо понимая, что он никогда не позвонит. Довольно сухо попрощавшись, Андрей, заверил меня в обратном.

Вот так и прошла наша с ним первая встреча. Она была совершенно случайной, но ничего необычного в ней не было. Разве мало парней знакомятся с девушками на улице, а потом берут у них номер сотового? Пару раз такое было и со мной. Чаще всего я просто проходила мимо. А, когда парень мне нравился, оставляла свой телефончик. Но, никто никогда не перезванивал. Нельзя было сказать, что я горевала по этому поводу. Не звонит и чёрт с ним. Мне же меньше проблем. Но в этот раз... с одной стороны, я была уверена, что Андрей не перезвонит, и весь свой выпускной вечер, грызла себя убеждениями, что это и к лучшему. А вот с другой... непонятное мне предчувствие, не покидавшее меня с самого утра, почему-то твердило, что всё не закончится так просто. Что у этого знакомства будет продолжение. Тогда, я, конечно, не знала, каким оно будет, и чего мне будет стоить, но была абсолютно искренне уверена, что если Андрей мне перезвонит, у нас может... может, что-то получится. Одним словом, витала в облаках о сказке о золушке.

И он перезвонил мне. На следующее же утро, разбудил меня телефонным звонком, с очень необычным и довольно спонтанным предложением. Отказаться от которого, у меня тогда сил не было.

Расчесать утром слипшиеся за ночь волосы — непосильная мука для каждой девушки. Закусив нижнюю губу, я старалась не обращать внимания на боль, и продолжала 'наяривать' непослушные пряди волос, расчёской. Создалось даже такое впечатление, что я обмазала их вареньем или мёдом. Правда, сейчас, первый раз в жизни, я пожалела, что волосы у меня жиденькие, и доходят только до плеч...Почему-то сильно захотелось, чтобы они были густыми, шелковистыми, и сплетаясь в тугую косы, доходили бы мне до поясницы...

— Дура ты Ксюха! — влетев в комнату, и прервав повисшую в ней тишину, звонко 'обласкала' Катерина. — Вот чего вчера заупрямилась? Такое шоу пропустила!

— Что Демидов опять танец маленьких утят в женском платье танцевал? — не сдержав ироничной улыбки, хмыкнула я.

— Ну и без этого тоже не обошлось. А вообще, Стоцкий нашей Ольке предложение сделал!

Расчёска, занесённая над головой, для свершения очередного подвига, с грохотом, рухнула на пол. Ошарашено уставившись на Катю, я не смогла сдержаться, и прибила челюсть к полу.

— Что прям на выпускном?

— Ага, когда гуляли по набережной! — подняв мою расчёску и положив её на тумбу между нашими с ней кроватями, так громко, что аж слух резануло, ответила Катя. — А знаешь, что она ответила?

— Согласилась?

— Именно! Да ещё и разревелась при всех! Ду-ра! — по слогам проговорила Лебедева развалившись на своей кровати.

— Почему это дура? Оля его любит! — продолжив муку со слипшимися волосами, я выдвинула весомый довод в защиту одноклассницы.

— Ой, я тебя умоляю! Сегодня любит, завтра разлюбит! Жизнь штука такая, в ней ни в чём нельзя быть уверенной! Вот нахер им жениться в восемнадцать лет?

— Слушай, если хотят, пусть женятся! Тебе-то какое дело?

— Мне лично никакого, просто Ольку жалко! Красивая деваха, перспективная, а жизнь в яму спускает!

— Что значит перспективная? — покончив с волосами и отложив расчёску на свою полку в тумбе, осведомилась я.

— А то и значит! Могла бы себе какого-нибудь достойного мужика найти, при деньгах. А она молодость на эту дрань спускает!

— Ну, знаешь, мы с тобой вроде как тоже дрань!

— Эй, ты меня с собой не сравнивай, лады? Я девушка видная, всё при мне как говорится. Вот скоро выберусь из этого дерьмища, найду себе богатого папика, и укачу с ним в загранку! А тебе бы я советовала налечь на учёбу. С твоими-то внешними данными, это единственный шанс, хоть как-то в люди выбиться!

Могу ли я сказать, что обиделась или рассердилась на Катю после этих слов? Нет. Я знала эту девушку, уже пять лет, и давно привыкла к её манерам разговаривать. Она всегда говорит то, что думает. Может это правильно, а может и нет, но вот такой вот, она человек. Да я и сама прекрасно знаю, что Лебедева права. Чего на правду-то обижаться? Тем более, когда она сказана не со зла, и не для того, чтобы задеть, а просто, как констатация факта.

Катя попала к нам в детдом пять лет назад, ей тогда, двенадцать было. И это плохо... тяжело в переходном возрасте быть всеми брошенной. Вот я, например, здесь с рождения кантуюсь, уже ко всему привыкшая, а ей тяжело было, очень тяжело...

Катин отец бросил её маму ради молоденькой секретарши. Дело-то собственно обычное, только вот уйдя от своей жены, он прервал и всякую связь с дочерью. Просто вычеркнул её из своей жизни, будто её совсем и нет. Мама Кати, института не закончила, осталась совсем одна с дочкой-подростком, без средств на существование. Алименты — не выход. Папаша её сразу пригрозил, подаст на алименты, лишит родительских прав. Дальше Катя о своей маме ничего не рассказывала, больно ей было, вот мы никогда и не пытались выпытать подробность. Знали только, что она умерла, а Катю в детдом определили.

Сначала она ни с кем тут не ладила. Огрызалась, бросалась на всех, не хотела мириться, что осталась совсем одна. А в детдоме такие штучки быстро пресекли. Никто её истерик терпеть не собирался. Устроили как-то тёмную, а после и пригрозили, что если не угомонится, 'индификацию' проведут, иными словами по пацанским койкам пустят. Вот тут Лебедева и притихла. Нет, свою точку зрения отстаивать не перестала, за что её, кстати, и уважали и не трогали, но закидоны прекратила. Правда, друзьями, как и я не обзавелась, но общалась с ребятами спокойно... Учиться начала, хотела после окончания школы на программиста пойти, пока не случился очередной удар в её жизни. Изнасиловали её. Шпана из соседнего дома. Тут у нас все пацаны с детдома поднялись. За своих всегда убить могли. Порезали они там всех, только Катьку этим к нормальной жизни не вернули. В любовь окончательно верить перестала. Учёбу забросила. Единственная цель и мечта, к которой она стремилась — богатая жизнь. Хотела выйти замуж за 'папика', как она говорит, чтоб старше её лет на двадцать, а то и больше был. Не по любви, конечно. В неё она больше не верила. Обмен и только. Он ей деньги, она ему тело.

Осуждала ли я её? Нет. Я вообще придерживаюсь очень хорошей фразы 'Не суди. Да не судим будешь'.

— Ты в очередь на хату уже встала? — выдернула меня из моих размышлений Лебедева, увлечённая, накрашиванием своих губ.

— Нет, мне восемнадцати-то ещё нет. А ты? — этот вопрос в принципе можно было и не задавать.

Отбросив помаду в сторону, Катя посмотрела на меня как на умалишённую.

— Я чё дура в коммуналках ныкаться? Нет уж, спасибо, итак в этом гадюшнике своё отжила!

Уставившись на одноклассницу, я первый раз в жизни позавидовала ей. Она красивая, очень красивая. Натуральная от природы блондинка, с длинными как у Рапунцель, густыми волосами, вьющимися локонами. Глаза не голубые, а бирюзовые, как Карибское море. Кожа, словно только что из солярия вышла. Фигура, нет, это не фигура... это настоящее произведение искусства! Длинные, стройные, сильные ноги, идеальный пресс 'кубиками', тонкая талия, грудь четвертого размера, при этом очень упругая, тонкая шея, аккуратный носик, и как уж говорилось, восхитительные глазки. Да с такой внешностью, думаю, в невестах она долго не засидится!

— Эй, Толмачёва, ты чё притихла? — ткнув меня в бок, хмыкнула Лебедева.

— Кать, скажи, а ты... ну ты... — нервно теребя в руках краешки простыни, я замялась, опустив взгляд в пол, и не зная, как продолжить.

— Как я так охиренно выгляжу? — закончила за меня Катя, игриво улыбнувшись.

— А как ты догадалась?

— Действительно, как я догадалась? Уже минут пять, как замороженная меня разглядываешь! Личико у меня от природы красивое. А вот над телом поработала! Тебе бы, кстати, тоже не помешало спортом заняться!

— Я толстая, да? — первый раз я боялась услышать ответ на свой вопрос.

— Ну, не толстая, скорее полноватая. Тебе бы килограмм пять согнать, чуток подкачаться, и всё в ажуре! — обведя меня оценивающим взглядом, слегка удивлённо ответила Катя, видимо тоже не ожидавшая такого вопроса. — А ты чего спрашиваешь-то? С каких пор тебя стала волновать твоя внешность? — переползя ко мне на кровать, Лебедева цепко ухватила меня пальцами за подбородок, и подняла мою покрасневшую мордочку кверху, заставляя посмотреть ей прямо в глаза. — Толмачёва, никак влюбилась?!

— Кать, да я не...нет, я просто так спросила...

— Влюбилась! И когда успела-то? — присвистнула Катерина, довольно уставившись на меня.

— Я же сказала, что просто так спросила! — упорно продолжала твердить своё, понимая, что мне собственно ни чёрта не верят.

— Кто он? Богатый, красивый, молодой, или как я люблю, постарше? Когда и как вы познакомились? Он обратил на тебя внимание? На свидание звали уже? — на одном дыхании протороторила Катерина. И тут я совершенно точно поняла. Лучше сдаться, пока эта щебеталка не растрепала всем в округе, что мне понравился парень.

— Ну, не то, чтобы на свидание...

— Опаньки, опаньки! Какие страсти, а я и не в курсе! Кто он?

— Андрей, но ты его не знаешь...

— Да плевать мне как его зовут! Богатый или как наш Стоцкий?

— Кать, знаешь до какого мне фанаря сколько у него денег?

— Тебе, да, а мне нет. Ну, просто ответить!

— Ну, я не знаю...одет красиво, машина у него вроде хорошая...

— Конкретней, какая машина?! — задыхаясь, пропищала Катрин.

— Ну, иномарка серебристая, какой компании не знаю, — недовольно ответила я, жалея, что вообще завела этот разговор.

— Иномарка это хорошо....Нет, ну ты Толмачёва даёшь! Ты когда с ним познакомилась-то?

— Вчера.

— Вчера? Это когда на выпускной не пошла?

— Да.

— Блин! Надо было мне на этот гадюшник не идти, а с тобой прогуляться!

— Брось, он не в твоём вкусе. Он молодой, — расхохоталась я.

— Ой, да ладно тебе, папик-то у него наверняка имеется, — отмахнулась Лебедева, поудобней устроившись на моей постели.

— А, если он женат?

— Кто папик, или твой Андрюшка? — ехидно ухмыльнулась Катя, чем, чуть не вывела меня из себя. — А вообще знаешь, начхать я на его жену хотела, даже если она и имеется! Мне главное, что? Чтобы меня содержал! А есть у него жена или нет, мне как-то фиолетово...женатый, даже, наверное, и лучше! Относиться ко мне будет бережней, да и приезжать много не будет!

— Да, вот это планы на жизнь...

— Ну, у меня они хотя бы есть. Ладно, ты лучше скажи, куда он тебя пригласил? В ресторан какой? Или пожмотился, и по парку прогуляться позвал?

— Я смотрю, ты всё в деньгах измеряешь.

Встав с кровати, я подошла к шкафу и вывалила из него все свои вещи. Окинув их беглым взглядом, я в который раз убедилась, что ничего подходящего у меня нет. И как бы я не хотела, а помощь придётся просить у Лебедевой.

— Что, нечего надеть? — хмыкнула она, безглаголиво окинув взглядом весь мой скудный гардероб.

— Нечего, — нехотя согласилась я, смотря на неё щенячьими глазами.

— Ладно, я помогу со шмотками, но сначала, ты мне скажешь, куда вы идёте, — подойдя к шкафу, и вторив моим действиям, скинув на кровать всё содержимое своих полок, выдвинула ультиматум Катя.

— В клуб, — плюхнувшись в кресло, и поджав под себя ноги, обречённо ответила я. — Только мы там не одни будем. Он меня с собой позвал на день рождения своего друга.

— Вы только вчера познакомились, а он тебя на днюху к другу зовёт? — да, уж, знала бы Катя, как я удивилась, получив такое предложение. — А в какой клуб-то идёте?

— В 'Мармарис', — чёрт, нужно было сначала уши заткнуть, а потом уже отвечать. От такого дикого визга восторга и оглохнуть недолго.

— Чёрт, пацана ты подцепила, что надо... — мне показалось или первый раз за всё, то время, что я знаю Катю, я слышу в её голосе нотки зависти? — Так, вот, что мы сейчас будем делать Толмачёва. Я тебя принаряжу. Применю все свои стилистские таланты, чтобы сделать из тебя, девчонку, более-менее симпатичную. А ты меня за это возмёшь с собой. Согласна?

— Ну, я не знаю, а что...

— Слушай, ты, что реально не догоняешь? Это же мой билет в жизнь! Ты хотя бы знаешь, сколько стоит проходной билет в тот клуб, в который тебя пригласили? Тем более, я тебе мешать не буду. Прибьюсь к какому-нибудь мужику, а ты делай что хочешь. Идёт?

Если бы я тогда знала, чем мне обернётся такая сделка, я бы выдавила решительное "нет". Но мне было семнадцать лет...и я первый раз встретила парня, к которому меня дико тянуло. Сейчас я знаю, что это была не любовь, это было, кое-что намного хуже. Болезнь, безумная болезнь, действующая хуже, чем наркотик. И с каждым днём она прогрессировала всё сильнее, поглощая меня в бездну, выбраться из которой, мне стояло колоссальных усилий....

— Ну, ладно, если ты так хочешь.

— Чёрт, Настька мне свой коктейль на брюки пролила! — залпом осушив рюмку водки, заплетающимся голосом, ругнулся Стас. — Твою мать, ну где она? Ты точно, её позвал?

— Позвал, — небрежно, отмахнулся Андрей, выискивая взглядом в танцующей толпе, знакомую фигуру.

— А охрану предупредил? А то, такой экземпляр, просто так не пуст...не пустят! — опрокинув в себе очередную стопку водки, прерывисто пробормотал Стас.

— Предупредил, — не прерывая своих поисков, на автомате ответил Андрей. Сейчас парень испытывал смешанные чувства. Ему почему-то сильно хотелось увидеть сероглазку, и даже извиниться, за вчерашнее резкое поведение, но вместе с этим, он не желал, чтобы она приходила.

— Чего уже жалеешь о споре? — усмехнулся Кривицин, заметив нахмуренное лицо друга.

— Тебе-то какое дело?

— Как какое? Мы на бабки проспорили знаешь ли!

— Я помню. И не волнуйся, я не дам, тебе шанса, их заполучить.

— Ну-ну, я бы на твоём месте, лучше с парой тышчонкой зелёных распрощался, чем с таким пугалом...

— Заткнись! — резко обернувшись лицом к Стасу, жёстко рявкунл Андрей.

— Ладно-ладно, — подняв руки в примирительном жесте, спокойно отозвался Кривицин, устремив взгляд к входу в VIP-зону. — А вот кажись и твоя...блин, она, по-моему, с подружкой!

Проследив глазами за взглядом друга, Андрей еле сдержал восхищённый вздох. Оксана сегодня выглядела совсем иначе. Чёрное платье на бретельках, с блестящей пошивкой на груди, не только очень шло девушке к лицу, но и скрывало недостатки её фигуры. А лёгкий макияж, делал черты лица более мягкими, и нежными. Но гораздо большее восхищение у Андрея вызывала не преобразившаяся Оксана, а девушка, идущая рядом с ней....Вот она была красавицей! Просто потрясающая девушка, ослепляющая весь клуб своей невообразимой красотой!

Белокурые локоны, свисающие на плечи, были уложены в красивую причёску в виде цветочка, и закреплены блестящими заколочками-розочками, отделанными из недорогих камней. Нежно-розовое платье без бретелек, доходившее девушке до середины колен, замечательно подчёркивало изгибы её совершенного тела. Чёрный пояс, стягивал и без того, тонюсенькую талию. Неглубокое декольте, открывало вид на полную, часто вздымающуюся от прерывистого дыхания грудь. Кожа несравненной незнакомки была смуглого оттенка. Хрупкие, изящные плечи и нежная, тонкая шейка, не были скрыты тканью одежды. Пухлые, чувственные губы, подведённые едва заметным розоватым блеском, несомненно, притягивали взгляды многих мужчин. А глаза...разве могут быть на свете более прекрасные глаза? Взгляд бездонно-бирюзовых глаз, прошёлся оценивающе, по обоим парням и лишь на долю секунды остановился на Андрее, от чего по телу парня прошла неожиданная, и совсем необычная для него волна дрожи.

— Привет, меня Катя зовут, я подруга Ксюшки. Надеюсь, никто не против, что я с ней за компанию пришла? — томный бархатистый голос, заставил обоих парней едва ощутимо вздрогнуть. Казалось бы, даже громкая музыка, не могла скрыть его мелодичного звучания.

— Нет, — одновременно ответили парни.

Встав из-за стола, Стас помог девушке занять место за столиком, украдкой кинув гневный взгляд на друга, молчаливо призывая его к тем же действиям. Подавив в себе внезапно вспыхнувшее недовольство, Андрей ленивой походкой подошёл к Оксане, и помог ей занять место за столиком как раз возле себя.

— Ну, давайте знакомиться. Я уже представилась, хотелось бы и ваши имена узнать! — перебив громкую музыку, весело произнесла Катя, не сводя взгляда с усевшегося практически вплотную к ней Стаса. И это так внезапно сильно разозлило Андрея, что он

едва ли сдержался от грубости в адрес друга.

— Стас, — довольный как кот, только что получивший миску сметаны, протянул парень, и не став особо стесняться, поцеловал девушку в щёку, на несколько секунд задержавшись губами на её смуглой коже.

— Андрей, — украдкой вдохнув в грудь побольше воздуха, сквозь стиснутые зубы прошипел парень.

— Очень приятно! Ну, а где у нас именинник? Мы с Ксаной, ему полтора часа подарок выбирали! — достав из сумочки небольшую, обернутую в ярко-красную праздничную фольгу коробочку, Катя, как бы в подтверждение своим словам, подмигнула сжавшийся в 'ёжик' подруге. И в ту же секунду, Андрей почувствовал как под столиком, нога Стаса, болезненно сдавила его ступню.

Нехотя парень повернулся к нервно теребящей краешки платья девушке. Своей девушке (по крайней мере на ближайшее время). Заметив лёгкий румянец на пухленьких щёчках, губы Андрея непроизвольно растянулись в едва заметной улыбке. И нельзя было сказать, что она фальшивая. Даже несмотря на то, что Оксана не была настолько красива как её подруга, девушка чем-то притягивала его. Возможно своей чрезмерной смущенностью в его присутствии. Или ласковым голосом...а возможно и своей незаурядной внешностью. Но определённо, какие-то нежные чувства он к ней испытывал.

— Ты, выбирала подарок? — сильно склонив голову, Андрей практически дотронулся губами до мочки её уха. И нельзя было сказать, что лёгкая волна дрожи, пробежавшая по всему его телу, не порадовала парня. Если он так реагирует на одно невинное прикосновение к её коже, то переспать с ней, наверняка, будет очень приятно. Возможно даже совсем и не хуже, чем с красивыми девушками вроде её подруги...А если Оксана сильно ему понравится, то кто знает, может у них даже что-то и получится...

— Ну, мы с Катей вместе по магазинам ходили... — дрожащим от волнения голосом, практически беззвучно прошептала Оксана, видимо надеющаяся, что Андрей её вообще не услышит. Но вопреки её ожиданиям, парень ещё ближе придвинулся к ней, практически зарывшись лицом в её волосы. Теперь всё его внимание было сосредоточенно не на флиртующей с его другом Катерине, а на покрасневшей с ног до головы, дрожащей при ощущении его близости сероглазке.

— Вчера ты так и не ответила на мой вопрос...Сколько дашь по сто бальной шкале? — не став жалеть девушку, Андрей ещё ближе придвинулся к ней, легонько касаясь губами её макушки.

— А вы...вы так и не сказали, кто именинник? Подарок же надо вручить, — отодвинувшись от него, ловко выкрутилась Оксана.

Хрипловато рассмеявшись, Андрей, решив пока не давить так сильно на девушку, вальяжно развалился на кожаном кресле, давая ей небольшую передышку от ощущения его близости. Скосив взгляд в сторону тесно прижимающего к себе Катерину Стаса, Андрей невольно почувствовал отвращения к ним обоим. Секундное восхищение этой девушкой прошло, и теперь она казалась ему такой же обычной, как и все девчонки, с которыми он привык иметь дело. Красивая? Это да, и даже очень сильно. Весёлая? Пожалуй. Но ведь никто не даёт гарантию, что она ведёт себя с ними искренне. Зато вот судя по тому, как она довольно улыбается уже откровенно лапающему её Стасу, и теснее жмётся к нему, легкодоступна она, как и любая девчонка в этом клубе...хотя нет. Не любая.

— Стас, — перегнувшись через стол, Андрей сильно ударил друга в плечо, пытаясь тем

самым оторвать от выбранной им 'жертвы' на сегодняшний вечер. — Может, вы с Катей сходите к Славке и вручите ему подарок, пока он с Алёнкой к себе не укатил?

Андрею честно было плевать, получит его друг подарок или нет, просто хотелось как можно скорее от этих двоих отделаться, и остаться наедине с Оксаной.

— Намёк понят! — встав из-за стола и притянув к себе повисшую у него на шее девушку, Стас многозначительно подмигнул Андрею, и криво улыбнулся вжавшейся в кресло Оксане. — Скоро нас не дожидайтесь! — без стеснения положив ладонь на попку своей спутницы, Стас смачно поцеловал её в губы, и потащил к танц. полу.

Дождавшись пока ненасытная друг другом парочка скроется из виду, Андрей не в силах сдержать лёгкой улыбки повернулся к своей ещё более смутившейся сероглазке.

— Ну что, может, наконец, познакомимся, поближе?

— Ну что, может, наконец, познакомимся, поближе? — скосив голову набок и игриво улыбнувшись, ухмыльнулся Андрей.

Как я не пыталась скрыть лёгкое удивление вперемешку с поглотившим меня смущением, моё состояние выдало меня с лихвой. К алым щекам кровь хлынула с новой силой. В ледяном взгляде серых глаз вдруг заиграли чёртики. Дыхание участилось, а сердце забилося в таком бешеном ритме, что, казалось бы, ещё не много и оно просто проломит грудную клетку. Хорошо, что хоть предательски дрожащие руки удалось спрятать под стеклянной поверхностью стола.

— Давай, — одними губами вымолвила я, не в силах оторвать взгляда от горящих, тигровых глаз. — Где ты учишься?

Да, наверное, это был глупый вопрос, потому как стоило мне его задать, чувственные губы Андрея растянулись в кривой усмешке. Он скорее всего сразу хотел услышать реверансы своей внешности, но если вчера я под тусклыми отблесками вечерних фонарей утопала в зелёной бездне его глаз, то сейчас, когда атмосферу клуба окутал лёгкий полумрак, я могла хоть немножечко оградить себя от магнитного притяжение, излучающего от него.

— Уже нигде. Я окончил институт в этом году, — пригубив из поднесённого к губам бокала янтарную жидкость, флегматично ответил Андрей. — А, у тебя, если я не ошибаюсь, вчера выпускной был?

— Да, — моментально ответила я, в желании поскорее перевести тему. Не хотелось повествовать о своей жизни. — А, на какого ты учился?

На долю секунды в его взгляде промелькнуло удивление, а чувственные губы, слегка приоткрылись. Поставив почти нетронутый бокал на столик, Андрей чуть ближе придвинулся ко мне, положив руку на подлокотник кресла, и сократив расстояние между нашими лицами всего в пару сантиметров.

Почувствовав его горячее дыхание так близко к своим губам, я нервно сглотнула образовавшийся в горле комок и неосознанным движением провела влажным язычком по нижней губе. Довольно ухмыльнувшись, Андрей протянул руку к моему лицу, слегка проведя ладонью по коже щеки и бережно заправив выбившуюся прядь волос за ухо. Его невесомое прикосновение оставило невидимый ожог на моей коже. Неимоверным усилием воли заставив себя сомкнуть пересохшие губы, я нервно, словно от огня, дёрнулась от него назад.

— Интересная у тебя всё-таки реакция на мои прикосновения, — задумчиво произнёс Андрей, приложив палец к нижней губе, не сводя с меня заинтересованного взгляда. — Хочешь перевести тему, да?

— Не очень хочу говорить сегодня о себе, — сжав ладони в кулаки и зажмурившись до звёздочек в глазах, хрипловато ответила я, устремив взгляд на свои колени.

Почему-то в этот момент мне показалось, что чёрное, без бретелек платье, отделанное блестящей вышивкой на груди, одолженной у Лебедевой, слишком не подходящей для меня длины, и практически не скрывает мои 'выдающиеся' ножки. А уж о вырезе на груди и говорить не стоит... Нет, однозначно не нужно было его одевать, кому-кому, а уж мне такие вещи, наверняка, не идут.

— Но я хочу с тобой поближе познакомиться.

Вроде бы эта была абсолютно нормальная, и вполне уместная в такой ситуации фраза, но то, с какой интонацией он её произнёс, заставило моё глупое сердечко робко застучать внутри меня, просясь выпустить его наружу и воспарить высоко к облакам.

— Так ты не ответил, на кого ты учился? — до боли закусив нижнюю губу, слишком тихо (сомневаюсь даже, что под грохочущую музыку он расслышал меня до конца) прошептала я, вновь попытавшись поскорее перевести тему.

— На банкира, — нахмурившись, буркнул Андрей.

— Говоришь так, будто тебе это не по душе.

Удивлённо вскинув брови, Андрей несколько долгих секунд в задумчивости не сводил с меня взгляда.

— Ну почему же, я осознанно подходил к выбору вуза и будущей профессии, — откинувшись на спинку кресла, задумчиво протянул он. — Меня только не привлекает перспектива возглавлять отдел кредитования, инвестиций, юридический, или ещё-какой либо в банке моего отца.

Мне показалось или в его взгляде промелькнула доля настороженности?

Поёжившись в кресле, я почувствовала себя крайне неудобно, будто подслушала чью-то важную тайну.

— Твой отец банкир? — вопрос помимо воли слетел с моих губ.

Лицо Андрея вмиг нахмурилось, брови сдвинулись, а губы плотно сжались. В океаническом взгляде морского бриза изумрудных глаз проскользнули циничные нотки.

— Да, — небрежно рявкнул Андрей.

— Эм, ну если ты не хочешь работать на него, почему бы тебе не открыть собственное дело? — осторожно произнесла я, всё ещё неуверенно ёрзая на кресле.

Льдинки в его циничном взгляде растаяли в несколько секунд, а на смену им пришли ничем не скрытые нотки удивления.

— Знаешь, я так и планирую, — смягчившись, с нарастающим энтузиазмом в голосе, вымолвил Андрей. — А, ведь, ты первая, кто мне это предложил.

Теперь уже пришла моя очередь удивлённо коситься в его сторону.

— Друзья, считают глупым тратить кучу сил, времени и денег на новое дело, которое ещё не известно, выгорит ли или нет, если можно пристроиться уже на хорошо проверенном, уютном местечке, — криво улыбнувшись, хмыкнул Андрей.

— А твой отец?

— Отец? — едва ли не поперхнувшись виски, удивлённо переспросил он.

— Ну, что твой отец думает по этому поводу? Он одобряет твоё стремление всего

достичь самому?

На несколько долгих минут между нами повисла тишина, нарушаемая лишь энергичными мелодиями, меняющихся с необыкновенной быстротой, песен. Устремив полный задумчивости взгляд куда-то в пустоту, Андрей словно обдумывал мой вопрос, по всей видимости, уже побудивший его к каким-то действиям.

— Отца я редко вижу...он сейчас живёт в Швейцарии. И, да, я никогда не говорил ему о своих намерениях, и по сему не могу знать его мнение по этому вопросу.

— У вас не очень доверительные отношения?

На меня так апельсиновый сок подействовал или непривычная атмосфера? Какой чёрт меня заносит на такие вопросы?

— С чего ты взяла? — изумлённо уставившись на меня, с искренним не пониманием спросил Андрей.

— Ну, ты не советуешься с ним... — нервно скомкав в ладонях ткань платья, неуклюже предположила я.

— И откуда тебе это знать? Если я не интересуюсь его мнением по каждому наболевшему мне вопросу, это вовсе не значит, что у нас холодные отношения. В конце концов, есть просто обстоятельства, которые не позволяют нам проводить много времени вместе, — нахмурившись, недовольно огрызнулся Андрей, залпом осушив свой бокал с виски.

В этот момент, что-то в его словах показалось мне неискренним, но допытываться и совать свой нос возможно в слишком личные ему дела, означало превратить эту встречу в последнюю. Хотя я тогда и без того была уверена, что больше видаться мы не будем.

— Извини, — потупи взгляд в пол, виновато произнесла я.

Внезапно я почувствовала его обжигающее дыхание на своей шее. Длинные, мозолистые пальцы вцепились мне в подбородок и приподняли моё лицо кверху, заставляя посмотреть в его хищный взгляд тигровых глаз. Обхватив ладонью меня за затылок, Андрей проложил подушечками пальцев невидимую дорожку по моей щеке, и подцепив нижнюю губы, чуть оттянул её.

На долю секунды я забыла, как надо дышать. Он был так близко...его тигровые глаза блуждали по мне хищным взглядом. А губы...такие чувственные, пухлые губы, были всего в нескольких сантиметрах от моих...

Внезапно, Андрей сократил расстояние между ними до минимума, резко подавшись вперёд, и крепче ухватив меня за затылок, с силой рванув на себя.

— Не помешали? — ядовито фыркнул неожиданно появившийся Стас.

Плюхнувшись на своё кресло, он усадил к себе на колени изрядно подвыпившую Катерину, по-хозяйски положив одну руку на оголённую коленку девушки, второй ближе притянув её к себе за талию.

Нельзя было сказать, что я удивилась такому поведению бывшей одноклассницы и по совместительству соседке по комнате. Она всегда ввела себя с парнями очень раскрепощёно, даже если и знала их совсем ничего. Правда вот пьяная Лебедева, сидящая на коленях у циничного, богатенького мажора (а именно такое впечатление произвёл на меня Стас) и позволяющая ему откровенно себя лапать, была для меня как новая картина. Одно дело, когда она развлекалась с нашими, по её мнению 'бесперспективными' парнями — с ними-то она не планировала каких-либо серьёзных отношений — другое, когда она ввела себя так распутно с возлагающим большие надежды на безбедное будущее парнем, не из золотой, а

скорее даже из брильянтовой молодёжи. Насколько мне помнится, перед людьми из высшего света она всегда хотела выглядеть достойно. Хотя, сомневаюсь, конечно, что она имеет какие-то планы на этого Стаса. Да, он, по всей видимости, парень очень обеспеченный, только вот, к сожалению, или, наоборот, к его же счастью, он никак не соответствует Катькиным вкусам. Слишком молодой. А это, если верить её теории 'о построении счастливой, а главное безбедной жизни', означает, что и не нагулявшийся.

— Помешали, — зло рявкнул Андрей.

Убрав руку с моего затылка, он обвил мою талию и чуть ближе притянул к себе. Щёки вмиг побагровели. Одно дело, когда мы наедине, а другое, когда за нами наблюдает его друг, да ещё при этом насмешливо улыбается. Не знаю почему, но с каждой секундой этот Стас начинал мне нравиться всё меньше и меньше.

— О'кей, понял, не дурак. Мы собственно с Катюшей пришли сказать, что решили продолжить наше знакомство в более уединённом месте, — хищно пройдясь взглядом по буквально растёкшейся у него на коленях девушке, язвительно усмехнулся Стас. — Вы, кстати не хотите с нами? Квартира-то у меня большая, всем место хватит, — коротко пробежавшись по мне небрежным взглядом, судя по его лукавой улыбке, на полном серьёзе предложил он.

Остатки хорошего настроения в секунду покинули меня. Если я не ошибаюсь, меня только что сравнили... с Катей.

— Тебя проводить до выхода или сам вспомнишь, где он? — крепко сжав в руке мою ладонь, холодным, скорее даже ледяным голосом произнёс Андрей.

Его убийственный взгляд, направленный на друга, и в считанные секунды напрягшееся тело, одновременно и смутили меня и вознесли с бесконечным счастьем до небес.

— Ладно-ладно, — в примирительном жесте подняв ладони вверх, хмыкнул Стас. — Уже удаляемся, — встав из-за столика, он притянул к себе повисшую у него на шее Катю и без стеснения смял ладонью ягодицу девушки. — Кстати, Олегу очень понравился подарок. У тебя хороший вкус крошка, — смачно чмокнув, растёкшуюся в довольной улыбке Катю в губы, притворно-ласково произнёс Стас. Обхватив за талию свою сегодняшнюю спутницу на этот вечер, и как я поняла ещё и ночь, парень украдкой кинул на безразлично наблюдающего за всей этой картиной Андрея, многозначительный взгляд, и двусмысленно улыбнулся ему. Я же была 'награждена' звериным оскалом, от которого мне стало не по себе.

— Не обращай внимания на Кривого, его иногда заносит. А особенно уж после того как выпьет... — не отпуская моей ладони, виновато улыбнулся Андрей, когда Стас вместе с Катей скрылись из нашего поля зрения. И благодаря этой короткой улыбке, я первый раз не только поняла, но и прочувствовала на себе весь смысл выражения 'словно, бабочки в животе запорхали'.

— Почему Кривого?

— Да, фамилия у него Кривицин, — на автомате ответил Андрей, чуть крепче сжав мою ладонь. — Так на чём мы остановились? — одними губами прошептал он, резко дёрнувшись вперёд.

Почувствовав его дыхание так близко к своим губам, у меня помутнело в глазах. Положив обе руки на спинку моего кресла по обеим сторонам от меня, Андрей впился в мои дрожащие то ли от страха, то ли от необъятного желания губы прожигающим взглядом. В его хищных глазах смешался целый калейдоскоп чувств: насмешка, азарт, откровенность, желание. Его хриплое учащённое дыхание, заставляло биться моё сердце с перебоями. Я

смотрела в его дьявольские глаза и молча, молила о прекращении пытки. Правда, сама толком не понимала, действительно ли мне хочется, что бы он её прекратил, или я до безумия желаю продолжения...? Андрей решил всё за нас двоих. Проведя кончиком пальца вдоль моей щеки, он едва заметно улыбнулся, услышав мой несдержанный прерывистой вздох, и резко отпрянул от меня. Вальяжно развалившись на своём кресле, он поднёс к губам свой бокал и отпил янтарную жидкость. Повернувшись ко мне, он нескольких долгих секунд буравил меня странным взглядом. Удивительно, но в нём не было насмешки, хотя посмеяться-то было над чем...Едва знакомая ему девчонка в парализованном состоянии сидит напротив него и гипнотизирует его губы умоляющим взглядом. Сколько раз в день интересно ему приходится отшивать от себя таких дурочек?

— Оксана тебе не кажется, что мы в несколько неравных положениях? — плохо скрытый сарказм так и сочился с его чувственных губ.

О чём он?

— В каком смысле?

— Ну, ты, по-моему, уже достаточно узнала о моей жизни. А вот я кроме твоего имени, ещё ничего о тебе пока не знаю. Ну, разве что того, что тебе с первого взгляда могут понравиться высокие, красивые, зеленоглазые брюнеты, — вроде бы и усмешка добрая, а я всё равно готова провалиться со стыда сквозь землю. Ему, по всей видимости, просто нравится вгонять меня в краску.

— Ну, и чего бы тебе хотелось обо мне узнать? — как ни старалась держать голос ровным, дрожащих ноток скрыть не удалось. Улыбнувшись краешками губ, Андрей поставил на половину пустой бокал обратно на столик, и, оперившись руками о подлокотник кресла, склонился ближе ко мне.

Сердце уже успевшее вернуть себе привычный ритм, забило с бешеной скоростью где-то в области пяток.

— Начнём с твоего же порядка. На кого собираешься идти учиться?

— На архитектора-проектировщика, — нехотя ответила я, понимая, что в этот раз от темы не удастся отклониться.

Неподдельное удивление и заинтересованность в глазах Андрея с одной стороны меня немного и порадовали, а вот с другой слегка разозлили. Наверняка я произвела на него впечатление глуповатой, ветряной девчонки.

— Хм, интересно, — приложив палец к нижней губе, задумчиво пробормотал Андрей. — Хорошая профессия, правда, я думал, что ты пойдёшь, к примеру, на учителя.

— Учителя?

— Ну, да, русского и литературы. Тебе бы пошло, — уверенно произнёс он, не сводя с меня пристального взгляда.

— С чего ты так решил? — в искреннем непонимании спросила я, не зная, куда спрятаться от его хищных глаз. Скомкав в ладонях ткань платья, я вцепилась взглядом в свои коленки. Приглушённая громкой музыкой усмешка, слетевшая с его губ, заставила мои щёки вновь запылать.

— Ты всегда так смущаешься, или это я такой особенный? — резко подавшись вперёд, Андрей откинул закрывающую лицо прядь моих волос на бок и вцепился длинными мозолистыми пальцами в мой подбородок. Приподняв его кверху, он заставил меня посмотреть в его пламенные глаза, во взгляде которых уже не осталось ни капли усмешки.

'Да, ты ДЛЯ МЕНЯ особенный' — резко кольнуло в моей голове, когда он в едва

ощутимой ласке, провел подушечками пальцев по моему подбородку. Я забыла, как надо дышать, когда мой полный смущения и опаски взгляд столкнулся с его взглядом охваченным страстью и желанием.

— Ты не ответил на вопрос, — хрипло произнесла я не в силах пошевелиться и сдвинуться с места. Я как замороженная смотрела на его чуть приоткрытые губы и пыталась справиться с собственным оцепенением.

Внезапно громкая, оглушительная музыка (хотя раньше я это расценивала как звериный ор обезумевшего придурка) сменилась медленной, красивой мелодией.

— Нравится? — растянув губы в улыбке, насмешливо спросил Андрей, не убирая ладони с моего лица. Наоборот его пальцы коснулись нижней губы и слегка оттянули её вниз. Движение было крайне не дружеским и от него, где-то внизу живота образовалась спираль.

'Дура! Нашла о чём думать! Ты его совсем не знаешь!' — мысленно обругала себя, из последних сил стараясь отбросить дурные мысли и желания подальше от себя и сосредоточиться на его вопросе. Кажется, он спросил о мелодии...

— Да.

— Мне тоже. Ты не против потанцевать?

— С тобой? — всё ещё не до конца понимая смысл его слов, спросила я.

Хрипло рассмеявшись, Андрей окинул взглядом близ стоящие VIP- столики.

— Всех остальных принцев уже разобрали. Ну, так что? Потанцуешь со мной?

Поднявшись с кресла, он встал напротив меня, протянув мне руку и пройдясь по мне вопросительным взглядом.

Совладев, наконец, с собой, я приподнялась на чуть подрагивающих ногах и вложила свою внезапно вспотевшую руку в его большую, тёплую ладонь. От прикосновения к его коже по телу прошёл заряд электрического тока. И без того пустая голова откинула все мысли куда подальше и совершенно перестала соображать.

Мягко улыбнувшись, Андрей одной рукой крепче сжал мою ладонь, а второй обхватил меня за талию, осторожно притянув к себе.

Положив свободную ладонь на его грудь, я робко попыталась отстраниться, но он не дал мне этого сделать. Сильнее притянув мне к себе, Андрей не позволил отойти от себя даже на полшага. Выпустив из своей ладони мою, он накрыл ею, всё ещё подрагивающую у него на груди мою руку. Хриплое учащённое дыхание, наверное, стало слышно всем в VIP-зоне, когда я почувствовала под своей вспотевшей ладонью бешеный ритм его сердца.

— Пойдём.

Обхватив меня за талию, он легонько подтолкнул меня к танц. площадке. Вытянув меня в самый центр, Андрей обвил мои руки вокруг своей шеи, и, притянув меня к себе за талию, тесно прижал к своему крепкому телу. Уткнувшись лицом ему в плечо, я украдкой вдохнула в себя аромат его горько-сладкого одеколona. Тогда мне казалось, что это самый прекрасный запах на свете.

Теснее прижав меня к себе, он задвигался в такт медленной музыки, плавно ведя меня за собой. От такой близости его тела, ничего не соображающая голова, закружилась так, будто я выпила не полстаканчика сока, а целую бутылку виски. Бережно откинув волосы мне на спину, Андрей склонился лицом к моей шее, опаяя её горячим, прерывистым дыханием. У меня в висках громко застучало, и я почувствовала, что ещё немного, и я просто потеряю равновесие.

— Красивая музыка, правда?

Вцепившись ладонями в ворот его рубашки, я изо всех сил старалась передвигать негнувшиеся ноги в такт медленной мелодии.

— Да.

Продолжая придерживать меня за талию одной рукой, второй, Андрей начал подниматься вверх по спине, кончиками пальцев лаская покрывшуюся испаринами кожу сквозь тонкую ткань платья.

— Тебе она нравится?

От звука его голоса, по всему моему телу, от кончиков пальцев на ногах до самой макушки головы прошла волна крупной дрожи. Сердце, колотившееся с бешеной скоростью, то и дело грозило и вовсе проломить грудную клетку.

— Да. Очень красивая.

— Знаешь, я вообще редко слушаю такую музыку, и ещё реже под неё танцую, но танцевать с тобой под неё — восхитительно.

Огненный взгляд его горящих глаз впился в моё покрасневшее лицо. Сжав пальцы на моём затылке, он стал медленно склоняться к моим губам с явным намерением накрыть их своими. Миллионы мыслей в секунду овладели моим опьяневшим рассудком. Тяжелые веки опустились сами собой, а тело пробила настолько крупная волна дрожи, что ноги невольно подкосились и перестали удерживать меня в вертикальном положении.

— Что с тобой? Тебе плохо? — сквозь вату в ушах, я услышала его обеспокоенный голос. — Оксана, открой глаза!

С трудом выполнив его не просьбу, а скорее приказ, я сквозь непроходимый туман во взгляде столкнулась с его тигровыми, полными страха глазами.

— Что произошло? Как ты себя чувствуешь? — голос Андрея дрожал.

Вцепившись руками в его плечи, я попыталась справиться с дрожью во всём теле и только сейчас обнаружила, что и вовсе не стою на ногах.

— Ответь мне!

— Поставь меня, пожалуйста, на ноги, — хрипло прошептала я, уткнувшись лицом в его вспотевшую грудь. От аромата его горьковатого перемешанного с потом парфюма, голова закружилась ещё сильнее.

Ничего не ответив, Андрей теснее прижал меня к себе, направившись куда-то сквозь танцующую толпу. Только, когда мы очутились на улице, я, наконец, смогла вдохнуть в грудь порцию свежего воздуха и более-менее привести свои чувства в порядок.

— Как ты себя чувствуешь? Тебе лучше?

Подняв взгляд на всё ещё продолжающего держать мне в своих объятиях парня, я едва ли смогла сдержать смущённую улыбку. С одной стороны мне, конечно, было стыдно, за представление, которое я устроила, а с другой... Так, хорошо было прижиматься к его крепкой груди, прислушиваться к его бешено стучащему сердцу и ощущать на себе его сильные руки, что я бы, если того потребовалось, ещё несколько раз, грохнулась в обморок.

— Всё нормально. Просто голова закружилась.

— Может, воды?

— Нет не нужно. Поставь меня, пожалуйста, на ноги, — как бы я не хотела подольше побыть в его объятиях, повторить свою недавнюю просьбу, всё же пришлось.

— А, если ты снова упадёшь? Ты уверена, что всё нормально?

— Да. В клубе просто душно было, вот голова и закружилась. Сейчас уже всё нормально, — оправдание слабое, но он вроде бы в него поверил, ну или сделал вид, что

поверил. В любом случае на ноги опустил, правда, продолжал придерживать за талию.

— Наверное, в клуб возвращаться уже не стоит.

— Извини.

— За что?

— За, то, что вечер испортила. Ты ведь пришёл на день рождения к другу. Я его, кстати, так и не поздравила.

Нерешительно убрав его руки со своей талии, я опустилась на корточки, усевшись прямо на землю.

— Встань, не то простудишься, — голос был командным, не терпящим возражений. Не дождавшись от меня никаких действий, Андрей сам, вцепившись в мои плечи, поднял меня с земли. — Славку, кажется, твоя подруга поздравила, так что он вряд ли на тебя обиделся. А, вечер ты мне ничуть не испортила, наоборот так весело и свободно мне ещё ни с кем не было.

Ошарашено уставившись на него полным недоверия взглядом, я пыталась подловить в его повеселевшем лице хоть тень неискренности.

— А, что же было весёлого?

— Ну, как что? — наигранно удивившись, Андрей осторожно провёл ладонью по моей покрасневшей щеке, заправив растрепавшуюся прядь волос за ухо. — Не каждый день увидишь, как девушки подают в обморок от одних лишь моих прикосновений.

Краска стыда миг припала к моему лицу. Смущённо улыбнувшись, я только и смогла, что отвести взгляд от его светящихся глаз.

— Уже поздно. Мне надо найти Катю и идти домой.

— Знаешь, мне кажется, твоя подруга до утра уж точно не объявится, — почему-то игривая, мальчишеская улыбка после этих слов исчезла с его лица. — Скажи, а ты у родителей на всю ночь отпросилась?

Теперь и моя смущённая улыбка ушла в небытия.

— Всё нормально? Что, тебе срочно надо домой? — неправильно понял смену моего настроения Андрей.

— Нет, домой я могу вернуться, когда захочу.

— Ну, вот и замечательно! — его губы вновь растянулись в заразной улыбке. Приблизившись ко мне, он обхватил моё лицо ладонями, заставляя посмотреть в его хищно сверкающие глаза. — Тогда я тебя ещё немного помучаю!

Надо было видеть моё лицо после этих слов. Скрытая камера обзавидовалась бы. Кровь с новой силой хлынула к щекам. Губы в шоке приоткрылись. Глаза округлились, покруче, чем у Кота в сапогах.

И тут он засмеялся. Громко, от души. Не в силах сдержаться я подхватила этот поистине мальчишеский смех.

— Да, не бойся ты так. Не буду я тебя больше пытаться поцеловать, ну по крайней мере, если по близости не будет скорой помощи.

А вот теперь, как бы я не пыталась, скрыть разочарования во взгляде не смогла.

Ещё громче рассмеявшись, Андрей снял с себя чёрную, кожаную куртку и накинул её на мои плечи. От этого жеста в душе, сразу как-то потеплело.

— Пока не буду, — лукаво улыбаясь, добавил он, и я снова покраснела.

Взяв в свою руку мою холодную и чуть подрагивающую ладонь, Андрей потянул меня к себе, завернув за угол клуба.

— Итак, предлагаю тебе два варианта проведения сегодняшнего вечера. Первый — могу покатай тебя на машине по всем самым красивым местам нашего города. Второй — можем пройтись по ним пешочком. Тебе какой больше нравится?

Не выдержав его тёплого с едва заметной долей усмешки взгляда, я отвела глаза в сторону, мысленно пытаюсь сосредоточиться на вопросе. С одной стороны любоваться ночным городом из окна автомобиля, да ещё, скорее всего под какую-нибудь романтическую музыку — моя мечта. А вот с другой...идти рядом с ним по самым красивым местам города, держась за его руку — что может быть прекрасней? Да, и пешая прогулка займёт куда больше времени, чем катание на машине.

— А, тебе какой?

Хрипло рассмеявшись, Андрей взлохматил мои волосы своей огромной лапищей, вместе с этим, как бы невзначай погладив ей по щеке. Раскрасневшись ещё больше, я потупила взгляд в землю, закусив нижнюю губу. Господи, почему он постоянно заставляет меня краснеть?!

— Мне — второй!

Как я не пыталась, а сдержать смущённой улыбки не смогла. Может ему больше понравился второй вариант по той же причине, что и мне?

— Ну, так, что? Не против провести со мной вечер?

'Только бы не один! — мысленно взмолилась я, нерешительно подняв взгляд вверх'.

— Не против.

— Отлично! Тогда пошли!

Не дав мне сказать даже слова, Андрей крепче сжал мою ладонь в своей руке, потянув меня за собой вниз по тротуару. Он шёл быстрым шагом, а мне приходилось бежать, чтобы поспевать за ним. Около клуба столпилось много отдельных кучек уже изрядно подвыпившего народа, в одной из которых я признала друзей Андрея, тех, что видела с ним вчера на мосту. Как под гипнозом они проводили нас не самыми дружелюбными взглядами. Во многих из них читалась кривая насмешка, настроение от которой у меня заметно поубавилось.

Остановившись на светофоре, Андрей с лучезарной и до ужаса заразной улыбкой на губах, обернулся ко мне. Правда, стояло ему заметить моё погрустневшее лицо, как вся улыбка сошла на 'нет'. Одной рукой он крепче сжал мою ладонь, пальцами второй вцепился в мой подбородок, приподнимая моё лицо кверху и заставляя посмотреть в его пламенно-сверкающие глаза. Несколько долгих секунд пытаюсь испепелить меня хищным взглядом, Андрей встревожено и вместе с тем настойчиво спросил:

— Что с тобой?

— Ничего, — одними губами прошептала я, как замороженная смотря в его тигровые глаза. — Всё в порядке.

— Не обманывай! — рявкнул так, что я едва ли, не подскочила на месте. — В чём дело?

Его лицо с каждой секундой хмурилось всё больше, а глаза метали громы и молнии. От былой добродушной улыбки и ласкового взгляда, не осталось и следа. Как же всё-таки быстро меняется его настроение...

— Я ни очень-то понравилась твоим друзьям.

Кивнув в их сторону, я прикрыла на несколько мгновений глаза. Открыв их, я встретила с холодным, циничным взглядом Андрея, от которого по коже пробежала волна мурашек. Обхватив себя руками, я потеплее закуталась в его куртку, украдкой вдохнув в себя

горьковато сладкий аромат её хозяина.

— Ну, во-первых, как ты могла им не понравиться, если они с тобой, по сути, ещё и не знакомы? Во-вторых, тебе так важно их мнение? Какое тебе вообще дело, что о тебе подумает кучка перекуранных придурков? И с какой стати ты решила, что они мои друзья? Ну, и, в-третьих, мне лично по барабану понравишься ты кому-то из моего окружения или нет. Главное, что ты нравишься мне.

Его лицо было нахмуренным: меж бровей образовались складочки, губы плотно сжались, глаза потемнели, крылья носа прерывисто вздымались. Он сердился, по-доброму, но сердился. Сердился не на своих друзей, а на меня. Только вот вместо того, чтобы расстроиться или может даже испугаться, мне хотелось закричать от восторга. Внутри всё затрепетало, вызывая во мне целый ураган маленького счастья. То, что он сейчас сказал... нет, это казалось мне совсем невозможным. Кто знает, может я ослышалась? Может, что-то ни то поняла? Как я могла ему понравиться? С моей-то внешностью и после всего того цирка, что я сегодня устроила....

Вцепившись двумя пальцами в мой подбородок, Андрей приподнял моё лицо, заставляя посмотреть в его хищно светящиеся глаза.

— Оксана, послушай, нельзя позволять, кому бы то ни было портить себе настроение. Мой тебе совет поменьше обращай внимания на мнение окружающих. Уверен, тебе не раз придётся столкнуться с провокациями, просто не поддавайся. Помни люди как стервятники, любят поклювать чужие кости. Но знаешь, что? Они клюют кости только тем людям, которым завидует. А их личную жизнь никто не обсуждает потому, что она не никому не интересна. Ты поняла?

Поняла ли я? Да, я прослушала половину того, что он мне говорил. Точнее я ловила каждое его слово, жадно впитывая в себе, но практически не понимала смысл ни одного. Я потеряла себя в его нефритовых глазах. Я лишилась чувств, как замороженная смотря на два сверкающих изумруда....Столько всего было в его взгляде. Столько чувств в нём смешалось. Но я не могла разобрать ни одного.

— Оксан, с тобой всё хорошо? Опять в обморок падать собираешься?

Господи его голос. Его хриплый, с долей насмешки голос едва ли не лишил меня чувств. Я понимала, что надо, наконец, что-то ответить, но собраться с силами и вернуть себя в чувства, было совсем непросто.

— Нет. Всё хорошо. Задумалась просто.

Улыбнувшись краешками губ, он провёл большим пальцем по моему подбородку, легонько поласкав кожу. А мне начало казаться, что завтра на каждой частички моего тела к которой он прикасался, будет ожёг. Чувства, которые он вызывал во мне своими прикосновениями, просто невозможно было описать словами. Мне казалось, что я просто растворяюсь в водовороте безумного счастья...

— Задумалась... — прикусив нижнюю губу, его лицо расплылось в хитрящей улыбке. — Знаешь, Сероглазка, ещё совсем немного и ты вознесёшь моё самомнение до небес! Мне начинает казаться, что я сексуальней всех звёзд Голливуда.

Он улыбнулся, так прекрасно, так искренне, так заразительно, что не ответить ему своей улыбкой я просто не смогла. В душе у меня всё трепетало от восторга. Наверное, люди и живут на этом свете ради вот таких маленьких минут счастья.

— Знаешь, а ведь там, куда я хочу тебя отвезти нет поблизости скорой помощи.

В его глазах заиграли чёртики. Подцепив пальцами мою нижнюю губу, он чуть оттянул

её назад, и этого вполне хватило, для того, чтобы я едва ли не лишилась сознания. Ноги подкосились. И через долю секунды я бы уже валялась на мокром от проливного дождя асфальте, а платье, купленное на Катькины деньги, можно было бы выбрасывать. Но сильные руки вовремя меня подхватили, прижав моё обмякшее тело к мощной груди. В то же мгновение шум проезжающих мимо машин прервал хриплый смех.

— А, так как чувствую, своими ножками ты дойти не сможешь, не будем рисковать твоим здоровьем.

С этими словами он резко развернулся ко мне спиной, подхватив меня под попу, заставляя меня обвить ноги вокруг его талии.

— Прижмись ко мне покрепче, и хорошо держись за плечи. И только попробуй мне упасть! Накажу!

От этого 'накажу', да и вообще от всего того, что только что произошло, я едва ли не задохнулась. Найдя в себе крошечные остатки сил, я обняла его за плечи, уткнувшись лицом в его шею, украдкой вдохнув в себе лишаящий меня рассудка горько-сладкий аромат.

Трудно описать, как прошёл тот вечер. На протяжении ещё многих лет я думала, что он один из самых прекрасных в моей жизни. Мы заходили в каждый супермаркет, попадающийся нам на пути, и закупались тоннами мороженого. Точнее заходил он, а меня тащил на своей спине. Все прохожие удивлённо оглядывались нам в след, и на лицах многих из них играла понимающая улыбка. А мне казалось, что я самая счастливая девушка на земле. Пожалуй, именно тогда, первый раз в своей жизни я и почувствовала себя счастливой...я вообще почувствовала, что живу. Я знала его всего каких-то пару часов, а мне уже казалось, что полжизни. Он водил меня по ночному Арбату, фотографировал возле каждого красивого места, а я готова была плакать от счастья, что теперь у него в телефоне есть мои фотографии. Последним и самым красивым местом, до которого он меня дотащил, была набережная. Всю дорогу до неё, я кормила его мороженым и смущённо прижималась лицом к его небритой щеке. А он опять шутил по поводу своего дикого обаяния. Наша ночная прогулка длилась несколько часов, но за это время он успел стать мне самым родным человеком.

— Красиво? — осторожно опустив меня на землю, он обвил руки вокруг моей талии, притянув меня к себе.

Открывшийся вид на ночную набережную, освещённую тысячами огней, просто завораживал.

— Очень. Самое прекрасное, что я, когда-либо видела.

Рассмеявшись, Андрей достал из кармана телефон и поставил его на беззвучный.

— Как правило, все звонки всегда не вовремя, — тихо шепнул мне на ушко, прислонившись сухими горячими губами к нежной коже шеи.

От его прикосновения меня пронзило током. Внутри всё разорвалось на миллиарды крохотных кусочков. Сердце предательски ёкнуло, забившись в бешеном ритме. Коленки пробил дрожь, и очевидность что через несколько секунд я вновь окажусь в его объятиях, нарастала с каждым мгновением. Когда его горячие ладони забрались под кожанку и осторожно заскользили по талии, меня практически парализовало от охватившего всё тело страха. Да, страха, именно страха. Я жутко испугалась реакции своего тела на его прикосновения. Внизу живота не просто потеплело, всё запылало огненной лавой

желания. Я уже испытывала несколько раз что-то подобное, когда смотрела постельные сцены в фильмах....Но те ощущения нельзя было даже на малую долю сравнить с теми, что я испытывала сейчас.

В тот момент, когда я почувствовала, как его ладонь заскользила вниз по бедру, мне показалось, что я потеряю сознание. Дрожащими пальцами, я открыла передний кармашек сумки, достав из него мобильный, и всё же нашла в себе остатки крошечных сил, чтобы отстранить Андрея.

— Я, наверное, тоже телефон отключу, — сиплым голосом ответила на его молчаливый вопрос.

Едва заметно улыбнувшись, он перевёл потемневший взгляд с моего лица на мобильник. На несколько секунд в его глазах застыли искорки удивления. Ну, да, мою старенькую Nokia, с поцарапанным корпусом и разбитым экраном уже нечасто у кого встретишь. И тем более, она не идёт ни в какое сравнение с его наверняка новеньким Айфоном, но что поделать. Чем богаты как говорится, тем и рады.

— А твои родители не будут беспокоиться? Всё-таки на часах уже полпятого утра.

В минуту всё очарование этой ночью развеялось как по волшебству. Нет, не сказать, что его вопрос всполошил во мне какие-то печальные чувства. Всё-таки я уже давно смирилась с тем, что родни у меня нет. Но вот его реакция на мой ответ, мягко скажем, меня сильно тревожила.

— Родителей у меня нет. Я из детдома.

Ну, всё, вроде бы всё сказала. Должно было от души как-то отлечь. А вот хрен там! Затянувшееся на несколько долгих секунд молчание, чуть ли не вывернуло меня наизнанку.

— Понятно. Извини, что спросил.

Не дав мне ответить, Андрей взял в свою руку мою вспотевшую ладонь, со скоростью света помчавшись вниз по набережной, таща меня за собой. Бьющий в лицо поток холодного ветра, разметающий мои и без того взлохмаченные волосы в разные стороны, смахивал скатывающиеся по щекам одинокие слезинки. Да я плакала. Сама не понимая почему, но я плакала. Внутри перемешалось так много чувств, что я просто не могла привести себя в порядок. А, Андрей, так и не сбавляя скорость, продолжал куда-то бежать. В какое-то мгновение мне даже показалось, что он сам не знает куда бежит, но спустя десять минут пробежки, он остановился возле многоэтажной новостройки.

— Ну, вот, мы и на месте. Не замёрзла? — прерывистым голосом спросил он, теплее закутав меня в свою куртку и совершенно неожиданно притянув к себе. Почувствовав под своей ладонью удары, его бешено колотящегося сердца, мне ужасно сильно захотелось запищать от непонятно чем вызванного восторга.

— Нет, — не подумав, солгала я. Даже после такого, не запланированного марафона, мне казалось, что ещё немного, и я превращусь в ледышку. А ведь на дворе только середина июня. — А, где мы?

Растерев в руках мои холодные ладони, Андрей прислонил их к губам, опалив их горячим дыханием.

— Врунишка. У самой зуб на зуб не попадает, а говорит, что не замёрзла, — мягко пожурил он.

За несколько секунд ему удалось согреть мои руки, правда вопреки, моим ожиданием он их так и не отпустил. Удивлённо подняв глаза вверх, я встретила с потемневшим взглядом Андрея. В одно мгновение я забыла, как надо дышать. Поочерёдно поцеловав

каждый пальчик, начиная с большого, он нежно прикусил подушечку мизинца.

— Видишь вон то, дальнее окно на самом последнем этаже? Это моя квартира.

— Квартира?

Заметно напрягшись, я осторожно и вместе с тем настойчиво выдернула свои ладони из его рук. Зачем интересно он притащил меня к себе на квартиру?

На несколько секунд на его лица застыла гримаса удивления. Он словно молчаливо ждал ответа на мой охладевший взгляд. Правда, так и не дождавшись, он совершенно неожиданно рассмеялся.

— Чего смешно?! — чувствуя, как внутри меня начинает разорваться гнев, вспыхнула я.

— По-моему ты не совсем то, подумала, — хриплым от смеха голосом пробормотал Андрей, заправив выбившуюся прядь волос мне за ухо. — Я не собирался приглашать тебя зайти ко мне на 'чашечку чая'. Уже очень поздно и мне почему-то кажется, что до твоего дома мы пешком не дойдём. А у меня в гараже припаркована старая машина отца. Хотел подвезти тебя, если ты конечно не против.

В сотый раз за вечер я почувствовала себя полной идиоткой. Это же надо было так....Представляю, как долго он ещё мне будет это припоминать. Если, конечно после всех моих заковырок ещё захочет со мной встретиться.

— Я дура, — вслух констатировала очевидный нам обоим факт, и пристыжено опустила взгляд в землю.

— Нет, не дура. Просто слегка прибабахнутая.

Сказал так, что я не удержалась, и разрядила обстановку хрипловатым смехом, который он с радостью поддержал.

— Хотя знаешь, идея с чаепитием мне очень даже нравится. Ты, как? Не против, погреться?

Многозначительно подмигнув, он притянул меня к себе, впившись в моё покрасневшее лицо внимательным взглядом. А я, медленно переваривая в голове вопрос, так и не могла понять, то ли он шутит, то ли говорит вполне серьёзно.

— Да, ты меня уже вроде как согрел.

Покраснев с ног до головы, я уткнулась носом ему в грудь, вцепившись руками в его плечи, вновь чувствуя, как предательски дрожащие ноги перестают удерживать меня в вертикальном положении. Всего секунда, и всё моё 'хрупкое' тельце сгребли в охапку сильные руки.

— Я, ведь уже говорил тебе сегодня, что учился на банкира, а не на медика. А ты сознание потеряешь, как только переступишь порог моей квартиры. Так, что отложим ка мы пока чаепитие на некоторое время. А сейчас, я предлагаю тебе воспользоваться уникальным шансом, увидеть меня в роли своего личного шофёра. Ты не против, моя милая Сероглазка?

Я не знаю, как описать те чувства, которые я испытала в это мгновение. Никто и никогда не был так нежен и ласков со мной. Никто и никогда не смотрел на МЕНЯ такими глазами, во взгляде которых перемешался целый калейдоскоп чувств: трепет, нежность, совсем непонятный мне интерес, и желание. От последнего по телу прошла уже знакомая волна жара, осевшая внизу живота. К щекам хлынула кровь, окрасив их в алый оттенок. Всё на что меня хватило, это на едва заметный кивок головы и смущённо отведенный взгляд в сторону. Ехидно хмыкнув, Андрей донёс меня НА РУКАХ, словно маленького ребёнка, до своего гаража. Поставив возле входа в него меня на ноги, он достал из кармана ключи и отворил железную дверь. Взяв меня за руку, Андрей завёл меня внутрь помещения. Моему

взгляду сразу предстал чёрный джип внушительных размеров. Рядом с ним стоял окрашенный в чёрно-красные оттенки мотоцикл. Не знаю почему, но двухколёсный зверь мне почему-то приглянулся больше, чем солидный автомобиль.

— Уже каталась, когда-нибудь? — заметив мой заинтересованный взгляд, хмыкнул Андрей.

— Нет, — не отводя взгляда с железного коня, слишком тихо ответила я.

— А, хотела бы? — ровно произнёс Андрей, достав из прибитого к стенке шкафчика, ключи от машины.

— Даже не знаю. Страшновато как-то.

И действительно, я ведь не раз видела, как наши ребята с детдома разъезжают вот на таких агрегатах, правда у них они, куда подешевле. И мне частенько предлагалось прокатиться с ними, но я всегда отказывалась. Зная, как они гоняют по дорогам, мне даже представить страшно в каком бы состоянии меня бы привезли обратно. Если, конечно же, вообще привезли.

— Если всегда чего-то бояться не получишь никакого удовольствия от жизни, — сказал вроде с каким-то лёгким упрёком, и все равно при этом заразительно улыбнулся. — Как-нибудь я обязательно тебя покатаю на этой штуке, — кивнув в сторону мотоцикла, ухмыльнулся Андрей, открыв переднюю дверцу, пассажирского сиденья возле водителя, — а пока, не будем рисковать. Обещаю, что довезу тебя в целости и сохранности.

подавив в себе безумно сильное желание улыбнуться, я заползла внутрь салона. Обогнув машину, Андрей устроился за водительским сиденьем, и завёл мотор. Через долю секунды машина выехала из гаража.

Всю дорогу до моего дома, в салоне автомобиля не прерывался громкий, прерывистый смех, иногда больше смахивающий на истерический хохот. Я как последняя дурёха смеялась над каждой его шуткой или просто реальной историей из жизни. Ещё никогда, за все свои семнадцать лет, я не чувствовала себя такой счастливой, такой нужной кому-то. Я даже сама не подозревала, как сильно истосковалась по банальному общению. Нет, я, конечно, не была замкнутой в себе девушкой, но я ещё никогда не встречала человека, с которым мне бы было так хорошо, так весело, так просто и легко. Я знала Андрея, если не считать наших трёх минут общения при первом знакомстве, всего один вечер. А у меня уже создавалось такое впечатление, что никого роднее и ближе у меня нет. Спала даже та ужасная застенчивость и головокружительное состояние от его близости. Наверное, из-за того, что он больше не делал ничего, что могло бы вогнать меня в краску. Всю дорогу он без перерыва шутил на самые разные темы. Иногда, мельком рассказывал какие-то отрывки из жизни. Уделял особое внимание учёбе в институте. Рассказывал, что однажды, особо крупно поссорившись с отцом, он ушёл из дома, и полгода жил в съёмной однушке в отдалённом районе города, и зарабатывал себе на жизнь, работая то курьером, то менеджером в салоне сотовой связи, то даже грузчиком. Самое удивительным для меня было то, что он даже издалека, не пытался коснуться моей жизни. Не спрашивал меня, про родителей. Кем они были, и знаю ли я их вообще. Не интересовался, из-за чего я оказалась в детдоме, и как долго я здесь находилась. Не задавал никаких вопросов, которые могли бы меня смутить. Наоборот, болтал на все отдалённые темы.

Минут через сорок, после третьего заблудшего круга, Андрей притормозил возле моего дома, который я впрочем, уже совсем скоро покину.

— Быстро, как-то приехали, — с лёгкой ноткой грусти в голосе произнёс он, одарив меня лучезарной улыбкой.

— Ну, да, быстро. Всего-то три раза заблудились, — хмыкнув, я улыбнулась в ответ.

— Ты завтра занята?

Этот вопрос, как-то резко пропихнул моё и без того хорошее настроение до космоса. Интересно он просто так спрашивает, или хочет со мной ещё раз встретиться?

— Особо важных дел нет. Решила дать себе недельки две отдыха, после выпускного.

— А, потом что? — повернувшись ко мне вполоборота, Андрей начал что-то рыскать в бардачке.

— А, потом надо документы на зачисление в институт подавать, — 'и плюс ещё разбираться с жильём, — мысленно хмыкнула я'. В такие подробности посвящать его совсем не хотелось.

— Вот держи, это тебе, — протянув мне коробку шоколадных конфет в виде сердечек, ровно произнёс Андрей. — Надеюсь, ты любишь шоколад?

Люблю ли я шоколад? Да, даже бы если бы не любила, всё равно, эти конфеты показались бы мне самыми вкусными сладостями на земле.

— Люблю, — тихо ответила я, опустив смущённый взгляд на свои ладони. — А, когда ты успел? Ну, я в смысле того, что мы же вроде нигде не останавливались...

— А, да нет, это просто моя тётушка, на днях в Бельгию летала, вот, и завалила всех родственников шоколадными сладостями. А я сладкое, как-то не очень люблю, теперь вот сплавляю его всем, кто под руку попадётся, — сказал так, что я не удержалась и засмеялась в голос, а он в ту же секунду подхватил мой смех.

— И, на том спасибо. Я вообще шоколад очень люблю.

— Значит надо почаще ко мне под руку попадаться. Кстати, дома у меня целый кондитерский склад.

Могла бы расценить его фразу как приглашение к нему домой, но зная его вечные подковырки, лучше переспрошу.

— И, что?

— Опять не о том, подумала, — довольно улыбнувшись, ухмыльнулся Андрей. — Хочу при помощи тебя, уже завтра отделаться от своей кондитерской. Ты, как? К часикам пяти будешь свободна?

Вроде и голос усмешливый и улыбка, больше похожа на ухмылку, но всё равно у меня такое чувство, что меня ненавязчиво приглашают на второе свидание. И от этого просто сума сойти можно...Многострадальные за этот вечер щёки, опять не известно от чего покраснели. Не говорю уже про бешеный ритм сердца. Если так пойдёт и дальше, то Андрей всё-таки окажется прав, и нам надо будет встречаться в местах, где поблизости есть скорая помощь.

— Буду.

— Вот и отлично, тогда к пяти я заеду за тобой. Твой номер, я, если что знаю.

— Тогда до завтра? — свой хриплый голос я сама могла едва ли узнать.

Подняв глаза вверх, я столкнулась с взглядом хищника. В нём больше не было ни нежности, ни трепета, только непонятные, немного пугающие...и вызывающие привычное томление внизу живота чувства.

Протянув руку к моему лицу, он обхватил меня за затылок, приблизившись ко мне настолько близко, что я ощутила его горячее дыхание возле своего уха. Прислонившись губами, к моей щеке, он лизнул кончикам языка нежную кожу, и отстранился в ту же секунду.

— До завтра, — так же хрипло ответил он.

Из машины я вышла на негнущихся ногах. Сердце, бившееся с бешеной скоростью, ухнуло куда-то в пятки. Я даже толком не поняла, как оказалась у ворот дома. Как прошла мимо, что-то кричащего мне в след охранника. Как зашла в свой корпус. В себя меня вернул, только злобный и до ужаса отвратительный голос дежурившей сегодня ночью 'воспитательницы'.

— От кого от кого, а от тебя я этого Толмачёва совсем не ожидала. Думала единственно-нормальная девушка среди всего этого сброда.

Наша Дарья Воронова, или по простому Ворона, никогда особо не скрывала своих чувств к детям, которых по долгу профессии должна воспитывать. Сброд, шпана, нищесброды, отходы, — вот кто мы для неё. Нам рассказывали, что ребята с прошлого выпуска как-то попытались её заткнуть, так эта выдра заяву на них накатала, об избиении. С такими как мы менты особо не церемонятся. Есть заявление — посадят в колонию. И ведь всем же до пятого фонаря, что эта дрянь бьёт младшеклашек и подворовывает, что удастся. Уж не знаю, как далеко должна зарыться совесть у человека, чтобы на сиротах наживаться.

— Ну, уж простите, что не оправдала ваших ожиданий, — хмыкнув, я уже было хотела подниматься к себе на этаж, но меня 'учтиво' отбросили за локоть к стене.

— Ты шлюшка малолетняя язык свой прикуси. Что решила как девки ваши подрабатывать? Так давно пора! Такой 'красавице' как ты, всё равно нормальный мужик не светит! Удивляюсь только, как ты в такую тачку-то заползла. Её владелец, что год баб не видел, или тебя охранник трахал? Сколько за услуги взяла-то? Хотя, это ты скорее платила, чем тебе. Нормальный мужик без каких либо проблем по собственному желанию на тебя не полезет.

Можно ли сказать, что слова этой каракатицы задели меня за живое? Нет. Я уже вполне привыкла ко всяким родам насмешкам по поводу своей внешности. Но, вот и всё волшебное настроение этой ночью снизилось до нулевой отметки.

— И вам доброй ночи.

Быстро прошмыгнув по лестнице вверх, я изо всех сил старалась не предавать внимания звучащим мне вдогонку высказываниям. Хотелось, ой как хотелось, ляпнуть ей что-нибудь, такое...или ещё чего лучше по роже проехать, но не могу! Слабо огрызнуться — это всё на что я способна. Уверенна, Катька ей бы не хило ответила, а я вот не могу.

Быстро дойдя до своей комнаты, я тихо отворила дверь и зашла внутрь. Окинув быстрым взглядом погрузившуюся в полумрак комнату, я заметила, что из всех моих соседок на месте только Лида и Оля. Рита понятно дело, наверное у своего Алекса, Даша 'работает' ('профессия' её и без того всем известна), ну а Катюху походу дела этот Стас затянул. И чем он только ей понравился? Ведь не один фактор, кроме материального положения, не соответствует её запросам. Включив свет, я тут же получила парочку ласковых от Лиды:

— Твою мать, да вы в край охренели?! Мне сегодня дадут поспать или нет?! — перевернувшись на другой бок, она нырнула головой под подушку, а я учтиво выключила свет. Бросаться Лидки под горячую руку равносильно самоубийству.

Плюхнувшись на свою кровать, я потормошила лежащую по соседству и строчащую что-

то на телефоне Олю.

— А, чего это с ней? — тихо произнесла я, кивнув в сторону перевернувшейся на бок Лидки.

— А, не обращай внимания. С Ванькой своим рассталась.

— Опять?

Лида и Ваня самая 'яркая' пара нашего детдома. Иногда ссорятся так, что как говорится, стены трещат. Ванька от неё гуляет постоянно, а она бесится и всё грозит порвать с ним. Вот два года эту канитель и тянут.

— Да, Ванюша наш опять на кривую дорожку свернул, — кинув телефон под подушку, Оля подползла поближе ко мне.

— И с кем на этот раз?

— Сонька Стрельцова, из их параллели.

— И, чего? Как Лидка об этом узнала? — я, конечно, понимала, что обсуждать чужую личную жизнь не хорошо, но ведь чего греха таить, всем девчонкам интересно кости друг другу перемыть.

— Да, он сволочь потащил эту шалавку прямо к себе в комнату. Лида их прямо на 'горячем' и застукала.

— Вот скотина! — в сердцах, громко вскрикнула я, и тут же прикрыла рот рукой. — А, что потом...

— А потом, Лидка в очередной раз почувствовала себя полным ничтожеством, проревелась в туалете, и вот уже битый час пытается заснуть. Вам девочки если так не терпится обсудить мою личную жизнь, то делайте это хотя бы потише.

Одновременно прикусив нижнюю губу, мы встретились с Олей виноватыми взглядами. Лида всё-таки права, ей итак хреново, а мы ещё подгоняем.

— Извини, — тихо прошептала я, не услышав в ответ ничего.

— А, ты где Катьку-то потеряла? Девчонки сказали, что вы вместе уходили, — быстро перевела тему Оля.

— Да, подцепила она себе какого-то мажористого придурка, точнее он её подцепил. Теперь, наверное, до утра её ждать не нужно.

— Мажористого придурка? Он молодой, что ли?

— Сама в шоке, — хмыкнула я, прикрыв рот рукой, чтобы сдержать хохот. — А ты чего, на месте-то? Я думала, вы во всю со Стоцким к свадьбе готовитесь!

— Уже знаешь, — притворно грустно вздохнула Оля. — Да, он сегодня на дежурстве. Представляешь, на вторую работу устроился. Хочет нам грандиозный медовый месяц забабахать. Ты извини, что я не приглашаю на свадьбу, просто мы решили вообще без торжества. Только распишемся и всё. А все деньги на свадебное путешествие потратим.

— Ну, по-моему, это правильно. Нечего вам на нас деньги тратить, мы, если что, и сами в честь такого дела, своё маленькое застолье устроим.

— Не обиделась?

— Да, ну брось ты! — отмахнувшись, я перевернулась на спину, и не снимая одежды, заползла под одеяло. — Оля, слушай, а ты можешь меня завтра пораньше разбудить?

— Могу, а тебе это зачем? Ты учти я ведь в семь утра встаю, а потом сразу на пробежку.

— Отлично! Мне это как раз и нужно!

— Ты, что решила...

— Вы, когда-нибудь заткнётесь?! — кинув в нас подушку, взревела Лида.

— Ладно, всё извини, мы уже ложимся, — вернув подушку хозяйке, я на всякий случай поставила будильник на семь утра. — Ну, так что? Разбудишь?

— Нет проблем, — зарывшись с головой под одеяло, Оля продолжила что-то строчить на своём мобильном. А я...

Завтра всё должно измениться. Завтра я должна начать по-новому выстраивать свою жизнь. Не хочу, чтобы больше кто-то тыкал на мою внешность. Не хочу больше стыдиться себя. Не хочу, чтобы ОН меня стыдился... Что Андрей во мне разглядел? Что во мне особенного? Некрасивая, толстая, совсем не из их поля ягода. Чем я его привлекла? А может он просто играет, может, поспорил меня кому, а то ведь так бывает. Не один фильм с таким сюжетом я уже смотрела. Резко мотнув головой, я отогнала пугающую меня мысль в сторону. Нет, он был искренним. Так претворяться нельзя. Если, он что-то нашёл во мне такой, значит, у нас обязательно может что-то получиться. Главное, мне нужно измениться. Просто взяться за себя. И всё обязательно будет хорошо.

С такими светлыми мыслями и железным настроением я и заснула. В ту ночь, мне казалось, что всё начинается с чистого листа. Что уже совсем скоро моя жизнь изменится до неузнаваемости. Что в ней произойдёт коренной перелом....Так и случилось. Правда, представляла я это себе совсем по-другому.

— Вижу, ночка у тебя прошла убойно! — подцепив пальцами лямку чёрного кружевного лифчика, ехидно ухмыльнулся Андрей, бросив бельё в по пояс раздетого друга.

— Это ещё мягко сказано! Чёрт, какая девушка...торнадо!

— И, где сейчас твоя 'торнадо'?

Окинув брезгливым взглядом разбросанные по полу женские вещи, Андрей плюхнулся в кожаное кресло, стоящее возле письменного стола.

— В душе. Я кстати к ней, сейчас, собирался присоединиться. Так что ты давай не нагревай своей пятой точкой мою мебель. Говори, зачем пришёл и проваливай.

— У тебя Надька вроде недавно в Бельгию летала, и шоколад оттуда какой-то привезла.

— Ну, и чего? С каких пор ты сладкое полюбил?

Подняв с пола платья вместе с порванными женскими трусиками, Стас швырнул их на кровать.

— Не меня, — грубо рявкнул Андрей, с нарастающей внутри волной гнева заметив появляющуюся на лице друга кривую улыбку.

— О, значит, тебе ночью тоже постель согрели, а может не постель, а?

— Иди к чёрту! Просто скажи у тебя этот долбанный шоколад есть или нет?

— У меня-то есть. Правда, я думал, что девушек в таких роковых случаях обычно на солёненькое, а не на сладкое тянет.

— Слушай, побереги для себя свои глубокие познания в этом деле. Это ведь ты у нас скоро женишься. Кстати, когда твоя Надюша домой возвращается? Ты, учти, я не буду в

очередной раз тебе выкручивать, и говорить, что Катюша моя девушка.

Гневно прикрыв глаза, Андрей откинулся на спинку кресла. Почему-то разговор с другом, а в особенности его ехидные шуточки выводили его из себя. Масло в огонь подливал и звук плескающейся воды из ванны.

— Да, ладно тебе, какая свадьба? Я, что совсем с ума сошёл? Я, конечно, люблю Надюху, но со своей свободой расставаться пока точно не собираюсь.

— Так любишь, что в её отсутствие всех знакомых девок перетрахал?

Стрельнув в него гневным взглядом, Стас тут же огрызнулся:

— Вот именно, что перетрахал. Они мне только для койки нужны. Я, что виноват, что Надюша на эти грёбанные курсы на три недели уехала? Мне чего, теперь самоудовлетворением заниматься? Да, и не тебе мне лекции о нравственности и морали читать. Лучше расскажи, что там с твоей 'Красавицей'. Как дела продвигаются?

— Вроде, нормально, — озлобленно буркнул себе под нос Андрей. Не хватало ещё, чтобы сегодняшняя спутница Стаса, и по совместительству подруга Оксаны услышала их разговор, который начинал нравиться ему всё меньше и меньше.

— Вроде или нормально?

— Не знаю. Она какая-то странная.

Вспомнив как Оксана, чуть не лишилась сознания, когда он попытался её поцеловать, Андрей недобро улыбнулся. Первый раз он сталкивался с такой реакцией девушек на свои прикосновения. Хотя впрочем, ему это было как раз на руку. Во-первых, запудрить голову девчонке, которую пробивает озноб от одного лишь его взгляда, проще простого. Во-вторых...это было даже как-то интересно. Раньше Андрей всегда встречался с девушками, являющиеся полной противоположностью Оксаны. До одури красивые, с божественной фигуркой и знающие толк в моде. Они никогда не вели себя с ним так, как Ксюша. Они были заносчивыми, капризными, сюсюкались при каждом удобном случае, но главное с ними всегда было всё понятно. Он им деньги, они ему тело. А Оксана...она так оскорбилась, когда он издалека сделал ей предложение зайти к нему 'на чай', что ему пришлось быстро выкручиваться из щекотливой ситуации. И это в какой-то степени подогревало азарт познакомиться с девушкой 'поближе'.

— Странная? Напекаешь на её нестандартную внешность? — противно оскалился Стас, натягивая на себя футболку.

— Да причём здесь внешность? Не такая уж она и страшная, чтобы к ней было противно подойти.

— Ну, может и не страшная, но вот фигура, полный трындец. Я бы посоветовал тебе водить её в спортзал, а не в клубы.

— А, я бы посоветовал тебе оставить свои советы при себе. Сам как-нибудь разберусь. Лучше дай мне этот долбанный шоколад, и я смотаюсь, — сквозь зубы процедил Андрей, пытаясь унять пробивающую всё тело нервную дрожь.

— Ладно, не кипятись. Поступай, как знаешь. Только помни о сроках, у тебя не так уж и много времени. Месяц и девчонка должна быть твоя, — без капли иронии в голосе сказал Стас, протянув Андрею корзинку с разными плитками Бельгийского шоколада.

— Месяц, это больше чем достаточно, — усмехнулся Андрей, повернув голову на скрип открывающейся двери.

На пороге спальни, обернутая в одно лишь белое махровое полотенце, едва прикрывающее попку девушки, совершенно не стесняясь своей наготы, стояла Катя.

Соблазнительно проведя язычком по нижней губе, девушка пожирала обоих парней плотоядных взглядом, и нельзя было сказать, что они не отвечали ей тем же. В глазах обоих заискрились огоньки острого желания, с одним лишь различием того, что Стас без доли стеснения откровенно пожирал игриво улыбающуюся девушку хищным взглядом, а Андрей наоборот пытался скрыть внезапно вспыхнувшие в нём чувства.

— Стасик, сколько тебя можно ждать? Я уже заскучала, — соблазнительно облизнув пухлые губки, девушка провела ладошками вдоль талии, спустившись ниже, и чуть оттянув краешки полотенца вверх, без капли стеснения давая разглядеть обоим парням самую женственную частичку своего тела. Уловив последующее за этим два прерывистым вздоха, Катя довольно улыбнулась.

— Не шали малышка. Иди поплескайся в джакузи, я сейчас к тебе присоединюсь, — хрипло прошептал Стас, не сводя с девушки огненного взгляда.

— Кстати, привет Андрюша, — плотоядно облизнув губки, томно обратилась она к пытающемуся вернуть себе самообладание парню. — А, что ты здесь делаешь? Я думала ты сейчас с Ксюнечкой. Не желаешь к нам присоединиться?

На несколько секунд в комнате повисла напрягающая тишина, нарушаемая лишь сбившимися дыханиями двух парней.

— Не желаю, — собравшись с духом, Андрей постарался, чтобы его голос звучал более чем уверенно. — Я пожалуй пойду, не буду вам мешать, — поднявшись на ноги, парень крепко сжал пальцы на переплёте корзинки и уверенным шагом направился к выходу из комнаты, на долю секунды остановившись всего лишь в паре сантиметрах от надувшей губы девушки, и презрительно хмыкнув ей, — ты, кстати, когда будешь уходить, не забудь высушить и повесить полотенчико на место. А-то ведь Надюша — невеста Стаса, скоро возвращается, а она, знаешь ли, во всём чистоту и порядок любит.

Трезвонивший уже несколько минут будильник, и чьи-то нещадно тормозившие меня руки, без капли сочувствия пытались выдернуть меня из блаженного, и такого приятного сна. Губы Андрея были всего в паре сантиметрах от моих, и ещё бы секунда и он бы меня поцеловал, и что самое главное, я, похоже, осталась бы при этом в чувствах, но...злобный голос взъерошенной Ольки, разрушил всё волшебство моих романтических грёз.

— Ксан, Господи, ну поднимайся ты уже, наконец. Сама же просила тебя разбудить! — сорвавшийся на крик голос, окончательно вернул меня в реальность.

Сладко потянувшись на кровати, я высунула из-под одеяла, свою довольную мордочку.

— Ну, наконец-то! Я уж думала, придётся тебе кастрюлями под ухом барабанить, — недовольно буркнула Оля, и тут же отлипла от меня, начав нервно дорожащими пальцами завязывать шнурки на кроссовках.

В одну секунду я подскочила с кровати, запутавшись в одеяле, и приземлившись на пол. Не обратив внимания на довольный смех бывшей одноклассницы, я потянулась к разрывающемуся будильнику, нажав на кнопку отбоя. На часах было уже двадцать минут восьмого. Это значит, что, во-первых, я немного проспала, а во-вторых, спала я собственно за эту ночь не больше двух часов. Прекрасно. Самое время начать бегать по утрам.

— Оля, а ты сейчас на пробежку, да?

Потирая подвернувшую лодыжку, я на одной ноге доскакала до шкафа, лихорадочно перебирая скомканные на моей полке вещи.

— Ага, и между прочим, уже опаздываю из-за кого-то, — недовольно пожурела девушка, затягивая свои пышные, длинные волосы в высокий хвост.

— Извини, сегодня ночью практически не спала. Слушай, а ты одна ведь бегаешь, да?

— В основном да, а что? — натянув на себя спортивную куртку, Оля убрала телефон с зарядки, и сунула его себе во внутренний карман куртки.

— Возьмёшь меня с собой за компанию? — повернувшись к ней, с лёгкой заминкой спросила я.

Несколько секунд Оля смотрела на меня озадаченным взглядом. Поджав губы, она безразлично повела плечами.

— Ладно, если ты так хочешь. Только одевайся побыстрее.

подавив в себе довольную улыбку, я лихорадочно начала шарить в копне своих перемешавшихся друг с другом вещей. Вытянув оттуда спортивные, бесформенные штаны в белую полоску больше похожие на мальчишеские, в цвет им из того же комплекта куртку, и оранжевую однотонную майку, я спешно принялась натягивать всё это на себя. Одевшись, я нерешительно взглянула на своё отражение в зеркале. Мда, ну что тут скажешь...как говорится, столичные бомжи выглядят лучше. Слава богу, что я хоть не из столицы. В этом одеяние, со своим растрёпанным причёсоном и помятой харей, я смахивала на спившуюся в край алкашку. В то время как позади меня, стоит красавица, которую даже среди золотой молодёжи ещё поискать надо. Стройные, сильные ноги, обтянуты чёрными спортивными легинсами. Розовая, с короткими рукавами футболка, подчёркивает тонкую талию и красивую, подтянутую грудь второго размера. Лёгкий макияж придаёт и без того красивому лицу, завершающую чёрточку блеска. А Волосы...шикарные чёрные волосы, собраны в высокий хвост, и открывают вид на тонкую, нежную шею. Да, Оля со своим Антоном — стройным, подкаченным, симпатичным парнем — просто замечательная пара, во всём дополняющая друг друга. А я...что есть привлекательного во мне? Тонкие как перышко губы? Нос с горбинкой? Серые глаза с вечно пустым взглядом? Жиденькие, едва достигающие мне до плеч волосы? А может фигура, как у слонихи? Да весь мой внешний вид кричит, что я по жизни неудачница. И это в то время, когда за таким парнем как Андрей бегают, наверное, половина девчонок нашего города, раз в сто лучше меня.

— Эй, ты заснула что ли? Ксан, я спрашиваю, ты раньше когда-нибудь уже бегала? — выдернула меня из моих мыслей, копающаяся в сумке Оля.

— Только кросс на физ-ре, но уже давно.

Сунув в карман штанов мобильный и немного денег, я отвела взгляд от своего отражения в зеркале. Зачем 'любоваться' собой, когда это занятие совсем не доставляет мне удовольствие. Вот, когда приведу себя в порядок, тогда и буду разглядывать. Конечно это дело кропотливое. За один день ничего не изменится. Но ведь оно того стоит, да? Странно, но ведь ещё два дня назад мне было абсолютно наплевать на свою внешность. Какая есть, такая есть. А вот сейчас...как на меня тогда смотрели его друзья...в их взглядах явно читалась ничем не скрытая насмешка. Нет, наверное, Андрей прав не стоит обращать внимание на мнение ничего не значащих для тебя людей, но вот мне, что-то совсем не хочется, чтобы за ЕГО спиной шептались, что он нашёл себя крокодила.

— Тогда, вот, возьми с собой бутылочку с водой. А то уже через десять метров выдохнешься.

Протянув мне пол-литровую бутылку, Оля вытащила меня вслед за собой из комнаты.

Как не прискорбно, но Оля оказалась права. Стоило нам отбежать недалеко от дома, как я уже еле волочила за собой ноги, в то время как Оля, энергично бежала вперёд подпевая себе под нос песню, которая видимо доносилась из её наушников. Ко всему прочему погода на улице была просто "загляденье". Температура всего десять градусов. Ветер такой, что даже я со своими формами, боюсь, что меня сдует ко всем чертям. А мелкий дождик, капающий не столько на асфальт сколько на нервы, окончательно выводил меня из себя. Нет, лето, ты вообще в курсе, что уже месяц как началось?

— Ну, чего ты ноги еле волочишь? Мы ещё даже до нашей школы не добежали, — запыхавшимся голосом проговорила Оля, потянув меня за собой, и ускорив темп.

— А нам до школы надо добежать? — с ужасом проговорила я, про себя подумав что ещё несколько шагов, и я буду обниматься с мокрым, грязным асфальтом.

— До школы? — ироничная усмешка в голосе Оли, не на шутку меня насторожила. — Мы сначала до центрального проспекта дочапаем, а там уже посмотрим.

Ну, надо сказать, что под конец, до проспекта мы уже действительно чапали. Даже Оля, неспешным шагом ковыляя до лавочки, пыталась восстановить сбившееся дыхание, не говоря уже обо мне. Не знаю, как вообще выжила после этого часового марафона, с перерывами не больше двух минут. Обессилено плюхнувшись на мокрую после дождя лавку, я запрокинула голову назад, и жадно начала глотать ртом воздух.

— Ты чего, всегда так бегаешь? — после пятиминутной отдышки, более-менее спокойным голосом, произнесла я.

— Вообще нет. Я обычно до площади добегаю. А сегодня чего-то силы совсем сдали.

— До площади? — в ужасе вскрикнула я, представив, что если бы я сама добежала до площади, назад бы меня, наверное, увозили уже на носилках.

— А ты как думала? Если я постоянно буду себя жалеть, то просто не в одно приличное свадебное платье не влезу. Ты кстати давай не засиживайся. Пошли.

Встав с лавочки, Оля потянула меня за собой.

— Куда?

— По набережной пройдемся, а потом назад, уже бегом.

На мой протяжный вопль, Оля не обратила никого внимание. Убрав наушники с телефоном в карман куртки, девушка вытащила меня на мост. Прохладный свежий воздух, идущий со стороны озера, тут же привёл меня в чувства.

— Слушай, Ксюш, а ты уже встала в очередь на жильё? — в последнее время этот вопрос стал самым актуальным в нашем детдоме.

— Нет. Мне же восемнадцати ещё нет. А ты?

— Я да. И Антоша уже тоже. Как думаешь, скоро мы свой угол получим? — судя по её голосу, Олю действительно сильно волновал этот вопрос.

— Не думаю. Ты же знаешь, вся эта канитель длится годами. Так что, если мы вообще и получим свой домашний уголок, то будет это ещё совсем не скоро, — честно ответила я.

Меня этот вопрос, конечно, тоже сильно озадачивал. Кому охота оказаться на улице? Правда, если я пока ещё не начинала паниковать по этому поводу (так как общежитие к

моему вузу прилагалось), то вот Оля с Антоном сильно переживали из-за этого квартирного вопроса. Ребята собираются уехать в Москву. А там ещё неизвестно, что и как будет.

— Знаешь, я так боюсь неизвестности, которая нас ждёт, — резко затормозив, Оля с силой вцепилась руками в перила моста, и на несколько секунд прикрыла глаза. — Антон хочет, чтобы мы поженились. Да не то, что хочет, он буквально насильно тащит меня в загс. Всё боится, что в Москве у него меня кто-то уведёт. Дурак. И сдалась ему эта Москва. Чтс нас там ждёт? Мы же просто потеряемся в этом огромной мегаполисе. А он всё бредит мечтами о безбедном будущем. Говорит, что очень хочет, чтобы наши дети, росли не в чём, не нуждаясь. А я вот не понимаю, зачем он гонится за этой золотой жилой. Хочет открыть свою автомастерскую. Вот скажи Ксан, неужели для этого обязательно в столицу ехать? В родном городе нам было бы намного проще. Дома ведь как говорится, и стены греют и воздух лечит.

Сказать, что я была удивлена, неожиданной откровенностью Оли, ничего не сказать. Мы никогда подругами не были. Так, разве что общались хорошо и не больше. И если честно я ей завидовала. Нет, не локти под одеялом, конечно, грызла. Завидовала я белой завистью. Антон Ольку любит. Очень любит. Не отпускает от себя ни на шаг. Ревнует по поводу и без. И всё боится, что её у него кто-то отберёт.

— Не знаю, Оль. Я вот тоже немного побаиваюсь, из нашего города уезжать. Боюсь, что совсем одна остаюсь. Никого ведь из знакомых нет. Совсем одна, — как только я произнесла свой страх вслух, настроение моё резко ухудшилось. Почему-то именно сейчас мне в голову стрельнуло, что ведь действительно, очень скоро мне придётся уезжать... Университета по моей специальности у нас в городе нет. А это значит... хотя разве, у нас может с ним, что-то получится?

Подняв взгляд на Олю, я немного удивилась и даже чуток испугалась. Девушка, похоже, даже не слышала того, что я ей сейчас сказала. Её внимательный, немного удивлённый и даже почему-то смущённый взгляд был направлен прямо за мою спину. Медленно обернувшись, я почувствовала, как земля уходит прямо у меня из-под ног. Он стоял так близко... всего лишь в каких-то нескольких сантиметрах от меня. Хищный взгляд его тигровых глаз, почему-то метал в меня громы и молнии. Руки, сжатые в кулаки казалось бы совсем скоро просто раздавят плетёную корзинку. А я... я стояла, не в силах вымолвить даже слова или просто пошевелиться. Я пыталась отвести от него испуганный, и вместе с тем восхищённый взгляд, но и это мне не удавалось. Как же он был красив... Белая, промокшая насквозь футболка, просто облепила его рельефное, с хорошо вычерченными мускулами тело. Дьявольски сверкавшие глаза ни на секунду не сводили с меня яростного взгляда. Крылья носа часто вздымались. Плотные сжатые губы и морщинки меж нахмуренных бровей, просто кричали, что парень в бешенстве. Что его так разозлило? Может у него, что-то случилось? Или причиной его ярости являюсь я? Но тогда почему? Чего я уже успела натворить? Может на него так повлиял мой безобразный внешний вид, и он теперь хочет отменить встречу...

— Привет, — фальшиво-спокойным голосом, произнёс Андрей, от чего меня заметно потрянуло. Наверное, если бы не его железно вцепившиеся в мою талию руки, я бы уже растекалась лужицей по асфальту. — Бегаешь по утрам? — голос ехидный, с ничем не скрытой иронией, и почему-то нарастающим гневом.

— Ага, — тихо пискнула я, не зная, чем вызвала у него такую ярость.

— В дождь? — его голос начинал подрагивать от гнева.

— Ну, да.

— В расстёгнутой куртке и рваных кроссовках? — сквозь зубы прошипел Андрей, до боли вцепившись в мои плечи. Судя по его расщепившему голосу, его явно не волновал, мой сексэндхэндский прикид. По всей видимости, он разозлился из-за того, что я слишком легко оделась в пасмурную погоду... В одну секунду мне стало и как-то немножко страшно (всё таки выглядел Андрей, как разъярённый тигр в клетке, с одним лишь отличием, что в случаи чего, его ничто не удержит), и до одури приятно.

— Эм, я это пойду, пожалуй... — нерешительно подала голос Оля. Нет! Только не это! Мысленно я взмолилась, чтобы она не оставляла меня наедине с этим хищником. — Ты догоняй, если захочешь, — не прошло и секунды, как она поспешно смотала.

Если честно, то я не совсем уловила тот момент, когда Андрей запихнул меня в машину, а перед этим, втиснул в свою куртку. Очнулась я уже в тёплом салоне, под его свирепым взглядом. Судя по тому, что зрачки его глаз сузились и потемнели, готовиться мне стоит к худшему. Заведя машину, он сжал пальцы на руле, и мы выехали на трассу. Натянув воротник куртки чуть ли не до самого носа, я боялась даже скосить взгляд в сторону Андрея. Помимо приглушённой музыки, тишину в салоне дорогого автомобиля нарушало его неровное дыхание. И от этого мне становилось ещё более не по себе. Мало того, что сижу всего лишь в нескольких сантиметрах от готового броситься в атаку расщепившего тигра, так ещё и сама непривычная для меня обстановка давит мне на нервы. Боюсь даже предположить, сколько стоит машина, в которой меня сейчас везут в неизвестном направлении. В любом случаи я на такую за всю свою жизнь не скоплю. И со стороны Андрея крайне опрометчиво сажать в дорогой кожаный салон, грязную, мокрую, неопрятную девчонку.

Украдкой набрав в грудь побольше воздуха, я всё же решилась, и осторожно повернула голову в сторону Андрея. Пятиминутная молчаливая поездка, казалось бы, немного его смягчила. По крайней мере, теперь, он уже не так яростно сцеплял пальцы на руле (ранее, по всей видимости, представляя, что это моя шея), и его дыхание не заглушало тихую непринуждённую мелодию, хоть как-то разряжающую повисшую в автомобиле напряжённую атмосферу.

Подбодрив себя тем, что Андрей немного остыл, и уже наверняка не будет прожигать меня убийственным взглядом, я, немного осмелев, осторожно спросила:

— А куда мы едем?

Повернувшись ко мне, он усмехнулся:

— Туда, где ты должна была уже давно побывать.

Хотела я уточнить, что именно это за место, но убийственный взгляд Андрея заставил меня притихнуть и молча досидеть всю дорогу.

Через пятнадцать минут он припарковал свою машину возле, какого-то крупного центра, смешавшего в себе и магазины, и комплексы развлечений, и рестораны, и ещё многое другое. Открыв бардачок, Андрей достал из него платиновую карточку, и перед тем как выйти из машины, коротко бросил мне не терпящим возражения тоном:

— Сиди здесь. Я скоро приду.

Это его 'скоро' продлилось примерно столько же времени, сколько обычно девчонки собираются на свидание. В машину он вернулся только через минут сорок, а может даже и больше. Закрыв за собой дверцу автомобиля, он поставил мне на колени два больших пакета, а перед этим, снял с меня свою куртку.

— Что это?

— Открой и посмотри.

Заведя машину, Андрей выехал с парковки, вновь двинувшись в неизвестном мне направлении. Не став долго буравить пакеты вопросительным взглядом и грызть себя от любопытства, я залезла обеими ручонками в первый пакет. Кожа тут же соприкоснулась с приятной на ощупь тканью. В эту же секунду в голове зародилось осознание того, куда мы только что заезжали. Вытащив из сумки светло-коричневую, предназначенную для поздней весны и ранней осени, кожаную куртку вместе с того же цвета тонкими перчатками, я моментально залилась краской. Вещи дорогие, модные, такие, каких у меня никогда не было, и купить которые я была себе не в состоянии. Во втором пакете, как я уже собственно и предполагала, лежали черные, из натуральной кожи, на небольшом каблучке и со шнуровкой ботильоны.

— Зачем? — голос тихий и дрожащий. Ещё никогда я не чувствовала себя такой придавленной. И хотя, подсознательно я понимала, что Андрей никак не хотел меня оскорбить, чувство, что я по сравнению с ним просто никто, душило меня изнутри.

— Затем, чтобы не замёрзла, — не отводя взгляда с дороги, спокойно ответил он.

— Спасибо, но не нужно, у меня всё есть.

Погрузив все вещи обратно в пакеты, я настойчиво отодвинула их от себя, отведя поникший взгляд к окну. Резко свернув на обочину, Андрей со свистом затормозил. Вцепившись ладонью мне в затылок, он с силой рванул меня на себе. Оказавшись к нему так близко, что мои дрожавшие и мертвенно бледные губы были всего в паре сантиметрах от его, я почувствовала как сердце, забившееся в бешеном темпе готово проломить грудную клетку. К щекам хлынула кровь, окрасив их в бардовый оттенок. Всем своим существом я ощутила жар его тела. Мой взгляд утонул в его пламенно сверкавших глазах. На какое-то время я забыла, как надо дышать. Пробившая всё тело волна дрожи, крепко осела внизу живота, заставляя меня, первый раз в жизни плавать от дикого желания. Сейчас я вовсе не чувствовала страха или головокружения. Сейчас, мне невыносимо сильно хотелось свести расстояние между нашими губами на 'нет', почувствовать под своими ладонями мягкость его волос, и окунуться в омут совершенного безумия с головой.

— Сейчас же надень куртку. И только. Посмей. Отказаться, — чётко, выделив интонацией каждое слово, проговорил Андрей, и в ту же секунду отстранился от меня.

Разочарованный вздох помимо воли сорвался с моих губ. Никогда. Ещё никогда и ничего мне не хотелось так сильно, как ощутить вкус его поцелуя. Окинув меня коротким взглядом, Андрей довольно усмехнулся, и вырулил машину обратно на дорогу.

Нехотя, мне пришлось распрощаться со своим сладким сном, из-за того, что меня кто-то тормозил за руку. С трудом разлепив глаза, ещё не до конца отойдя от сна, я окинула непонимающим взглядом салон машины, в которой я, по всей видимости, и дрыхла.

— Проснулась? Хорошенечко же тебя сморило, — лёгкая усмешка в его голосе, окончательно вернула меня к реальности.

Сонно зевнув и протерев кулачками глаза, я обернулась к не сводящему с меня взгляда Андрею. На лице парня играла улыбка. Но не ядовитая, как обычно, а даже какая-то нежная. Сколько же я проспала, что он успел так оттаять?

— Сколько я спала? — сиплым голосом озвучила свой вопрос вслух.

— Часа два, — проведя ладонью по моей щеке, Андрей бережно заправил выбившиеся пряди волос мне за ушко. А я...а я мигом отошла от своего сонливого состояния, вновь вернув себе 'замечательную' способность краснеть от каждого его прикосновения, — помидорка, — усмешка добрая, ласковая, а мне всё равно захотелось срастись с сиденьем.

— Куда ты меня привёз? Оставив мой вопрос без ответа, Андрей подхватил несколько пакетов с задних сидений и вышел из машины. Ничего не понимая, я через несколько секунд выползла вслед за ним.

— Ну, вот, а я так хотел побыть джентльменом, — разочарованно вздохнул парень, намекая на то, что сегодня он сгорал от желания превратиться в швейцара.

Легонько улыбнувшись, я прошлась взглядом по всему, что нас окружало. Хватило и нескольких секунд, чтобы понять, что мы в чём-то частном владении. Прямо передо мной возвышался трехэтажный коттедж, владелец которого, по всей видимости стоял рядом со мной.

— И куда ты меня привёз?

Смущение и робость мигом отошли на второй план уступив место нарастающей с каждой секундой злобе.

— К себе на дачу, — как ни в чём не было, спокойно ответил Андрей, переложив все пакеты в одну руку, а второй потащив меня за собой.

— К себе на дачу? — высвободившись, вскрикнула я, отойдя от него на пару шагов.

Помимо гнева, во мне вновь поселилось чувство страха. Я знаю Андрея всего два дня, а он уже тащит меня к себе домой.

— На дачу и нечего на меня так смотреть. Давай проходи в дом иначе замёрзнешь.

Пока я переваривала свалившуюся на меня информация, Андрей вновь потянул меня за собой, в считанные секунды, впихнув сначала в калитку железных ворот, а затем преодолев небольшой дворик и в сам дом. Оказавшись в просторном и дорого обставленном коридоре, я почувствовала уже знакомую дрожь в коленях. А когда Андрей, поставив пакеты с продуктами на пол, стащил с себя футболку, оголяя себя по пояс, нервно сглотнула слюну... и вовсе не со страха.

Обвив руками мою талию, Андрей в считанные секунды притянул меня к себе так, что мои ладони легки на его широкую грудь. Всё тело пробил мощный заряд электрического тока. Страх испарился сам собой. Как замороженная смотря на его чувственные губы, я сходила с ума от желания ощутить их вкус. Неимоверно сильно хотелось провести ладонями по его плечам, груди, животу...

Вцепившись пальцами в мой подбородок, Андрей поднял мою голову кверху, заставляя меня утонуть в его дьявольски-лукавом взгляде. Медленно он начал склоняться надо мной, сокращая расстояние между нашими губами...Внизу живота не просто потеплело, а вспыхнул целый пожар желания. Тело пробивала волна дрожи. Так сильно хотелось поцелуя...

— Разгрузи пока пакеты с продуктами, мне надо вещи просушить, — выдохнул мне в губы, и провёл языком от ямки под горлом до подбородка, оставляя за собой влажный след. Нервно всхлипнув, я, даже не обратив внимания на его слова, вцепилась дрожащими пальцами в его сильные руки, закрыв глаза и запрокинув голову кверху.

Сильнее стиснув меня в руках, Андрей провёл языком по краю моего ушка, слегка прикусив мочку, и чуть оттянув её. Не выдержав, я судорожно вздохнула, и вплела пальцы в

его волосы, зажмурились до цветных кругов во взгляде, стора от невыносимого желания почувствовать его губы на своих.

— Иди на кухню. Прямо по коридору и направо, — хрипло прошептал мне в ухо, и резко отстранившись, скрылся за широкой дверью, скорее всего ведущей в гостиную.

Прошло, наверное, ещё минут пять, прежде чем я поняла, что случилось. А точнее, прежде чем окончательно запуталась. Что это было? Он вот так просто отстранился от меня... Почему? Я ведь не сопротивлялась. Или он сам не захотел продолжать...? Подавив в себе лёгкую дрожь вперемешку с вмиг охватившим меня разочарованием, я подхватила с пола пакеты и прошла по указанному мне направлению. Войдя в кухню я огляделась по сторонам, не заметив ничего примечательного. Грязная посуда в раковине, остатки еды на столе, лёгкий бардачок и больше ничего. Поставив пакета на стол, я стала перекладывать продукты в холодильник. Андрей появился через несколько секунд, в спортивных штанах и домашней футболке, с несколькими пакетами продуктов в руках. Я думала, что сейчас он мне всё объяснит или хотя бы поможет с продуктами, но парень, скрестив руки на груди, со скучающим видом просто наблюдал несколько минут как я копошусь в пакетах.

— Андрей, ты для этого меня сюда привёз? Чтобы я тебе продукты разгружала?

Не знаю почему, но мне пробрала злость. Сильная, ярко отображающаяся пеленой злости в моём взгляде.

— Нет, не для этого, — с нажимом произнёс он, и в секунду оказавшись возле меня, больно стиснул пальцы на моей талии.

Хватило всего мгновения, чтобы я вновь позабыла, как надо дышать. Его непонятное, меняющееся со скоростью света поведение, совершенно перестало иметь какое-либо значение. Он был так близко, что я могла уловить биение его сердца, каждой клеточкой своего тела ощутить его напрягшиеся мускулы, вновь утонуть в этих бездонных глазах... Медленно приблизившись ко мне, он бережно собрал все пряди моих разметавшихся волос в хвостик, и уложил мне его на плечо. Когда я ощутила его горячие и чуть влажные губы на своей шее, меня пробило током. Волна нереального наслаждения прошла от самой макушки и до кончиков пальцев на ногах. Внизу живота полыхнуло так, что я еле сдержала срывающийся с губ томный стон. Сильнее стиснув меня в объятиях, Андрей прикусил кожу, и тут же зализал покрасневшее местечко. В одну секунду дыхание оборвалось. Глаза закатились сами собой, а руки безвольно упали на его плечи. Прокладывая дорожку из влажных поцелуев, Андрей заставлял меня забывать обо всём на свете, утопая в желании получить куда больше ласк, чем он дарит мне сейчас. Поцеловав чувствительное место за ушком, Андрей выбил из меня прерывистый вскрик. Довольно улыбнувшись, он провел кончиком языка по раковине уха, чуть ослабив хватку. Всё тело пробивал озноб. Если бы у меня остались силы, хоть на что-то, я бы не секунды не сомневаясь, впиалась бы в его губы жадным поцелуем, вложив в него все переворачивающие меня на изнанку чувства.

Уткнувшись носом мне в висок, Андрей хрипло прошептал, — знаешь, до тебя здесь девушек не было.

В эти мгновения мне показалось, что весь мир перестал существовать.

— Ни одной? — дрожащим голосом прошептала я, желая вновь ощутить его губы на своём теле.

— Ни одной, — тихо, произнёс он, нежно глядя меня по голове, — этот домик он...я здесь только с друзьями отдыхал. Футбол там смотрели, в игры резались...в общем, здесь семейное так сказать место, для самых близких, понимаешь?

Едва заметно кивнув, я осознавала, что, на самом деле, ничего не понимаю. Мы ведь знакомы всего ничего и я...я не могу быть для него близким человеком. По крайней мере, наверно, пока.

— Здесь не было девушек, — вновь повторил он, прикоснувшись губами к моему виску, — и поэтому....Ксан, мне ужасно неловко просить, но...ты же видишь какой здесь бардак. Поможешь прибраться?

Не успела я прийти в себя, как он улизнул поближе к двери, щурясь на меня ужасно довольными глазами. Наверное, только через несколько минут я поняла, что меня вновь надули...ужасно, жестоко, по свински. Только в этот раз вместо обиды, пришла жуткая злость. Теперь-то я точно знала, что мои прикосновения не отзываются в нём равнодушием...Но видно, наблюдать за тем, как я бешусь, ему намного приятней.

— Помочь убратся? — на всякий случай переспросила я, совершенно спокойным голосом.

— Ага. Ты полы помоешь, я ужином займусь, — сказал с присущей ему иронией, но я уловила в его голосе некую настороженность.

— Заманчиво, конечно, но я думаю, что смогу найти более интересное занятие на вечер. На этот раз я, до того, как он очухался, смотала в коридор, нервно пробегаясь взглядом по обуви и верхней одежде. Моей не было. Только та, что он мне купил.

— Эй, ты куда собралась?

Выскочив в коридор вслед за мной, грубо рявкнул Андрей.

— Пока не решила. Может, прогуляюсь по вечернему городу, — постаралась, чтобы голос звучал как можно более отрешённой.

Внутри меня зашкаливал адреналин. Я чувствовала, как он злится, как сжимает кулаки и была готова запищать от восторга. От былой нерешительности и скованности не осталось и следа. Хотелось вывести его из себя, так же как и он меня, и показать, что больше я не собираюсь падать в обморок от одних лишь его прикосновений...хотя за это, если быть честной с самой собой, я не могла поручиться.

— С кем?

Один бог знает чего мне стояло удержать на ногах, когда почувствовала его гневный рык прямо у себя за спиной.

— Не знаю, может с Катей, — миг спасовала я, решив его больше не злить. Но почему-то, вопреки моим ожиданиям, мой ответ вывел его из себя ещё больше.

— С этой шаловой? И куда она тебя потащит?

Резко развернув меня к себе, Андрей припечатал меня к стене, грозно нависнув надо мной. Вся моя решимость, весь мой боевой настрой, как-то тихонечко помахали мне ручкой....Стало до одури страшно, и вместе с тем, безумно захотелось узнать, что будет дальше. Долго мучиться любопытством мне не пришлось. Рыкнув, что-то непонятное, Андрей больно сжал меня в своих объятиях, впившись в мои поддрагивающие от шока губы жёстким поцелуем. Все чувства, которые перемешались во мне, выплеснулись в это безумие. Этот поцелуй был больше похож на схватку. Он не был нежным или трепетным, какими, наверно, должны быть первые поцелуи. Он был грубым, жёстким, властным, всепоглощающим. До боли сжимая пальцы на моей талии, он выпивал моё прерывистое дыхание своими губами, брал шефство в этом чувственном безумии, не давал мне перенять инициативу, яростно прижимая к своему разгоряченному телу. Все мысли смешавшиеся в одну кучу, покинули мой разум. Острое, дикое желание, отзывающееся болезненным

томлением внизу живота, окончательно лишило меня здравого смысла. Мне было всего мало. Мало его жёстких поцелуев. Мало его грубых ласк. Хотелось большего, куда большего....Когда в глазах заискрилось миллионами рассыпавшимися на мелкие кусочками звёздочками, когда тело перестало меня слушаться, а сердце практически прекратило биться, Андрей резко оторвался от моих губ, прижав мою голову к своей груди, так же как и я, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание.

Гладя меня подрагивающими руками по пояснице, он прижимался губами к моему лбу, шепча что-то непонятное. Когда вспышка яростного сумасшествия, наконец, ослабла, он обхватил моё лицо руками, и гневно произнёс:

— Только попробуй, куда-нибудь смотаться.

— Только попробую куда-нибудь смотаться, — прерывистым голосом передразнила я, почувствовав, как он улыбнулся.

— И когда ты успела стать такой смелой? Ещё вчера в обморок падала от моих прикосновений. А сейчас, я чуть не задохнулся с тобой.

— В тихом омуте, черти водятся.

Рассмеявшись в голос, Андрей ещё раз поцеловал меня в губы, но на этот раз нежно, и даже немного ласково, правда, уже через несколько секунд отстранился. Скрывшись за какой-то дверью, он оставил меня одну на пару минут. Появившись в коридоре с половой тряпкой в руках и ведром наполненной воды, он довольно, и вместе с тем уверенно и нагло произнёс:

— Что застыла чертёнок? Бери тряпку и задело. Начнёшь с кухни, закончишь гостиной.

Прежде чем я успела прийти в себя, Андрей, поставив ведро со шваброй на пол, скрылся за дверью, ведущей, по всей видимости, в одну из комнат. Ещё около минуты я стояла на месте, не совсем понимая, что только что произошло. Припухшие и чуть влажные губы жгло огнём, как и все участки кожи, к которым он прикасался. Руки, пробивала нервная дрожь. Глаза светились огненным блеском. Всё тело, от самых кончиков волос и до пяточек на ногах, слегка покалывало. Скрутившаяся внизу живота спираль желания причиняла мне лёгкую боль. А я, опираясь о холодную стену и обнимая себя руками, не отрывала взгляда от двери, за которой скрылся Андрей. Мысли, смешавшиеся в голове в одну кучу не давали связно мыслить, и здраво рассуждать. Единственное, что я понимала наверняка, так это то, что случилось невозможное...что-то сказочное, спонтанное, из рода фантастики. Он меня поцеловал. И это был не лёгкий чмок в щёчку. Он жадно пил моё дыхание своими губами. Он сминал мой рот во властном, собственническом поцелуе. Его сердце колотилось в таком же бешеном ритме, как и моё. Он хотел этого поцелуя так же сильно, как и я. И это просто невероятно! Как я могла ему понравиться? Что он мог во мне разглядеть? Глянцевой, да и просто хорошенькой внешностью я не обладаю. Наверяд ли можно сказать, что я интересная личность. Скорее наоборот скучная, замкнутая, стеснительная...такой я была до сегодняшнего вечера. И такой я больше никогда не хочу быть. Никогда. Прикусив нижнюю губу, я, сильно зажмурившись и несколько раз качнув головой в разные стороны, окончательно прощаясь со своими мечтами и возвращаясь на землю, перевела взгляд на пол. Ведро с половой тряпкой — вот, что действительно мне подходит. В таком доме я могу быть только в качестве уборщицы. А судя потому, что из комнаты, в которую зашёл Андрей, доносятся звуки футбольного матча, он ничуть не шутил, на счёт мытья полов.

Неуверенно перемявшись с одной ноги на другую, я, почему-то боясь воспроизвести громкие звуки, на цыпочках подошла к ведру и, смочив в нём тряпку, намотала её на

лентяйку. Наверное, это было не совсем правильно с моей стороны. И уж конечно, будь на моём месте, к примеру, Катя, она бы, наверняка, брезгливо фыркнув носом, высоко задрала свою голову и гордо ушла. И нельзя сказать, что она поступила бы неправильно. Но вот только я, не хотела даже смотреть в сторону двери. Не знаю, зачем Андрей затеял всё это, может он и вправду привёз меня к себе, чтобы я продраила его дом, но я, словно беспрекословно подчиняющаяся ему вещь, взяла швабру с ведром, и на ватных ногах двинулась к кухне.

Надо сказать, что за то время, пока я мыла его кухню, прихожую, и громадную гостиную, я устала куда больше, чем за весь час утренней пробежки. К тому времени, как я домыла порог гостиной, я ощущала себя примерно так же как мокрая, грязная, половая тряпка в моих руках. Пряди растрепавшихся в разные стороны волос прилипли к моему лицу. Спортивные штаны, в которых я ползала по его квартире, теперь уж точно надо было выбрасывать на свалку, хотя им там давно и место. Не говорю уже про покрывшуюся пятнами майку, которую можно было выжимать насухо. А Андрей наверняка только и порезал овощи к салату, или ещё чего проще, просто разогрел пиццу. Ну и где справедливость?

Вылив грязную воду в унитаз, и прополоскав в ванне тряпку, я потратила ещё около тридцати минут, чтобы привести себя в порядок. Хотя удалось только, 'почистить' лицо, вымыть руки и расчесать волосы. Как бы я не хотела, залезть в душ всё равно не решилась. Да, и неудобно это как-то было. Не говорю уже про то, что надо было бы простирнуть вещи. Пришлось, заходить к нему в комнату гадким утёнком. Не успела я правда переступить и порог спальни, как Андрей, не отрывая взгляд от телевизора и пятой точки от кровати, тут же бросил мне небрежным голосом:

— Ну и чего ты так долго? Матч уже даже почти закончился.

Хватило всего секунды, чтобы вся усталость и лёгкая скованность, всё ещё теплящаяся внутри меня после поцелуя, развеялись как по волшебству. На полу спальни валялись пустые коробки из-под попкорна и сухариков. На журнальном столике стояла наполовину пустая бутылка пива, и тарелка с остатками кальмаров. А сам Андрей, лениво развалившись на кровати во всём чистом и домашнем, сонливо позёвывал и щёлкал пультом, переключаясь с одного канала на другой.

— Ты же сказал, что будешь готовить ужин? — с трудом мне удалось, не сорваться на крик.

Медленно повернувшись ко мне, Андрей окинул меня насмешливым взглядом.

— Ух, ты, какая ты чистенькая, — язвительно улыбнулся, прикусив нижнюю губу. — Сероглазка, ты чего-то спутала, я сказал, что займусь ужином, то есть его поглощением, а не приготовлением.

Обернувшись назад к телевизору, Андрей, видимо спинным мозгом почуяв неладное, ещё в воздухе перехватил, брошенную в него подушку. А я, кусая губы до крови, сжимала кулаки так сильно, что сломанные ногти впивались мне в ладони, оставляя на них болезненные следы. Внутри меня кипел целый вулкан ярости, ненависти и злости. Желание стереть наглую улыбочку с его лица, просто выжигало меня изнутри.

— Оксан, чипсы...

— Не буду я твои чипсы! — не дослушав, вскрикнула я, запустив в него ещё одной подушкой, от которой он так же удачно увернулся.

— Чипсы мне дай, пожалуйста. Они на тумбочки лежат. Вон те, с беконом, — нагло улыбнувшись, Андрей протянул руку к бутылке пива, но тут же подскочил на месте. Его природные рефлексy самозащиты не подвели его и в этот раз. Правда сейчас, я запустила в него книгой, а не подушкой.

Увернувшись от снаряда всего лишь за долю секунды до того, как он достиг бы своей цели, Андрей поднял на меня, пылающий яростью взгляд. Только на этот раз, я не спасовала под ним, а ответила ему тем же.

— Ты, что издеваешься надо мной? Ты зачем меня сюда притащил? Чтобы я тебе бесплатную уборку воспроизвела?

— Почему бесплатную? Я тебя за это поцеловал.

От его ответа меня словно передёрнуло. Яростный блеск в глазах потух, уступив место бесконечной обиде. Не найдя нужного ответа, я, прикусив нижнюю губу, ринулась из спальни, забежав в ванну, и с грохотом захлопнув за собой дверь. Оперившись руками об умывальник, я взглянула на своё отражение в зеркале. Взлохмаченные, жирные волосы, синие круги под глазами, усыпанное мелкими красными прыщиками бледное лицо, и небольшой шрам под подбородком, сопровождающий меня с самого детства. Спившаяся алкоголичка и то, наверное, выглядит лучше. Глупо было думать, что я могу понравиться Андрею. Видимо он, правда, поцеловал меня, только ради прикола.

На глаза навернулись предательские, и так не нужные сейчас слёзы. Потому как, тихо приоткрыв дверь, на пороге появился Андрей, с футболкой и трениками в руках. Беззвучно подойдя ко мне сзади, он, положив ладони мне талию, притянул меня к себе, посмотрев на меня через зеркало. Заметив скатывающиеся по моим щекам слезы, он нахмурился, стерев каждую большим пальцем.

— Эй, ну ты чего?

Его сухие, горячие губы, прикоснувшиеся к моему обнажённому плечу, вызвали волну дрожи, прошедшую по всему телу и крепко осевшую внизу живота.

— А что за это мне нужно сделать? Всю квартиру отдраить?

Пыталась сохранить в себе прежнюю обиду, но ощущение его близости, просто выбивало меня из колеи.

— Приготовишь с утречка мне завтрак, и мы будем в расчёте, — ухмыльнувшись, Андрей обхватил меня за плечи, резко развернув к себе. Практически упав на его грудь, я почувствовала, как всё тело пробил мощный заряд тока. Каждое его прикосновение, каждый взгляд, каждая нагло ухмыляющаяся улыбка вызывала во мне волну вожделение. Всё тело охватывала огненная волна безумной страсти, и хотелось большего, много больше, чем я когда-либо испытывала....Эти чувства пугали меня и вместе с тем влекли всё дальше и дальше.

— Вот держи, это чистые вещи. Прими душ, и возвращайся в спальню.

Медленно склоняясь к моей шее, Андрей сводил меня с ума от переизбытка чувств. Острое наслаждение пронзило каждую клеточку моего тела, когда он провёл языком влажную дорожку от ключицы до ямки под горлом. На какое-то мгновение я забыла, как надо дышать. Из груди рвался томный, полный мучительного желания стон. Запрокинув голову, я судорожно вздохнула. Глаза закатились сами собой.

— Не засиживайся, тут, — хрипло прошептал мне в ухо, и резко отстранился.

Когда я пришла в себя, его уже не было рядом. В это мгновение я была готова завывать, от причиняющего мне боль томления внизу живота. Быстро скинув с себя все вещи, я зашла в

душевую кабинку, включив воду. Первые капли упали на затвердевшие соски, и меня выгнуло дугой, от пронзившего всё тело острого наслаждения. Еле сдерживаясь, чтобы не разреветься, я, намыливая себя гелем для душа, пыталась разобраться, что со мной творится с тех пор, как встретила Андрея. Вчера возмутилась, когда подумала, что он хотел пригласить меня к себе, а сегодня, когда он сводил меня с ума, лёгкими, практически невесомыми прикосновениями, была готова умолять его не останавливаться. Вчера я краснела от одних его взглядов, сегодня еле сдерживала стоны, когда он прокладывал дорожку поцелуев на моей шее... Я совсем себя не понимаю. И я не понимаю его. Я не понимаю, когда он шутит, а когда говорит серьёзно. Я не понимаю, то ли я правда ему нравлюсь, то ли он играет со мной...только вот во что?

Тихо, на цыпочках, я зашла в погружившуюся в полумрак комнату. Прикрыв за собой дверь, я беззвучно подползла к кровати, откинув одеяло, и завалившись в неё, блаженно растянувшись во весь рост.

— Эй, а мне ты на коврик прикажешь спать? Ну-ка подвинься живо.

С трудом мне удалось сдержаться, и не запищать от неожиданности. Я думала, что буду спать одна....Почувствовав, как кровать подо мной прогнулась под тяжестью мужского тела, я, поджав по себя ноги, подползла к самому краешку.

— Теперь ты решила на ковре прилечь? — усмехнулся в самое ухо, резко рванув меня на себя, обхватив меня за талию, и прижав к своей груди. — Ещё раз решишь под дождём побегать, ты мне не только полы драить будешь, ты мне и всю лужайку подметёшь. Поняла?

Зажмурившись до цветных кружочков во взгляде, я изо всех сил старалась подавить в себе рвущуюся наружу улыбку. Он заботился обо мне. Пусть так странно, и с небольшой пользой для себя, но всё-таки заботился. А до него, этого ещё никто не делал.

— Не слышу ответа, — недовольно буркнул мне в шею, и сжал меня в объятиях так сильно, что слышался хруст косточек.

— Поняла, — старалась держать голос ровным, а всё равно, промурлыкала как котяра, сожравший банку сметаны. — Спокойной ночи.

Попытавшись перетянуть на себя одеяло, я получила не хилый такой удар...по попе.

— Оксан, ты это сразу учти...

Замолчав, Андрей устроил интригующую паузу.

— Чего?

— Я боксом восемь лет занимался. Так что не советую ручки распускать.

Хотелось, ой как хотелось проехать по его нагло улыбающейся роже, только вот он держал мои руки в стальном захвате.

— Вот теперь, спокойной, — почувствовав его горячее дыхание у себя на затылке, вся злость во мне мигом улетучилась. Чуть ослабив хватку, Андрей положил руку мне на бедро, и не сильно сжал его. Приглушенный стон помимо воли слетел с моих губ. — Я тебя предупредил.

Резко отстранившись, Андрей перевернулся на другой бок и оттянул на себя практически всё одеяло, оставив мне самый краешек. Мысленно послав ему тысячу проклятий, я, до боли закусив нижнюю губу, зарылась лицом в подушку, стараясь подавить в себе уже привычное чувство неудовлетворённости. Если сегодня и получится заснуть, то это будет нескоро, очень нескоро...

Из сладкого, и такого недолгого сна, меня выдернуло, настойчивое торможение за плечо. Поморщившись, я лениво потянулась на кровати, неохотно, зевнув. Стоило мне только открыть глаза, как резкий свет тут же заставил меня вновь зажмуриться.

— Чёрт, Оксан, просыпайся, — резкий, и не очень-то дружелюбный голос Андрей, мигом вернул меня в сознание.

Потерев глаза ладонями, я, всё ещё щурясь от яркого света, уставилась на Андрея сонным взглядом. Он, был уже полностью одет, и, то и дело, нервно поглядывал на мобильный.

— Вставай, скорее, и иди, умывайся.

— А сколько сейчас времени?

Сев на кровати, я натянула простынь, чуть ли не до самого подбородка. Волнение, которым был явно охвачен Андрей, очень быстро передалось и мне.

— Полвосьмого.

— Полвосьмого? А куда мы так рано?

— Ты домой, а я по делам, — убрав телефон в карман, Андрей накинул на плечи куртку, быстрым шагом дойдя до двери. — Чёрт, Оксан, вставай уже!

Чуть ли не вскочив с кровати, я, практически бегом двинулась к ванне. Умылась я на скорую руку. В душе щемило ужасное, нагнетающееся с каждой секундой чувство чего-то нехорошего. От того прежнего, весёлого, подкалывающего, заботливого Андрея, каким он был вчера не осталось и следа. Вернувшись в спальню, я обнаружила свой спортивный костюм вместе с вчера купленной Андреем верхней одеждой, на кровати. Быстро переодевшись, я вышла в коридор, не решительно замявшись в углу. Андрей с кем-то разговаривал на повышенных тонах, и, судя по его лицу, его собеседник начинал раздражать его всё больше и больше. Завидев меня, он быстро свернул разговор, убрав телефон в карман джинс.

— Твоё такси уже приехало, — на ходу бросил он, застёгивая куртку, и открывая входную дверь.

— Такси? А ты не сам...

— Мне некогда, — рявкнул так, что я, еле сдержала наворачивающиеся на глаза слёзы. Обернувшись ко мне, Андрей, заметив моё более чем перепуганное состояние, чуть смягчился. — Извини. Дела очень важные образовались. Сейчас некогда объяснять. Пошли.

Взяв меня за руку, Андрей, закрыв за нами входную дверь ключом, быстрым шагом преодолел расстояние до ворот, а затем, пройдя через калитку, кивнул мне в сторону, не глушащего мотор такси.

— Вот, держи, — сунув мне в карман куртки деньги, он одним молниеносным взглядом опроверг все мои не высказанные вслух возражения. — Пока, — сухо попрощался и подтолкнул меня к машине.

На ватных ногах, я дошла до такси, заползя внутрь пропитанного сигаретным дымом салона, и дрожащими руками, захлопнула за собой дверцу. Когда водитель, повернул ключ в зажигании, я поняла, что Андрей со мной не поедет. Внутри поселилось душное меня чувство пустоты. Слёзы помимо воли скатились с моих глаз.

— Оксан, подожди!

Запыхавшийся голос, и руки вцепившиеся в открытое окно машины, заставили моё сердце пропустить тысячу ударов.

— Вот, это шоколад, как и обещал, — положив мне на колени большой, разноцветный пакет, Андрей, увидев на моих щеках слёзы, тот час нахмурился. — Эй, ну ты чего, — бережно стерев каждую слезинку, он выдавил из себя нежную улыбку, — я ужасно тороплюсь, и мне пока некогда тебе ничего объяснять. Но, не плачь. Мы ведь не последний раз видимся.

— Правда? — с какой-то дрожью в голосе спросила я.

— Правда, — хрипло произнёс он, и кивнул водителю, чтобы тот отъезжал.

Ещё много времени спустя, я думала, что это утро, было одним из самых худших в моей жизни.... Я старалась даже не вспоминать, что я чувствовала, те проклятых три недели, что провела без него. Мне казалось, что ничего ужасней быть не может. Сейчас, я, наверное, многое бы отдала, чтобы то утро, положило конец нашему с ним знакомству...

Выбросив конверт в мусорное ведро, я, уселась прямо на бордюр, щурясь от яркого солнца. Наконец-то тепло. На градуснике плюс тридцать. Можно пойти на озеро, сегодня там как раз все наши собрались. Устраивают так сказать прощальный вечер. Мне пришло письмо с подтверждением, что я зачислена в институт. Это уже второе 'приглашение' на учёбу. Оба вуза в разных городах. Оба далеко от моего родного гнёздышка. Надо решать уже сейчас куда я подамся. Надо, всё выяснить об общежитии. Вроде бы некогда скучать, столько дел сразу навалилось, нужно срочно определяться с выбором института, узнавать всё на счёт жилья, и уже пришло время подыскивать работу. Только вот нет никакого желания, чем-либо заниматься. Хочется завалиться в кровать, свернуться калачиком и никого к себе не подпускать. Три недели. Три самые ужасные недели в моей жизни. Ни одной встречи, ни одного звонка, даже ни одной смс. Будто бы и не было его в моей жизни вовсе. Он исчез. Просто исчез. Я уговаривала себя, что так даже лучше. Лучше, что всё закончилось, практически и не начавшись. Хотя ему, наверное, может показаться, что ничего и не было, но всё-таки было....Всего две встречи, смогли перевернуть мою жизнь. Тяжело, когда у тебя совсем никого нет. Ни настоящих друзей, на которых можно было бы положиться в трудную минуту, ни родителей, которые бросили меня, как только я появилась на этот свет. Я знала их. Более того, я даже знала, где живёт моя мать. Ещё в тринадцать лет мне захотелось узнать, благодаря кому я появилась на этот свет. Особого труда это не составило. Я знала, в каком роддоме родилась, ну а дальше всё было не сложно. Я быстро узнала всё о своих родителях, хотя потом так же быстро пожалела, что вообще влезла в это дело. Мой отец умер, когда мне было семь лет в колонии строго режима. Сидел за убийство своего друга-собутельника, которого зарезал армейским ножом в состоянии алкогольного опьянения. Мама, отказавшаяся от меня ещё в роддоме при рождении, сейчас замужем за каким-то крупным предпринимателем и живёт в Москве. Насколько я знаю, её родители очень влиятельные люди в нашем городе, и, наверное, они просто не захотели, чтобы их дочь вешала себе на шею нежеланного ребёнка. А в том, что моему появлению никто не обрадовался, я даже не сомневалась. Хотя возможно и сама мама не захотела воспитывать дочь от спившегося сантехника, который всю свою мизерную зарплату спускал на выпивку.

По крайней мере так, заплетающимся голосом мне сказали его 'кореша'. Мол, не захотела девка жизнь себе ломать. Так же по их словам следовало, что большой любви между моими родителями не было. В чём я собственно ни капли и не сомневалась. Нелепый и совсем непродолжительный роман с не очень хорошим концом. Разыскать свою маму я даже не пыталась. У неё насколько я знаю, уже есть двое своих желанных детишек от любимого, а главное обеспеченного мужчины, и вряд ли она горит желанием познакомиться с совсем далёким, и чуть не сломавшим ей жизнь ребёнком. Придя именно к такому выводу, я и закончила изучение своей родословной, в тринадцать лет окончательно смирившись, что никого кроме самой себя у меня нет. Одиночество — многие годы было моим верным и неизменным спутником. Очень долгое время...но только до того момента, как я встретила Андрея. Говорят, что когда человек влюбляется, он верит, что может случиться даже что-то совершенно невероятное, сказочное, волшебное, за гранью реальности. Вот и я поверила. Глупо. Подсознательно я всё прекрасно понимала. Сказки, они на то и сказки, что имеют мало чего схожего с реальностью. Я может и похожа на Золушку, а Андрей на волшебного принца (правда я думаю, что принцы в сказках, не заставляют драить полы), только вот жениться на мне он явно не собирался. Да и не рассчитывала я ни на что...Хотя нет. Вру самой себе. Рассчитывала, конечно рассчитывала. Замечталась, что в жизни бывают чудеса и у нас может, что-то получится. Вот и говорят после этого, что мечтать не вредно. Ещё как вредно. Кто знает, как далеко нас могут завести эти мечты...Мне несколько минут счастья обошлись долгими часами терзания себя. Вот вроде бы и не было у нас ничего, чтобы я страдала, а меня всё равно каждый день ломало. Всё звонка его ждала, да и чего греха таить, и сейчас жду, ведь обещал, что позвонит. Обещал, что ещё встретимся. А мне почему-то до последнего хочется верить, что обещания он свои держит. Вот и жду как дура. Ломаю собственную жизнь и жду его. Ведь нельзя уже времени терять. Надо скорее определяться с институтом и собираться в другой город. Если упущу момент — всё, к осени с вещичками и на улицу. И никто мне не поможет. Это-то я уж точно поняла. В жизни только на себя можно рассчитывать. Только вот я перестала это делать. Мельтешусь и жду непонятно чего. Ведь самой же даже понятно, что если бы у нас с ним, что-то бы и получилось, то ничего хорошего мне бы это не принесло. Хотя нет, опять обманываю. Кое чему, даже за то короткое время, что я была с ним, я всё-таки научилась. Нельзя на себя забивать. Мне итак в жизнь не легко будет пробиться, и хотя внешность не путь к успеху, забрасывать себя нельзя. Слава богу не так поздно это поняла. Три недели — минус семь килограмм. Да, далось мне это не просто, совсем не просто. Только вот теперь, первый раз в жизни, мне приятно смотреть на себя в зеркало. Нет до идеальной фигуры, конечно далеко, но хотя бы в норму себя привела. Не стыдно будет на пляж ходить. Опять же в зеркало смотреть...и так хочется, чтобы он увидел как я изменилась. Ведь это же всё для него. Для него.

К себе в комнату я вошла на слегка подрагивающих ногах. Кроме Кати, там никого не было, а попадаться ей на глаза, в последнее время стало опасно. А то она всегда была девушкой неуравновешенной, а с тех как с этим Стасом связалась, вообще с катушек слетела. И ведь вроде не её типаж мужчины, а всё равно мечется как брошенная в воду кошка. Стас не позвонил, со Стасом поругалась, Стас уехал на несколько дней, Стас с невестой встречается. И ведь всем, в частности даже ей самой понятно, что не получится у неё с ним ничего, а всё

равно плюёт на свою гордость и бегают за ним. А на моей памяти это впервые. Раньше Катя никогда не стелилась перед парнями, правда раньше, у неё никогда и не было таких парней. На мой взгляд, если она и испытывала к нему какие-то чувства, то это желания отбить у невесты и вытянуть из него деньги. Из-за этого, я окончательно потеряла всякое желание общаться с ней. Встречаться с женщиной зная, что это причинит боль другой — никогда это ещё не приносило счастья девушкам. Пробовала однажды с ней об этом поговорить, так она меня так отшила, что сразу пропало желание, ей что-то объяснять. Да и не маленькая она девочка. Сама может во всём разобраться, без чьей-либо помощи. А вот я не могу....Сколько раз хотела осторожно спросить про Андрея у Кати, и всё смелости не находила. А ведь она возможно единственный человек, который сможет мне что-то объяснить.

— Чёрт, Ксан, ты? Я уже сигарету потушила. Какого хрена без стука заходишь? — как всегда недовольным голосом произнесла Катя, когда я закрыла за собой дверь.

— Ну, это вроде как наша общая комната.

— Слава богу, что уже ненадолго, — ухмыльнулась Лебедева, пошарив в кармане, и видимо не обнаружив там того чего искала, злобно пробубнила, что-то себе под нос. — У тебя сигареты не найдётся?

— Знаешь же, что ни курю, — сбросив босоножки, я, положив мобильник на тумбочку, улеглась в кровать. — А ты, кстати, чего тут сидишь? Чего с нашими на озеро не пошла?

— На озеро? — презрительно фыркнув, Катя уселась в кресло, перекинув ногу на ногу. — Яму выкопали и залили водой вот и всё озеро. Я лично в этой луже купаться не собираюсь. У меня и поважней дела есть.

— Ну да, конечно. Надо же ещё вычитать в журнале, что модно этим месяцем. Час губы красить, про причёску я вообще молчу. А потом сломя голову бежать к Стасу на свиданку, чтобы уже у самого места встречи он позвонил тебе и сказал, что этот вечер он хочет провести с невестой.

Взгляд Лебедевой почернел от злости. Прикусив нижнюю губу, она скрестила руки в замок, злобно прошипев:

— Чё, сучка, больно борзая стала? Думаешь, сбросила жирок, хоть немного от свиньи отличаться стала, и уже со мной тягаться сможешь? Только ты как была нищевродкой без рожи и кожи, так ей и осталась. И ничего тебе в жизни, кроме как комнатухи в спальном районе, и алкаша — мусорщика не светит. Въехала?

— А тебе-то что светит? — жгучая ярость вперемешку с непонятно откуда-то взявшейся смелостью, затмили все мои здравые мысли. — Думаешь у тебя, что-нибудь получится с этим Стасом? Да ты для него дешёвая шлюха и только. Он с тобой погуляет, и через неделю имени твоего не вспомнит. Ты для него ничто. У него насколько я помню, невеста есть. Наверняка красивая, умная из хорошей семьи. Вот она женой его станет, он её с собой по разным странам будет брать, её водить по дорогим ресторанам, покупать ей фирменную одежду, и просто ночевать с ней в одной постели. А ты так, пшик. Что-то мимолётное и совсем незаметное.

— Выказалась? — спокойным голосом произнесла Катя, надменно вскинув брови. — А теперь посмотри туда, — кивнула в сторону трёх упакованных возле шкафа чемоданов, — мы со Стасом послезавтра уезжаем в Москву. Не спорю бросать свою невесту, и уж тем более жениться на мне он не собирается. Только мне этого и не нужно. Стас обещал, что поможет мне устроиться в городе. Познакомит с нужными людьми и пропонирует первое

время. А там я уже как-нибудь сама разберусь. Москва — город большой, одна не останусь, уж кого-нибудь да подцеплю. Главное, что из этого днища выберусь. А вот ты всю жизнь будешь ломать голову как прокормить свору таких же нищелюбов как и ты, пересчитывая слёзные копейки своего неудачника муженька, если таковой вообще будет. А то знаешь, даже, несмотря на то, что ты похудела, ты как была страшилищем, так и осталась. И не один нормальный мужик даже носу в твою сторону не поведёт. Не знаю, правда, что у Андрея за бзик был, но в любом случае думаю, что он просто прикольнонулся. Так что не лей попросту слёзы, у тебя с ним ничего быть не могло. Он уже завтра уезжает в Москву, и вы больше никогда не увидите. Правда, ты можешь с ним попрощаться. Хочешь я дам тебе адрес гостиницы, в которой он остановился?

— Гостиницы? — дрожащий голос не принадлежал мне. Уезжает. Он завтра уезжает. Мы больше никогда с ним не увидимся. Душащие горло слёзы, тут же подступили к глазам. Да какого чёрта? Почему я должна реветь? Хочет уезжать? Ну и пусть катится ко всем чертям. Мне всё равно. ВСЁ РАВНО.

— Ага. Понятия не имею, зачем он там поселился. Наверное, чтобы отделаться от таких надоедливых идиотов как ты. Ну, так, что? Тебе дать адрес?

Сев на кровати, я прижала ноги к груди, обхватив их руками. Адрес...зачем мне его адрес? Зачем мне приходить к нему, если он не хочет меня видеть? А ведь он не хочет, иначе бы уже давно назначил встречу. Зачем мне ему надоедать? Я для него никто. Так развлекуха. Уборщица и клоун по совместительству. Нет, хватит. Перетерплю. Я всё смогу перетерпеть. Плевать, что больно. Плевать, что хочется быть волком, и биться на полу в истерике. Я перетерплю.

— Эй, Толмачёва, не будь дурой, ноги в руки и пулей к нему. Я, конечно в сказки не верю, но чудеса вроде тоже случаются. Кроме того лучше жалеть о сделанном, чем о не сделанном.

Мне кажется, или она действительно хочет как лучше? Либо я сплю, либо это мираж. Катя никогда ничего не делает для других. Всегда и во всём ищет свою выгоду. И с чего вдруг такая забота, пусть и в грубой форме?

— Ты оглохла что ли, дура тупая? Хочешь опять ночью подушку слезами залить. Дело твоё. Только ты учти, если сейчас не попытаешься, жизнь у тебя будет такая, как я сказала, — встав с кресла, Катя выдрала из тетрадки клочок бумажки и, начеркав на нём что-то, кинула его мне. — Это адрес. Если не совсем ещё идиотка, то ты сейчас оторвёшь свою пятую точку от кровати, и пулей бросишь к остановке.

Не сказав больше ни слова, она пошарилась у себя в сумочке и неспешным шагом вышла из комнаты. Я не знаю, что во мне перевернулось. Может природный дар убеждения Лебедевой сработал, а может я сама поняла, что если сейчас останусь лежать в кровати у себя в комнате, то потом действительно, возможно и всю жизнь буду жалеть. Нужно понять, что между нами в любом случае ничего не может быть. Нужно его увидеть, хоть одним глазком, чтобы это понять...Мне нужно только убедиться, что между нами ничего не может быть...только это.

Окинув взглядом весь холл гостиницы, я неловко плюхнулась в мягкое кресло. Шикарное. Просто шикарное здание, как внутри, так и снаружи. Обстановка примерно такая

же как в дорогих фильмах про богатую жизнь. Вокруг с иголки одетые мужчины, увлечённо обсуждающие свои мега важные дела, с сигарой в одной руке и бокал с дорогим спиртным в другой. Рядом с ними обязательно красуются ярко-накрашенные девушки, в коротких платьях и на высоченных шпильках. И тут я. Разбавительница этого гламурного общества, в своём лёгком летнем сарафане в цветочек и коричневых босоножках. Что я здесь забыла? Да меня же сейчас попрут отсюда в три ноги. Весь персонал итак косится на меня усмехающимися взглядами. Всё это бред. Самая глупейшая затея за всю мою жизнь. Надо уходить пока ещё ничего натворить не успела. И, наверное, я бы ушла, если бы всё моё тело не прошила волна дрожи. Я его не видела. Не слышала его голоса. Но точно знала, что он здесь. По дрожащим рукам. По гулко забившемуся в груди сердцу. По прерывистому дыханию. По помутневшему взгляду. Медленно обернувшись, я увидела, как он быстрым шагом идёт к лифту. Вот уже практически дошёл до его дверей. Пробежался мельким взглядом по отражению в зеркале, всего лишь на одно мгновение, встретившись с моими глазами. Остановился. Несколько секунд стоял не шевелясь. Потом резко обернулся, и своим хищным взглядом до невозможности зелёных глаз, заставил моё глупое сердечко забиться в бешеной скорости где-то в горле. Только он умел так смотрел. Пронзительно. Хищно. Требовательно. Властно. И вместе с тем, в его взгляде смешались и другие чувства, разобрать, которые было просто нереально. Вот он в неспешной походке направляется в мою сторону, заставляя меня терять последние остатки самообладания, и полностью отключаться от реальности. Остановившись в двух шагах от меня, он скрестил бугрящиеся мышцами руки на груди. Господи, какое же всё-таки у него великолепное тело. Рельефное, загорелое, и в меру накаченное. Видно, что на спортзал ни времени, ни сил не жалеет. Подняв взгляд выше, я встретила с хищно сверкающими тигровыми глазами. Тело пробил заряд электрического тока. От одного только его взгляда, я готова сойти с ума, забывая всё на свете.

— Привет, — я не знаю, как мне удалось выдать это из себя. Голос дрожал, и совсем не слушался меня.

Усмехнувшись, Андрей растянул губы в ехидной улыбке. А я нервно сглотнула, помня какие эмоции вызывали во мне прикосновения этих губ.

— Пойдём, — коротко и требовательно произнёс он, схватив меня за руку, и рванув на себя. От прикосновения его коже к моей, из меня вышибло весь дух. В глазах резко помутнело. А дыхание на несколько долгих секунд и вовсе покинуло меня. Господи как же я скучала по его прикосновениям, по его хищному взгляду, по его нагло ухмыляющейся улыбке. Я нуждаюсь в нём. Нуждаюсь, как изнывающий от жажды человек, заблудившийся в пустыне, нуждается в воде. Это какое-то наваждение, не передаваемое никакими словами. И оно не спадёт. Только сейчас я поняла, что просто так, мне не удастся выкинуть его из своей головы.

Потасив меня за собой, Андрей нажал на кнопку лифта, и когда тот пришёл, буквально втолкнул меня в просторную кабину. Наверное, если бы помимо нас там не было других людей, я бы сошла с ума. Потеряла сознание. Лишилась всяких чувств. Я итак не могла удержаться на ногах, чувствуя, что в любую секунду могу срастись поцелуем с прозрачным полом кабинки лифта. И если бы Андрей не поддерживал меня за руку, всё так бы и было.

Лифт ехал всего несколько секунд, но это время, показалось мне самым долгим ожиданием в моей жизни. Выйдя на нужном этаже, Андрей провёл меня за собой к двери в свой номер, и, отперев её ключом, буквально затолкал меня внутрь. Только тогда он отпустил мою руку, даже не проходя вглубь номера, усевшись в кресло в прихожей, и

установившись на меня выжидающим взглядом.

— Ну, я слушаю, — прервав минутное молчание, требовательно произнёс он, вальяжно развалившись в кресле, и прикусив нижнюю губу.

Ну, вот, и что тебе сказать? Молодец Оксана. Послушалась дурного совета дурной девушки. Теперь сама всё расхлёбывай.

— Что ты хочешь услышать?

— К примеру, что ты здесь делаешь, — усмехнулся Андрей, не сводя с меня пристального взгляда. А я начинала чувствовать себя как провинившаяся школьница в кабинете у директора.

Нервно скомкав в ладонях ткань сарафана, я тихо произнесла:

— Тебя хотела увидеть.

На несколько секунд в его глазах промелькнуло удивление вперемишку с ещё каким-то чувством, разобрать которое мне не удалось. Подперев голову рукой, он продолжал пристально смотреть на меня сверху-вниз, стараясь не упустить во мне ни одной детали. А я чувствовала, как всё тело захватила волна дикого смущения, вперемишку с не менее дикой вспышкой желания.... Господи, ну что я за человек? Мне нужно уходить, срочно бежать из этого номера, а я стою у ног парня, который может подчинить меня себе одним лишь взглядом, и умираю от желания вновь почувствовать его губы на своих, ощутить его местами грубые ласки, раствориться в его совершенном теле...

— Ну, увидела? Что-то ещё? — голос жёсткий, даже немного презрительный, вмиг выдернувший меня из моих мечтаний.

Господи вот дура и есть дура! Он надо мной смеётся. Зачем я только сюда притащилась? Зачем?

— Извини, — прошептала слишком тихо, не уверена даже, что он меня расслышал. Из груди рвался дикий вопль, сдержать который мне удалось невероятными усилиями. Резко развернувшись, я на негнущихся ногах двинулась к двери.

— Стой, — отдёргнул меня уже тогда, когда я повернула ручку, — повернись.

Он приказывал. Именно приказывал, а не просил. А я исполняла. Просто не могла по-другому. Уже сейчас начала понимать, что всё буду делать, так как он захочет, лишь бы он был рядом. Андрей, перекинув ногу на ногу, продолжал сидеть в кресле, буравя меня своими тигровыми глазами.

— А, ты изменилась, — мне показалось, или когда он остановил взгляд на моих губах, его дыхание участилось? — Смотрю утренние пробежки дали свои плоды. Молодец, — похвала сухая. Он не рассыпался в комплиментах или восторженных высказываниях, но я всё равно готова была сойти с ума от счастья. — Откуда ты узнала адрес гостиницы, в которую я заселился?

— Мне Катя сказала.

Криво усмехнувшись, Андрей встал с кресла, медленным шагом пройдя вглубь комнаты, я как верная собачка поплелась за ним хвостиком. Остановившись возле барной стойки, он налил себе в бокал коньяк, пригубив янтарно-красную жидкость.

— Ну да, Катя, знаем такую. Мой тебе совет Ксюша, тщательней выбирай себе подруг.

Какая неподдельная презрительность в голосе. Когда они уже успели поцапаться?

— Она не моя подруга, — усмехнувшись, Андрей отошёл к окну, повернувшись ко мне спиной. — Ты обещал, что позвонишь мне.

— Я не обещал тебе этого, — не оборачиваясь, холодно произнёс он.

— Но ты говорил, что мы ещё встретимся. Ты обещал.

— Вот мы и встретились. Я выполнил своё обещание, — мда, собственно и не поспоришь. Не пойму только, он намекает на то, что итак знал, что я рано или поздно прибегу к нему? — Я летал к родителям в Швейцарию. Отец хотел обсудить со мной мои будущие перспективы в его банке. Знаешь, я сказал ему, что хочу открыть свой.

— И что он ответил?

— На моё удивление возражать не стал. Правда, сказал, что сначала мне лучше поработать у него. Набраться опыта, пообщаться с нужными людьми, засветиться в этом деле, да и вообще наглядно понять, что к чему, — поставив практически нетронутый бокал с коньяком на журнальный столик, Андрей развернулся ко мне. — Что думаешь на счёт этого?

Он это серьёзно? Его действительно интересует моё мнение или он просто не может, на что-то решиться?

— Не знаю. Я мало чего в этом понимаю, но думаю, что он прав. Так, наверное, действительно будет намного разумней.

Усмехнувшись, Андрей скрестил руки на груди, и впился в меня насмешливым взглядом.

— Да, я тоже считаю, что отец прав. Он хочет, чтобы я незамедлительно начал входить в банковскую систему. Завтра я улетаю в Москву.

— Понятно.

— Что тебе понятно? — усмешка грубая, какая-то пьяная. Только сейчас до меня дошло, что выпил он уже не один бокал.

— Завтра ты уезжаешь, — слова произнесла спокойно, а внутри готова была взорваться от чувства безысходности.

— Возможно, я больше никогда сюда не вернусь.

Я тоже. Если он уедет, мне будет нечего здесь делать. Разве что подышать в этом чёртовом городе от постоянно гложащих меня воспоминаний. Я тоже уеду. Сегодня же выберу институт, всё улажу с общагой и уеду.

Судя потому, что он не сводил с меня пристального взгляда, он ждал ответа.

— Ясно.

— Ясно, — коротко хохотнув, передразнил Андрей, — чего тебе ясно-то?

— Ты уезжаешь, возможно, навсегда.

Ещё секунда и я разревусь. Надо бежать. Срочно бежать из этого номера, из этой гостиницы, из этого города.

— Ну, а ты? Учиться пойдёшь?

— Пойду, — тихо произнесла я, разрываясь между желанием выскочить из номера, и умолять его остаться.

— И куда?

— Пока не решила. Либо в Екатеринбургский, либо в Санкт-Петербургский университеты.

Несколько минут Андрей молчал, прибывая в задумчивости. А потом, резко преодолев разделявшее нас расстояние, буквально вжал меня в стену, нависнув надо мной. Сердце пропустило тысячу ударов. Каждую клеточку тела пробил заряд тока.

— Ну, а если я попрошу тебя отказаться?

— Чего? — не совсем понимая, о чём он говорит, я как замороженная смотрела то на его пламенно-сверкающие глаза, то на чувственные, пухлые губы.

— Отказаться от обоих вузов и поехать со мной, — положив ладони по обеим сторонам от моей головы, он медленно склонился ко мне, оставив всего пару сантиметров между нашими губами. — Поедешь со мной в Москву?

— Ты серьёзно? — не своим голосом произнесла я, не веря в то, что услышала всего лишь секунду назад.

— Абсолютно.

Смотря прямо мне в глаза, Андрей прожигал меня своим взглядом. Наглым, дерзким, пьяным взглядом. Его горячее дыхание, играющее с моими губами, смешало в себе запах виски и коньяка. Сжимая руки в кулаки и испытывая терзая меня светящимися дьявольским блеском тигровыми глазами, он ждал моего ответа. А, я, просто отказываясь воспринимать его слова всерьёз, молча, молилась, чтобы это была шутка. Необдуманный поступок. Просто пьяная выходка. Всё что угодно, лишь бы не правда.

— Поехать с тобой в Москву?

— Да. Завтра утром, — ухмыльнувшись, он провёл кончиком влажного языка вдоль раковины моего уха, и я почувствовала, как тело начинает медленно сгорать в пылающем пламене испепеляющего желания.

Я пыталась вырвать взгляд из плена его глаз, пыталась заставить себя выскользнуть из его подсознательной власти надо мной, пыталась заставить себя оттолкнуть его и бежать из этого номера без оглядки. Но его прерывистое дыхание опаляющее мои губы, дерзкий взгляд, с усмешкой бродящий по всему моему телу, и с силой вжимающиеся в стену за моей спиной руки, не давали мне не единой попытки вырваться из его власти.

— Нет, ты не понимаешь, что ты говоришь, — голос тихий, дрожащий, и совсем не принадлежащий мне.

Криво усмехнувшись, Андрей, резко подхватил меня на руки, и в считанные секунды усадил на рядом стоящую тумбу. Сердце пропустило тысячу ударов, когда он с силой развёл мои ноги в стороны, и встал между них. Такого бешеного наплыва эмоций я не испытывала никогда в жизни. Но к своему стыду, я не чувствовала ни грамма стыда. Только острое, граничащее с болью желание, и пробирающее до самых косточек дикое возбуждение.

— Нет, милая, я прекрасно отдаю себе отчёт в своих словах, — больно, до синих следов на коже, Андрей сцепил пальцы на моём затылке, и с силой рванул меня на себя так, что его губы находились всего лишь в сантиметре от моих. От резкого толчка, копна волос распалась по моему лицу. И сейчас я была ужасна рада этому. Ведь только так он мог не заметить пылающий в моём взгляде страх вместе с безропотным подчинением ему. Я не могла сдвинуться с места. Не могла совладеть с собой. Не могла даже просто, что-то сказать ему. В горле пересохло. А губы так неимоверно сильно требовали поцелуя. — Я хочу, чтобы ты поехала со мной в Москву.

Прислонившись лбом к моему лбу, Андрей продолжал убивать меня своим взглядом. А закрыть глаза я просто не могла. Он этого не хотел. Всем своим существом я чувствовала, что он приказывает мне смотреть на него. И я смотрела. Просто потому, что не было сил послушаться.

— Ты пьян, — выдвинула последний аргумент в свою защиту, и когда увидела в его глазах победный блеск, поняла, что пропала.

— Да, пьян. Но не настолько, чтобы не понимать, что я делаю, — положив руки мне на талию, Андрей с силой стиснул в них ткань платья, и потянул его вверх. Только тут я нашла в себе крошечные силы противостояния. Положив свои дрожащие ладони, на его уверенно

стягивающиеся с меня сарафан руки, я мягко, но вместе с тем настойчиво отвела их в сторону. Подняв на него взгляд полный мольбы, я наивно полагала, что он сжалится, и отстранившись от меня, даст мне хотя бы возможность принять решение без давления с его стороны. Но стоило лишь ему увидеть страх и робость в моих глазах, он растянул губы в пьяной, пошлой улыбке. Только в этот момент я поняла, что это уже не тот Андрей. Не тот, который подкалывал меня, заставлял одеваться по погоде, и наказывал за непослушание мытьём полов. Это другой парень. Дерзкий, наглый, напрямую играющую с моими чувствами. Только вот пугало меня не это. Настоящий ужас на меня наводило то, что такому Андрею я не могу сказать 'нет'. Просто не могу заставить себя это сделать. — Ты ответишь мне?

Ответить? Собрать свои мысли в кучу и ещё суметь, что-то произнести, когда он впитывает меня в себя, уничтожает своей близостью, и отнимает способность думать самостоятельно — это просто невозможно.

— Пожалуйста, отпусти меня. Отойди от меня, умоляю, — от раздражающей меня мольбы, на глазах, неожиданно даже для самой себя, у меня выступили слёзы. И возможно только это смягчило Андрея. Не отводя от меня полный удивления взгляд, он всё же разжал руки, и отступил на пару шагов назад. И вот теперь я смогла вздохнуть, что называется полной грудью, и хоть немного вернуть себе разбежавшиеся в разные стороны мысли. — Ты принял это решение слишком поспешно, да ещё и на пьяную голову. Так нельзя. Мы друг друга едва знаем, и все наши встречи можно по пальцам пересчитать. Я уверена, ты очень пожалеешь...

— Я никогда не жалею, о том, что делаю. Я не спрашивал тебя, сколько мы знакомы. Я хочу лишь услышать внятный ответ на поставленный мною вопрос. Да или нет?

Скрестив руки на груди, он ни на секунду не отводя глаз с моего побледневшего лица, выжидающе смотрел на меня. А я просто не понимала, что мне ему ответить. Неужели он, правда, не понимает, что делает со мной его шутка? А ведь это шутка не иначе. Возможно сейчас, затуманив сознание алкоголем, он и думает, что отдаёт отчёт своим словам, но завтра, проснувшись утром и трезво оценив всю ситуацию, он поймёт, что его предложение — это безумие. А что сейчас делать мне? Что мне ему ответить?

— Андрей у тебя в Москве, наверняка, есть друзья или знакомые. А у меня совсем...

— Ты можешь познакомиться с кем-нибудь уже в городе. Оксан, ты, что вправду думаешь, что не сможешь найти себе друзей в столице?

Он упорно продолжал настаивать на своём, а я просто не могла понять, как убедить его, что его желание (хотя точнее будет сказать — спонтанный порыв) совершенно абсурдно.

— Но дело ведь не только в этом. Андрей, неужели ты сам не понимаешь, что это бредовая затея? Ну, ты только представь, какова будет реакция у твоих друзей, коллег по работе, да и просто людей из твоего окружения, когда они меня увидят?

Эмоции переливались через край. К горлу подступила тошнота, и я чувствовала, что ещё несколько секунд, и я просто разрыдаюсь от собственного бессилия. Подняв полный слёз взгляд на Андрея, я чуть ли не лишилась последних чувств. Его хищные глаза застелила алая пелена ярости. Взгляд парня горел огнём полной ненависти и презрения. И, по-моему, оба чувства предназначались мне.

— А мне наплевать на их реакции. Это моё решение и обсуждать его с кем-либо я не собираюсь. Если постоянно подстраиваться под мнение окружающих, то можно не прочувствовать вкус к собственной жизни. И будь добра ответь мне, наконец, на мой вопрос.

Только САМА ответь, невзирая на глупые предрассудки. ТЫ хочешь поехать со мной в Москву?

Господи, он не оставляет мне выбора! Он добивает меня своим вопросом, потому что точно знает ответ на него.

— Андрей, это безумие...

— Ты хочешь поехать со мной в Москву?

— Послушай, всё это...

— Ты хочешь поехать со мной в Москву? — упрямо повторил он, уничтожив во мне последние капельки сопротивления.

— Да! Да, я хочу поехать с тобой в Москву! — не сдержавшись, пронзительно громко вскрикнула я, и наконец, спрыгнула со стола. — Но это невозможно. Мне пришли приглашения в два института, и они оба находятся не в столице. Мне уже сейчас надо определяться с выбором города. Андрей пойми, мне ведь нужно учиться. Ты едешь в Москву работать, а что там буду делать я?

Я думала, что его это остановит. Нет, я надеялась, я очень на это надеялась. Но стоило мне увидеть в его тигровых глазах победоносный блеск, я поняла, что это конец. Он уже всё решил. И он, а главное, и я сама, прекрасно осознала, что я подстроюсь под любое его решение.

Вынув руки из карманов, Андрей резко преодолел разделявшее нас расстояние, и, схватив меня за руку, поволок за собой к выходу из номера. Остановившись у порога, он распахнул входную дверь, и буквально выставил меня из номера.

— Сегодня в восемь вечера я подъеду к воротам твоего детдома. У тебя есть время, чтобы самостоятельно принять решение. У меня осталось слишком мало времени на сборы, и поэтому когда я приеду, я не хочу слышать неразумный лепет. У тебя есть время сегодня до восьми вечера. Ровно в восемь, ты должна будешь мне сказать только одно короткое слово. Либо 'ДА', либо 'НЕТ', - как только он это сказал, дверь за ним резко захлопнулась.

Без стука и приглашения Стас вошёл в открытый номер. Увидев развалившегося в кресле с бутылкой виски в прихожей друга, парень лишь коротко хохотнул, похлопав того по плечу.

— Я смотрю, вчера ты хорошо повеселился, — окинув насмешливым взглядом весь периметр комнаты, усмехнулся Стас. — Если не секрет, по какому поводу ты так нажрался?

Что-то невнятно промямлив, Андрей прижал практически полностью опустошённую бутылку к груди и перевернулся на другой бок.

— Вот, пьянь собачья! — сквозь зубы процедил парень, и одним ловким движением руки, спихнул друга с кресла. — Поднимайся, давай, и приводи себя в божеский вид!

Пьяно пробурчав, что-то себе под нос, Андрей на еле держащих его ногах, кое-как смог подняться, и шатаясь из стороны в сторону, попытался сделать пару шагов в направлении к ванной. Но, запнувшись о ножку журнального столика, парень вновь принялся обниматься с полом.

— После этого не смей мне говорить, что это я с головой не дружу, — грязно

выругавшись себе под нос, парень подхватил развалившегося возле столика, словно подбитая собака, друга под плечи, и занёс того в ванную. Несильно подтолкнув его к умывальнику, Стас включил холодную воду и несколько раз брызнул ею Андрею в лицо, дождавшись пока тот, хоть немного начнёт приходить в себя.

— Ну, ты может, наконец, поведаешь мне, что послужило причиной такого веселья?

С усмешкой глядя, как Андрей жадно глотает ртом ледяную воду, Стас кинул в него полотенцем.

— А ты можешь так не кричать? Башка раскалывается, — зарывшись лицом в мягкую ткань махрового полотенца, хрипло произнёс Андрей. Плюхнувшись на маленький пуфик возле душа, парень опёрся руками о колени, зарылся пальцами в мокрые от 'внезапных водных процедур' волосы, и резко сморщился от громкого звука захлопнувшейся двери. Медленно подняв голову, он встретился с насмешливым взглядом, скрестившего руки на груди Стаса. — Издеваешься да?

— Я издеваюсь? Да боже упаси! — подняв руки перед собой, парень состроил ангельски невинное лицо. — Просто привожу тебя в чувства.

— Спасибо, без тебя обойдусь, — зло пробурчал Андрей, и попытался подняться на ноги, но тут же плюхнулся обратно в кресло, скривившись от прострелившей всё тело боли.

— Без меня ты только напиваться умеешь, да и то, потом кроме как под столом валяться, больше ничего не можешь.

Не став жалеть друга, парень схватил его за мятый ворот рубашки, и не обращая внимания на пьяное сопротивление со стороны Андрея, выволок его в гостиную, усадив на диван возле подоконника. Окинув брезгливым взглядом перевёрнутую с ног на голову комнату, парень полностью распахнул окно, впустив в мерзко пахнущий алкоголем и остатками какой-то дешёвой еды номер свежий воздух. Закатив рукава белоснежной рубашки, Стас принялся собирать с пола опустошённые бутылки, и пустые коробки из-под пиццы и суши.

— Да какого хрена ты делаешь? Сейчас уборщица придёт, и всё вымоет.

Развалившись на диване, Андрей потянул руку к полупустому бокалу с виски, но Стас успел перехватить его первым. Прыснув в лицо друга холодной водой из графина, Стас, не обращая внимания на его отборные маты, в ускоренном темпе продолжил уборку.

— Тебе блин, через две недели двадцать пять лет стукнет. Может, уже научишься сам себе задницу подтирать?

Пару минут Андрей просто удивлённо моргал, смотря, как друг подбирает с пола грязные обёртки из-под еды. Прижимая ко лбу графин с водой, Андрей безболезненно пытался отойти от похмелья.

— И это ты мне говоришь? Да, если бы не Надя в твою берлогу и носу бы подать было невозможно.

Коротко усмехнувшись, Стас поднял с пола последнюю упаковку из-под пустой пачки чипсов и выбросил её в урну.

— Так было раньше.

Подняв на друга полный удивления взгляд, Андрей, помня прошлую неудачную попытку, медленно поднялся с дивана, и на всякий случай прислонился спиной к стене.

— И что изменилось с того времени?

— А то, что детское время закончилось. Это раньше мы с тобой могли напиваться до одури и устраивать вечеринки на весь город. Сейчас, знаешь ли, всё изменилось. Я хочу,

чтобы лет в сорок я проснулся в большой тёплой кровати огромного особняка, уют в котором мне бы создала моя жена. А не один в старой провонявшей дешёвым пивом однушке.

Несколько минут Андрей смотрел на него как на сумасшедшего. А потом совершенно неожиданно громко расхохотался.

— Только вот претенденток на место твоей жены стало слишком много, не так ли? И кто же будет создавать уют в твоём особняке? Надюшка или Катюшка?

Взгляд Стаса потемнел от злости. Прикрыв веки, парень часто задышал, сжав руки в кулаки.

— Ещё одна такая шутка и я тебе врежу, — на полном серьёзе выдохнул он, и уселся в кресло возле письменного стола. — Ты прекрасно знаешь, что в моей жизни есть только одна девушка, которую я люблю.

— Только вот это не мешает тебе изменять ей направо и налево, — уже без усмешки в голосе, произнёс Андрей, настороженно смотря на друга.

— Не мешало, — окончательно огорошил его тот.

— Так, что происходит? Ещё недавно ты мог спокойно признаваться в любви Наде, а после идти по бабам. При этом ты как-то не очень охотно думал, о возможности создания семьи со своей невестой. За те три недели, что меня не было, ты решил полностью пересмотреть планы на жизнь?

— Именно так, — спокойно ответил Стас.

Встав с кресла, парень подошёл к окну и облокотился о него руками. Смотреть, и уж тем более разьяснять, что-то другу ему не хотелось, но в то же время он понимал, что без этого никак не обойтись.

— Позавчера у нас с Надюшкой была годовщина знакомства. Мы решили весь этот день провести дома вместе. Отключили мобильные и весь день валялись на диване перед телевизором. Просматривали наши совместные фотографии, смеялись над пустяками. Она как всегда приготовила кучу всего вкусного. Знаешь, мне, наверное, ещё никогда не было так тепло и хорошо. Этот день мог бы, несомненно, стать одним из лучших дней в моей жизни, если бы под вечер, наше уединение не нарушил дверной звонок.

Подойдя к Стасу, Андрей опустился в кресло напротив него и на полном серьёзе спросил:

— Она?

— Эта дура пьянющая завалилась ко мне в квартиру. Закатила истерику. Ревела, что больше не хочет быть второй, и что прямо сейчас собирается всё рассказать Наде. Ты представляешь, чтобы было, если бы она это сделала?

— Да уж, думаю, Надюху ты бы никогда больше не увидел, — на полном серьёзе произнёс Андрей, боясь даже представить, как бы повела себя Надя, узнав, что Стас ей изменяет. И ведь не раз они с друзьями его предупреждали, чтобы он заканчивал со своими похождениями. Надя была не только невестой Стаса, но и общей подругой во всей их большой компании. Все пацаны любили её как свою сестру. Многие даже завидовали Стасу. Надя была девушкой красивой, с изящными формами и хорошим вкусом. И вместе с тем, в ней не было ни капли жеманства. Она всегда была мягкой, доброй, нежной, заботливой, и чересчур наивной. Ведь со Стасом они не первый год вместе, а она даже ни разу не заподозрила его в измене, хотя поводов для этого было предостаточно. Всегда безоговорочно ему доверяла. Но вот если бы, что-то заподозрил, или ещё тому хуже нашла подтверждения своим подозрениями, она бы не только порвала со Стасом, но и прекратила бы дружбу со

всеми ребятами, за то, что покрывали его. В этом никто не сомневался. И поэтому каждый парень в их компании не раз пытался наставить Кривицина на путь истинный.

— Да я и сам это понял. Первый раз в жизни, реально осознал, что могу её потерять, и так тухнул...не описать даже. В общем, я, наверное, только в тот вечер понял, что был бы полным идиотом, если бы потерял Надюшку из-за какой-то дешёвки, которой все равно с кем спать и кому в любви признаваться, лишь бы деньги были. Вот и решил, что всё, завязываю. Завтра я уезжаю в Москву, и у меня начинается новая жизнь, место в которой будет только одной девушке.

Несколько минут Андрей смотрел на него удивлённо-недоверчивым взглядом, а потом, не сдержав лёгкой улыбки, похлопал друга по плечу.

— Пожалуй единственное правильно решение, которое ты принял за свою жизнь. Молодец. Чёрт, я даже после такой новости, протрезвел!

После таких слов оба парня расхохотались как мальчишки.

— Значит с Катькой ты порвал? — немного отойдя от внезапно вспыхнувшего веселья, через несколько минут спросил Андрей, и с удивлением заметил как лицо друга начинает мрачнеть.

— Если бы. Она в тот вечер решила изобразить большое и светлое чувство. Видно тварь прознала, что я в Москву переезжаю, и содержать её теперь некому будет. Вот и устроила скандал на всю лестничную клетку. Слава богу, что Надюшка в то время в ванне была, а то бы мне точно кранты. Но всё равно надо было её как можно быстрее спровадить. Вот и пришлось пообещать, что с собой её возьму.

Уставившись на Стаса как на сумасшедшего, Андрей резко подскочил с места.

— Ты, что её с собой в Москву возьмёшь?!

— А ты видишь другой выход? Дьявол, эта девчонка совсем не понимает, что творит. Если я её кину, она точно Наде расскажет, а я не могу этого допустить!

— Деньги ей предложить не пробовал? — истерично усмехнулся Андрей, всё ещё не до конца переваривший в голове слова друга.

— А я, что, по-твоему, идиот? Столько ей предложил отвалить, что на несколько лет безбедного существования ей бы точно хватило. Но нет, она ведь тварь, коварная и расчётливая. Потребовала, чтоб я её в Москве устроил, да ещё и мужика побогаче нашёл.

— И, что будешь выполнять её указы? — издевательским тоном, усмехнулся Андрей.

— А у меня есть выбор? — вспыхнул Стас, подскочив на ноги. — Если она Надюшке всё расскажет, это конец. Она меня после этого даже видеть не захочет!

— Изменять не надо было! — в сердцах выпалил Андрей, не желая мириться с мыслями, что эта заносчивая, но чертовски сексуальная девчонка поедет с ними. Ведь цепляла она его чем-то. Андрея до ужаса бесило, что эта коварная ведьма тянет его к себе. И вместе с этим он понимал, что испытывает к ней не больше чем желание, затащить в постель, в отличие от Оксаны. Вот эта девушка на самом деле, смогла пробудить в нём какие-то чувства. Ему было с ней хорошо, весело и интересно. И вместе с тем, она и тянула его к себе, особенного после того, как похорошела. Нет до красоток с идеальной фигурой ей конечно далеко, но начало определённо положено. И знание, того, что, скорее всего, именно из-за него девушка взялась за себя, несомненно, льстило Андрею. Наверное, поэтому он и позвал её с собой. Не хотелось вот так заканчивать их знакомство. И желание, взять девушку с собой, было не спонтанным, как подумала Оксана. Он долго над этим размышлял, пока гостил у родителей, правда так и не смог принять однозначного решения. А сегодня, когда

он так неожиданно увидел её в холле гостиницы, в нём что-то переломилась. В своём лёгком сарафане в горошек она совершенно не вписывалась в обстановку, которая творилась вокруг них, и именно этим, ещё больше притягивала его. Да и изменения в её фигуре, не остались незамеченными Андреем. Она и раньше ему нравилась, даже когда обладала далеко неидеальной фигурой. Но тогда он испытывал к ней больше интеллектуальное влечение, хотя их поцелуи вызывали дрожь в его теле. А сегодня, когда он был так близко к ней, когда скользил руками по её, почему-то ставшим так желанным ему телу, у него снесло крышу. И, наверное, именно алкоголь побудил его к дальнейшим действиям. Он предложил ей поехать с ним. Нет не предложил, он настоял, буквально не оставил ей выхода, и при этом ни капельки об этом не жалел. Он хотел, чтобы она поехала с ним. И не важно, какими способами это произойдёт, но она поедет. Он всегда получает всё, что хочет. А в данное время он хочет её.

— Эй, ты меня вообще слышишь? — выдернул из размышления недовольный голос Стаса. — Я говорю, приводи себя в порядок, и давай уже начинай собираться. Я за тобой часикам к семи заеду. Нам ведь ещё надо будет с ребятами попрощаться. Всё-таки кто знает, когда ещё свидимся.

Резко дёрнувшись, Андрей остановил у порога, собравшегося уходить Стаса.

— Нет заезжать за мной не надо. Скажи лучше у кого мы встречаемся?

— У Сявы.

— Я тогда сам к нему часикам к девяти заеду, — не дав другу возразить, Андрей быстро добавил, — раньше не получится, у меня дела.

Несколько секунд Стас буравил его выжидающе вопросительным взглядом, но поняв, что друг ничего объяснять не собирается, решил не тратить попросту время и коротко попрощавшись, вышел из номера.

Весь день я провела в своей комнате, нервно мельтеша из одного её конца в другой. Мысли набатом бившееся у меня в голове, не давали мне сосредоточиться и спокойно принять решение. Хотя какое собственно решение? Господи, неужели я действительно могу уехать с ним? Это же безумие! Что я буду делать в этой Москве? Документы подавать уже поздно, следовательно, и учиться я смогу только со следующего года. Да и то не факт. Кто знает, как жизнь повернётся к тому времени, а в том, что судьба человека может измениться за считанные секунды я теперь уже и не сомневалась. Ещё сегодня утром я более или менее была уверена в своём будущем. Мне просто предстояло определиться с выбором вуза, разузнать всё про жильё, и со спокойной душой уезжать учиться. Да, пускай я все эти две недели жила воспоминаниями, но я хотя бы не металась по комнате как сейчас. По мне так гораздо лучше спокойная размеренная жизнь, чем вечное кипение вулкана. А в том, что с Андреем по-другому не будет, я даже не сомневалась. Я не могу понять какой он. Он, то добрый, заботливый и шутливый, то взъерошенный и поражающий своими бешено сверкающими глазами. И я почему-то уверена, что в Москве, от прежнего Андрея не останется и следа. И, чёрт побери, именно это ещё больше притягивало меня к нему. Меня раздирало от желания броситься в омут с головой и уехать с ним, и вместе с этим я

понимала, что эти обезумевшие чувства надо подавить. Мне нужно учиться. Получиться образование. Устроиться на нормальную работу. Кто знает, может через несколько лет я встречу парня, с которым захочу связать свою жизнь. Ведь на Андрея свет клином не сошёлся...

Я решила, что поеду поступать в другой город. Что откажу Андрею. Что больше никогда не буду искать с ним встреч. Я была уверена, что смогу это сделать, но только до тех пор, пока из окна своей комнаты не увидела его автомобиль, припаркованный возле ворот моего дома. На часах было пять минут девятого. Сердце, бившееся в бешеном ритме, грозило проломить грудную клетку. Забыв, как надо дышать, я на ватных ногах вышла из комнаты, спустилась по лестнице на первый этаж, и, преодолев небольшой холл, вышла за ограду детдома.

Скрестив руки на груди, он стоял, оперившись о свою машину. Сегодня, в помятой, не заправленной в стёртые джинсы рубашке, с взлохмаченными волосами, сонно глядящими на меня глазами и с лёгкой щетиной, он был великолепен как никогда. Сквозь занавесу густых ресниц он смотрел на меня убивающими, ПОДЧИНЯЮЩИМИ глазами, и именно в эту секунду я поняла, что пропала.

— Едешь? — голос тихий, вкрадчивый, с долей хрипотцы добил меня окончательно.

К чёрту! Всё к чёрту! Будь, что будет!

— Да, — одними губами прошептала я, понимая, что уже ничего не смогу, да и не захочу повернуть назад.

Я смотрела в его тигровые глаза, и не понимала, что он сейчас чувствует. Рад ли он, что я согласилась? Или уже наоборот успел пожалеть, что вообще предложил мне эту сумасшедшую затею? Он не дал мне долго поразмышлять над этими вопросами. В одну секунду он преодолел разделявшее нас расстояние, обхватил моё лицо ладонями, и жадно, впился в мои чуть подрагивающие губы опалённым безумной страстью поцелуем. Возможно, он не умел благодарить, или выражать свою радость, и это был его своеобразный способ сказать "спасибо". Если это так, то я готова делать, что угодно, лишь бы он всегда меня так благодарил. Моё тело трепетало в его объятиях. Каждая клеточка ломилась от невыносимой потребности быть рядом с ним. Я была уверена на все сто, что эти мимолётные минуты безумного счастья мне дорого окупятся, но уже не могла отказаться от них. Он нужен мне как воздух, и я не прощу себе, если хотя бы не попытаюсь.

Резко оторвавшись от меня, Андрей посмотрел на меня потемневшими глазами, и прежде чем я успела что-либо понять, поволок к своей машине. Распахнув передо мной переднюю дверцу, он сделал мне приглашающий кивок.

— Андрей...куда мы? — предательски дрожащий голос совсем не слушался меня.

— Садись, — вместо ответа, не терпящим возражения тоном, произнёс он.

— А вещи...я ещё не собрала...

— Тебе они больше не понадобятся. Новую жизнь, нужно начинать налегке.

Что? Он это серьёзно?

— Но как же...я не могу...а документы?

— Я попрошу Катю, она завезёт их тебе. Садись в машину!

Он начинал злиться. Это было видно по его дрожащему голосу, и почерневшим глазам. А я в эту секунду одновременно и боялась его, и тянулась к нему.

— Нет, так нельзя, мне нужно...

Кто меня слушал?! Меня просто запихнули в машину, и пристегнули ремнём.

Устроившись возле меня за водительским местом, Андрей завёл автомобиль, и вывел его на дорогу, направившись в неизвестном мне направлении. И только сейчас, я поняла, что это действительно всё. Моя прежняя жизнь закончилась. Сейчас, мы едем в пугающее меня, и вместе с тем манящее своей неизвестностью будущее.

Всю дорогу мы ехали молча. Андрей уверенно вёл автомобиль, сосредоточенно следя за дорогой. Я же пыталась хоть немного привести себя в чувства, и понять, что сейчас произошло. Неужели я действительно согласилась? Всю жизнь была серым кардиналом, особо ни с кем близко не общалась, и к себе никого не подпускала. Я всегда была одна. Не могу сказать, что мне это очень нравилось, но я уже к этому привыкла. Я всегда знала, что полагаться нужно только на себя. Всегда была уверена, что своим упорством и своими стараниями я смогу достать себе 'билет в жизнь'. Нет, я вовсе не мечтала, попасть в высшие круги, но всегда стремилась сделать всё, для того, чтобы жить нормально, не перебиваясь с копейки на копейку, и иметь свою собственную квартиру (сомневаюсь, что комната в коммуналке от государства, будет пригодна для жизни, да и вообще сомневаюсь, что когда-нибудь её получу). И ведь у меня было всё для достижения своих целей. Я хорошо сдала экзамены, поступила в институты, где могла бы получить прекрасное образование, с жильём я думаю, тоже проблем бы не было. Но одним махом, я сама перечеркнула все свои планы, и полностью изменила свою жизнь. Я ведь не знаю, что меня ждёт в Москве. Подавать заявление о поступлении в столичный вуз уже поздно. Можно, конечно, попробовать со следующего года, но чем я буду занимать в этом? Где я буду жить? Вероятно с Андреем....но также и возможно, что он снимет мне отдельное жильё. Я понятия не имею, что меня ждёт в дальнейшем и эта неизвестность пугает больше всего. А, что если Андрей меня бросит? Чтс я буду делать тогда? Сейчас первый раз в жизни, я поняла, что от меня уже ничего не зависит. Я больше не распоряжаюсь собственной жизнью.

— О чём задумалась? — вкрадчивый голос Андрея вывел меня из своих размышлений.

Только спустя несколько секунд я поняла, что мы уже никуда не едем. Андрей припарковал машину возле какой-то новостройки, и внимательно, пытался вычитать в моём взгляде, чувства, которые сейчас завладели мною. Увы, безуспешно. Я сама-то пока не понимаю, что со мной происходит.

— О многом, — на своё собственное удивление, спокойно ответила я, не желая отрывать взгляда от своих коленок. — Где мы?

— Сегодня с друзьями мы решили устроить, что-то вроде прощального вечера. Как-никак, кто знает, встретимся ли ещё, — взъерошив ладонью волосы, Андрей откинулся на спинку сиденья, и вновь перевёл на меня слегка обеспокоенный взгляд. — Что с тобой? Ты какая-то задумчивая. За всю дорогу ни слова не сказала. Ты волнуешься?

Волнуюсь ли я? Ещё несколько минут назад думала, что да. А сейчас нет. Я не волнуюсь. Меня просто трясёт. Он хочет познакомить меня со своими друзьями? Прямо сейчас?

— Ты хочешь познакомить меня со своими друзьями? — озвучила свои опасения вслух, и чуть не выпрыгнула из машины, когда он утвердительно кивнул головой.

— Когда-нибудь это всё равно придётся сделать. Я думаю, что лучше сейчас, — его голос был мягкий, даже просящий. А взгляд...стоило мне поднять голову и встретиться с его

переполненным нежностью и тревогой взглядом, как всё вокруг перестало существовать. Сейчас он был прежним Андреем. Тем самым, что с самого первого взгляда, заставил меня позабыть обо всём на свете. Тем самым, что заставил моё сердце сжиматься от непередаваемой нежности, при каждом упоминании его имени. Тем самым парнем...которого я полюбила?

— Но разве вы не собирались посидеть сугубо мужской компанией? Я думаю, я буду там лишней, слабо попыталась возразить я, понимая, что это ничего не изменит.

— Ксюш, это проводы, а не мальчишник, — краешки его губ растянулись в лёгкой улыбке. — Даже стриптизёрш не будет.

Я понимала, что он хочет меня немного взбодрить, но у него это плохо получалось. Я совершенно не привыкла быть в центре внимания. А сегодня, мне почему-то кажется, что мою скромную персону никто не обойдёт стороной.

— И ты никогда не будешь лишней, — фраза, произнесённая немного хрипловатым голосом, заставила меня покраснеть. Вот он тот прежний весёлый заботливый нежный Андрей! Только долго ли он будет таким?

Андрей не дал мне поразмышлять над этим вопросом. Выйдя из машины, он обогнул её, и, открыв дверь с моей стороны, помог мне выйти из автомобиля. Увидев новостройку в престижном районе, я ещё раз соблазнилась идеей поскорее отсюда смотать. В своём сарафане в цветочек я в очередной раз не вписывалась в окружающую меня обстановку. Взяв меня за руку, Андрей потянул меня за собой к подъезду, прервав ход моих далеко не благоприятных мыслей.

Поднявшись на пятнадцатый этаж, мы вышли из лифта, и подошли к одной из трёх металлических дверей. Прежде чем нажать на звонок, Андрей, приподняв пальцами мой подбородок, заглянул мне в глаза. Не знаю, что он там увидел, но это заставило его нахмуриться.

— Ты боишься? — в его голосе было больше утверждения, нежели вопроса.

— Да, — тихо произнесла я, и заметила, как его лицо ещё больше помрачнело.

— Ты не доверишь мне?

— Если бы не доверяла, меня бы здесь не было, — ни капли, ни слукавила я. Я действительно ему доверю. Но это совсем не развеивает моего страха.

По всей видимости, мой ответ пришёлся ему по душе. Тыльной стороной ладони, нежно погладив меня по щеке, он провёл большим пальцем по моей нижней губе, чуть оттянув её. Волна сладостной дрожи прошла по всему моему телу, от макушки и до самых кончиков пальцев на ногах. Судорожный вздох, помимо воли сорвался с моих губ, после которого в его глазах произошёл целый взрыв чувств. Нежность и желание, лёгкая тревога и судорожная страсть — один его взгляд заставил моё сердце сбиться с ритма.

— Не бойся. Никто тебя там не съест. Разве, что только я не удержусь, — зарывшись всей пятернёй в мои волосы, Андрей притянул меня к себе настолько близко, что его горячее дыхание опалило мои пересохшие, всё ещё чувствующие на себе вкус его поцелуя, губы. — Но это произойдёт позже. Без лишних свидетелей.

Поцеловав меня в носик, Андрей, воспользовавшись моим опьянённым состоянием, несколько раз нажал на звонок. Послышавшийся через пару секунд лошадиный ржачь (а по другому и не скажешь) вперемешку с отборным матом за дверью, быстро привёл меня в чувства. Спрятавшись за широкой спиной Андрея, я, аккуратно выглядывая из-за его плеча, неловко стала рассматривать нарисовавшегося в дверном проходе парня в спортивных

шортах и белой майке, с двумя бутылками пива в руке. Судя по его удивлённому лицу, с которого так и не сошла улыбка, стоило ему обнаружить мою скромную персону, меня здесь не ждали.

— Здорова Сявка, — весело усмехнувшись, Андрей протянул руку парню, которую тот тут же пожал.

— Привет, а чего ты не предупредил, что с подружкой придёшь? — подмигнув мне, парень прошёлся по мне хищным взглядом. — Я бы тогда не стал тратиться на девчонок!

Пошлая ухмылка на губах Сявы, миг сошла. Лицо парня перекошилось от боли.

— Эй, ладно-ладно, Андрюх я понял, херовая шутку, только руку отпусти!

Опустив взгляд ниже, я увидела, что пальцы Андрея мёртвенной хваткой вцепились в ладонь Сявы. Положив одну руку ему на плечо, второй я обхватила его за талию, чуть притянув к себе, пытаюсь успокоить внезапную вспышку гнева. Перед глазами парня выстелилась алая пелена ярости. И откуда она только взялась? Сразу же было понятно, что друг его пошутил, пускай и не совсем удачно.

— Забыли, — судя по холодным ноткам в голосе Андрея, то ему ещё не до конца удалось усыпить проснувшегося в нём тигра. Но руку парня, он отпустил. — В квартиру-топустишь?

— Проходите, — потирая ладонь, усмехнулся Сява, по всей видимости, совсем не сердящийся на друга. Отойдя в сторону, он пропустил нас внутрь квартиры, и вновь прошёлся по мне взглядом, только на этот раз быстрым, и вместе с тем расценивающим. Судя по выражению его лица, осмотр произвёл на него большое удивление. Ещё бы, наверное, предыдущие девушки Андрея, были совсем другого формата. — Ну, ты может, познакомишь меня со своей спутницей?

— Я Оксана, — не дождавшись ответа Андрея, представилась я, протянув руку удивлённо уставившемуся на меня парню. Почесав затылок, тот коротко усмехнулся, пожал мне руку, и стрельнул на Андрея полный непонимания взгляд.

— Она моя девушка, — спокойно ответил он на немой вопрос друга, а у меня внутри всё сжалось от непонятных даже мне чувств, готовых взорваться то ли радостью, то ли безумием. Несколько секунд Сява смотрел на Андрея полным непонимания и недоверия взглядом, а потом, поражённо усмехнувшись, обратился ко мне:

— Искренне тебе сочувствую.

Не успела я ничего ответить, как Андрей тут же огрызнулся.

— Себе посочувствуй сострадатель.

— А зачем? У меня вроде всё нормально, — ещё раз пробежавшись по мне взглядом, парень, совершенно не стесняясь моего присутствия удивлённо, и даже с ноткой недовольства в голосе произнёс. — А на черта ты её сюда притащил?

— Рука прошла? — с явной угрозой произнёс Андрей, обхватив меня за талию, и спиной, прижав меня к себе. — Где все?

— В бильярдной.

— Ну, так какого чёрта мы здесь застряли? — судя по голосу Андрея, раздражение набирало в нём верх.

— Ей пить-то у тебя хоть можно? — продолжая в упор не замечать моего присутствия, ехидно усмехнулся Сява, а я в который раз пожалела, что вообще послушалась Лебедеву. Вот не сиделось мне в своём болоте. Теперь чувствую, много приключений я на свою пятую точку подцепила. — А-то вдруг её мамочка потом...

Договорить он не успел. Андрей рывком бросился к нему, и если бы я не успела его перехватить уже тогда, когда он практически вцепился в шею Сявы, драки было бы не избежать. Теперь я с уверенностью могла сказать, что Андрей уже тоже не так яро хотел познакомить меня со своими друзьями. Но изменить ничего теперь было нельзя. На шум в прихожей, вышла кучка уже порядком подданных парней, удивлённо вылупившихся на столь необычную картину. Из всех этой кучки я узнала только одного Стаса. И смотрел он на меня более чем просто недружелюбно. Да, чувствую, знакомство удалось.

— Не знаю, что здесь происходит, — почесав затылок, заплетающимся голосом протянул один из парней, — но где моё пиво?

Наверное, именно эти слова немного развеяли обстановку, по крайней мере между Андреем и Сявой. Последний, покрутив двумя бутылками пива перед сверлящими нас пьяно-удивлёнными взглядами парнями, кивком головы указал Андрею на дверь в конце коридора, и через несколько секунд скрылся за ней. Дождавшись пока остальные ребята, ещё немного посверлив нас любопытными взглядами (а Стас откровенно агрессивными, причём агрессия направлена явно в мою сторону) последуют примеру Сявы, Андрей притянул меня к себе, обхватил лицо руками, и, крепко прижал к своему телу.

— Извини за Сяву, он парень хороший, но его иногда бывает, заносит.

Сжав меня в стальных объятиях, Андрей зарылся лицом в мои волосы, и начал хаотично поглаживать меня по спине. А я в который раз поняла, что сделала, возможно, самую большую глупость в своей жизни. Зачем я согласилась? Он принял это решение сгоряча, на пьяную голову, наверняка совершенно не думая о последствиях. А теперь, могу поспорить, ужасно об этом жалеет. И я буду законченной эгоисткой, если не дам ему шанс всё исправить.

— Андрей я думаю, что знакомство с твоими друзьями, было не самой лучшей идеей. Я же никогда им не понравлюсь, они меня не примут, это итак понятно. Так зачем тратить время? Сейчас не так уж и поздно, и я могу вызвать такси...

— Замолчи! — до боли стиснув меня в своих объятиях, Андрей оборвал меня на полуслове. — Я уже говорил тебе, что мне наплевать на мнения других, даже мнения друзей не играют для меня особой роли. Если ты им понравишься, это будет хорошо. Если нет, то ничего страшного не произойдёт. Но я в любом случае хочу тебя с ними познакомить. И никуда сбежать тебе не удастся. Мы немного посидим, и потом вместе вернёмся в гостиницу. А рано утром, нам уже нужно быть на ж/д вокзале. Ты я надеюсь, не передумала ехать?

В его голосе вовсе не было надежды на положительный ответ, как я могла думать. Наоборот, в нём слышались какие-то взволнованные нотки. А это значит, что он не передумал. Что не сожалеет. Что хочет, чтобы я поехала вместе с ним. Эта новость отозвалась во мне безумной вспышкой восторга. И Андрей прав. Если ему всё равно на то, как меня примут его друзья, то меня это тоже не должно волновать.

— Нет, не передумала, — уверенно произнесла я, заметив, как губы Андрея вытянулись в едва заметной улыбке.

— Замечательно. Тогда пошли.

Выпустив меня из объятий, Андрей взял меня за руку и повёл к двери. Стоило нам оказаться на пороге комнаты, как девять (если мои познания в математике меня не подводят) любопытных мужских глаз, были обращены в нашу сторону. Вся бильярдная была до ужаса прокурена, и табачный воздух перемешал в себя отвратительный запах алкоголя. На

полу, маленьких диванчиках, журнальных столиках, и даже подставке из-под телевизора валялись пустые бутылки пива, и смешанные в разные кучки объедки чипсов, рыбы, и ещё чего-то съестного. Да, судя по всему, как я и думала, сегодня вечером намечался довольно неплохой мальчишник, и девушек здесь точно не ждали.

— Пока все ещё не вышли из транса, хочу вас познакомить со своей девушкой. Знакомьтесь, это Оксана.

Обхватив меня за талию, Андрей прижал меня спиной к своей груди, тем самым дав своим друзьям отличный шанс осмотреть меня с ног до головы.

— Девушкой? — недоверчиво переспросил один из парней, не сводя с меня удивлённого взгляда. И это ужасно вывело меня из себя. Да, я не красавица, но это ведь не значит, что я не могла никому понравиться. В конце концов, внешность это ещё не всё. Красота производит лишь временный и очень короткий эффект. Нужно, что-то другое, чтобы по-настоящему привлечь к себе человека. Правда вот, что Андрей разглядел во мне такого особенного, я и сама не могла сказать. Но взгляды его друзей меня однозначно начинали подбешивать. Я и без того понимаю, что не ровня им, зачем же это так открыто демонстрировать? Но они хотя бы просто смотрят на меня свысока, чего нельзя сказать о Сяве и Славе. Последний парень испепеляет меня таким взглядом, словно я прямо у него из-под носа миллион долларов стырила. А второй, судя по его пошлой ухмылочке, явно воспринимает меня как кратковременное, предназначенное для 'всеобщего пользования' развлечение.

— Да. И нечего не меня так смотреть, словно я вам сказал, что в монахи уйду.

Потянув меня за собой, Андрей усадил меня в мягкое, отделанное чёрной обивкой кресло, а сам, взяв в руки кий, уселся на краешек бильярдного стола.

— Ну, какая-то схожесть, между этим всё же есть, — ухмыльнулся высокий, немного худощавый брюнет, спортивного телосложения. Протянув Андрею бутылку пива, парень переключил всё своё внимание на меня. — Ну, и как нас зовут? — спросил таким голосом, словно я маленький ребёнок.

Густо покраснев, я уж было собиралась ответить, но Андрей меня опередил.

— У тебя амнезия что ли? Я уже кажется, представлял её.

— А мне твоя сестричка, все мозги сегодня вынесла. До сих пор не могу отойти от её утренней выходки!

'Сестра? У него есть сестра?' — по всей видимости, я произнесла это вслух, так как девять пар насмешливых, и даже немного сожалеющих взглядов в ту же секунду были направлены в мою сторону.

— Ага, медицинская, — издевательски усмехнулся Сява, и, заметив немое непонимания на моём лице, 'любезно' пояснил. — Она всегда приходит на помощь, если у кого что болит, в особенности, то, что пониже пояса находится. Последнее время Саньку помогает, а до отъезда Андрюхи в Швейцарию, его 'лечила'.

И так мне паршиво после этих слов стало, что я еле сдержала предательский всхлип. Андрей был с этой девушкой....но когда? До того как со мной познакомился или уже во время наших отношений? Хотя какие там отношения. Он даже не сказал мне, что уезжает на две недели! И уверена, что если бы я сама к нему не пришла, он так бы и уехал в Москву, даже, не попрощавшись со мной. Наверное, сейчас бы могла начаться драка. Андрей положил кий на бильярдный стол, и медленно, сжимая руки в кулаки, двинулся на Сяву. Глаза парня горели от гнева и ярости. На этот раз драку предотвратила не я. Путь Андрею

перегородил темноволосый, казалось бы сделанный из одних мышц, парень. Он был на пол головы выше, и раза в два больше Андрея. Притом, что в его теле не было ни грамма жира. Вероятно это результат многочасовых тренировок в спортзале.

— Вы, чё совсем сдурели? Забыли, зачем мы здесь собрались? Ты Андрюх завтра в Москву уедешь, и что? Когда мы ещё с тобой увидимся? А, вы, — окинул строгим взглядом всех в минуту сдувшихся парней, — какого чёрта на девчонку набросились? Что заняться больше нечем? Чего добиваетесь-то? Ну, перессоримся мы сейчас все, и кому с этого хорошо будет? У тебя Сань, если уши заложены так сходи и прочисти их. Оксаной её зовут. А ты Сява если ничего путного сказать не можешь, так просто помолчи. Нечего обстановку накалять. Сам знаешь, что у Андрея с Иркой давным-давно ничего нет.

По всей видимости, этот парень пользовался авторитетом в их компании, так как после его слов, если некоторые ребята и продолжали смотреть на меня с усмешкой, то делали это хотя бы украдкой. А я вдруг испытала облегчение. Громадное облегчение. Хотя кто-то здесь не против меня. Хотя кто-то в этой компании способен здраво мыслить. И если этот парень даже и не питает ко мне большой симпатии, то он хотя бы уважает мои чувства, и чувства Андрея. И вместе с облегчением, я испытала также и злость. Это Андрей, а не этот парень должен был заступиться за меня. Вот именно так заступиться. А не лезть сразу в драку!

— Ну, ладно, чего все застыли-то? В бильярд я так понимаю, уже никому не интересно. Так может песни под гитару забацаем?

Скованность после этих слов сразу спала. Оживившись, все парни сразу стали копошиться, с довольными минами разыскивая чего бы ещё можно выпить, и с найденными запасами развалились на диванах. Андрей обогнул бильярдный стол, встал позади меня, и присев на корточки, обнял меня за плечи, уткнувшись носом мне в макушку. В эту минуту я окончательно убедилась, что себе больше не принадлежу. Ещё секунду назад я ужасно злилась на него, а стоило ему только прикоснуться ко мне...не могу на него долго обижаться. Сама из-за этого на себя сержусь, а изменить ничего не могу. Слишком уж сердце сладостно трепещет, когда он прикасается ко мне. Слишком дурманыщий у него аромат, лишаящий меня всяких негативных чувств. Слишком родные объятия, проникающие глубоко внутрь, и греющие душу. Как бы не хотела, не могу себе противиться!

— Андрюх держи, последняя, еле достал. Правда она тёплая, не в холодильнике была, — протянув Андрею бутылку пива, парень перевёл взгляд на меня. — А это тебе. Оно безалкогольное. Тебе такое можно?

Я даже невольно захотела улыбнуться от того, с какой интонацией он предложил мне безалкогольное пиво. Похоже, меня тут все воспринимают как домашнюю тихую девочку.

— Да, можно.

Только я, было, хотела протянуть руку и взять бутылку, как Андрей, взяв её у возвышающегося над нами парня, поставил её на бильярдный стол.

— Нет, нельзя, — сказал вроде и мягко, но так, что я сразу поняла, что противиться бесполезно.

Я даже толком и удивиться неуспеха. Зазвучавшие первые звуки неизвестной, но, безусловно, красивой мелодии, быстро свернули все разговоры.

— Меня кстати Дима зовут, — тихо, практически шепотом произнёс, единственный (не считая Андрея, конечно) нормально относящийся ко мне парень, протянув мне руку.

— Оксана, — так же тихо ответила я, пожав его руку, и в ту же секунду почувствовала себя настоящей малышкой. Его ладонь была раза в два больше моей. И от прикосновения к

ней...не знаю, что-то теплое поселилось у меня в душе. Нет, эти чувства были вовсе не схожи с теми, что вызывал во мне Андрей. К нему меня тянет, ужасно тянет, именно как к парню. А Дима...не знаю, вот существуют такие люди, к которым с первых секунд знакомства проникаешься симпатией. Хорошо, наверное, иметь такого друга.

— Я знаю, — улыбнувшись, прошептал он. А я не сдержавшись, улыбнулась в ответ, и в ту же секунду почувствовала, как дыхание обнимающего меня позади парня участилось, а пальцы рук мертвенной хваткой вцепились в мои плечи. Ревнует....нежели Андрей ревнует? Может это и эгоистично, но по-моему, ещё никогда, я не испытывала столько восторга как в это мгновение. Ужасно глупо с его стороны ревновать меня к кому-либо. Я готова бросить всё на свете и сломя голову мчаться за ним. Я теряю контроль над собой от одних его прикосновений, растворяюсь в его невозможно зелёный глазах. Неужели он действительно может думать, что мне нужен ещё кто-то кроме него? А с другой стороны, если он действительно ревнует, тогда может он не замечает в полной мере, насколько сильно я схожу с ума по нему?

Развить эту мысль я не успела. К нам подошел Стас, и что-то шепнул Андрею на ухо, получив в ответ, тихо, но твёрдое 'нет'. Тогда Стас, выпрямившись в полный рост, прервал чуть заплетающийся голос, исполняющий неизвестную мне песню, Саши.

— Ребят, мне с Андрюхой кое-чего срочно перетереть надо, а он боится свою девчонку с вами наедине оставлять. Вы её это, не обижайте. А то мне потом влетит.

Послышавшийся после этих слов насмешливый хохот, и присвистывания, чуть заглушили скрежет зубов Андрей, и мой судорожный вздох. Остаться. С ними. Наедине?! Нет, нет, нет и ещё раз нет! Я на такое не подписывалась! Мертвенной хваткой, вцепившись в руки Андрея, я подняла на него полный мольбы взгляд.

— Мне срочно надо с ним поговорить. Это займёт не так много времени, — судя по вибрировавшему голосу, и потемневшему взгляду, Стас еле сдерживался, чтобы не набросится на меня. И от этого мне стало ещё страшнее. Создалось такое впечатление, что ещё секунда, и парень действительно накинется на меня. Видимо тоже почувствовав это, Андрей перевёл на меня слегка встревоженный взгляд, и попытался выдавить из себя слабую улыбку.

— Не волнуйся, я за ней присмотрю, — твёрдо произнёс Дима, окинув всех парней строгим, даже чуток угрожающим взглядом. И у меня на душе сразу как-то отлегло. Наверно именно в эту секунду я впервые поняла, что обрела настоящего друга. Впоследствии единственного человека, который будет поддерживать меня, и стараться вырвать из той гнили, в которую я сама себя заволоку. Странно, но, несмотря на то, что Андрей должен был успокоиться после этих слов, он ещё больше разволновался. Судя по его взгляду, он не хотел, очень не хотел оставлять меня наедине с...Димой. Но, также как и я, он понимал, что нужно срочно успокоить пьяного, взбешённого и неизвестно, что способного натворить друга. Нежно проведя ладонью по моей щеке, он быстро, слегка неловко (видимо ему не очень нравилось целовать меня при друзьях...) чмокнул меня в губы, и одарил рассеянным, извиняющимся взглядом.

Стоило Андрею вместе со Стасом скрыться за дверью, как положение мест резко переменялось. Все парни быстро оживились, песни под гитару в одночасье забылись, и, окружив меня со всех сторон, все уставились на меня выжидающим, полным насмешки взглядом. И если бы не Дима, сжавший мою руку в своей, и устроившийся в кресле возле меня, при этом сверля своих друзей предостерегающим взглядом, я бы выбежала из

бильярдной с криками и визгами. Но похоже Сява, решив погеройствовать, невзирая на мнение Димы, уселся на краешек бильярдного стола, и криво улыбнувшись, насмешливо усмехнулся:

— Ну, что, может, познакомимся поближе?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты сдурел?! — оттолкнув Андрея к стене, сжимая кулаки, заорал Кривицин, когда они вышли из бильярдной.

— Это ты рехнулся! Какого чёрта ты творишь? — стараясь не срываться на крик, прохрипел Андрей, пытаясь сдержать назревающую драку.

— На кой чёрт ты притащил сюда эту дуру?! Ты, же не собираешься брать её с собой в Москву?

Андрей видел, что Стас пьян. Понимал, что тот возможно не совсем отдаёт отчёт своим словам и поступкам. И всё равно сдержаться и не распластать того по стене, ему стоило больших усилий.

— Ну, во-первых, это далеко не твоё дело, едет Оксана со мной в Москву или нет. А во-вторых, ещё раз назовёшь её дурой...

— И что? Что ты сделаешь? Набьёшь мне морду? Из-за этой страшилы безмозглой?! Андрюх очнись....

Договорить Стоцкий не успел. Вцепившись в ворот его рубашки, Андрей оторвал его на несколько сантиметров от пола, и впечатал в стену, заставив замолчать.

— Слушай внимательно, я говорю один раз, только один, больше предупреждать не буду. Никогда, больше никогда в жизни, не смей говорить об Оксане в таком тоне. А лучше вообще не заговаривай со мной о ней. Если, конечно, ещё хочешь сохранить нашу дружбу, ну и свою челюсть в придачу.

— Ты это серьёзно? — оттолкнув от себя Андрея, Стас поправил сбившуюся ткань рубашки. — Ты действительно ставишь многолетнюю дружбу на кон недельных отношений? Или погоди, всё дело в споре? Ты не хочешь расставаться со своим баблом? Так хрен с ними! Забыли, как будто ничего и не было!

— Заткнись! Деньги тут не причём, — огрызнувшись, Андрей, прислонившись к двери, прислушался, что происходит в бильярдной. — Хотя ты прав в одном. Ничего не было понян? Забыли об этом глупом споре!

— И с каких это пор он стал глупым? Помнится ещё совсем недавно, тебе нравилось разводить эту девчонку! Что изменилось с тех пор?

— Всё. Всё изменилось. Людям свойственно меняться. Не ты ли мне это сегодня говорил? Так вот я тоже пересмотрел кое-какие планы на будущее.

— И эта девчонка вписывается в твои планы? — как-то истерически, пытаясь скрыть взволнованные нотки в голосе, усмехнулся Крививцин.

— А вот это ни твоё дело!

— Может, ты женишься на ней?

— Может и женюсь! — не выдержав, вскрикнул Андрей, пытаясь понять, что происходит за дверью. Его очень волновал тот факт, что он оставил Оксану одну наедине с этими 'Вурдалаками', которые даже его уже начинали порядком подбешивать. А ещё больше его беспокоило, что с ней остался Краевский. Нет, Дима парень однозначно не плохой, частенько их с Крививциным в универе выручал, да и вообще здоровский друг, но вот

слишком уж не понравилось Андрею, как он 'нежничал' с ЕГО девушкой. Ревность ли это? Возможно. Хотя это скорее просто нежелание делиться своим. Оксана принадлежит ему, и пока он будет этого хотеть, никто другой к ней не притронется.

— Ты серьезно, что ли? — приняв слова друга всерьёз, не на шутку перепугался Стас.

— Да, успокойся ты, нет, конечно! Что я на идиота что ли совсем похож? Не собираюсь я на ней жениться!

— Сейчас не собираешься? — всё ещё опасаясь услышать положительный ответ, осторожно уточнил Стас.

— Не сейчас, не потом, никогда! Ты вообще можешь себе представить её в роле моей жены? — иронично усмехнулся Андрей, отойдя от двери, бросив и без того бесполезное занятие.

— Так ты не берёшь её с собой в Москву?

Уже было, собираясь облегчённо выдохнуть, Стас снова напрягся, услышав твёрдый ответ друга:

— Беру.

— На кой чёрт?! — пьяной походкой двинувшись в сторону Андрея, Стас запнулся об угол торшера и сравнялся с полом.

— Во-первых, не ори, — подняв друга за плечи, Андрей усадил его в кресло. — А во-вторых, больше не читай мне, пожалуйста, лекций о здоровом образе жизни.

— Ну, ты что, правда, потащишь её с собой в Москву? — проигнорировав усмешку друга, потирая ушибленное плечо, произнёс Стас.

— Да.

— На черта? Что ты там с ней будешь делать?

— Не волнуйся. Мы и без тебя найдем, чем заняться, — похабно ухмыльнулся Андрей.

— А кроме постели? Что ты будешь делать, когда она тебе надоест?

— Отправлю домой, — спокойно ответил Громов, немного нахмурившись.

— Куда домой? Она сирота, если ты не забыл. У неё нет дома, нет родных, друзей, насколько мне известно, тоже нет. Ты с ней поиграешь, попользуешься ей, пока не надоест, а потом выкинешь. И что она будет делать? Ты о ней-то хоть подумал?

— А ты чего так всполошился? Тебе-то какое дело до её жизни? — сжав ладони в кулаки, прохрипел Андрей. Этот разговор начинал нравиться ему всё меньше и меньше. Не любил он, когда ему на совесть давили. Да и результата это всё равно никакого не давало. Он от своего не отступится. Ему интересна Оксана. Именно интересна. Помимо желания затащить в койку, он хочет понять, что она за девушка. Какая-то она немного странная, и это его привлекает. Ему хочется узнать её поближе, и поэтому она поедет с ним в Москву. А если потом, точнее когда его интерес к ней иссякнет... Андрей не знал, что будет тогда. Он не хотел забегать так далеко, да и, наверное, просто знал, что ничего хорошего (для неё, ему-то в любом случаи всё будет по боку) не будет. Скорее всего, он просто отправит её обратно домой, но перед этим, разумеется, поможет с жильём, учёбой и деньгами, хотя бы на первое время.

— Я просто не понимаю, зачем тебе всё это нужно?! Ну, на кой чёрт тебе всё так усложнять? В Москве полно красивых девчонок, зачем тебе эта Оксана?

— Не твоё дело. Я, кажется, не обязан отчитываться перед тобой, — недовольно скривился Андрей, не желая объяснять другу того, чего и сам толком-то не знал. — И вообще, я, кажется, не возникаю по поводу того, что ты тащишь с собой эту пустоголовую

плюшную дуру.

— Ну, ты сравнил! У меня нет выхода! Эта необходимость!

— Да? А позволь спросить, из-за кого она возникла? — не став жалеть друга, усмехнулся Андрей.

— Ладно, согласен, это я во всём виноват. Не был бы таким идиотом, не расхлёбывал бы сейчас всю эту бодягу, — сдавленно произнёс Стас. — Но назад-то уже ничего не повернёшь. Я не могу ничего изменить, а ты можешь!

— Всё закрыли тему.

Не желая больше продолжать на его взгляд пустой разговор, Андрей развернулся к двери в бильярдную, из-за которой было уж как-то слишком подозрительно тихо.

— Андрей не бери её с собой! — резко подавшись к другу, на этот раз пропитанным мольбой голосом произнёс Стас. — Она же подруга Лебедевой! Ты хоть понимаешь, что она Наде может всё рассказать?!

С минуту Андрей смотрел на друга полным удивлением взглядом, а потом совершенно неожиданно, громко расхохотался.

— Ах, вот оно в чём дело! А я-то уж подумал, что ты с ума сошёл, о друге беспокоиться начал. А ты как всегда свою задницу прикрываешь! — усмехнулся Андрей, но заметив, как лицо друга болезненно скривилось, уже более серьёзно добавил. — Да, успокойся ты, ничего Оксана болтать не будет. Она далеко не глупая, да и я предупрежу её, чтобы не раскрывала "тайны твоей личной жизни". И никакие они не подруги, по крайней мере, насколько я знаю.

— Не бери её с собой! — упрямо повторил Кривицин, не желая мериться с тем, что помимо Лебедевой, вместе с ними поедет ещё одна девчонка, из-за которой могут рухнуть все его планы на будущее.

— Пустой разговор.

Собравшись вернуться обратно в бильярдную, Андрей был остановлен насмешливым голосом Стаса:

— А если Оксана узнает о споре?

Медленно обернувшись, Громов встретился с пропитанными полной серьёзностью глазами друга. Наверное, именно в эту минуту он понял, что тот готов на всё, лишь бы сохранить свои отношения с невестой. В какой-то степени Андрею даже было его жалко, всё-таки знал он, что любит Стас Надю, и хреново ему будет без неё, а с другой рушить свои планы и идти наперекор своим желаниям, из-за того, что тот не слишком умело, шифровался, он тоже не собирался. В конце концов сам виноват. Не ходил бы налево, или по крайней мере не делал бы этого так открыто, не парился бы сейчас.

— А если Надюша узнает об изменах?

Заметив, как лицо друга резко перекосилось гримасой боли, Андрей тут же пожалел, что начал так давить (всё равно Стас бы не стал ничего рассказывать), но отступать уже не собирался.

— Шантаж? — слабо пытаюсь сдержать взволнованные нотки в голосе, усмехнулся Стас.

— В ответ на твой, — серьёзно добавил Андрей, и, не желая больше продолжать разговор, который может посеять крупную ссору, зашёл в бильярдную.

Как не странно, но те двадцать минут, что я провела без Андрея, прошли очень даже приятно. Нет сначала, я готова была забраться под бильярдный стол, свернувшись в позу эмбриона, но потом, когда мы немного пообщались, а точнее, когда друзья Андрея чуток лучше меня узнали, разговор наладился сам собой. Наверное, это потому, что они узнали, что я сирота. Странно, но мне и в голову не могло прийти, что это смягчит их отношение ко мне. Нет, никто не стал рассыпаться передо мной в улыбках, и принимать в свою большую, 'тёплую' компанию, но относиться ко мне нормально, без всяких подковырок и пошлых шуточек многие начали. А в особенности мне, было, приятно находиться рядом с Димой. Как я и думала, этот парень очень сильно выделялся на фоне остальных. Он был умным, тактичным, в отличие от других знающий нормальные слова, а не только матовые фразочки, и вместе с этим он был ужасным весельчаком. Наверное, до самой ночи у меня болел живот от его шуток. Да и вообще, несмотря на то, что мы знали друг друга от силы полчаса, он относился ко мне как к маленькой, горячо любимой младшей сестре. И это было так приятно, что даже не передать словами. Именно из-за него, я искренни, порадовалась тому, что всё-таки не побоялась пойти к друзьям Андрея, который, кстати, вернулся после разговора со Стасом немного хмурый, хоть и пытался этого не показывать. Приподняв меня с моего кресла, он сам уселся в него, пристроив меня у себя на коленях, и крепко прижав к себе. Наверное такой счастливой, как в это мгновение, я не чувствовала себя никогда в жизни. Да, и в целом, вечер прошёл просто замечательно (если, конечно не считать так и не прекратившихся подколки Сявы — как выяснилось по-божески его можно величать Святославом, и пристального, пробирающего до мозга костей взгляда Стаса). В общем, вернулись мы домой, а точнее в номер Андрея, только в два часа ночи. И на этом вся сказка этого вечера закончилась. На смену ей пришли экстренные сборы. Андрей, пытался понять, что же он ещё забыл взять с собой, а я собирала еды нам в дорогу. Хвала всем небесам, что мне всё-таки удалось убедить его, и, заехав ко мне домой, мы собрали кое-какие мои вещи вместе с документами. Сказать, что Катя была удивленна, узнав, что я еду в Москву вместе с ними, ничего не сказать. Но она никак это не прокомментировала, предпочтя отделаться сухой улыбкой. Да, наверное, это было и к лучшему. Забабахивать грандиозные проводы, как предложили наши девчонки, времени не было. Поэтому мы обошлись парой бокальчиков недорого шампанского оставшегося у Светки ещё со дня выпускного, пока Андрей улаживал все дела с директрисой. По правде сказать, я поняла что происходит, только когда оказалась на перроне ж/д вокзала, крепко прижатая к Андрею, который с ног до головы был загружен сумками и чемоданами. Рядом с нами стоял Стас, вечно стреляющий в Андрея просящими, и постоянно на что-то надеющимися взглядами. Видимо он до последнего рассчитывал, что Андрей рассмеётся, скажет, что всё это было шуткой, и что я могу обратно сваливать к себе в 'берлогу'. Честно говоря, я и сама на это немного надеялась, мысленно успев проклясть себя тысячу раз. Неужели это действительно происходит со мной? Я, правда, уезжаю? В Москву? Вот в такой спешке? Ничего толком не обдумав, и не узнав, что меня там будет ждать? Да! Это безумие, но это правда! Я уезжаю — и окончательно я это поняла, когда оказалась перед входом в свой вагон. Загрузив все сумки внутрь, Андрей запрыгнул на ступеньки, и протянул мне руку. Вложив в неё свою маленькую вспотевшую ладонь, я на дрожащих ногах последовала за ним. Уверенно проведя нас к нашему купе, Андрей уселся на нижнюю полку у окна, притянув меня к себе на колени. Кажется, он что-то успокаивающе шептал мне на

ушко, убаюкивающее покачивая в своих объятиях. Для меня всё происходило как в тумане. Я не слышала, что нам говорил Стас, когда выходил из нашего купе. Не слышала, что мне шептал Андрей, нежно сжимая в своих объятиях. Не понимала, что вообще происходит. Я очнулась только тогда, когда поезд тронулся, увозя меня из моей прежней жизни, в далёкую, пугающую своей неизвестностью Москву. В город, который меня сломает. В город, который меня уничтожит, сровняет с землёй. В город, который превратит меня в ничтожество. И в город, который научит меня жить.

До Москвы мы ехали чуть меньше двух дней. За всё время поездки я начала понемногу успокаиваться. Хорошая солнечная погода и непрерывная поддержка Андрея как нельзя лучше способствовали поднятию моего настроения. Практически всю дорогу, Андрей не выпускал меня из объятий, безостановочно рассказывая анекдоты, после которых я ещё несколько минут не могла отойти от смеха, и обсуждая нашу дальнейшую жизнь. Надо сказать, его грандиозные планы о создании собственного банка и плана его развития воодушевили даже меня. Он рассказывал мне о своих мечтах и целях с таким азартом и страстью, что я не могла сдержать невольной улыбки. Особенно мне пришлось по душе разговоры о самой Москве — о её исторической родословной, о её непередаваемо красивых местах, великолепной архитектуре и просто духе свободы, который витает в этом городе. Постепенно я начала подлавливать себя на том, что практически каждые пять минут я начала поглядывать на наручные часы, и то и дело доставать Андрея вопросами скоро ли мы прибудем на место, от которых он уже понемногу начинал злиться. Казалось, его даже несколько не удивило, что когда поезд остановился на Ленинградском вокзале, и проводница объявила о прибытии на место, я тут же вцепилась в его руку и потащила к выходу. Загруженный с ног до головы кучей сумок и чемоданов, Андрей, тихо матерясь себе под нос, начал проталкиваться вместе со мной сквозь выходящую из поезда толпу. А уж когда мы оказались на остановочной платформе, и я широко распахнутыми глазами начала оглядываться по сторонам с открытым ртом, он просто закатил глаза, при этом сам едва сдерживая улыбку, со смехом поглядывая на меня.

— Ну, что малыш, вот мы и в Москве, — усмехнулся Андрей, обхватив рукой меня за плечи, и крепко прижав к своей груди. А я даже не нашла, что ответить. Москва... Неужели я, правда, в Москве? Я серая, незаметная мышонка в самом огромном городе самой огромной страны?

— Пойдём Сероглазка, нужно поскорее разгрузиться, а то от всех этих чемоданов у меня скоро руки отвалятся.

Проталкивая меня к выстроившемуся в одну широкую колонну ряду машин, Андрей продолжал удерживать меня за плечи, крепко прижимая к себе. Когда я предложила ему взять у него пару сумок и идти самостоятельно, он наотрез отказался. Причину этого я поняла уже тогда, когда загрузив все чемоданы в багажник такси, Андрей залез в салон машины на заднее сиденье и тут же притянул меня к себе. Вклеившись в окно, я с неограниченным любопытством начала всматриваться в суматоху людей на столичном вокзале, не сразу заметив раскидавшихся в разные кучки в разных уголках вокзала Цыганов. Холодная волна дрожи прошла по моему телу, когда я увидела как одна девушка, замотанная в разноцветные платки, держит в руках ладонь какой-то шестнадцатилетней

глупышки слушающей её с открытым ртом, а, по всей видимости, её подруга, незаметно вытягивает у бедной дурёхи кошелек из сумки.

— Москва это не Челябинск, Ксюш. Уровень преступности в несколько раз выше. Не забывай это, — приобняв меня за талию, серьёзно произнёс Андрей.

— Надо сказать...Андрей, ей надо помочь, — ткнув пальцев в умело происходящую на моих глазах кражу, поникшим голосом произнесла я.

— Нет не надо, — на моё удивление совершенно спокойно ответил Андрей, проследив за моим взглядом. — В следующий раз будет думать, как уши развешивать.

— Нет, Андрей так нельзя, а если у неё денег больше нет, если...

— Её проблемы, — цинично произнёс Андрей, и кивнул, занявшему место за рулём водителю. Машина тронулась через несколько секунд, выезжая на дорогу. А я так и не решилась посмотреть, что случилось с той девочкой. Настроение понизилось до отметки 'нуля'. С первых минут знакомства Москва встретила меня лозунгом 'Сама себе не поможешь, никто не поможет'.

— Устала, да? — заботливо произнёс Андрей, всю дорогу убаюкивающий меня в своих руках словно ребёнка.

— Спать хочется, — честно ответила я, поёжившись щёчкой на его груди. Поездка действительно сильно утомила. С одной стороны, мне, конечно, хотелось пройтись по городу, прочувствовать его атмосферу, поближе познакомиться со столицей, но с другой, непередаваемое желание как можно скорее добраться до дома и завалиться лицом в подушку, брало надо мной вверх. Помимо всего прочего из головы никак не хотела выходить та девочка. Не утихающее чувство вины вперемишу с грустью, похоже, и не собиралось покидать меня.

— Потерпи немножко котёнок, мы уже скоро доедем до отеля.

Нежно погладив меня по щеке, Андрей поцеловал меня в макушку, а я, собрав в себе остатки сил, оторвалась от его груди, впившись в лицо парня удивлённым взглядом.

— До отеля? Ты ведь говорил, что мы будем жить в твоей квартире.

— Так и будет, но чуть позже. Это не моя квартира, а квартира родителей. Они уже давно переехали в Швейцарию, и она долгое время пустовала. Ей требуется небольшой ремонт. Примерно через месяц он будет закончен, и мы сможем туда переехать, — почему-то Андрей произнёс это с определённой ноткой брезгливости. Судя по всему, ему не очень понравился мой вопрос, так как он, хоть и прижал меня обратно к груди, перестал гладить меня по спине и целовать в макушку. А я совсем не поняла, с чего вдруг такая смена настроения, но и спросить не решилась. Пускай я и не так долго его знаю, но сейчас я больше чем уверена, что моё любопытство только сильнее его разозлит.

— Отель InterContinental Москва, Тверская, — отстранёно произнёс водитель, спустя минут пятнадцать молчаливой поездки.

Отстранившись от меня, Андрей выбрался из машины, обогнул её спереди, и, открыв дверь с моей стороны, помог мне выбраться из автомобиля. Пока я с открытым ртом рассматривала высокое, снаружи отделанное по высшему классу здание, Андрей выгружал чемоданы из багажника машины. Расплатившись с водителем, он, обхватив рукой меня за талию, слегка подтолкнул к входу в отель. Не успели мы подняться и на пару ступенек, как к нам подошёл какой-то мужчина в красной форме, любезно поздоровался с нами, и забрал у

Андрея багаж. А я, прижавшись спиной к груди парня на не слушающихся меня ногах, как в тумане поднималась по высоким ступенькам.

Могу сказать, что отель InterContinental по своему внутреннему устройству не только не уступает, а в несколько раз превосходит свой внешний вид. Огромный, можно даже сказать гигантский холл, отделан в золотисто-бежевых тонах. Пол и несколько широких колонн сделаны из мрамора. Возвышающаяся над потолком со встроенными светильниками люстра, сделана в форме круга с сетчатым переплётом. На идеально гладких стенах развешаны красочно-живописные картины. Несколько регистрационных стоек отделаны белым мрамором. Вот и ещё одна маленькая частичка Москвы, убивающая своей роскошью.

— Пойдём малышка.

Рассмеявшись, глядя на моё ошарашенное лицо, Андрей потянул меня за собой к лифту. Видимо пока я, словно инопланетянин бродила по другой планете, Андрей успел уладить все вопросы с заселением. В лифте помимо нас находилось ещё несколько человек, которые мешали мне поделиться с Андреем своими восхищёнными отзывами. Сонное состояние развеялось как по волшебству. Сейчас мне больше всего на свете хотелось оглядеть свой номер, и уговорить Андрея показать мне ночную Москву. Выйдя на нужном нам этаже, Андрей завёл меня в номер, по всей видимости, класса 'люкс', так как стоило мне оказаться внутри, я чуть было не лишилась сознания. Изумительное сочетание роскоши, вкуса и комфорта, думаю ни кого бы, ни смогло оставить равнодушным. Скинув балетки, я под задорный смех Андрея с визгом бросилась осматривать номер. Те же нежно-бежевые тона, уже до безумия полюбившиеся мне. Обеденная комната в номере, смахивающая на дорогой ресторан, который мне приходилось видеть только по телевизору. Просторная спальня с ограниченным, но потрясающе красивым и комфортным количеством мебели. Два широких окна, занавешенных прозрачными шторами, открывающих захватывающий дух вид на вечернюю Москву. Растянувшаяся в пол стены плазма напротив мягкой, просторной кровати...одной, двухместной кровати. И ведь спала вроде уже вместе с Андреем, тогда почему сейчас тело начала пробивать мелкая дрожь, а внизу живота разгорается уже знакомое мне томление?

— Ну, я смотрю, номер тебе понравился, — обхватив руками меня за талию, Андрей положил подбородок на изгиб моего плеча. — Что спать больше не хочется? — усмехнулся он, поцеловав меня в ушко. А я еле смогла сдержать прерывистый вздох. Тело снова, вполне однозначно начало реагировать на его близость.

— Ага, Андрюш, давай погуляем по Москве? — просяще протянула я, поцеловав его в покрытую лёгкой щетиной щёку.

Рассмеявшись, парень крепче прижал меня к себе, и вновь поцеловал, но на этот раз уже в губы. Его руки начали постепенно сползать с талии на бёдра, оголяя их, оттягивая за собой ткань сарафана вверх. И ведь нельзя сказать, что мне это не понравилось. Наоборот хотелось большего, много большего, чем то, что он пока мне даёт. И если бы не жгучий стыд, покрывший мои щёки румянцем, я бы озвучила свои желания вслух.

— Сейчас малыш, я улажу кое-какие дела и будем гулять хоть всю ночь. А пока можешь свои вещи разгрузить, ну или душ принять — окончательно взбодрись.

Клюнув меня в щёку, Андрей отстранился от меня, усмехнувшись, уловив сорвавшийся с моих губ разочарованный вздох. И ведь наверняка понял, что расстроилась я вовсе не из-за того, что у него там какие-то дела, а из-за того, что отстранился...

Пока я ещё не окончательно залилась краской, я решила и вправду принять душ. И

взбодрюсь, и облегчу не покидающее меня томление внизу живота. Забежав в ванную комнату, я скинула с себя всю одежду и забралась в душевую кабинку. Как включить непосредственно сам душ с огромным количеством всяких функций и насадок я поняла только через несколько минут. Надо сказать, что уже после первых капель ледяной воды мне стало лучше. Напряжение начало понемногу спадать, а здравый разум потихоньку возвращаться. Только вот вместе с ним пришло и уже немного забытое волнение. Страх снова выбил себе место. А неизвестность в завтрашнем дне, не дала мне спокойно насладиться водными процедурами. Постояв под струями холодной воды, несколько минут, я, наскоро вымыв голову, вылезла из душа и обтёрлась мягким, невероятно приятным на ощупь белоснежно белым полотенцем. Как только я немного привела себя в порядок, я тут же столкнулась с ещё одной проблемой. В чём выйти к Андрею? Надевать уже грязный сарафан после душа не хотелось. Сменку с собой не взяла. А щеголять перед парнем в одном полотенце тоже как-то не хотелось. Слава богу, ещё в голову пришла мысль, что в дорогах отелях, наверняка имеются халаты. Повезло, что ещё в ванном шкафчике оказались, а не в номере. Закутавшись в невероятно приятный на ощупь такой же, как и полотенце, белоснежный халат, я прямо так и вышла из ванной. И в ту же секунду нос к носу столкнулась с идущем мне навстречу парнем. Одно мгновение и я прижата его сильными руками к холодной стене. А его пробивающий каждую клеточку моего тела жаркий голодный взгляд, заставляет сердце сжаться в сладком томлении. Всего несколько секунд он гипнотизировал меня своими хищными глазами, а потом уверенными движениями начал развязывать пояс халата.

— К чёрту прогулку, — резко выдохнул мне в губы, прежде чем накинудся на них, вовлекая меня в голодный собственнический поцелуй. Он целовал меня нежно трепетно, словно боясь спугнуть, и в то же время его движения были уверенными, не давая мне даже малой возможности сопротивления, которое я в прочем и не собиралась оказывать. Чувствуя его губы на своих губах, плаваясь в его сильных, блуждающих по моему телу руках я испытывала такой невероятный всплеск эмоций, что не то, что пошевелиться, не могла произнести даже звука. Разве что один приглушённый стон помимо воли сорвался с моих губ, когда он справился с поясом моего халата, и спустил единственный прикрывающий меня атрибут одежды к моим ногам. Его ладони легли мне на талию, пальцы легонько, едва ощутимо заскользили по разгоряченной коже, пытаюсь подавить во мне смущение, вызванное его испепеляющим взглядом, не оставившем без внимания не единую частичку моего тела. Щёки запылали румянцем, стоило ему лишь прикоснуться влажными губами к моей шее. Во мне бушевали две совершенно противоречивые стихии: неопишное желание поддаться пробивающему каждую частичку моего тела соблазну, и жгучий, не дающий мне в полной мере насладиться пока ещё совсем незамысловатыми ласками, стыд. Да мне было стыдно. И вовсе не оттого, что Андрей, подхватив меня на руки, занёс меня в спальню и положил на кровать, устроившись рядом. Мне было стыдно за саму себя. За свою фигуру, за отсутствие глянцевого внешнего вида, за практически полную неопытность (разве несколько поцелуев могут идти в сравнение с тем, что сейчас происходит?). Да с не давних пор я перестала наплевать на себя, но ведь прошло ещё слишком мало времени с того момента. Моя фигура, хоть и заметно улучшилась, всё равно, пока ещё оставляет желать лучшего. Не говорю уже про внешность, которой природа тоже не сочла нужным меня наградить. Я знаю было глупо думать об этом в такой момент. Ведь Андрея это, похоже, совсем не заботило. Он нежно, пытаюсь немного подавить в себе рвущуюся наружу страсть,

целовал мои щёки, глаза, носик, губы, заставляя меня забыть в неизведанной до селе ласке, и полностью выйти из реальности, не концентрируя внимания на его действиях. На его смелых уверенных действиях, не идущих по одной прямой с поцелуем. Он вырисовывал на моей коже понятные лишь ему узоры, и вместе с этим, медленно освобождал себя от одежды. Чувственными влажными губами он прокладывал дорожку поцелуев на моей шее, параллельно с этим, пытаясь максимально расслабить меня, вводя пальцами по влажной спине. Наверное, я и в правду на несколько секунд потеряла связь с реальностью, потому как совсем не уловила тот момент, когда Андрей полностью освободил себя от одежды, давая мне возможность увидеть то, что раньше, я могла наблюдать лишь в фильмах, с большой дрожью изученных ночью тайком — голого мужчину в полной боевой готовности. И вот сейчас, когда он развёл мои ноги в стороны и устроился между них, придавив меня к кровати своим телом, мне стало по-настоящему страшно. Приятные ощущения, и даже стыд мигом улетучились, освободив место своеобразной панике. Странно, но ни когда он освободил меня от одежды, ни тогда когда уложил кровать, ни тогда когда начал покрывать поцелуями каждый сантиметр моей разгорячённой кожи, я не чувствовала ни капли страха. А сейчас тело пробила неизведанная мною дрожь, и вовсе не удовольствия. Видимо Андрей это тоже почувствовал, потому как он, приподнявшись на локтях, бережно собрал разметавшиеся по подушке влажные волосы в своеобразный хвост, и испытывающим взглядом впился в моё покрасневшее лицо, пытаясь вычитать в моих полуприкрытых глазах, чувства, которые сейчас завладели мною.

— Что-то не так? — хрипло произнёс он, прикоснувшись губами к моему лбу. — Ты боишься? Почему?

— Я... — так и не найдя, что ему ответить я стыдливо отвела глаза в сторону, надеясь, что он и сам всё поймёт. И он понял.

— У тебя ещё никогда не было этого? Я правильно понял? — и хотя он пытался держать голос ровным, я уловила проскальзывающее в нём недоверие.

— Нет, — тихо прошептала я, зарывшись лицом в подушку. И в ту же секунду я почувствовала необычайную свободу и лёгкость. Резко выдохнув, Андрей скатился с меня, но отстраниться не пожелал. Перевернул меня на бок, обнял за талию, и уткнулся лицом во всё ещё влажные волосы.

— Знаешь, тебе надо было сказать мне об этом чуточку пораньше. А-то теперь мне нужно срочно бежать в душ, — без капли укора в голосе, прерывисто произнёс Андрей, крепче прижав меня к себе. — Ты боишься да?

— Да, — не став скрывать очевидное, тихо, практически беззвучно прошептала я, и почувствовала как объятия стали ещё крепче.

— Не доверяешь мне? — настороженно произнёс он, проведя ладонью по моему плечу, вызвав последовавших за ним табун мурашек.

— Нет....то есть, да, доверяю, конечно... Просто... всё так быстро и неожиданно и...

— Ты не готова, — закончил за меня Андрей, как-то странно усмехнувшись.

— Нет, дело не в этом, — резко перевернувшись, я обхватила его лицом руками, пытаясь поймать глазами его взгляд. Его настороженный, слегка взволнованный, с определённой долей насмешки тигровый взгляд. — Просто всё происходит слишком быстро. Ещё два дня назад я была уверена, что моя жизнь сложится совсем по-другому, я знала, что меня ждёт дальше....А сейчас... я не знаю, что будет завтра и...

— И какое отношение это имеет к сексу? — язвительно усмехнулся Андрей, поднялся

на кровати и начал натягивать джинсы.

А я вдруг почувствовала себя омерзительно оплётанной. Он говорил с таким пренебрежением, словно ему нужен от меня только секс, а я, ломаюсь, как последняя дура.

— Почему ты не хочешь меня понять? Я ведь прошу всего немного подождать, неужели это так много?

— Подождать чего? Чего тебя смущает-то? Когда-нибудь всё равно придётся расстаться с девственностью, или ты что, её до брака хранить собралась?

Всё это Андрей говорил стоя ко мне спиной, и застёгивая пуговицы на своей рубашке. А мне так хотелось заглянуть ему в глаза. Понять, правда ли он так думает, или в нём говорит обида? Хотя обида на что? Что я такого сделала, чтобы он так со мной разговаривал?

— Да причём здесь это, неужели ты...

— Всё хватит! — резко обернувшись ко мне, сквозь стиснутые зубы процедил Андрей, сжав ладони в кулаки. И мне стало по-настоящему страшно. У меня сложилось такое впечатление, что сейчас он может меня ударить. Это потом, я привыкну к этим чувствам, потом перестану так резко реагировать на них, но сейчас...сейчас мне было страшно как никогда. И видимо заметив это, Андрей немного смягчился. — Давай закончим эту перепалку, сейчас наговорим, друг другу гадостей, потом жалеть будем. День действительно выдался трудным. Вся эта канитель с приездом и заселением, тебе и вправду нужно отдохнуть. Ложись спать.

— А ты? — наблюдая, как он надевает ботинки, дрогнувшим голосом произнесла я. Ну вот отлично, только слёз сейчас не хватало.

Заметив это, Андрей как-то резко переменился в лице, сменив гнев на милость, и присел на краешек кровати, проведя ладонью по моей щеке.

— Пойду, разберусь, что там с багажом. Ты меня не жди, ложись спать. Завтра утром встретим Стаса и Катю на вокзале, развезём по квартирам и весь день свободен.

— По квартирам? А они разве не в одной будут жить?

— И как ты себе это представляешь? — недобро усмехнулся Андрей. — Катя будет жить в одной комнате, Надюша в другой, а Стас будет приходить к ним по очереди?

— Надюша эта невеста Стаса? — решила уточнить я, сама итак зная ответ на свой вопрос.

— Да, и было бы совсем нежелательно, чтобы она узнала о Катерине, — совсем непрозрачно намекнул Андрей на то, чтобы я не трепала языком. — А теперь спи.

Поцеловав меня в лоб, Андрей уложил меня в постель и закутал одеялом, убедившись, что меня не продует, видимо позабыв, что на дворе лето, а не зима. Пройдя к двери, Андрей остановился в самом проходе, и, выключив в номере свет, прежде чем выйти из него, тихо произнёс:

— Извини меня Оксан, я был не прав.

Стрелки на часах показывали всего половину седьмого, зато на улицах было светло как в разгар солнечного дня. Вот, что значит лето. Хотя мне лично больше нравилось ехать в машине по ночному городу. Грустную романтику это как-то нагоняет. Хотя помечтать о чём-то или просто поразглядывать Москву из окна автомобиля у меня толком не получилось. Половину дороги я проспала, а ещё половину слушала отборный мат Андрея, когда он из-за

километровых пробок тормозил на каждом сантиметре. В общем уже на второй день пребывания в столице, я на себе прочувствовала её знаменитые, выводящие из себя всех водителей, да и пассажиров в принципе то же, пробки.

— Чёрт, я думал, мы только к ночи доберёмся, — проворчал Андрей, припарковав машину на стоянке.

Выйдя из автомобиля, он обогнул его, и, открыв дверь с моей стороны, помог мне выбраться наружу. И снова я оказалась на уже знакомом Ленинградском вокзале, на котором, как и вчера, народу было тьма тьмущая. Пройдя к посадочным станциям, мы без особого труда отыскивали, уже видимо давно дожидавшихся нас Стаса и Катю.

— Андрюх, дьявол, ты, что пешком сюда топал? — обняв друга, устало произнёс Стас, на меня даже не взглянув. Зато вот Катя, по всей видимости, так же вымотанная поездкой, проявила больше вежливости. Устало кивнув мне, она слегка приобняла меня, и снова плюхнулась на скамейку.

— Привет Кать, — отстранив от себя Стаса, с одной стороны пренебрежительно, а с другой с долей каких-то непонятных мне чувств произнёс Андрей, протянув руку сонно зевающей девушке. Кивнув в ответ, Лебедева пожала его ладонь в знак приветствия, сверкнув своими супер-ухоженными ногтями. Да и вообще надо подметить, что она выглядела несколько иначе. Нет, Катька всегда любила хорошо приодеться, но чтоб так... На маленькой сумочке, в которую она вцепилась волчьей хваткой, большими буквами было написано 'Прадо'. Да и одежда видно, что из фирменных магазинов. Откуда только столько денег взялось?

— Ну, что ребят, пакуемся? — оживлённо произнёс Андрей, подхватив несколько сумок, но тут же был перебит женским радостным визгом.

В одну секунду к нам подлетела умопомрачительная брюнетка, запрыгнувшая на спину Стаса, и закрывшая ему ладонями глаза. И в это же мгновение лица всех трёх окружающих меня людей резко переменились. Стас перекосялся от ничем не скрытого страха, а хотя точнее будет сказать даже паники. Андрей, чуть ли не с раскрытым ртом украдкой поглядывал то на эту миниатюрную брюнетку, то на поднимающуюся со скамейки Катерину. А сама Лебедева...наверное, даже змея так не сочтётся ядом. Хватило всего секунды, чтобы я поняла, кто эта незнакомка.

— Хорошо, что вы ещё не уехали, а то я уж боялась, что опоздала! Стасииииик, — радостно протянула девушка, принявшись покрывать побледневшее лицо парня любящими поцелуями.

— А ты...ты что здесь делаешь? У тебя ведь лекция в институте... — поставив девушку на пол, развернув её лицом к себе, спиной к Катерине, дрогнувшим голосом произнёс Стас. И только сейчас я заметила, что ладони, которыми он обхватил Надю, нервно подрагивают.

— Отпросилась, решила устроить тебе сюрприз! А ты чего, не рад, что ли? — лукаво усмехнулась девушка, обвив шею своего окаменевшего возлюбленного руками, и принявшись снова покрывать его лицо радостными нежными поцелуями.

— Да нет, что ты...Рад, рад, конечно, — ещё крепче прижав Надю к себе, наконец, очухавшись, более-менее правдоподобно-радостно произнёс Стас, стрельнув взглядом в Катю, видимо намекая ей, чтобы она по-быстрому смоталась. Но судя по тому, как уже через секунду в глазах парня заискрилась отчаяние, Катрин вовсе не собиралась мириться с таким раскладом событий. И действительно по одной её самодовольной улыбочке я поняла, что она очень даже рада этой встрече.

— Ах, вот оно что, — развернувшись лицом к нам и окинув меня вместе с Катей пристальным взглядом, интригуяще протянула Надя, и я не на шутку испугалась, что Стас сейчас в комму впадёт. Его лицо побледнело как у покойника. — Смотрю, любимый ты не плохо без меня повеселился? Ну-ка признавайся, сколько раз мне изменил?

И ведь слышно было по её голосу, что шутит, и даже не подозревает, какую насмешку сыграла с ней судьба, столкнув при таких обстоятельствах с настоящей любовницей её, по всей видимости, горячо любимого жениха, а глаза у Стаса чуть ли из орбит не вылезли. Надо же, а я-то думала, что у него с невестой совсем не такие отношения. Даже подумать не могла, что он так дорожит своей Надей, ведь ещё совсем недавно, на моих глазах, он лапал в клубе, а потом повёз к себе на квартиру, сейчас ехидно улыбающуюся Катку. Мда, смотрю теперь пришло время платить по счетам.

— А со мной ты поздороваться не хочешь? — тут же вмешался Андрей, так учтиво придя на помощь другу. А вот я как-то даже немного разочаровалась. Нет, я вовсе не желала увидеть здесь какие-либо разборки, но Надя, за километр лучащая позитивом, производила только положительное впечатление, и мне было искренни жаль её. Да и женская солидарность давила на совесть. Но вмешиваться я всё равно, ни за что бы, ни стала. Во-первых, это не моё дело, а во-вторых, жизнь и без меня всё расставит по местам.

— Андрюха, — обхватив шею Андрея руками, радостно протянула Надя, принявшись зацеловывать и его. А я не испытала даже грамма ревности. Наверное, сразу почувствовала, что от этой девушки ничего плохого ждать не нужно. — Господи, ну когда же вы уже перестанете расти? Мне скоро на ходулях надо будет ходить, чтобы до вас доставать!

— Да, это ты у нас пупсариньё, — растрепав девушке волосы своей пятернёй, Андрей выпустил её из объятий и тут же притянул меня к себе. — Надюш, вот познакомься, это Ксюнька — моя девушка.

— Девушка?! Ну, наконец-то! А-то я уже устала, одна бороться с этими свиньями! Теперь вместе будем приучать их стирать за собой носки, мыть посуду, и не разбрасывать свои вещи, где ни попадя!

Одна секунда и я была сжата в радостных дружеских объятиях. Должна сказать это меня ошарашило. Ещё никогда ко мне вот так с первых минут знакомства, не относились настолько искренни. В отличие от друзей Андрея мужского пола, Надя не возвышала меня над собой, хотя терпкий аромат 'Шанель' исходивший от девушки, яро говорил, что мы из разных социальных категорий.

— А это Катя, подруга Оксаны, она поступила в столичный вуз, и вот приехала в Москву учиться. Мы сейчас, кстати, собирались помогать ей с расселением, — заметив молчаливо-вопросительный взгляд Нади, на ходу соврал Андрей. Стас, по всей видимости, не мог вымолвить даже слова. Он только притянул свою девушку к себе, и попытался оттащить её подальше от нас. Но Надя, прибывая в удивительно радостном настроении, быстро вырвалась из объятий своего жениха и с искренней улыбкой подошла к своей потенциальной сопернице.

— Привет, я Надя, очень рада знакомству! — широко улыбнулась девушка, доверчиво протянув руку ухмыляющейся Лебедевой. И такое отвращение во мне вызвала эта ухмылка, что я еле сдержалась, чтобы не припечатать эту тварь белобрысую.

— А я Катя, то же безумно рада такой встрече, — пожав руку, ядовито усмехнулась Лебедева.

Могу сказать ещё минута и Стаса бы точно Кондратий хватил, но Андрей в очередной

раз пришёл на помощь своему гуляющему другу.

— Ребят, ну чего, так и будем на вокзале кантоваться? Поехали, давайте по квартирам. Чего, времени-то зря терять? Мы с Ксаной только вчера вернулись, ещё даже разгрузиться не успели, не говорю уже про то, что совершенно не выспались. А ты Надюх ещё успеешь со своим свиньёй пообниматься, теперь-то он уж тебя точно никуда не денется.

— Уже по квартирам? Ну, мальчишки я же по вам так соскучилась, давайте в кафе какое-нибудь заедем. Посидим, поговорим, заодно я с девчонками поближе познакомлюсь.

— Маленькая, давай завтра, а? Сегодня и, правда все устали, да и сумки мы ещё даже не разгрузили, — обняв свою помрачневшую девушку за талию и прижав её спиной к своей груди, прямо-таки щенячьим голосом протянул Стас, уткнувшись носом в макушку Нади.

— А я полностью поддерживай идею твоей девушки, — два последних слова, Катя произнесла с особой интонацией. — Чего дома-то сидеть? Мне кажется, нам и вправду будет лучше познакомиться поближе. Видеться-то теперь часто будем!

Даже меня, по натуре девушку довольно наивную и доверчивую, такие слова, а точнее ухмылка, с которой их произнесла Лебедева, насторожили бы. Но Надю, судя по её вновь растянувшимся в широкую улыбку губам, такие мысли даже и не подумали посетить. Теперь понятно, почему они со Стасом до сих пор вместе, учитывая, что, по всей видимости, девушка не прощает измен (иначе бы, вряд ли Стас сейчас дрожал бы как осиновый лист). Надя, вероятно не только безумно жизнерадостная, но и очень доверчивая девушка. Вряд ли она когда-нибудь подозревала своего возлюбленного в походах налево. И это, наверное, даже хуже для него. Обман рано или поздно всё равно раскроется, а учитывая, что помимо Кати у него было ещё множество заскоков (в чём я ни на грамм не сомневалась), Надя узнает о неверности своего жениха совсем скоро.

— Вот видите, Кате то же пришлась моя идея по душе! Два — два! Теперь всё зависит от голоса твоей девушки, — стрельнув взглядом в Андрея, Надя многозначно подмигнула мне. Ну, что Ксюш, поддержишь нашу женскую компанию?

В одну секунду на меня были направлены четыре совершенно противоречивых друг другу взгляда. Стас смотрел на меня с отчаянной мольбой, Надя, с искренним и совершенно наивным желанием хорошо провести время, и включить в свой круг общения новых личностей, Катя каких-либо определённых чувств не выражала, скорее, просто ждала от меня ответа, а Андрей, гипнотизируя меня своими невозможно-зелёными глазами, пытался напомнить мне о нашем уговоре, согласно которому я должна была держать язык за зубами. Думаю, не сложно было догадаться, какой из этих взглядов, подействовал на меня сильнее всего.

— Нет. Прости Надь, я действительно немного устала. Мы с Андреем только вчера вернулись, и мне хотелось бы немного отдохнуть. Зато думаю завтра, весь день в моём распоряжении.

— Но, к сожалению, ни в моём, — грустно вздохнула девушка, откинув голову на плечо Стаса, который первый раз на моей памяти смотрел на меня с благодарностью. — Завтра весь день парами забит.

— Ну, ничего. Успеете ещё познакомиться, — поцеловав свою девушку в румяную щечку, ободряюще произнёс Стас. — А сейчас поехали, а то я просто умираю, как хочу спать.

— Да уж ночь и впрямь выдалась бессонной, — с ухмылкой протянула Лебедева, вызываясь глядя на помрачневшего Кривицина. — Только у меня лично на бессонницу уже

иммунитет выработался.

— Значит, тебя повезло, чего, увы, нельзя сказать о нас. Я тоже с ног уже валюсь. Пойдёмте, будем грузиться.

Одной рукой подхватив пару сумок, второй оттянув меня за локоть и пригвоздив к своему телу, Андрей направился к выходу из вокзала. И если бы не слова Катерины, вновь произнесённые с ядовитой ухмылкой, думаю, Надя со Стасом тоже бы последовали за нами.

— Ребят, ну если вы устали, так поезжайте домой! Разгрузитесь и выспитесь в своё удовольствие. А мы с Надей по городу погуляем. Я ни разу не была в Москве, так хочется поскорее здесь всё увидеть. Надь, покажешь мне столицу?

— С удовольствием! — радостно воскликнула до жути доверчивая девушка, по всей видимости, даже не заметив, как пальцы её жениха сжались на ручке чемодана, а лицо парня больше напоминало картину перед бурей.

— Это не самый лучший вариант. Кать, мы договорились, что как только мы приедем в Москву, мы с Андреем сразу повезём тебя на твою съёмную квартиру. Я не буду мотаться триста раз туда и обратно из-за твоих желаний, либо мы сейчас разъезжаемся все по своим углам, либо лично ТЫ покупаешь себе билет обратно в свой город. И я тут же разрываю все договорённости на счёт твоего устройства в Москве.

Судя по всему эти доводы, а в частности та решимость, с которой их произнёс Стас, вернули Лебедеву с небес на землю, напомнив, на каких условиях её взяли в столицу. И что-то мне подсказывает, что Катька соврала мне о том, что Стас сам позвал её в Москву, и что у них до сих пор продолжают отношения. Ведь судя по лицу парня, ничего кроме признания он к ней не испытывает.

— Стас, зачем ты так? — в растерянности произнесла единственно ничего не понимающая здесь девушка, виновато взглянув на Катю. — Чего ты разозлился? Мы же просто погулять хотели?

— Надюш, прости, поездка сильно вымотала, вот и не сдержался, — поцеловав свою девушку в носик, устало произнёс Стас.

— Да ладно, передо мной, что извинятся-то. Вон лучше у Кати прощения попроси.

Чуть склонив голову в бок, Стас мельком пробежался взглядом по девушке, которая выводила из себя не только его, но и меня, да и Андрея думаю тоже, своей до невозможности слащавой улыбкой. Однако в битве с самим собой и доверием своей девушки, победило второе.

— Прости, — более-менее спокойно произнёс Стас. А в его положении агрессивность показывать было бы явно нежелательно. Конечно, с первого взгляда бросается в глаза, что Надежда девушка наивная, но не думаю, что глупая. Если её всё-таки, что-то насторожит, Стас уже вряд ли сможет отвертеться. И он это, по-моему, понимал не хуже меня. Поэтому и поспешил поскорее свернуть столь 'приятное знакомство'. — Ну, что может, уже поедem, наконец-то? А-то я умираю, как спать хочу.

— Стас, а как же прогулка? Я не хочу думать, что мне там делать? — обвив руками шею своего парня, и несколько раз клюнув его в идеально гладкую щёку, жалостливо протянула Надя.

— А со мной время провести ты не хочешь? Что совсем не соскучилась? — щёлкнув девушку по носу, устало улыбнулся Стас, всё так же продолжая оттаскивать Надю подальше от нас. Хотя скорее не от нас, а от одной конкретной особы, которая после прямой угрозы вылета из столицы, больше предпочла не возникать.

— Соскучилась, конечно. Но с тобой мы вроде как всю жизнь вместе собирались провести, — смущённо улыбнулась девушка, спрятав лицо на груди у немного повеселевшего возлюбленного. — Девчонки, ну чего, давайте по Москве прощмонаемся? Гарантирую, я вам такую программу забабахая, что всю усталость, как рукой снимет!

— А своим подружкам ты позвонить не можешь? — устало пропыхтел Андрей, одной рукой крепко прижимая меня к себе за талию, в другой таща две большие дорожные сумки, когда, мы, наконец, двинулись к парковке.

— И подружкам позвонить могу. Все вместе прогуляемся, а заодно и познакомимся. Как ни как часто видеться-то теперь придётся? — подмигнула нас с Катей Надя, когда Стас предпринимал безуспешные попытки запихнуть её в такси.

— Со мной, — наконец, решила вмешаться я, понимаю, что парни уже не справляются. — Хотя может ты и права. Чего, в самом деле, в четырёх стенах сидеть? Давай, правда, по городу пройдемся, всё-таки мне уже пора начинать здесь ориентироваться. А пока мальчишки Катю на её квартиру завезут, и с багажом разберутся.

— Отлично! Просто замечательная идея! — тут же оживился Стас, понимая, что его уже практически 'пронесло'.

— Действительно здорово! Я тебе столько замечательных мест покажу, гарантирую, после сегодняшнего дня ты просто влюбишься в Москву! Андрюш, я надеюсь, ты не против, если я твою девушку на пару часиков украду?

— Да нет, с чего бы мне быть против? Гуляйте сколько хотите. Только Надька, доставь её в целости и сохранности, а то знаю я тебя.

Махнув рукой 'на отвяжись', Надя состроила такую рожицу, что даже Андрей, пребывая в крайне настороженном состоянии не смог сдержать улыбки.

— Знаешь хоть адрес гостиницы, в которой мы поселились? — убрав руку с моей талии, усмехнулся Андрей, принявшись погружать чемоданы в багажник такси вслед за Кривициным.

— Конечно, знаю, — довольно улыбнувшись, Надя оттянула меня за руку на такое расстояние, чтобы занимающиеся погрузкой багажа парни, не слышали нашего разговора. — Ну, чего гульнём?

— Гульнём! — охотно согласилась я, едва сдерживая улыбку. Ну, понравилась мне эта девушка. Есть такие люди, к которым тянешься с первых секунд знакомства. — А куда мы пойдём?

— Ну, сначала забежим куда-нибудь перекусить. А-то я с утра ещё ничего не ела. А потом, я устрою нам такую программу, о которой нашим мальчикам лучше не знать.

Приобняв меня за плечи, Надя начала шептать мне на ушко план своей грандиозной 'программы', и с каждой секундой нашего сокровенного разговора моё лицо становилось всё краснее и краснее.

— Девчонки, о чём вы там всё шепчитесь? — в пол оборота прикрикнул на нас Андрей, запихнув последнюю сумку в багажник. Правда, ответить мы ему не смогли, точнее не успели. Увидев, что её чемоданы поместили в такси, а не в стоящий рядом BMW, Катька тут же выдала всю свою алчную натуру, в секунду позабыв, что в её шатком положении лучше лишний раз в конфликты не вступать.

— Мы на такси поедem? Андрей, я думала, что...

— Прости Катюх, но эта машинка, — Надя махнула рукой в сторону BMW, — на день уже арендована. Гулять, так уж по-крупному!

— Смотрите, чтобы после вашей гулянки, мне не пришлось по автосервисам мотаться, — подойдя к нам, Андрей приобняв меня за плечи, оттянул меня к парковочной будке, возле которой никого не было. — Надька, и я ведь серьёзно. Увижу хоть одну царапинку, придушу собственными руками! — уже вдогонку крикнул Андрей, удаляющейся к своему парню девушке.

— Ну, и утречко.

Прижавшись к груди Андрея, я чуть было не заурчала от удовольствия. Так тепло, хорошо и спокойно было в его объятиях, что вся суматоха, все проблемы, свалившиеся на мою голову, отошли на второй план. А это ни с чем несравнимое чувство защищённости, когда он крепко прижав меня к себе, поцеловал меня в висок, вообще заставляло позабыть обо всём на свете.

— Да уж, у Нади всегда получалось делать сюрпризы, но сегодня это было, что-то с чем-то. Стас, по-моему, даже посидел немного.

— Знаешь, я не думала, что он так дорожит этими отношениями, — с трудом оторвавшись от груди Андрея, всё ещё слегка удивлённым тоном произнесла я, и в ту же секунду встретилась с взглядом полным непонимания.

— С чего ты это взяла? Надюшка замечательная девушка, думаю, ты и сама это уже поняла, ну или сегодня ещё поймёшь. К тому же они со Стасом два года вместе, их очень многое связывает.

— Почему же он тогда так по-свински с ней обходится?

— Дурак потому что. Сколько раз говорил ему быть осторожней, а он всё мимо ушей пропускал, пока с этой Каткой не обжёгся. Теперь пусть расхлёбывает.

— Не поняла? Что значит быть осторожней? — теперь-то уж я окончательно проснулась. Судя по голосу и удивлённому взгляду, Андрей не видел, ничего ужасного в поступках своего друга.

— Не спать с каждой встречной. Быть более аккуратным, — довольно резко ответил Андрей, отмахнувшись на свист Стаса, означающий, что нам пора поторапливаться.

— А может лучше, было бы, если бы он просто ей не изменял? — удивлённо вскинув брови, я выжидающе уставилась на Андрея. Полный безумия взгляд поверг меня в шок.

— Можно, конечно и так, но это уж совсем в идеале. От ошибок никто не застрахован. Рано или поздно мужчина всё равно изменит, по-другому и быть не может.

— Даже если любит? — спустя несколько секунд раздумий, с заминкой произнесла я.

— Какая разница, любит — не любит, одной, даже самой лучшей девушкой в мире, мужчина не ограничится. Единственное различие, пожалуй, в том, что если любит — будет себя сдерживать, как-то ограничивать общения с девушками, к которым его будет тянуть. Но всё равно верности до конца жизни не существует. Когда-нибудь всё-таки изменит. Может по-пьяни в клубе, а может просто какой-нибудь мимолётный роман.

— Значит, от тебя мне верности ждать не стоит? — слишком тихо произнесла я, пытаюсь уловить взгляд Андрея.

— Не самое лучшее время, чтобы это обсуждать. Наши отношения, ещё только начинаются.

— И всё же, раз уж затронулась такая тема, ответь мне. Ты бы смог быть мне верным?

— Ксюш, сейчас мне нравишься только ты. Если, когда-нибудь я встречу девушку, к которой меня будет тянуть сильнее, чем к тебе, обещаю, ты об этом узнаешь.

— А, если как ты уже говорил, по-пьяни в клубе?

— Тогда не узнаешь.

— Будешь врать мне в глаза?

— Не вижу смысла ломать отношения из-за пятиминутного пьяного секса, — резко ответил Андрей, всем своим видом давая понять, что тема закрыта. Тема закрыта, а настроение у меня стало хуже, чем просто паршивое. — Ладно, пора мне. Надо Катку на квартиру завести и Стасу с переездом помочь. И ещё сегодня я поеду домой. Посмотрю, как ремонт продвигается.

— Правда? А можно мне с тобой? — желание увидеть квартиру, в которой мы будем жить вместе, даже как-то понемногу начало вытеснять гадкие мысли из моей головы.

— Если со своими гулянками вы управитесь до четырёх часов то — да, можно.

— Конечно, управимся! Я очень хочу посмотреть на квартиру! Она красивая, да?

Улыбнувшись краешками губ, Андрей нежно провёл ладонью по моей щеке и заправил выбившуюся прядь волос мне за ухо.

— Вот приедешь и сама всё посмотришь. Позвони меня в полчетвёртого и скажи, откуда забирать, хорошо?

— Хорошо, — довольно улыбнувшись, я снова спряла своё лицо у него на груди.

— И, да, чуть не забыл, — слегка отстранив меня от себя, Андрей не обратив внимания на недовольные возгласы Стаса, достал из кармана джинс кошелек и вынул из него пару тысячных купюр.

— Вот держи, должно хватить.

— Должно хватить? Андрей я всего-то погулять хочу, а не собираюсь на приём к английской королеве. Зачем так много? — попытавшись вернуть часть денег обратно их владельцу, полным непонимания голосом произнесла я.

— Это Москва, милая. Скоро ты поймёшь, что цены здесь отличаются от тех, что ты привыкла, — в секунду сломив моё сопротивление, Андрей засунул мне деньги в карман шорт. — И не забудь позвонить. Поедем смотреть квартиру, а потом поужинаем в каком-нибудь ресторанчике. Мне нужно с тобой кое о чём поговорить.

— О чём же?

— Вот вечером и узнаешь, — приобняв меня за плечи, Андрей подтолкнул меня обратно к машинам. — А теперь пойдём, а то Стас сейчас голос сорвёт.

И действительно, ещё бы несколько секунд наших промедлений, и парень бы охрип. Не буду говорить, какими взглядами он нас встретил, когда мы подошли к такси. Наверное, он бы не постеснялся высказать нам всё, что вертелось у него на языке, если бы не смягчающие объятий Нади, и её нежный поцелуй в щёчку. Чуть отстранив от себя девушку, Стас, пытаясь не показывать, как на него действовали её нежности, что-то невнятно пробурчал себе под нос и залез в машину на пассажирское место возле водителя. Нежелание усаживать на задние кресла было вполне себе понятным. Насупив губы, там расположилась заметно поубавившая в энтузиазме Катя, что-то лениво набирающая на своём новом супер навороченном телефоне. Наклонившись, Андрей бережно убрал закрывающие часть моего лица пряди волос, и коротко чмокнул меня в щёчку. Подмигнув Наде, парень быстро заполз в машину, устроившись рядом с почему-то немного повеселевшей Лебедевой. Как только вся троица, наконец, поместилась в машину, водителей потушил свою сигарету и выкинув окурки на асфальт, со свистом отогнал свой авто со стоянки.

— Итак, мы с тобой остались одни, — перекинув руку мне через плечо, медленно протянула Надя. — Две красивые молодые и совсем одинокие девушки в таком большом

городе. Парней рядом нет, — похоже, это был вопрос, на который Надя ждала итак очевидный нам обоим ответ. Чтобы продолжить разговор я утвердительно кивнула головой. — А деньги есть. Ну, и ты смекаешь к чему? Её горящий взгляд и хитрющая улыбка, в одну секунду помогли мне 'смекнуть' к чему она клонит.

— И куда мы поедем? — помимо воли губы вытянулись в до ужаса довольную улыбку. Предвкушение чего-то нового и безумно грандиозного заставляло меня, чуть ли не пищать от восторга.

— С такой вот карточкой, — Надя покрутила у меня перед глазами серебристо-платиновой кредиткой, — да на такой вот машине, — кивнула в сторону BMW, — перед нами открыты все двери Москвы.

— И куда же мы поедем сначала?

Заползя в салон автомобиля на переднее сиденье возле водителя, я, дождавшись пока Надя, заняла своё место за рулём, не сдержалась и прерывисто вздохнула, уловив бесистый взгляд девушки.

— Сначала пузики свои набьём, — заведя мотор автомобиля, весело подмигнула миниатюрная красавица, — ну а потом прямым ходом в BodyCloud!

— А что это?

— Ты не знаешь, что такое BodyCloud? — чуть было, не проехав на красный свет, недоуменно воскликнула Надя. Получив в ответ короткий и слегка смущённый кивок, девушка ошеломлённо присвистнула. — Тогда запомни эту дату малыш! Двадцать первое августа твоё второе день рождения! Едва заметно улыбнувшись в ответ, я про себя подумала, что у меня и первого-то как такого нет. Сомневаюсь, что в роддоме при моём рождении указали правильную дату моего появления на свет. Когда я общалась с 'корешами' моего покойного отца, они говорили мне, что Дарья (она же 'мама') забеременела, едва ли ей стукнуло семнадцать. Скорее всего, родила она меня всего за пару месяцев до своего совершеннолетия. А так как она была девушкой из семьи обеспеченной, думаю, её родителям не составило труда, приписать ребёнку совершеннолетнюю мамочку, этим хоть как-то сгладив ситуацию. Впрочем, не очень понимаю, зачем это было нужно делать. Мамуля отказалась от меня сразу после рождения, и уж наверняка сразу стёрла из памяти всё, что было связано с моим появлением на свет. Да, и жизнь у неё, после этого, насколько мне известно, сложилась удачно. Дети есть, не знаю уж как от любимого, но главное от богатого мужчины. В Москве...живёт. И я сейчас в Москве...

— Ксю-ша, ты меня слышишь? — по слогам проговорив моё имя, осторожно поинтересовалась Надя.

— Да, извини, задумалась просто. Ты, что-то сказала? — пытаюсь откинуть спонтанно вобравшиеся в моё сознание нелепые мысли, как можно более непринужденней поинтересовалась я.

— Познакомимся, давай, говорю. А-то кроме имён, пока ничего друг о друге не знаем. Ты со Стасиком давно знакома?

— Нет не очень. Около месяца, — говорить на тему её жениха мне очень не хотелось. Чувство вины и ущемлённая женская солидарность делали своё дело.

— Ну, я надеюсь, он тебе обо мне уже успел чего-нибудь рассказать?

— Нет, если честно, ничего. Да мы с ним толком и не общались.

— А Андрей? Ну, он-то я надеюсь, не обделил добрым словом лучшую подругу?

— По правде говоря, мы мало говорили...о его друзьях...о тебе...

— Я не поняла, эти жука, вообще обо мне, что ли вспоминали?! — притормозив на светофоре, возмущенно воскликнула Надя, по-моему, даже немного покраснев от злости.

— Да, нет, со Стасом я просто практически не общалась, а Андрей...ну он вкратце рассказывал мне о себе, о своей жизни, о своих увлечениях, — попыталась найти оправдания этим двум 'жукам', понимая, что они этого собственно совсем не заслуживают. Особенно Кривицин.

— Ладно, на твоего обалдуя я не в обиде. Понимаю ведь, что у вас и помимо разговоров, было чем заняться, — многозначно подмигнув мне, Надя свернула на широкий проспект. — А вот мой засранец ещё дома получит. Мало того, что не сказал, что у Андрюшки девушка появилась, так ещё и, похоже, совсем про меня не вспоминал, — я даже немного вздрогнула, с горечью понимая, насколько оказались правдивы её слова. А ведь Надя, вновь растянув свои пухленькие губы в широкой улыбке, явно не подозревала насколько права она в своих шутливых убеждениях. — Ну, что ж, похоже, придётся представиться самой. Итак, зовут меня, как ты уже знаешь Надежда, фамилия Сокольников, надеюсь, в скором времени сменить её на Кривицину, отчество Олеговна. Мне двадцать два года, я оканчиваю Московскую государственную академию 'культуры и искусств'. Надеюсь в скором времени раскрыть свои таланты в большом театре. По жизни натура творческая. Люблю, увлекаюсь, да собственно и живу балетом. Первый раз мама привела меня в театр в четыре года на какой-то детский спектакль, и с тех пор я неразлучна с миром искусства. Помимо этого увлекаюсь спортом. Не могу представить свой день без тренажерки. Люблю подвижный, весёлый ритм жизни. Обожаю людей оптимистов, сама стараюсь найти в любой ситуации плюсы. Ну, о личной жизни, я думаю, ты знаешь. Так для справки скажу, что со Стасиком мы вместе уже два года. Недавно вот, кстати, только, дата была. Познакомились мы с ним безумно романтично. Я въехала ему в машину. Он меня обматерил. Я назвала его тупым ослом. Он меня, слепой безмозглой неврастеничкой. Думаю, дело дошло бы до драки, но прохожие ментовку вызвали. Сидели в соседних камерах. Когда ментяры получили себе в карманчик, и выпустили нас на волю, Стасик стрельнул у меня телефончик. Через месяц встречаться предложил. Ну, собственно как-то так всё и было.

— Обалдеть, — только и смогла произнести я. За две минуты Надя успела поведать мне практически обо всей своей жизни. Причём жизни безумно яркой и интересной. Балет, театр, искусство, спорт, столь необычное знакомство со своим возлюбленным — вот это я понимаю жизнь во всех красках.

— Ну, теперь твоя очередь. Мы сейчас уже к Пирошке подъедем. Так что у тебя не больше пяти минут, что бы поведать мне о себе. Потому как в ближайший час я посвящу себя исключительно поглощению пищи.

— Да, мне собственно и нечего говорить....А, что конкретно ты хочешь знать?

— Всё, разумеется! Ну, начать можешь, например с возраста. Тебе сколько? Двадцать, двадцать два?

— Восемнадцать...через два месяца будет.

Надо сказать, я даже не думала, что буду так смущаться своего возраста. Вроде взрослая уже. Скоро совершеннолетие отпраздную. Если уже не должна была его отметить. А сейчас, нервно комкая в руках ткань футболки и пытаюсь как-то скрыться от ошеломлённо-кричащего взгляда Нади, я почувствовала себя лилипуткой.

— Погоди, ты хочешь сказать, что тебе семнадцать? Всего семнадцать?!

— Да, — тихо произнесла я, и зачем-то вытерла нос ладонью, добавив ещё больше

'детства' к своему образу.

— Ну, ёрхирней бабай, BodyClaud отменяется! Там вход строго 21+. Никакими деньгами от фейса не откупишься!

— Да, и не надо. Я не хочу портить тебе день. Давай мы вместе позавтракаем...

— Даже не думай! Чёрт, с этим клубом, думаешь я не найду в Москве других мест, в которых можно поравзлечся? Ты мне лучше скажи, как тебя родители-то отпустили в другой город с малознакомым парнем? Ведь, как я поняла, ты Андрея не так давно знаешь?

— Около месяца, — нерешительно подтвердила я, понимая, что никак не смогу ответить на Надин вопрос.

— И в Москве до этого не была?

— Нет.

— Очуметь! И тебя родичи вот так просто отпустили? Или они даже не знают про Андрея? Ты поступать сюда приехала, да?

— Нет....то есть и 'да' и 'нет'. Мне отчитываться не перед кем не надо. У меня нет родителей. Я детдомовская.

— Извини, — после нескольких секунд неловкого затишья, сожалеюще произнесла Надя.

— Да тебе, собственно не за что извиняться, — пожав плечами, просто ответила я.

— Ты получается вот так просто, всё бросив, рванула в Москву? Поступила, значит в здешний вуз?

— Да, бросать мне собственно было нечего. А поступить, пока ещё не поступила.

— В смысле 'пока ещё'? Так ведь документы уже больше не примут.

— Значит со следующего года.

— А как это так? — в искреннем недоумении произнесла Надя.

— Я в другой город собиралась поступать. А потом Андрея встретила...Ну, и, в общем, теперь вот я в Москве, — слабо разъяснила я, выдавив из себя глупую улыбку.

— Ни чего себе....А на кого ты поступать хотела?

— Почему хотела? Я и сейчас хочу стать архитектором-проектировщиком.

— Да ладно?...Погоди, а какие тогда проблемы-то?

— В смысле?

— Ну, вы с Андреем говорили на эту тему?

— Да, конечно, — мы действительно с ним об этом разговаривали. В поезде, по дороге в Москву. И пришли к выводу, что поступать я буду в следующем году. А в этом пока обоснуюсь в городе и подыщу себе работу (на последнем, кстати, Андрей особо не настаивал).

— И ты рассказывала ему, кем хочешь стать?

— Разумеется.

— Тогда я ничего не понимаю. У одного из друзей Андрея отец заведует кафедрой в МАРХИ (Прим. автора: МАРХИ — Московский архитектурный институт). Я думаю, он бы без особого труда смог договориться о твоём зачислении. Тем более что ты же, ну...по льготам и без экзаменов проходишь. Он тебе, что об этом не говорил ничего?

Первые несколько секунд я просто пыталась вникнуть в то, что сказала Надя. Андрей мог договориться о моём зачислении, и ничего мне об этом не сказал? Бред какой-то! Ведь мы с ним уже всё это обсуждали, и он сам, несколько раз говорил мне, что, к сожалению, сейчас уже ничего нельзя поделать с поступлением. Не мог же он мне соврать, да и зачем

ему это?

— А ты ничего не путаешь?

— Да, вроде бы нет, — с секундной заминкой, неуверенно произнесла Надя. — Олег Хмелёв — сын заведующего кафедрой в МАРХИ. Я сама его лично знаю. Раньше ходили в одной компании, теперь как-то реже видеться стали, но все равно хорошо общаемся.

— Странно, Андрей ничего мне об этом не рассказывал.

— Может быть, просто забыл? — как-то виновато произнесла Надя, видимо поняв, что сильно подставила своего друга, взболтнув лишнее. И действительно в каком-то смысле, она и впрямь проболталась. Насколько я поняла, Андрей не то, что не хочет, он всячески препятствует моему зачислению в Вуз. И от этого становится ужасно скверно. Противно, когда ты полностью доверяешься человеку, ожидая в ответ, что он будет также честен с тобой, а в итоге получаешь вот такую вот свинью.

— Может и забыл.

Неуверенно пожав плечами, я смогла выдавить из себя лёгкую улыбку. Говорить о том, что Андрей вовсе не забыл, а намеренно скрыл от меня тот факт, что мог бы без труда решить мою проблему с институтом, я не стала. Зачем втягивать в эту Надю? Она итак вон виновато поглядывает на меня, ощущая явную неловкость. Да и не стоит забывать, что она подруга Андрей, и как бы там ни было, портить отношения с ним из-за практически незнакомой ей девушки, уж наверняка не хочет. Ко всему прочему это только наше с ним дело, закрывать глаза на которое, я не собираюсь. Сегодня же Андрей объяснит мне всю ситуацию с Вузом.

— Ну, вот мы и на месте. Сейчас ты попробуешь самые вкусные блинчики в мире, — спустя пять минут молчаливой поездки, воодушевленно произнесла Надя, припарковывая машину возле громаднейшей новостройки. Честно сказать, когда мы выползи из машины, и я, запрокинув голову вверх, попыталась сосчитать, сколько же в этой красотище этажей, у меня закружилась голова. Раньше такие громадные здания я видела только в фильмах, а теперь, по всей видимости, буду встречать на каждом шагу. Это ещё одна особенность Москвы. С первых дней, она в прямом смысле этого слова, кружит голову своей роскошью и величием.

— И где же здесь Пирожка? — пытаюсь очухаться, и перестать ошарашено, таращиться на высотку, с заминкой произнесла я. В моём представлении 'Пирожка' было отдельное здание небольшого уютного кафе, но уж ни как не эта верзила.

— Она на втором этаже. Господи, какая там кухня... ручаюсь, ты ещё никогда не пробовала ничего подобного! — таща меня вслед за собой к входу в здание, восхищённо ответила Надя.

— Да, я вообще-то много заказывать не буду.

— Диета да? Ой, как я тебя понимаю, сама уже с этой фигурой намаялась! Порой иногда так и хочется на всё плюхнуть и схомячить какой-нибудь огромный кусок торта. Но нет, надо держать себя в форме, чтобы в сорок лет ничего не обвисло. Ты кстати бифштекс будешь заказывать? — совершенно невинно произнесла Надя, пытаюсь пропихнуться сквозь плотный поток толпы. А я не смогла сдержать смеха. Нет, эта девушка, определённо может поднять настроение даже с самой паршивой отметки!

— Где у тебя коньяк? — кинув ключи на кухонный столик и стерев ладонью набежавшие на лоб капельки пота, устало произнёс Стас.

— Коньяка нет, есть только виски, будешь? — войдя в кухню вслед за другом, таким же страдальческим голосом предложил Андрей.

— Как нет? Тебе же отец две бутылки фирменного презентовал?

— Да, где-то в коробках валяются. Я подумал, какой смысл сейчас распаковываться-то? Всё равно скоро съедем.

— Это да. Дьявол, какая сегодня жара! — стянув футболку через голову, Стас плеснул себе в лицо потоком холодной воды. — Кстати Лёха звонил, говорил всё пучком, он в Канаде ещё как минимум полгода торчать будет, так, что можешь брать его хату в полное распоряжение! — широко распахнув окно, тяжело дыша, произнёс Стас.

— Это, здорово! Я с рабочими уже созванивался, говорят, что недели через две закончат ремонт. Можно будет заселяться. Сегодня вон как раз с Ксаной смотреть поедем?

— А она знает?

— О чём?

— О том, что хата не твоя?

— Нет, я ей сказал, что родительская, — недовольно поморщившись на подстёгивающий взгляд друга, Андрей тут же добавил в свою защиту. — Нет, а, по-твоему, я, в самом деле должен был её к себе на квартиру тащить?

— Через полгода Лёха вернётся из Канады, всё равно придётся съезжать. Что тогда?

— А ты действительно думаешь, что мы столько будем с ней вместе? — насмешливо вскинув брови, ухмыльнулся Андрей.

— А, ты что, установил какой-то определённый срок ваших отношений? — в тон ему, усмехнулся Стас.

— Да, нет, конечно. Только думаю, больше месяцев трёх мы всё равно с ней вместе не протянем.

— Зачем тогда её с собой в Москву притащил? На черта тебе все эти сложности?

— Мне она интересна. Какая-то она другая что ли, не такая, с какими я раньше встречался. Да и знаешь, вон она, как изменилась ради меня. А это льстит и даже очень.

— Ну, с тем, что она не похожа на твоих бывших, я конечно согласен. Только вот быюсь об заклад весь твой интерес к ней исчезнет через пару дней после того как ты ей в койку затащишь? У вас ведь ещё ни разу не было?

— Нет, и давай свернём тему. Я сам как-нибудь со всем разберусь.

Сам не зная почему, но Андрей всякий раз начинал злиться, когда Стас пытался что-нибудь выведать у него об их интимной жизни с Оксаной, которой по сути-то и нет. Вчера попытался проявить первые шаги, и первый раз в своей жизни получил отворот-поворот. И спрашивается почему? Ведь хотела же, он это прекрасно чувствовал. Может, ломается, пытается набить себе цену? Вряд ли. Пускай он её и не так хорошо знает, но что-то подсказывает ему, что она вовсе не из таких девушек. Этим собственно и привлекла. Своей ещё совсем детской непосредственностью и вместе с этим восхищающей смелостью. Ведь не каждая решится вот так всё бросить и рвануть с малознакомым парнем в столицу. И она не дура. Наверняка прекрасно понимает, что у них с Андреем нет большого будущего и рано или поздно, но его интерес к ней иссякнет. А жениться на такой как она, даже по большой

любви Андрей бы не стал. Для семьи нужна другая девушка — из их круга. Это только в фильмах принцы женятся на золушках, а миллионеры на проститутках. В жизни всё совсем не так. В любом случае пока она его привлекает. Пока, она вызывает внутри него целую бурю противоречивых чувств. И хотя чего греха таить она не возбуждает его так же сильно, как его бывшие кокетки-модели или та же самая Катерина, но он хочет попробовать, что из этого получится. Пускай даже, испоганив при этом жизнь самой Оксана. Пускай, добиваясь, её расположения обманом и ложью, но он её получит. А там посмотрим. Кто знает, как жизнь сложится.

— О чём задумался праведник? — насмешливо ухмыльнулся Стас, выдернув друга из размышлений. — У тебя телефон сейчас разорвётся.

Окончательно распрощавшись с навязчивыми противными мыслями, которые то и дело, пытались надавить на его совесть, Андрей взял со стола вибрирующий телефон, и, прочтя надпись 'Оксана' высветившуюся на дисплеи, взял трубку.

— Привет, я тебя не отвлекаю?

Первые несколько секунд Андрей даже не мог сообразить, что ответить. Голос у Ксюши был какой-то уж очень странный. Вроде и весёлый, а вроде и...обиженный какой-то. На вторичном плане слышались шумные радостные визги, причём почему-то преимущественно женские, и громкая музыка. 'Интересно, где она сейчас?' — от уже успевших набежать в голову красочных картинок, внутри у Андрея что-то неприятно кольнуло. Не могла же Надя отвести её в стрип-клуб? А судя по недвусмысленным крикам, доносящихся из трубки, в то место, в котором сейчас находится Оксана, детей явно не приведёшь. И это навевало не очень приятные чувства. Нет, не то чтобы Андрей ревновал свою подругу, но чувство собственника, прибитое к каждому мужчине, всё же заставляло нервишки пошалить.

— Нет. Вот только недавно помогли Кате обосноваться. Сейчас у Стаса зависаем. А вы где? — нарастающее с каждой секундой волнение в голосе, Андрей легко смог скрыть за маской обыкновенного любопытства.

— У Нади в театральной студии, — спокойно ответила Оксана, и у парня сложилось ещё большее ощущение, что она на него, за что-то обиженна.

— Чего же вы там такое репетируете, что девчонки так визжат? — едва сдержав облегчённый вздох, не удержался от колкости Андрей. Волнение и неприятные напрягающие чувства рассеялись в ту же секунду. Бывал он как-то в студии у Сокольниковой, и хорошо знает, что в свободное от репетиций время будущие звёзды современного искусства любят перекинуться в картишки, при этом проигравший должен исполнить на сцене тот танец, который ему загадает победитель. И прямо скажем не всегда танцы эти, соответствуют глубокому творческому миру их исполнителей, который будущие артисты должны передавать зрителям на сцене. Но всё равно, ничего предосудительного он, ни разу в них не замечал.

— Тут парень какой-то, Максим, кажется, проиграл в карты танец живота. Вот теперь пляшет на сцене в женском блестящем костюме и пытается соблазнить девчонок.

— Понятно, — невольно улыбнувшись, довольно ласково произнёс Андрей. — Тебя я так понял, уже забирать можно?

— Можно, если, конечно ты не передумал.

Голос Ксюши начинал всё больше и больше настораживать парня. Теперь он уже был уверен, что она за что-то на него в обиде. И надо сказать, что его это вовсе не пугало, скорее наоборот — бесило. Сейчас на него свалится целая груда дел в банке, и только ссор с

Оксаной ему ещё не хватало.

— Не передумал на счёт чего? — в одну секунду Андрей сменил ласковый тон на пренебрежительный.

— Показывать мне нашу квартиру.

'Нашу квартиру? У тебя вообще ничего своего нет! — тут же захотел огрызнуться Андрей, но вовремя сдержался'.

— С чего бы я должен был передумать?

— Не знаю. В последнее время у меня складывается впечатление, что мои планы идут на разрез с твоими.

— К чему ты клонишь? — эти далёкие намёки, начинали ужасно бесить парня. Не любил он, когда-то кто-то начинает с ним играть, тем более ещё так неумело. Из Ксаны уж точно стервочка никакая, по крайней мере он так думал, иначе бы не притащил её с собой в Москву. А если начнёт выпендриваться и давить ему на нервы, засунет он, куда подальше симпатию к этой странной девушке и пошлёт её туда, откуда она приехала.

— Давай лучше при встрече. Ты скоро за мной заедешь?

— Ты сейчас в главном корпусе?

— Да.

— Тогда заеду через полчаса. Будь, пожалуйста, готова. Без двадцати пять нам уже нужно быть на квартире. А как я понял, до этого нас ждёт серьёзный разговор, — ни сказав больше не слова, Андрей отключился, даже не попрощавшись.

— Чего, какие-то проблемы со своей тихоней? — насмешливо ухмыльнулся Андрей, хлебнув пиво из горла бутылки.

— Чего, какие-то проблемы со своей тихоней? — насмешливо ухмыльнулся Андрей, хлебнув пиво из горла бутылки.

— Ты бы лучше о своей девушке думал. А-то, похоже, с появлением Катерины, тебе с ней проблем не обобратся.

Оставив без внимания недовольное бурчание друга, Андрей сунул телефон в карман брюк и в полном раздражения состоянии вышел из квартиры.

Надо сказать, что Наде всё — же — таки удалось отвлечь меня от мрачных мыслей. Сначала мы объели, чуть ли не всю пирожку (точнее сказать объела Надя, я, даже, несмотря на действительно великолепную кухню, ограничилась только двумя блинчиками и молочным коктейлем, хоть и выложила за это практически одну треть своего бюджета), а потом, эта безбашенная хохотушка, отвезла меня в Святую Святых (по её словам) — хранитель современного искусства. Правда вот ожидала я там увидеть несколько другое, а не то, что предстало перед моими глазами. Чересчур громкая рок-музыка и перекид в картишки на проигрыш 'в танец' не совсем то, что я думала увидеть в театральной студии Московского института культуры и искусств. Но, тем не менее, даже, несмотря на то, что я не очень люблю так шумно, да ещё и в такой большой компании проводить своё время, всего лишь за тот час, что я с любопытством наблюдала за деятельностью этих безумно жизнерадостных ребят, я успела проникнуться к Наде белой завистью. У неё очень хорошая компания.

Весёлая, энергичная, жизнерадостная, и с отменным чувством юмора. А ещё она мажористая. Очень мажористая. Сразу видно, что все студенты, ребята из очень обеспеченных семей, и я бы соврала, если бы сказала, что нашла с ними общий язык и влилась в их кампанию. Нет, практически всё время, что я провела в студии, я тихо сидела в последних рядах, искоса наблюдая за карточными партиями. И дело было вовсе не в моих новых знакомых. В отличие от друзей Андрея, здесь никто свысока на меня не смотрел, но и попыток познакомиться и пригласить к себе в круг (кроме Нади, конечно), тоже никто не делал. А сама я не могу. Злюсь на себя, обижаюсь, ругаюсь, а всё равно не могу побороть свой страх. Рядом с такими людьми я чувствую себя не в своей тарелке, и чтобы я не делала, избавиться от этой ксенофобии не удаётся. Но даже, несмотря на то, что особо близко я не с кем не познакомилась, моё настроение с каждым новым проигравшим танцем поднималось всё выше и выше. И, наверное, я бы и вовсе забыла о сегодняшнем разговоре с Надей, если бы не сработала 'напоминалка' на моём мобильном. Время пролетело так быстро, что я даже не заметила как стрелки циферблата подошли к четырём часам. Долго сомневалась, стоит ли звонить, но потом, поразмыслив, решила не дуться на расстоянии, а всё выяснить при встрече. Да и чего греха таить, любопытство взяло во мне вверх. Страсть как хотелось увидеть наше будущее жилище. Немного подрагивающими пальцами набрала его номер. Ждать долго не пришлось: трубку взяли практически моментально. Во время разговора старалась держаться холодно, делала ему неглубокие намёки, а сама разве что пот со лба не стирала. Голос у него был такой... странный. Сначала вроде ласковый, а потом...будто и он на меня за что-то обижен. Не стала придавать этому особого значения. Договорилась с ним о месте встречи и сунула мобильный в карман шорт. Тихо, чтобы не отвлекать принявшихся за новую партию картишек ребят, попрощалась с Надей. Решила подождать Андрея у самых дверей. Во-первых, на свежий воздух хотелось выйти, а во-вторых....сердце, грозящееся проломить грудную клетку, требовало немедленной встречи с НИМ.

За те двадцать минут, что я ждала его у дверей института, я уже успела немного остыть. Нет, тихо молчать в сторонке я не собиралась, но и ставить ультиматумы, как хотела поначалу тоже передумала. В конце концов, может у него были какие-то свои причины, или может он просто не смог устроить меня в институт? По крайней мере, других объяснений я не вижу. Зачем ему препятствовать моей учёбе?

— Привет. Как погуляли? — вздрогнув от неожиданности, я сцепила руки в замок, и резко обернулась. Тысяча предательских мурашек прошлась по моему телу, когда стиснув меня в объятиях, словно маленького ребёнка, Андрей приподнял меня над землёй, и пересохшими губами чмокнул в щёчку, которая уже через секунду окрасилась в алый оттенок. Во-первых, было как-то неудобно вокруг ведь полно людей.... а во-вторых, я всё-таки далеко не пушинка, чтобы он меня на руках таскал.

— Привет. Хорошо. Было очень весело, — невнятно пролепетала я, тщетно пытаюсь высвободиться.

— А с Надькой всегда весело, — в ответ на мои безуспешные попытки выбраться из его железных объятий, Андрей ещё сильнее стиснул меня своими огромными лапищами. — Ты голодная? У нас есть ещё немного времени. Можем забежать куда-нибудь перекусить.

— Нет, спасибо, я уже покушала. Андрей, отпусти меня, пожалуйста, — тихо произнесла я, уткнувшись покрасневшей мордочкой ему в грудь.

— Вот уж не думал, что ты меня стесняешься, — по его голосу нельзя было понять, шутит он или говорит всерьёз. Но в любом случае руки он разжал.

— Да нет, я не то имела в виду...

— Ладно, проехали, — довольно резко отрезал Андрей, и я невольно вздрогнула. Как же быстро у него портится настроение, причём из-за всякой ерунды. Взяв меня за руку, Андрей потянул меня к припаркованному возле института автомобилю. Открыв передо мной переднюю пассажирскую дверцу, парень пренебрежительно бросил, — садись.

Как под гипнозом я залезла внутрь салона, и пристегнулась ремнём безопасности. Обогнув машину, Андрей уселся в водительское кресло, и, заведя мотор, вывел автомобиль на дорогу.

— Куда мы едем? — прервав пятиминутное молчание, нерешительно осведомилась я.

— А ты догадайся, — такая грубая ухмылка и пренебрежительный оскал, прямо, скажем, ввели меня в ступор. И это он так разозлился всего лишь из-за того, что я попросила его убрать руки?

— Андрей, что-то случилось?

— Я это у тебя хотел спросить.

— Не поняла, — о чём он?

— Кажется, ты хотела со мной о чём-то поговорить. Я слушаю, — свернув машину на широкий проспект, холодно произнёс Андрей.

— ... не здесь, давай лучше, когда приедем на квартиру...

— В квартире ремонт, а в придачу к нему целая толпа рабочих. Я не собираюсь говорить при посторонних людях. Так что если хочешь мне, что-то сказать, делай это сейчас. Потом я тебя слушать не буду.

— Почему ты со мной так разговариваешь? — пытаюсь сохранять голос спокойным, я старалась уловить глазами его взгляд. Его презрительный усмешливый взгляд. Да что происходит? Во что он со мной играет?

— Ну, ты же считаешь возможным так разговаривать со мной. Какого чёрта сегодня по телефону ты изображала из себя обидчивую куклу. Или ты думаешь, что я собираюсь терпеть такие капризы?

Первые несколько секунд я даже не могла сообразить, что ответить. Боль и обида затопили все мои мысли. Да какого чёрта? Я что собака, чтобы он со мной себя так ввёл?

— А ты думаешь, что я собираюсь терпеть такое неуважение к себе? Мало того, что ты хамишь, так ты ещё и врешь мне. Несколько дней вдалбливал мне в голову, что в этом году поступить в Вуз уже нереально, при этом ни разу даже словом не обмолвился, что отец твоего друга заведует кафедрой в МАРХИ. Почему?

Машина затормозила так резко, что я чуть было не впечаталась носом в переднее стекло. Откинув взъерошившиеся пряди волос на бок, я испуганно взглянула на Андрея, и то, что я увидела в его хищно сверкающих тигровых глазах, меня вовсе не порадовало. Никакого раскаяния, удивления, страха или элементарного испуга. Ледяной взгляд застыл на моём побледневшем лице, и сердце и без того готовое выпрыгнуть из груди в любую секунду, испуганно сжалось.

— Оксана, чего ты хочешь? Поссориться? — голос спокойный, тихий, пробирающийся в каждую клеточку моего тела, и словно змея оставляющий за собой ядовитый след.

— Н-е-т, — запнувшись, еле слышно пробормотала я, и тут же постаралась взять себя в руки. В конце концов, что меня так испугало? Ведь Андрей не кричит на меня, не замахивается руками, не делает каких-либо ещё пугающих жестов. Он просто смотрит. Безотрывно смотрит на меня своими невозможно зелёными глазами, и этим самым

выворачивают всю душу наизнанку. Только он может на меня ТАК смотреть. Дико, и вместе с тем совершенно хладнокровно. От его взгляда у меня внутри всё сжимается. Руки холодеют, а пальцы начинают медленно подрагивать. И вместе с этим...чёрт побери, может быть, я мазохистка, но его тигровые глаза, его хищный звериный взгляд побуждают во мне яростное желание прикинуться к его губам в безумном, всепоглощающем поцелуе. — Ты ведь сам всё это начал? — неимоверными усилиями, мне удалось собраться с мыслями и выдать из себя хоть какой-то аргумент в свою пользу.

— Я начал в ответ на твои выступления. Запомни Ксюша, я никому не позволяю с собой так разговаривать и ты не исключение, — совершенно спокойно ответил он и наконец-то отвёл от меня свой взгляд. — Теперь насчёт института. Не знаю, хотя и догадываюсь, откуда ты про всё это пронюхала, но с твоей стороны было очень глупо накручивать себя всякой ерундой, даже не поговорив со мной. Да, я прекрасно знал, что ты хочешь стать архитектором. Да, я знал, что ты очень переживала, из-за того, что в этом году уже не получится поступить. И да, у меня есть друг, отец которого заведовал кафедрой в МАРХИ. Ещё во время того, как мы были только на пути в Москву, я созвонился с ним и попросил узнать, нельзя ли как-то устроить твоё зачисление. К сожалению, ответ был не положителен. У Славки итак были напряжённые отношения с отцом, а уж после того, как он начал встречаться с Алиной — простой смертной студенткой педагогического института — а не с девушкой из их круга, как хотели его родители, отношения с семьёй у него в конец разладились. Как ты сама понимаешь, попроси Славка о чём-нибудь отца, он бы автоматически стал его должником. А ты думаешь ему это надо? Алинка на втором месяце. И он до сих пор не знает, что делать, и как сказать об этом своей семье. У него и без моих просьб забот хватает.

— Почему ты мне об этом ничего не сказал? — хрипло произнесла я, ощущая, как чувство вины затопляет меня изнутри.

— Потому что не хотел расстраивать лишний раз. Ты, что меня совсем за идиота держишь? Думаешь, я, правда, не видел, как тяжело тебе дался переезд? Всё чего я хотел и хочу, это чтобы ты как можно скорее привыкла ко всему, и не чувствовала себя чужой в этом громадном мегаполисе. И хотя я и думаю, что учёба сейчас пойдёт тебе только во вред, я бы никогда не стал препятствовать твоему стремлению получить профессию. Очень жаль, что ты видимо, думаешь по-другому. Тяжело вздохнув, Андрей провёл ладонью по лицу, и устало потерев глаза, откинулся на спинку сиденья. А я вдруг почувствовала себя так скверно и гадко. Мало того, что навалилась на него со своими проблемами, так ещё и разборки устроила, сама толком ничего не поняв. Ну, вот кто я после этого? Конченная эгоистка и дура!

— Андрюш, прости меня, пожалуйста...я...я идиотка.

Протянув руку к его лицу, я хотела нежно провести ладонью по его щеке, но Андрей не дал мне этого сделать, перехватив её в одну секунду, и прижавшись сухими губами к моему запястью. В тоже мгновение моё тело пробила судорога дрожи. Перед глазами всплыли картины вчерашнего вечера. Его губы на моих дрожащих от страсти и желания губах, его руки на моём обнажённом, покрывшемся испаринами теле, мои пальцы, зарывшиеся в его шелковистых, коротко стриженных волосах...кажется, я до сих пор чувствую под ладонями их жёсткую мягкость.

— Сероглазка, тебе не за что извиняться. Это я должен просить прощение. Вон как напугал тебя, — улыбнувшись, Андрей нежно поцеловал каждый пальчик на моей ладони, и бережно убрал свисающие на лицо, выбившиеся из хвостика пряди волос. — Неужели я

такой страшный, малышка?

— Да. Очень, — заливаясь краской стыда, честно призналась я, и тут же вздрогнула от ощущения его горячего дыхания на своей шее.

— Наверное, боишься, что я могу тебя съесть? Знаешь, если так, то ты абсолютно правильно делаешь. Я подыхаю от желания, наконец, попробовать тебя. Особенно сейчас, когда я такой голодный.

Откинув голову на подушку сиденья, я едва ли не задохнулась, от того, что он начал прокладывать дорожку влажных поцелуев на моей шее. Тело, горевшее огнём, ломилось от безумной потребности в этом парне. Уже знакомое мне томление внизу живота, окончательно застелило все здравые мысли, что были в моей голове. Сейчас мне было наплевать на всё. На то, что мы мало знакомы, на то, что у меня нет никакого опыта в любовных делах, и одарить изысканной лаской я его не могу. Мне стало наплевать на недостатки собственного тела. Он набрасывался на мою шею голодными поцелуями, его руки блуждали по всему моему телу, пытаясь максимально оголить каждую его клеточку, от него исходила такая невероятная магия страсти и безумного желания, что у меня не оставалось никаких сомнений, что я желанна. Желанна этим сумасшедшим взрывным парнем, сейчас больше походившим на взбесившегося самца. Положив мою вспотевшую и чуть подрагивающую ладонь на свою грудь, Андрей начал постепенно спускать её вниз до тех пор, пока я не наткнулась на выпуклую часть его джинс в районе ширинки и лично не ощутила всю степень его желания. Не выдержав, я протяжно всхлипнула, сама вцепившись ладонью в его волосы и вновь притянув его голову к своей шее, мечтая снова ощутить на себе прикосновения его властных, вызывающих безумное наслаждение во всём моём теле, губ.

— Маленькая, господи, что же ты со мной делаешь? — резко оторвавшись от меня, хрипло простонал Андрей, откинувшись на спинку сиденья. 'Что ТЫ со мной делаешь!? — так невыносимо сильно захотелось крикнуть мне, но я сдержалась'. Сердце было готово проломить грудную клетку, а дыхание, сбившееся с ритма, так и не хотело вновь восстанавливаться. — Чёрт, нам через пятнадцать минут надо быть на квартире! Ребятам надо работу показать, к пяти часам их рабочий день закончен. А мне вот как теперь с этим вот ехать? — он кинул взгляд на свои брюки, а точнее на район ширинки, и я вновь залилась краской. Он был возбужден. Сильно. До предела.

— Поехали, а то действительно опоздаем. Открой окно и...

— И, что? Думаешь, всё моё хозяйство сразу рассосётся? — перебив меня, грубо усмехнулся Андрей, и резко подался вперёд, обхватив всей пятернёй мой затылок, и опалив моё ухо своим горячим дыханием. — Хотя ты права. Машина не лучшее место, для таких 'трапез'. В квартире будет куда удобней, — быстро и коротко Андрей поцеловал меня в губы и в тоже мгновение оторвался от меня, завёл машину и вывел её на дорогу.

Ещё около двадцати минут, я не могла отойти от того, что произошло, смущённо уткнувшись лицом в окошко, и спрятав свою раскрасневшуюся мордочку от взгляда Андрея. Правда, потом, стыд начал постепенно отходить на второй план, уступая место другому, более деликатному чувству. Нервно елозя на сиденье, я думала, как бы получше преподнести Андрею свою просьбу. Но он, заметив резкий перепад моего настроения, решил сам выяснить, в чём дело.

— Что случилось? Ты сейчас дырку мне на сиденье протрёшь. Попа, что ли чешется? —

хохотнул Андрей, а я густо залилась краской.

— Я...мне это, в туалет хочется...

— Ну, и чего стесняешь-то? — удивлённо вскинул брови парень. — До квартиры дотерпишь? Хотя я так понимаю во избежание недоразумений, нам лучше сделать остановку.

Молчаливо кивнув, я, закрыв свою покрасневшую мордашку ладонью, спрятала её от насмешливого взгляда Андрей. Через пять минут молодой мужчина припарковал машину возле какого-то супермаркета.

— Давай только быстрее, а то без тебя укачу.

Надеясь, что он пошутил, я глубоко вздохнула, и на семи парах бросилась к магазину, опасаясь, что могу и не добежать.

Как только девушка стремительно выскочила из машины, улыбка с лица Андрея тут же спала. Достав из бардачка мобильный, парень в спешке начал искать номер Славы, или как его называли в их компании — Бобра. После нескольких томительных секунд в ожидании длинных гудков, в трубке послышался усталый голос друга.

— Славка, привет, как жизнь друг, давно что-то не созванивались?... А, что с голосом, всю ночь, что ли бухал?... Ну, понятно, уже успел испытать на себе все прелести токсикоза. Как Алинка себя чувствуют?... Ахаха, друг, да я и не сомневался. Пацан будет, вот зуб на отсечение даю, скоро ножки сыну твоему обмывать будем.... Да, ты прав, звоню не просто так. Дело у меня к тебе одно есть, точнее просьба. Скажи, семья твоя уже смирилась со свадьбой?... Даже так? В будущем малыше души не чают... ну, поздравляю! Слушай, а ты ещё помнишь Оксану Толмачёву?... Ну да, девчонку с которой я в Москву приехал. Ну, так вот, помнишь, я тебя просил, чтоб в случае чего, ей путь в ваш институт был закрыт? Бобр, хорошо бы было, если бы об этой просьбе никто не узнал. В особенность Надька.... Да, долго объяснять, сделаешь? Господи, ну наплети про то, что с родичами ещё в ссоре, и отца просить не стал, мне тебя, что ли учить?...Ага, лады, когда-нибудь сочтёмся. Ну, всё, Алинке привет. Давай, до встречи.

Оставшиеся полчаса, что мы ехали до квартиры, Андрей развлекал меня смешными историями из своей жизни или из жизни своих друзей. Надо сказать, что мы уже и думать позабыли о недавнем разговоре насчёт учёбы. Я, вопреки своей непреодолимой скованности, которая обычно у меня возникает, когда мы остаёмся с Андреем наедине, вела себя как объемлемая хулиганка. Кидалась в него скорлупками из-под фисташек, лезла целоваться, тем самым мешая вести машину, взлохмачивала ему волосы и при этом беспрерывно смеялась. Он не злился, скорее, немного удивлялся, пытался скрыть лёгкую улыбку и изредка отвечал на мои спонтанные поцелуи.

Когда Андрей припарковал машину возле многоэтажной новостройки, он слегка пришикнул на меня, призывая 'утомониться'. Первый, выйдя из машины, он обогнул её спереди и, открыв дверцу с моей стороны, помог мне выбраться наружу. Полюбоваться огромными домами, казалось бы, полностью сделанными из стекла, свет которых отражался в кристально чистой реке, ограждающей новостройки, Андрей мне не дал. Не обращая внимания на мои удивлённые возгласы, он пропихнул меня к одному из подъездов, и вслед за собой, втащил меня внутрь него. Надо сказать, что внешняя обстановка дома ввела меня в ещё больший ступор, чем внутренняя. Никакой тебе сырости и грязи, как бывает в обычных подъездах, никакого мусора и ужасно удушающего прокуренного запаха сигарет. Этот подъезд сам по себе выглядел как квартира с хорошим Евроремонтом. Стены были обтянуты обоями коричневого матового цвета, в белоснежный потолок были встроены маленькие светильники, по всему периметру помещения были расположены четыре небольших кожаных диванчика, того же цвета, что и обои, в воздухе повис очень приятный и немного сладковатый запах какого-то явно недешёвого ароматизатора. Возле самых дверей нас встречала консьержка. Причём не миловидная бабуля преклонного возраста. А вполне себе симпатичная женщина лет сорока, сразу видно, очень хорошо следящая за собой. Но, что меня удивило больше всего, так это то, что в подъезде не было лестницы. Только восемь стеклянных, сделанных в форме овала лифтов.

— А где лестница? — не своим голос произнесла я, широко распахнутыми глазами таращась на всё вокруг.

— Для неё есть специальный вход, — насмешливо ухмыльнулся Андрей, ладонью приподняв мой подбородок вверх, тем самым заставляя меня прикрыть широко распахнутый от удивления рот.

Поздоровавшись с консьержкой, Андрей взял у неё ключи от квартиры, и крепче сжав в своей ладони мою вспотевшую и чуть подрагивающую ладошку, он потянул меня к одному из лифтов. Когда его, практически прозрачные двери разъехались, Андрей, потянув меня за собой, вошёл в лифт, нажав кнопку пятнадцатого этажа. Меньше чем через несколько секунд мы прибыли на место, а у меня от неожиданности даже голова закружилась. Вцепившись в руку Андрея, как утопающий в спасательный круг, я выползла за ним на лестничную площадку.

— Ну, что готова посмотреть на нашу берлогу? — поцеловав меня в макушку, усмехнулся Андрей, достав из кармана брюк ключи от квартиры. Несколько раз, повернув их в двух замочных скважинах, он распахнул чёрную металлическую дверь. Хватило всего беглым взглядом окинуть периметр коридора, чтобы понять, что ничего общего, это жилище с берлогой не имеет. Даже, несмотря на то, что в квартире ещё продолжался ремонт, который, по словам главного бригадира должен был закончиться в ближайшие две недели, было видно, что денег в неё вбухали немеренно. Четыре просторные комнаты с панорамными окнами во всю стену, огромная ванная с небольшим джакузи овальной формы и вычищенной до блеска кабинкой душа, кухня, в которой, к сожалению, ещё продолжался ремонт, и разглядеть в ней мне практически ничего не удалось. Но, что меня немного удивило, по отделке квартиры складывалось впечатление, что здесь живёт типичный холостяк лет двадцати пяти, а уж не как не семейная пара, состоящая в браке двадцать пять лет (о чём мне поведал Андрей). Хотя откуда мне знать, какой она была до ремонта? Естественное, что Андрей, получив её от родителей, захотел её переделать под свой вкус. Только вот получилось всё как-то... нет, шикарно, бесспорно, только вот как-то одиноко. До

ужаса не хватало каких-нибудь маленьких статуэточек, разноцветных подушечек и пледа, магнитиков на холодильнике, цветов на подоконниках и всего того, что так любят девушки, и я не выбиваюсь из их рядов. В любом случае я ещё успею придать этой 'берлоге' атмосферу тепла и уюта.

— Ну, как, тебе понравилось? — хрипло произнёс Андрей, когда добросовестно сдав свою трудоёмкую работу, бригада рабочих с чистой совестью отправилась по своим делам, оставив нас с Андреем совсем одних. Подкравшись ко мне сзади, Андрей обхватил меня за талию, и прижал спиной к своей груди, уложив свою мордашку на изгиб моего плеча.

— Очень! Даже не верится, что мы здесь скоро будем жить! — восторженно воскликнула я, с замиранием сердца вглядываясь в бурлящую полным ходом жизнь столицы с высоты пятнадцатого этажа. Зрелище было не забываемым! Даже сейчас я не могла представить, что уже очень скоро, я буду видеть такое каждый день!

— Осталась самая малость: кухню 'подредактировать'. Думаю меньше чем через две недели, будем переезжать, — поцеловав меня в шею, Андрей медленно переместил руки с моей талии, практически на грудь, остановившись всего лишь в сантиметре от неё. Правда, я под шквалом эмоций даже не обратила на это внимание.

— А можно сегодня? — с трудом оторвав взгляд от такого завораживающего вида, я повернула голову в сторону Андрея, и встретила с затуманенным взглядом почерневших глаз.

— Что сегодня? — хрипло произнёс он, теснее сжав меня в объятиях.

— Остаться здесь на ночь? Ведь ремонт ещё только в кухне идёт, а у рабочих завтра выходной, так что нас никто не побеспокоит.

После этих слов в хищно засверкавших глазах Андрея проскользнул странный блеск. Я уже встречалась с ним. Прошлой ночью в отеле, и сегодня в машине. И я прекрасно понимала, что сейчас крутится у него на уме, только вот не могла сказать, что я разделяла его чувства. Наоборот мне было немного страшно. Переступить ЭТУ черту я пока не могла, и как отказать, буквально горящему от страсти Андрею, тесно прижимающему меня к своему распалённому телу и без доли стеснения дававшему ощутить всю степень его желания, я не знала. Когда его губы начали прокладывать дорожку чувственных поцелуев на моей шее, а дрожащие пальцы стали уверенно поднимать ткань моей майки вверх, я собралась с духом и хоть и мягко, но настойчиво отстранилась от него.

— Андрей я...я ещё... — спустя несколько секунд после того как мы оба отдышались, неуверенно начала я, но Андрей резко меня перебил.

— Ты не готова, — совсем не по-доброму усмехнулся парень, окинув меня презрительным взглядом. — А позволь узнать, когда будешь?

— Я... не знаю, — чувствуя себя омерзительно оплётанной, дрожащим голосом произнесла я, изо всех сил сдерживая подступающие к глазам слёзы.

— Понятно, — насмешливо хмыкнул Андрей и на пару минут вышел из гостиной. Когда он вернулся, я уже сидела на диване, жалостливо обхватывая себя руками и старательно пытаюсь успокоиться. — Вот держи, — протянул мне тонкую пластиковую карточку, с названием какого-то банка, — завтра пройдишь по магазинам, прикупи себе чего-нибудь.

— Чего прикупить? — не совсем понимая, о чём он говорит, я прокрутила в чуть подрагивающих руках кредитку.

— Одежду, косметику, украшения, чего там тебе ещё надо?

— Мне ничего не надо. У меня всё есть спасибо, — сжав ноги в коленях, я обхватила их

руками, и положила кредитку, но стоящий рядом с диваном аленький журнальный столик.

— Я знаю, что у тебя всё есть. Но вдруг, тебе ещё чего-нибудь захочется, — спокойно произнёс Андрей, невидящим взглядом наблюдая за непередаваемо красивым видом заката и медленно, одну за другой выкуривая сигарету.

'Захочется ещё чего-нибудь прикупить', - да я прекрасно понимала, что он имел в виду под этими словами. Моя дешёвая одежда совсем не подходила для Московской жизни. Правда вот я была немного удивлена, тем, что он так косвенно мне об этом намекнул. Не помню я что-то, чтобы в последнее время он был со мной слишком обходителен.

— Спасибо. Но я завтра же займусь поиском работы, и с первой зарплаты обязательно куплю себе всё...

— Тебе когда восемнадцать исполняется? — не дослушав мою скомканную речь, неожиданно спросил Андрей, продолжая опустошать свою пачку сигарет.

— Через два месяца.

— Вот тогда и займёшься поиском работы, а сейчас нечего себя этой ерундой накручивать. Бери кредитку, и завтра же купи себе чего-нибудь из одежды. Я напишу тебе адреса магазинов, в которые нужно будет заехать, там тебе помогут с выбором. А сейчас давай закажем чего-нибудь из ресторана, а то я умираю, как жрать хочу. Потом я немного поработаю, и мы ляжем спать. Как я понял, будет лучше, если в отдельных комнатах, — не сказав больше не слова, Андрей потушил сигарету о пепельницу и молча, вышел из гостиной.

Собственно можно сказать, что моя жизнь в Москве началась именно после этого дня. В тот вечер мы с Андреем больше практически не разговаривали, хоть я и пыталась сгладить ситуацию. Утром он очень быстро собрался и уехал на работу, а я решила ещё больше не угнетать ситуацию и как Андрей, и хотел, поехала по магазинам. Да должна сказать мне и самой это очень даже понравились. Девушки — консультантки действительно очень сильно помогли мне в выборе подходящей одежды и косметики, и вернулась я домой, а точнее в гостиницу только к восьми часам вечера, в уже новом наряде, с новой причёской и хоть и несильно ярким, но придающим моему лицу женственные утончённые черты макияжем. Оглядев меня с ног до головы, Андрей так ничего и не сказал, но по его удивлённому и даже чуток восторженному взгляду я поняла, что он остался доволен, собственно так мы и помирились. Через две недели, как и планировалось, мы переехали в нашу квартиру, и началась вполне размеренная жизнь. К десяти часам Андрей уходил на работу, до этого времени я успевала приготовить ему сытный и вкусный завтрак, погладить ему рубашку и пиджак и привести в порядок обувь, хотя сам Андрей меня никогда об этом и не просил. Но по его довольной мордашке, я понимала, что раньше о нём так не заботились и что ему это определённо нравилось. А что нравилось ему, нравилось и мне. Так собственно и жили. Даже не совсем как влюблённая пара, а скорее как уже вполне сформировавшаяся семья. И мне это нравилось, очень нравилось. Я, наконец, получила то, о чём так долго мечтала, для полного счастья мне не хватало только друзей. Надя целым днями училась и готовилась к выпуску из института, а всё свободное время проводила со Стасом. Катя вообще не понятно куда запропастилась, да собственно с кем с кем, а с ней, мне точно дружбу заводить не хотелось. По сути, единственный человек, с которым я общалась помимо Андрея, был Дима. С ним я могла целыми часами переписываться в интернете или когда удавалось созваниваться и болтаться не о чём. Общение с ним вносило в мою хоть и счастливую, но всё же немного однообразную жизнь, яркие краски, и я уже не могла дождаться, когда он

приедет в Москву, а по его словам, это должно было случиться совсем скоро. Правда вот Андрей моих чувств не разделял, и я давно заметила, что ему не очень-то нравилось говорить о Диме. Почему я толком понять не могла (поводов для ревности никогда не давала, да и он знал пароль от моей страницы в Вк, мог в любой момент прочесть нашу переписку, в которой не было ничего 'криминального'), но, не желая с ним ссориться, я старалась лишний раз не заводить разговор о Диме. Правда у нас и без него был ещё один постоянный повод для ссор. Секс. С каждым днём, а точнее вечером Андрей настаивал на интимной близости всё с большим и большим напором, и, конечно, я и сама понимала, что уже пора, и даже назначила дату для этого события. Моё День рождения, которое должно было состояться уже через неделю. Надо сказать, что я очень тщательно и с большим волнением готовилась к этому событию. Купила в магазине красивое кружевное бельё, села на очень жёсткую диету и начала заниматься по спортивным видео-урокам. Надо сказать это дало прекрасный результат. Я окончательно сбросила всё лишнее, немножко 'подтянулась' и привела себя в форму, конечно ещё не была идеалом, но уже подходила к этому пути. От Андрея такие изменения, конечно, не остались незамеченными. И он даже пару раз спрашивал, чего это я так налегла на спорт, но я всегда отнекивалась тем, что, наконец, поняла, что каждая девушка должна держать себя в форме. Конечно, в какой-то степени эта тоже была правда, но об основном умысле своего резкого преображения я пока заговорить не решалась. Уж очень хотелось устроить ему сюрприз в свой день рождения. Тем более что с каждым днём взгляды Андрея становились всё откровенней, а 'ухаживания' всё настойчивее. Только вот сюрприз не удался. Когда до моего дня рождения оставалось всего три дня, он решил больше не ждать. Просто силой взял то, что не давали.

Достав из духовки ароматную румяную шарлотку, я поставила её рядом с овощным рагу на праздничный стол. Разлив вино по бокалам, я зажгла романтические свечи с ароматом лаванды, и, сняв с себя фартук, убрала его в кухонный шкафчик. Чуть подкрасив губки, я расплела собранные в косичку волосы, и слегка подбрызнула их лаком придав своей хоть и простенькой, но довольной симпатичной причёске объёмный вид. Хоть всё вроде бы и было готово к приходу Андрея, я всё равно едва ли справлялась с нервной дрожью во всём теле. Сегодня необычный ужин, праздничный. По крайней мере, я очень надеюсь, что праздничный. Сегодня у Андрея первая сделка, и притом, сделка очень крупная. Он очень долго к ней готовился и всё боялся, что, что-то пойдёт не так, ведь от неё зависит не только его дальнейший карьерный рост, не только признание и уважение своих сотрудников, которые за глаза думали, что его взяли на эту должность исключительно по родственным связям (а это, очень задевало Андрея, хоть он и пытался выглядеть равнодушным), но по большей степени сегодняшний вечер — это шанс показать отцу, что он упорно старается и готов принять на себя большую ответственность. А это действительно так. Последнее время Андрей только и занимался тем, что подыскивал больших возможностей для банка их семьи и пытался лучше вникнуть в это дело. Надо сказать, что сегодняшняя встреча — это тоже целиком и полностью его заслуга. Именно он практически месяц добивался встречи со Шнейдером — представителем крупной ювелирной фирмы — и выбивал с ним встречу. И ведь выбил, хотя это было очень непросто. Сегодня они обсуждали вопросы сотрудничества, и если всё прошло хорошо (а я на это очень надеюсь), то Андрей (как он сам говорил)

пробил себе ключик в новую жизнь.

А между тем, пока я возилась со своим внешним видом и сервировала стол, послышался скрип открывающейся двери, и тут же последовавший за ним злобный мат. Андрей опять запнулся об пуфик в прихожей. Ещё ни разу с того времени как мы сюда переехали он не мог пройти мимо него спокойно. Поправив причёску, с волнением и нарастающим во мне нехорошим предчувствием, я вышла к Андрею и застыла в самом проходе прихожей. Андрей был пьян. Очень пьян. Он еле держался на ногах и с трудом справлялся с верхней одеждой. А ещё он был зол. Это сразу было понятно по его нахмуренным бровям, недоброму взгляду потемневших глаз, плотно сжатым губам и чуть подрагивающим рукам.

— Привет, я вот как раз на стол накрыла, — слабо подала голос я, не решившись спросить, про видимо провалившуюся сделку.

Резко вскинув голову кверху, Андрей впился в меня недобрым, скорее даже злым взглядом. Взглядом, от которого у меня пробежались ледяные мурашки по коже.

— Чё пожрать есть?

Он слишком резко встал с пуфика и тут же пошатнулся, чуть было, не сравнявшись с полом. Когда я подбежала к нему, и попыталась ему помочь, он грубо оттолкнул меня от себя. Шатаясь из стороны в сторону, он с пьяным и совсем неразборчивым ворчанием прошёл на кухню и грохнулся на стул возле обеденного стола. Пододвинув к себе кастрюлю с пловом, он прямо из неё начал уплетать приготовленный мной ужин, при этом громко почавкивая.

— Андрей, что-то случилось? Сделка не состоялась? — справившись с волнением, минут через пять, прервав затянувшееся молчание, осторожно спросила я, положив ладони ему на плечи. Он вздрогнул, но не оттолкнул меня от себя. Всё так же продолжил уплетать ужин, при этом, даже не оборачиваясь, небрежно бросив мне в ответ:

— Состоялась.

— Вы подписали договор о сотрудничестве? — осторожно, так чтобы он не заметил, я отодвинула бутылку и бокалы с вином в сторону, поставив на их место чайник с холодной кипяченой водой.

— Подписали, — зло проворчал Андрей, отодвинув от себя опустошённую кастрюлю с пловом и притянув на её место тарелку с шарлоткой.

— Тогда, в чём дело? — вплетя пальцы в его непослушные волосы, я нежно начала массировать его затылок, с облегчением замечая, что постепенно он начинает расслабляться и напряжение потихоньку начинает спадать. Чего уж никак нельзя сказать обо мне. Если сделка состоялась, то почему он завалился домой пьяным и злым? Что-то совсем не похоже, что на работе они с сотрудниками отмечали успешно подписанный контракт.

— Отец, он считает меня полной бездарностью. Продолжает видеть во мне ни к чему непривязанного охламона, каким я был когда-то.

— Андрюш, ну брось, с чего ты это взял?

Я и раньше замечала, что Андрея задевало невнимание со стороны отца, но он никогда не говорил мне об этом. Вообще старался лишний раз не затрагивать тему семьи, а тут...

— Контракт. Я целый месяц, грёбаный месяц пытался выбить встречу со Шнейдером, заинтересовать его нашим предложением, наладить связи с его салоном, и когда мне это, наконец, удалось, отец всё оборвал. Точнее сделка-то состоялась, но он в корне изменил условия контракта, даже не поставив меня в известность, и при этом назначил Рушана, который два месяца занимался другим делом, ни слухом, ни духом не ведает в этой сделке,

вести переговорами. Я не знала, что ему ответить, как утешить, как отвлечь от всего этого. Он, молча, уничтожал еду и при этом тихо проклинал своего отца. А я ведь понимала, что так нельзя. Чтобы у них там не случилось, отец остаётся отцом.

— Андрюш, всё будет хорошо, я уверена. Может даже это всё и к лучшему? Ты ведь только недавно окончил институт, пока ещё не так хорошо знаешь все эти банковские операции, тебе нужно немного понабраться опыта...

Он не дал мне договорить. Резко встав со стула, он больно ухватил меня за плечи и рванул на себя. В лицо сразу неприятно вьелся запах спиртного.

— Ты, что с моим батей сговорила? 'Не так давно в этом деле... тебе нужно поднабраться опыта', да что ты вообще об этом знаешь? Ты хоть раз в жизни, вкладывала во что-то все свои силы, а потом получала пинок под зад? Да, что ты вообще делать-то умеешь? Круглосуточно лаботрясничаясь и проматываешь мои деньги, где не лень, — сквозь стиснутые зубы произнёс он, больно сжимая пальцами мои плечи.

— Отпусти меня, пожалуйста, мне больно, — спокойно (по крайней мере постаралась) сказала я, понимая, что спорить с ним, когда он в таком состоянии, просто бесполезно. Конечно, меня задевали его слова, тем более что они, по сути, не имели ничего общего с правдой, но всё это обсудить с ним можно было завтра, когда он проспится, протрезвеет, и наконец, начнёт нормально соображать.

— Больно? Больно тебе? А мне какого, когда такую подставу от собственного отца получил? Да будь проклят этот старый пень! Скоро просрёт всё дело, окружив себя такими же безмозглыми хрычами, как и он сам!

— Прекрати, не смей так говорить об отце! — я понимала, что достучаться до него сейчас невозможно, но, то с каким пренебрежением он говорил о своём родителе, просто вывело меня из себя. Его отец устроил его в свой банк на приличную должность, а где приличная должность, там и приличная зарплата. Уступил нам эту шикарную квартиру в центре города. Подарил Андрею дорогущую машину. Я уж молчу, что он обеспечивал его всю жизнь. Кроме того, он не имеет ничего против наших отношений, хоть и знает, что я детдомовская, и что просто не подхожу под их 'формат'. Я его видела, правда, всего один раз, когда приносила Андрею папку с документами, которую он забыл дома, но и этого оказалось вполне достаточным, чтобы я узнала его как открытого, доброго человека, с отличным чувством юмора. Он принял меня очень тепло, и ещё шутливо поругал Андрея за то, что до сих пор не познакомил нас.

— Ты, бл*ть будешь ещё указывать мне, как мне говорить об отце?! Ты, что вообще знаешь об этом? Своего папашу, небось, ни разу в жизни не видела, вылезла из своего курятника, а теперь...

Я сама не поняла, как ударила его. Замахнулась, и отвесила звонкую пощёчину. На секунду он так и замер, с покрасневшей щекой, и повёрнутой в сторону головой, а потом, резко развернувшись, он очень сильно заставил меня пожалеть об ударе. Сначала он просто, до боли, до синяков на коже, сжал мои плечи, и с такой силой рванул меня на себе, что я чуть было не впечаталась лбом в его нос. Несколько секунд он, яростно дыша, с диким остервенением смотрел в мои затуманившиеся от страха глаза, а потом резко перевёл взгляд на губы. Я не знаю, что там у него переклинило, но вместе того, чтобы хорошенько меня встряхнуть (как я по крайней мере ожидала), он подался вперёд и впился в мои побледневшие и чуть подрагивающие губы жадным, собственническим поцелуем. Одной ладонью он продолжал удерживать меня за затылок, не давая отстраниться, второй начал лихорадочно

шарить по моему телу, то грубо сжимая зудящую от боли грудь, то жадно сминая в ладони попку. Чувствуя, с каким напором, он это делает, я изо всех сил старалась освободиться, но все мои безуспешные попытки были сломлены в несколько секунд. На этот раз ласки (хотя сомневаюсь, что его действия можно так назвать) Андрея, не приносили мне никакого удовольствия. Напротив его грубые остервеневшие движения отзывались болью в моём теле, а запах алкоголя вызывал подступающую к горлу тошноту. Уперевшись кулачками в его грудь, я ещё раз попыталась оттолкнуть его от себя, чувствуя, как паника постепенно начинает охватывать меня с головой, но моя жалкая попытка в очередной раз была сломлена. Ещё несколько секунд Андрей сминал мои губы в жёстком поцелуе, жадно шаря руками по моему телу, а потом также резко, как и накинулся на меня, он отстранился. Только вздохнуть спокойно я не успела. Вместе того, чтобы пойти в душ или хотя бы улечься спать (на извинения я даже не рассчитывала), он подхватил меня на руки, и не успела я опомниться, как оказалась в спальне, брошенной на большую кровать и в ту же секунду придавленной сильным, поджарым телом. Стоит ли говорить, что вот именно в эту секунду паника захлестнула меня с головой? Я начала брыкаться, до того, как Андрей завёл мне руки за голову, бить его по тем местам, до которых только могла дотянуться. Я осыпала его всеми возможными проклятиями, которые только знала, и наконец, когда он словно одичавшее животное, не обращая внимание на моё яростное сопротивление разорвал мой шёлковый халатик, и, отбросив его на пол, оставил меня в одном нижней белье, я дала волю слезам, которые в свою очередь за считанные секунду переросли в рыдания.

— Су*ка, — сквозь стиснутые зубы прошипел Андрей, когда мне удалось дотянуться коленкой до его живота. Правда, особого результата это не принесло. Наоборот, мне начало казаться, что моё сопротивление, только больше распаляет его. Грубо разведя мои ноги в стороны, он вдавил меня в кровать своим мощным телом и меньше чем через секунду порвал два последних кусочка ткани, которые хоть как-то прикрывали моё истерзанное тело. Заскулив как подбитая собака, я продолжала нервно дёргаться под ним, хотя прекрасно понимала, что это никак его не остановит, а мои силы начинают постепенно покидать меня. Когда он скинул с себя рубашку и начал нервно копошиться с ширинкой при этом, ставя на моей шее смачные, болезненные засосы и шепча мне на ушко всякие пошлые гадости, я прекратила сопротивляться. Просто в одно мгновение мне стало на всё наплевать. Слёзы кончились и силы на дальнейшую борьбу тоже. Я просто лежала под ним как распятая бабочка, до боли сжимала в кулачках простынь, и, отвернувшись, чтобы не видеть его покрасневшего лица, на котором застыла маска зверского желания, смотрела в окно. Кажется, на несколько секунд я вообще отключилась от происходящего. В реальность, меня вернула только резкая боль грубого вторжения, которая разломило моё тело на миллионы крохотных кусочков. И вот тогда вернулось всё. И слёзы, и слабые силы на дальнейшее сопротивление, и охрипший голос, которым я тихо проклинала постанывающего на мне парня. Каждое его движение отзывалось болезненной судорогой во всём теле, каждый его грубые поцелуй, которым он беспрерывно покрывал моё лицо, шею, грудь, вызывал новый приступ тошноты. Низ живота скрутила спираль острой боли. Даже, несмотря на то, что он двигался достаточно медленно и осторожно (что даже моё затуманенное сознание немного удивило), каждый его толчок был подобен для меня маленькой смерти. Когда он дёрнулся всем телом, глухо застонал и уткнулся носом мне в шею, при этом прикоснувшись пересохшими губами к моей ключице, я мысленно поблагодарила бога, что всё закончилось так быстро, что его не хватило на большее. Ключнув меня в мокрую от слёз щёку, он

обессилено скатился с меня и уже через несколько секунд тишину комнаты разрушил басистый храп. А, я, наверное, ещё час лежала неподвижно, невидящим взглядом смотря в потолок. Я не забивала свою голову вопросами, на подобии: 'За что?', 'Как он мог?' и тому подобное, я просто никак не могла понять, неужели это правда случилось? Мой первый раз, который я так долго представляла и к которому так тщательно готовилась, произошёл вот так вот? Так грязно, так мерзко, силой, да ещё и с отвратительно застывшим в воздухе запахом спиртного.

Когда я, наконец, нашла в себе силы, чтобы подняться с кровати, я на негнувшихся ногах проползла в ванну. Под струями холодного душа, я пыталась смыть с себя мерзкие отпечатки сегодняшней ночи, хотя и на яростное намыливание мочалкой, у меня сил всё же не хватило. Я смыла струящиеся по бёдрам капельки крови, чуть привела побледневшее лицо в порядок, и замазала синяки тональником. Выйдя из ванны, я на цыпочках зашла в спальню, и, достав из шкафа одежду и сумку, в которой было хоть немного денег, вышла в коридор. Одевшись, я также тихо, выползла из квартиры, бесшумно прикрыв за собой дверь. Уже оказавшись на улице и вдохнув в себя прохладный ночной воздух, я озадачилась вопросом, куда же мне сейчас идти? Первый раз я оказалась одна на улице в чужом городе, да ещё и ночью. *А забежав вперёд, скажу, что далеко и не последний, правда в последующем у меня даже денег с собой не будет*. Нашла единственный на данный момент разумный вариант. Позвонила Наде. Сказала, что сильно поругалась с Андреем (упустив момент изнасилования) и попросилась к ней переночевать. Девушка тут же проявила морю учтивости и предложила заехать за мной, но я отказалась, сказав, что не нужно ей срывать посреди ночи, и я вполне могу сама добраться на такси. Надя скинула мне свой адрес и шутливо пригрозила, что если через полчаса я не появлюсь на пороге её квартиры, она поднимет на уши всю полицию Москвы. Я слабо отшутилась, и, попрощавшись, повесила трубку. Как только я убрала мобильный обратный в сумку, воспоминания произошедшего нахлынули на меня градом. Слезы вновь подступили к моим глазам, но я сдержалась. Москва, как известно слезам не верит. Сама во всём виновата, теперь нечего нюню разводить. В любом случае всё, что могло со мной плохого произойти, уже произошло. Завтра надо будет думать, как жить дальше, теперь уже без поддержки Андрея, а сегодня, оставшиеся несколько часов ночи нужно посвятить сну.

И опять я забегу вперёд, и открою вам небольшой занавес, мои любимые читатели. Как известно судьба любит играть с людьми. И только ты думаешь, что всё, это уже предел, она наносит тебе новый удар. Так случилось и со мной. На следующее утро, кто-то свыше вновь решил сыграть со мной в злую шутку

— Ну, рассказывай, что у вас стряслось? — поставив передо мной кружку ароматного зелёного чая, Надя села в кресло напротив меня. Потеплее закутавшись в плед, я сделала несколько глотков горячей жидкости, и едва ли сдержала подступившие к глазам слёзы. Так хотелось рассказать всё подруге, хоть с кем-то поделиться теми чувствами, которые сейчас бушевали внутри меня, но я понимала, что просто не могу этого сделать. Чтобы Андрей не натворил, я не имею права сеять раздор между ним и Надей.

— Ничего, мы просто поссорились, — подставив кружку на стол, я согнула ноги в коленях, и, притянув их груди, обхватила руками. — Почему ты сейчас одна? Я думала вы со

Стасом живёте вместе.

— Вместе, — утвердительно кивнув, девушка едва заметно улыбнулась уголками губ. — Но сейчас он в Екатеринбурге, вместе с отцом поехал заключать какую-то очень важную сделку. Бедненький, он так много работает в последнее время.

При упоминании о своём возлюбленном Надя растянула губы в широкой нежной улыбке, а мне вдруг так резко захотелось рассказать ей всю правду. Разве она не имеет на это право? Стас — предатель и лицемерный обманщик. Он нагло пользуется доверием своей девушки, и крутит романы на стороне с какими-то продажными дешёвками. Разве он достоин любви такого открытого и светлого человека как Надя? Ей нужен другой мужчина. Тот, что будет искренни, любить и заботиться о ней. Но имею ли я право вмешиваться в её жизнь? Что будет с ней, если она узнает об изменах Стаса, и о том, что все её друзья, и я, в том числе его покрывали?

— Эй, белобрыся, ты о чём задумалась? Я говорю, пойдем, прошвырнёмся по магазинам. Поверь шопинг — это лучшее успокоительное для женских нервов.

— Куда мы сейчас пойдём, все магазины ещё закрыты?

— Ну, во-первых, уже нет. Пока мы с тобой тут болтали, стрелки часов неумолимо тикали. Сейчас полдевятого утра. Город начинает просыпаться. А, во-вторых, это Москва, здесь всегда есть места, которые за определенную плату радостно примут нас в любое время суток.

Упорхнув в спальню, Надя достала из шкафа чёрное обтягивающее платье, достигающее ей до колен, и уже через пару секунд оно было на ней. Пока девушка наводила свой марафет, я ещё раз озадачилась вопросом, как Стас может быть таким идиотом? Ему досталось сокровище, а он так безжалостно его разбазаривает. Да, что вообще нужно этому ненормальному парню? Рядом с ним такая девушка: безумно красивая, невероятно добрая и отзывчивая, ко всему прочему ещё умная и с отменным чувством юмора. Как можно так по-свински обращаться с этим ангелом?

— Кстати, скоро твой день рождения, а это самый лучший способ помириться с Андреем.

— Угу, — отведя взгляд в сторону, я попыталась не выдать дрожащих ноток в моём голосе. Ну, уж нет. Я не собираюсь с ним мириться. Я уже итак на многое закрывала глаза. Пусть Андрей мне и сильно нравится, но у меня, в конце концов, тоже есть гордость. То, что он сделал...это низко, грязно и подло. Так не поступают любящие люди. Я просто игрушка в его руках, а также полная дура, которая не замечала этого до сегодняшнего дня. Всё хватит. Я нескоро смогу отмыться от сегодняшней ночи, нескоро смогу забыть его, но я забуду, обязательно забуду. То, что он сделал непростительно.

— Застегни, пожалуйста, — удерживая в маленьком кулачке копну пепельно-чёрных волос, Надя повернулась ко мне спиной. Застегнув молнию на её платье, я тут же вздрогнула и невольно улыбнулась, от последующих слов девушки. — Послезавтра Димка приезжает. Специально к твоему дню рождения. Вообще-то он просил не говорить тебе этого, хотел устроить сюрприз, но глядя на твою кислую мину, я не смогла сдержаться.

Усмехнувшись, Надя подмигнула мне, а я не смогла сдержать искренней радостной улыбки. Димка приезжает. Наконец-то, я его увижу! Господи, за достаточно короткое время он стал одним из самых дорогих людей в моей жизни. Даже мысли, о сегодняшней ночи чуть отошли в сторону, уступив место безграничной радости.

— Вчера, когда я разговаривала с ним по телефону, мне показалось, что он к тебе

неровно дышит, — распустив выющиеся локонами волосы, Надя бросила на меня многозначительный взгляд.

— Да брось, с чего ты это взяла? — за всё время, что мы с ним общались, мне ни разу не забралась в голову подобная мысль. Да и бред это полный. Димка прекрасный друг, не более. Да и к тому же мне нравится...мне нравился Андрей.

— Его голос стал более тёплым и нежным, когда мы заговорили о тебе. Я, конечно, могу ошибаться, но что-то мне подсказывает, что ты очень приглянулась этому парню, — подмигнула мне Надя, и я тут, же покраснела. Подобные мысли никогда не забирались мне в голову, и если честно, они не были мне приятны. Дима — хороший друг, и я хочу, чтобы так было всегда.

— Ты уже готова? — я быстро перевела тему в другое русло, желая сейчас только одного — немного развеется и забыть о том, что случилось этой ночью. — Надь, что с тобой? — в глазах подруги промелькнула грусть, когда она бросила взгляд на свой телефон.

— Стасик чего-то уже со вчерашнего дня не звонит. Может, что-то случилось?

Ага, как же случилось. Наверняка опять зависает в каком-нибудь клубе и лапает очередную дешёвку. В эту минуту мне стало, так жаль Надю, что я едва ли сдержалась, чтобы не рассказать ей всю правду. Только не думаю, что я имею права вмешиваться в её жизнь. Рано или поздно всё равно всё раскроется.

— Не думаю. Наверняка, просто дел много. Ну, что идём? — я хотела как можно быстрее свернуть эту тему. Согласно кивнув, Надя вслед за мной вышла в прихожую. Накинув на плечи лёгкие осени куртки, мы вышли из квартиры. Пока Надя закрывала дверь, я вызвала лифт. Когда он пришел, мы зашли в кабинку, и подруга достала из сумочки завибрировавший телефон. В ту же минуту её лицо озарилось безграничным счастьем.

— Стасик, — улыбнулась мне девушка, и, нажав на 'вызов' приложила мобильный к уху. Прошло не более минуты, прежде чем улыбка сошла с её лица, а выражения радости сменилось грустью и скорбью. Вставив короткие фразы в разговор, девушка сухо попрощалась, и убрала телефон обратно в сумку. Я не решалась её ни о чём спрашивать, но жалостливый взгляд, с которым она почему-то на меня поглядывала, вызывал во мне нехорошие предчувствия. — Олег Констан...отец Андрея погиб.

Я добралась до квартиры в считанные секунды. Бешено колотившееся сердце грозило вот-вот проломить грудную клетку. Страх ледяной волной сковал каждую клеточку моего тела. А если он с собой, что-нибудь натворил? Ведь, ему уже наверняка сообщили.

Тяжело дыша, я, не снимая пальца со звонка, начала нервно колотить в дверь свободной рукой. Никакого ответа не было. Создавалось ощущение, что квартира пуста. Только я уже хотела было звонить всем, кого только знала в Москве, как за дверью послышались, тихие шаги. Ещё через несколько минут, замок повернулся и в проходе квартиры появился Андрей. Мне стоило лишь мельком окинуть его взглядом, как все обиды и вся боль, которую он мне принес, рассеялись в одночасье. Его затуманенный взгляд бездумно 'плавал' по мне, не выражая абсолютно никаких чувств. Тигровые глаза теперь имели красноватый оттенок. Вся лестничная клетка пропахла отвратительным запахом пива перемешанного с виски, которым разило от Андрея. Еле держась на ногах, он производил впечатление человека, несколько дней провалявшегося в сыром грязном подвале, с повсюду разбросанными бутылками

спиртного.

— При-шла? — заикнувшись, Андрей провёл дрожащей ладонью по лицу. — Если....хочч-ешь меня уд...ударииить....сделай это быстр-рее.

Пошатнувшись, он запнулся об порог квартиры, и чуть было не упал, но я успела обхватить его за талию, и затащить в квартиру. Как не странно, но даже после минувшей ночи, близость его тела не вызвала во мне не отвращение, не испуга. Наоборот, мне захотелось ещё крепче прижаться к нему, покрыть нежными успокаивающими поцелуями его помятое лицо, и взять ту боль, которая сейчас огненным водопадом струилась в его душе, себе.

— Сейчас, сейчас погоди, — перекинув его руку себе через плечо, я с трудом затащила его в гостиную, и уложила на диван. Накрыв его мягким тёплым пледом, я подложила ему под голову пуховую подушку. Присев на корточки у краешка дивана я провела холодной и чуть подрагивающей ладонью по сморщенному лбу Андрея, нежно разгладив его взъерошенные волосы. Он вздрогнул, распахнул глаза, и вдруг резко перехватив мою руку, прижался губами к тыльной стороне ладони. Сердце тут же болезненно сжалось, но уже не столько из любви, сколько из жалости и сострадания. Какого это терять отца? Я не знаю, что при этом чувствуют люди, но мне стоит лишь взглянуть на Андрея, чтобы понять насколько ему больно. — Как ты? Тебе, что-нибудь нужно?

Всё ещё не отпуская моей руки, Андрей нежно поцеловал каждый пальчик, и прижал мою ладонь к своей щеке.

— Мне очень, нужна ты. Пожалуйста, останься со мной, — от невыносимой тоски в его голосе, моё сердце вновь болезненно закололо. Казалось, теперь алкоголь совсем выветрился из его головы, и сейчас, Андрею как никогда нужна поддержка близкого человека. А я ведь близка ему? Да и какая теперь разница, что произошло этой ночью. Главное, что сейчас я ему нужна, возможно, даже больше чем кто бы то ни был другой. И я буду с ним.

— Всё хорошо, я никуда не уйду.

Он вновь прижался прохладными и чуть дрожащими губами к тыльной стороне моей ладони и потянул меня на себя.

— Иди ко мне. Пожалуйста, ляг со мной рядом.

Скинув босоножки, я заползла к нему на диван, и сразу почувствовала, как Андрей жадно притянул меня к себе и зарылся лицом в мои волосы. Несколько минут я в полной тишине слушала хаотичный ритм его сердца. Пристроившись у него на груди, я перебирала меж пальцами пряди непослушных волос и нежно массировала затылок. Его прерывистое горячее дыхание опаляло мою шею. Крепко обнимая меня за талию, Андрей дрожащими ладонями гладил меня по спине, а я всё сильнее начинала чувствовать, как предательский комок слёз медленно подступает к моему горлу. И дело даже не столько в сострадании к Андрею, сколько в понимании того, что они с отцом, всего лишь за пару часов до трагедии так сильно поругались. А ведь теперь уже ничего не исправишь. Жизнь — злая и сложная штука. Иногда она бьёт так больно, что нельзя найти тех лекарств, которые бы залечили наши душевные раны.

— Ксана...я ведь...я ведь накричал на него. Вчера...после окончания переговоров, я устроил настоящий скандал в его кабинете. Я обозвал его старым маразматиком и тупоголовым кретоном. Господи, Ксана, он умер! Его нет! Я больше никогда... не смогу сказать, как сильно любил его. Я больше... — Андрей до боли вжал меня в своё дрожащее тело. Тишину комнаты в дребезги разбили тяжелые всхлипывания. Никогда в жизни я не

видела, чтобы он плакал. И никогда больше не хотела бы это увидеть. Сердце разрывается на части, когда ты никак не можешь помочь человеку, который тебе безумно дорог. — Это я, я во всём виноват!

— Прекрати, ты ни в чём не виноват? Никто ни в чём не виноват. Твой отец был, болел. Просто никого не оказалось рядом в тот миг.

— Нет, я виноват, слышишь, я?! — он сжал в ладонях моё лицо, и заставил меня посмотреть в его яростно сверкавшие глаза, с которых скатывались одинокие слёзы. — Я знал, что в последнее время у него были сильные проблемы с сердцем. Знал, что он может не выдержать сильных стрессов, и сам закатил такой скандал! — он вновь жалобно всхлипнул, и крепко прижал меня к своему сильному телу. — А ты...почему ты со мной? Зачем пришла? После всего того, что я сделал?

— Я тебя не оставлю, — меньше всего мне хотелось, чтобы сейчас он переживал из-за меня.

— Но ты... теперь меня ненавидишь? Ты никогда не сможешь меня простить? — вновь обхватив моё лицо руками, он с мольбой взглянул мне в глаза, и я чуть не задохнулась от невыносимой жалости и собственного бессилия. Столько боли и страданий я ещё никогда не видела в одном только взгляде.

— Я никогда не смогу тебя ненавидеть. Я всегда буду рядом.

— Обещаешь? — по-детски всхлипнув, он ещё сильнее прижал меня к своей груди. — Ты точно не ненавидишь меня?

— Обещаю. В моём сердце никогда не поселится ненависть к тебе. Никогда.

Он ещё сильнее прижал меня к себе, и практически с головой закутал в мягкий шерстяной плед. Положив руки ему на плечи, я начала нежно гладить его по спине, пока не услышала тихое посапывание. В эти минуты я окончательно поняла, что больше не злюсь на него. Вчерашняя ночь, как будто и вовсе перестала существовать для моего сознания. Сейчас нет места обидам. Нужно устраивать похороны. Поддержать Андрея и постараться сделать всё, чтобы он как можно скорее смог вернуться к прежней жизни. Я уверена теперь всё будет по-другому. Наши отношения обязательно изменятся.

*22 октября, 2014 года. Уф, сегодня, на меня, что-то накатила ностальгия. Или сказывается отъезд мужа? Отвыкла я уже как-то от одиночества, и до дрожи в коленках боюсь снова испытать это страшное чувство, хотя каждой частичкой своего сердца понимаю, что этого больше никогда не случится. Уже завтра мои мужчины вернутся домой. Интересно удалось им на этот раз, что-нибудь поймать, или опять рыбный супермаркет обчистят? Ладно-ладно, шучу. Ты ведь знаешь дневник, что мой супруг превосходный рыбак. Помню как-то мы вместе ездили на озеро и всё было хорошо до того момента, как я не увидела пойманную на крючок рыбу. А ведь Узурпатор до сих пор на меня злится из-за того, что я не выдержала, и втихоря весь его улов обратно в озеро спустила))

Знаешь дневник, а я ведь всё чаще стала вспоминать о ТОМ времени, только моменты эти у меня лишь в памяти крутились. А сегодня...не знаю, захотелось и тебе свою душу раскрыть. Наверное, будь ты реальным человеком, ты бы на меня злился. Ну, как только можно вообще позволять себе вспоминать то время, после всего того, что случилось? Но знаешь...я чувствую, что сердце всё ещё скрежет. Что мне ещё не удалось всё отпустить.

Возможно, когда теперь, я расскажу тебе всю правду о том, что произошло, мне станет легче. Пускай ты всего лишь уже немного помятая тетрадка, но ты единственный, дневник, с кем я могу поделиться ЭТИМ. Знаешь, в своих воспоминаниях я прокрутила каждый момент с самой моей первой встречи с Андреем, и остановилась на том моменте, как пришла утешать его после ужасной утраты. Олег Константинович...хороший он всё-таки был мужчина, и как Андрей на него не похож....Знаешь, я ведь иногда прихожу к его могиле. Максюта кладёт цветы на могилу дедушки. По фотографиям — он точная его копия. Сейчас, сидя у горящего камина, закутавшись в тёплый плед, я с тоской вспоминаю тот день. Забавно, а я ведь действительно думала, что всё изменится....Хотя в каком-то смысле оказалась права. Ведь прошло не так уж и много времени со смерти Олега Константиновича, как его сыну удалось превратить мою жизнь в АД. Правду говорят, не делай людям добра, не получишь зла. Сейчас-то я это уже хорошо знаю, а тогда...смогу ли я когда-нибудь забыть обо всём, что произошло? Или шрамы как телесные, так и душевные, всегда будут напоминать мне о жесткости этого мира?*

Может меня осудят, а может кто-то и поймёт, но в тот день, когда Андрей потерял отца, я решила, что наши отношения теперь начнутся с новой чистой страницы. Все неприязни, ссоры и разлады останутся в прошлом. Я нужна ему. Сейчас я нужна ему как никто другой, и я буду рядом. Я смогу забыть то, что было, а главное, я смогу ему это простить.

Весь этот сумрачный холодный день, Андрей провёл в лихорадочных метаниях по кровати. У него поднялась температура, и начался жар. Вызывать скорую он категорически запретил, как и звонить кому-либо из его близких. Более того, он не разрешал мне отвечать на телефонные звонки, которые практически не прекращались в течение всего дня. Он не желал ни с кем разговаривать. Ни с друзьями, ни с коллегами отца, ни даже с самыми близкими родственниками. Исключение стала только его мама. Она позвонила лишь тогда, когда стрелки настольных часов показывали уже половину восьмого вечера. К тому времени антибиотики уже начали свою работу: жар спал, температура понизилась и Андрей, положив ладони под щёчку, как шестилетний мальчуган смог ненадолго отойти от всего пережитого и погрузиться в сладкий мир Морфея. С его мамой я разговаривала сама. Как бы странно это не звучало, но этот телефонный разговор и стал нашим первым знакомством. Хватило всего нескольких минут, чтобы я поняла, что его мать вовсе не рада моему появлению в жизни её сына. Голос женщины был холодный и совершенно спокойный. По сути, он не выражал абсолютно никаких чувств. Конечно, я понимала, что все люди переживают своё горе по-разному: кто-то бьётся в истерике и нуждается в поддержке окружающих, а кто-то держит всё в себе, не выставляя своих чувств напоказ. Но мне почему-то казалось, что в голосе женщины, ни разу не проскользнула даже нотка грусти, ни, то, что уж боли. Неужели человек настолько может быть непробиваемым как скала? Или просто, мама Андрея, не захотела выдавать мне свои чувства? Скорее всего, второе. Наш телефонный разговор был совсем коротким. Женщина попросила, чтобы Андрей перезвонил ей, как только он проснётся, и сообщила, что приедет в Москву через три дня. Ещё через день состоятся похороны. Сухо попрощавшись со мной, Ангелина Громова повесила трубку. Сначала, я хотела сразу же разбудить Андрея и сообщить ему о звонке матери, но потом

передумала. Только под конец дня, ему удалось немного успокоиться и заснуть. О разговоре с его мамой, я рассказала ему только на утро следующего дня. Когда он распахнул затуманенные алой от слёз пеленой глаза и натянул на измученное лицо слабую улыбку. На звонок матери, Андрей отреагировал совершенно спокойно. Почему-то сказал, что не будет перезванивать. И вообще может мне и показалось, но складывалось такое ощущение, что ему неприятно всякое упоминание об Ангелине. Не обращая внимания на мои просьбы всё-таки обратиться к врачу, Андрей встал с кровати, и вдруг крепко прижал меня к своему телу, зарывшись лицом в мои волосы и вдохнув в себя их запах.

— С днём рождения, котёнок, — поцеловав мне в чувствительное место под ушком, Андрей вызвал волну дрожи в моём теле.

День рождения...надо же, а уже и забыла о нём. Да и не вовремя всё это. Ну, какой сейчас праздник? Только вот тёплые объятия и протянутый мне прямоугольный свёрток, обёрнутый в сиреневую блестящую фольгу, всё равно вызвали радостный отклик в моей душе. Подарок...первый раз в жизни я получила настоящий подарок на день рождения. От внезапно накатившей на меня волны грусти вперемешку с нежностью, в глазах заискрились алмазы невыплаканных слёз.

— Только не открывай сейчас, хорошо? — заметив недоумение на моём лице, Андрей растянул кончики губ в едва заметной улыбке. Первой искренней улыбке, за прошедшие два дня. — Сегодня твой праздник, и я хочу, чтобы мы его отметили. По-настоящему отпраздновали этот важный не только для тебя, но и для меня тоже день. Только, ты ведь понимаешь, что сейчас не получится? Всё свалилось таким комом...подожди немного, мы обязательно отметим твой...

— Андрей не нужно, я всё понимаю. Сейчас и вправду не время. Я никогда не отмечала этот праздник...

— И больше такого никогда не будет. Пообещай, что теперь ты больше никогда не будешь забывать о себе. Я забронировал нам ресторан на сегодняшний вечер, но ты ведь не будешь против, если мы немного перенесём его? — дождавшись моего утвердительного кивка, Андрей вновь привлёк меня к себе, и прислонился пересохшими губами к моей макушке. — В тот вечер ты и откроешь подарок. Я надеюсь, он тебе понравится. Я долго выбирал его, котёнок.

Встав на цыпочки, я и вправду, как настоящий котёнок, потёрлась носом о его немного колючую щёку, и почувствовала, как объятия стали ещё крепче. Наверное, я готова была простоять вот так весь день, прижимаясь к его лихорадочно вздымающейся груди и чувствуя под своей ладонью сбившийся ритм ударов его сердца, но наше уединение нарушил внезапно раздавшийся звонок.

— Чёрт, — сквозь зубы процедил Андрей, и нехотя разжал руки. — Наверное, компаньоны отца. Как же не хочется видеть их лицемерные рожи и лживые слова сострадания. Но открыть, наверное, придётся. А-то ещё решат, что я с балконного окна сиганул. А вот этой радости, я им точно не доставлю. Котёнок, ты откроешь? Я пока в душ схожу. Не хочу, чтобы они видели мою помятую рожу.

Нежно поцеловав меня в щёчку, Андрей, прошлёпал босыми ногами по полу и скрылся за дверями ванной. Немного приведя волосы в порядок, я вышла в прихожую и не глядя в глазок, распахнула входную дверь.

— С днём рождения, малыш, — не успела я опомниться, как мне сжали в стальных объятиях.

Горьковато мускатный аромат, повисший в воздухе, тут же вскружил мне голову. Стоило только уткнуться носом в сильную, очерченную рельефными мышцами грудь, как губы невольно расплылись в нежной улыбке. Первый искренней улыбке за прошедшее время. Димка. Мой узурпатор.

— Димка, Господи, я так рада, — поднявшись на цыпочки, я повисла на шее у тихо хохочущего парня. — Совсем забыла, что ты приезжаешь. Хотела тебе твои любимые отбивные приготовить. А-то ты мне уже всю почту забил умоляющими письмами побаловать тебя моими кулинарными 'шедеврами'!

— Так значит, ты знала, что я приезжаю? Ну, Надька, ничего ей нельзя рассказать, — фальшиво-обиженно усмехнулся Дима, и слегка отстранил меня от себя. — Ещё раз с днём рождения, котёнок. Я долго думал, что тебе подарить....В общем вот, держи, — протянув мне, спрятанную за спиной картонную коробку средних размеров, Дима рассеяно улыбнулся и, наконец, зашёл в квартиру, захлопнув за собой дверь.

Пока ещё мало, что понимая, я с нарастающим любопытством стала развязывать красную ленточку, с пробирающей дрожью во всём теле, чувствуя как внутри коробки, что-то шевелиться. Стоило мне развязать ленту и распахнуть картонные листы как на меня взглянуло самое прекрасное на Земле создание. Маленький пушистый комочек белой шерсти с бледно-серыми полосками. Свернувшийся в калачик котёнок, выгнул шейку и забавно игрался маленькими нежными лапками, словно пытался кого-то поймать. Загнутые вперёд ушки этого крохотного создания ритмично шевелились, а крохотные и такие притягательные глазки, влюбляли в себя, наверное, каждого, кто хоть раз в них взглянул. Тоненькую пушистую шейку украшал золотой кулон с розово-малиновым камнем в виде сердечка.

Сердце защемило от нежности, когда я поняла, что все эти чудеса мои. Этой мой подарок.

— Я думаю, тебе он подойдёт больше, — Дима достал из коробки котёнка и попытался снять с него кулончик, но маленькое и на вид такое нежное создание вдруг яростно зашипело и укусило острыми зубками парня за палец. Дима тут же недовольно выругался себе под нос, и протянув мне моего маленького питомца, приложил пострадавший палец к губам. — Вот зараза мелкая. Видно уже понимает толк в этих ваших ювелирных штучках. Ты с ней поосторожней Ксю, эту маленькую демоницу нельзя подпускать к дорогим вещам. Сегодня кулон зажала, глядишь завтра, квартиру из-под носа умыкнёт.

После этих слов я громко заразительно, неожиданно даже для самой себе расхохоталась. И мой смех подхватила маленькая пушистая 'проказница'. Довольно заурчав, малышка свернулась у меня на руках в комочек и начала щекотать своим влажным язычком мою ладошку.

— Смотри-ка, а ты ей понравилась. Надо же сразу хозяйку признала. А меня, зараза, всего исцарапала.

Шутливо усмехнувшись, Дима потрепал меня по макушке, взъерошив мои волосы в разные стороны, и тут же, резко отвёл взгляд куда-то в сторону, за мою спину. Обернувшись, я увидела в паре шагов от себя только что вышедшего из душа Андрея с мокрой головой и мрачным взглядом. Почему-то ещё мгновение назад игравшая на моём лице улыбка рассеялась как по волшебству. Чувство стыда постепенно начинало нарастать во мне. Я радуюсь, когда ему так плохо....

Чуть отодвинув меня в сторону, Андрей подошёл к Диме. Несколько минут они стояли молча, неподвижно, как каменные статуи, а потом вдруг резко, крепко обняли друг друга.

— Соболезную. Крепись друг, это большая утрата для всех нас, — тихо произнёс Дима, похлопав Андрея по плечу. — Похороны в четверг?

Молчаливо кивнув, Андрей разжал руки и тут же притянул меня к себе, приобняв за плечи. Протянув руки, Андрей хотел взять у меня котёнка, но маленький комочек на моих руках вдруг неожиданно взъерепенился и грозно зашипел, не давая приласкать себя.

— Ай, не обращай внимания, эта фифа, видно мужиков не очень любит, — отмахнулся Дима, вызвав на лице каждого из нас слабую улыбку. Напряжённая атмосфера начала понемногу спадать.

— Пойдёмте что ли в гостиную, чего в дверях-то стоять?

— У тебя выпить чего есть? — кивнув другу, Андрей сильнее сжал пальцами мои плечи.

— Коньяк, — в подтверждении своих слов, Дима достал из своего портфеля шкатулку с гравировкой Jenssen Arcana.

— Тогда идём на кухню, помянем.

За своего рода поминками Андрей и Дима, помимо того, что опустошили не только коньяк последнего, но и всё спиртное, которое только было в квартире, очень много разговаривали, вспоминая 'былые времена'. Я же нарезаю бутерброды, и, то и дело, вновь и вновь ставя перед ними тарелки с закуской, молча, слушала их разговоры. Оказываются, Андрей знает Диму ещё со школьных лет, только дружить они начали лишь с института, когда их отцы стали партнёрами и ребята, по мере обучения всё больше вливаясь в бизнес родителей, стали очень часто видаться. Поэтому собственно и сплотились. Олега Константиновича вспоминали только добрыми словами. Дима грустно улыбался, подмечая, какое доброе и светлое сердце для занимающего высокий пост бизнесмена и поразительное чувство юмора было у покойного. Андрей только рассеяно кивал, лишь несколько раз вставив пару реплик об отце. Я чувствовала, как вибрировал и дрожал от еле сдерживаемых слёз его голос, и как болезненно для него пришлась эта утрата.

— Да, а ведь ещё три дня назад, я с какой-то безумной радостью ехал в Москву поздравлять котёнка, а оно вон как вышло... — устало потерев глаза, Дима откинулся на спинку стула, и я второй раз за день почувствовала, как мои щёки запылали. Узурпатор часто называл меня и в переписках, и в телефонных разговорах 'котёнком' и я всегда принимала это как чисто дружеское обращение, но в присутствии Андрея оно звучала как-то странно, двусмысленно, что ли...

— Котёнка? Какого котёнка? — выпрямившись на стуле, Андрей казалось, даже сразу отошёл от довольно приличной выпитой дозы алкоголя.

Едва удержав тарелку в руках, я сама не понимая почему, взмолилась, чтобы Дима соврал. Конечно, ничего преступного в его обращении нет, но моё гнилое предчувствие упорно доказывало мне, что Андрею этот 'котёнок' придётся весьма не по душе.

— Как какого? Ксюнька твоя, а кто же ещё? Хотя теперь у тебя в доме целых два котёнка, везунчик ты. Я бы на твоём месте глаз с такого сокровища не сводил, — растянув губы в пьяной улыбке, Дима подмигнул мне, и я почувствовала, как медленно начинаю срастаться с полом, ощущая на себе тяжёлый взгляд Андрея. — А-то ведь много желающих быть на твоём месте. Такое богатство сейчас мало кому достанется. Его ценить надо.

— А ты, небось, уже успел оценить? Что присоединился к списку желающих потискать моё 'богатство'? — ухмыльнувшись на последнем слове, Андрей начал медленно

подниматься со стула не сводя с друга уничтожающего взгляда. Дима же ничуть ему не уступал. Сжав руки в кулаки, парень опёрся ими о жёсткую поверхность стола и с вызовом принял взгляд Андрея. Сейчас они оба походили на разъярённых соперников, готовых в любую секунду наброситься друг на друга. И я понимала, что если не вмешаюсь, их будет не остановить. Они разнесут всю квартиру в щепки, и что самое плохое, могут ещё и покалечить друг друга.

— Хватит, — наконец, совладев с собой, слабо подала голос я, приблизившись к столу. Моё тело пробирала волна мелкой дрожи. Я чувствовала, нарастающий с каждой секундой страх за этих двух безумцев. Чего, а точнее кого они не поделили? Меня? Они, что, правда, хотят порвать друг другу глотки из-за меня? Да это же смешно! Но, похоже, так считала одна я. На мой слабый, едва слышный призыв никто не обратил внимания. Стиснув челюсти так, что меж них проступили желваки, Андрей твёрдой, несмотря на количество выпитого алкоголя, походкой двинулся на Диму.

— Так ты не ответил? Давно имеешь виды на мою девушку?

— Надолго ли она будет твоей? — пьяно усмехнулся Дима, и я поняла, что это стало последней каплей. Ещё секунда и они набросятся друг на друга. Не знаю, что произошло со мной в этот момент, наверное, от переизбытка эмоций у меня сдали нервы, но вместо того, чтобы броситься их разнимать, я обхватила себя руками и жалобно разрыдалась. Мне вдруг стало так страшно за них обоих. И дело было даже не в том, что они могли ни хило 'разукрасить' друг другу физиономии. Я боялась, что сейчас из-за пьяной ссоры они потеряют многолетнюю дружбу. И виной этому буду я. Сама того не понимая, но похоже, я уже стала преградой между ними.

Мои слёзы повлекли за собой неожиданную реакцию. Андрей не обратил на них никакого внимания. Скорее они ещё больше вывели его из себя. Грязно выругавшись, он замахнулся и явно собирался впечатать свой кулак в лицо друга, молниеносная реакция которого повергла меня, да и Андрея думаю тоже, в шок. Он не стал отвечать. Перехватив кулак своего 'соперника', он отбросил того в дальний угол комнаты и подбежал ко мне. Нежно собрав кончиками пальцев каждую слезинку с моего лица, Дима крепко прижал меня к своему взбудоражившемуся телу, принявшись хаотично гладить меня по покрывшейся мурашками спине.

— Ну, всё, всё малыш, мы просто пошутили, слышишь? Чего ты так волнуешься? — тяжело дыша, прохрипел Дима, ещё сильнее прижав мою голову к своей груди.

— Может мне выйти? Я вам случаем не мешаю? — жёсткая пьяная улыбка, сорвавшая с губ Андрея, прошла волной отвращения по всему моему телу. На несколько секунд даже слёзы перестали струиться по моим щекам. Я как будто очнулась от какого-то забвения. Какого чёрта сейчас происходит? Почему я чувствую себя виноватой, хотя ничего, за что мне бы было можно краснеть, я не сделала?

— Заткнись, понял?! Ты не видишь, в каком она состоянии?

Дима всё ещё продолжал поглаживать меня по голове, крепко прижимая к своей груди, а я с каждой секундой всё больше чувствовала нарастающее в каждой клеточке моего тела раздражение. Почему Андрей себя так по-хамски ведёт, да ещё и в такой день? Свой день рождения я, конечно, не имею в виду, но чёрт подери, его, что не останавливает, что только вчера умер его отец? Или он думает, что это даёт ему право напиваться в хлам и устраивать драку? Да и Дима тоже хорош. Что за бред он нёс? Какое я к дьяволу сокровище?

— Замолчите оба. Что вы устроили? Вам не стыдно? Это, по-вашему, поминки? —

кажется, мне удалось хоть немного привести их в чувства. По крайней мере Андрей, наконец, разжал кулаки, а Дима, убедившись, что со мной уже всё в порядке, перестал провоцировать своего друга и чуть отстранился от меня. — Весь этот хлам уберёте за собой сами. Я хочу спать. Надеюсь, у вас хватит мозгов и совести не устраивать здесь гладиаторские бои?

Этот вопрос был риторический, но оба парня всё равно утвердительно кивнули и даже перестали смотреть друг на друга как на врагов народа, или по крайней мере пустили мне пыль в глаза. Почесав затылок, Андрей, слегка пошатываясь из стороны в сторону, подошёл ко мне и попытался приобнять, но я ловко увернулась от его рук. В воздухе повис тошнотворный запах спиртного. Меньше всего мне сейчас хотелось вновь разыгрывать роль няньки для этого уже достаточно большого 'ребёнка'. Всё. Хватит. Устала. Развернувшись, я никак не отреагировала на виноватую улыбку Димы. Этот тоже хорош. Сам спровоцировал, а теперь подлизывается. Единственное существо в этой квартире, к которому я сейчас не испытывала злости был маленький пушистый комочек, зарывшийся мордочкой в миску с молоком. Имя этой крошке я ещё не придумала. Конечно, можно было бы прозвать 'Машкой', 'Васькой, и всем в этом духе, но этот пушистый комочек, уже вполне освоившийся в квартире, вёл себя как особа из королевской династии. А посему и имя этой 'принцессе' нужно было выбирать тщательно. Подхватив на руки свою безымянку, я не удостоив обоих парней даже взгляда, вышла из кухни и первый раз за всю мою пока ещё недолгую жизнь испытала всепоглощающее чувство триумфа. А оказывает это ужасно приятно, хоть иногда проявлять характер и отстаивать свою точку зрения.

*2 ноября, 2014 года. Уф, что-то я тебя, мой милый, совсем забросила. Замоталась с домашними делами. Мои мужики уже как неделю вернулись со своей рыбалки, и всё моё свободное время сошло на 'нет'. И вот где этот всемогущий 'Тайд'? Мне бы он сейчас совсем не помешал. Зато мои узурпаторы довольны. Вчера первый раз увидела мужа в фартуке. Стоял у плиты и что-то там колдовал. Сначала подумала, что уже мозгами тронулась, ась нет, благоверный решил нас ухой накормить. Да так накормил, что потом ещё два часа мы с ним в обнимочку отмывали пол от пролитого супа. Зато посмеялись от души, Узурпатор стал тише воды, ниже травы. Даже по дому начал мне помогать, хотя эта помощь мне больше мешает, чем пользы приносит, но сам факт... Исправляется мой 'плохиш'. Вот даже время появилось с тобой 'пообщаться'. Мужа накормила, Максюту спать уложила, теперь можно и самой немного отдохнуть. Только вместо отдыха меня ностальгия за горло схватила. Как от этой дряни избавиться? Ведь всё у меня в жизни, наконец, утряслось, а воспоминания покоя не дают, по душе, словно скальпелем по венам режут. Когда я уже перестану вздрагивать и начну спокойно прокручивать в голове картинки прошлого? Если бы был на земле аппарат, который бы стирал в твоей памяти определённые моменты из жизни, те, что ты страх как хочешь забыть, я бы всё за него отдала. Но, увы, реальность жестока. И все наши страхи, вся боль и ненависть, всё это остаётся глубоко внутри тебя. Даже когда проходит достаточное количество времени. Даже когда ты находишь покой и своё счастье в этой жизни, воспоминания всегда будут преследовать тебя. Сегодня, например, я Димку вспомнила... Точнее нет, я о нём и не забывала никогда, просто сегодня вспомнился тот день, когда я первый и единственный раз на него обиделась. Больше такого никогда не случилось. Этот подлиза всегда умел подмазаться. Я вот теперь думаю, что бы было, если бы мы с ним тогда,

что-нибудь попробовали? Ведь он не раз намекал мне, что я для него больше, чем просто друг.... Возможно, я бы смогла подарить ему счастье в последние дни его такой короткой жизни? Но всё произошло, так как произошло. И, пожалуй, я даже ни о чём не жалею. Даже о тех днях, когда я опустилась ниже плинтуса и была грязнее половой тряпки. Забавно, а ведь в свой восемнадцатый день рождения я первый раз подумала, что, наконец-то начинаю хоть немного проявлять свой характер, я ведь даже искренне в это поверила....но Андрей кудесник. Ему до удивления быстро удалось меня в этом переубедить. Уже через месяц после моего дня рождения он превратил меня в такое ничтожество, что даже дешёвые шлюхи, спившиеся алкаши или провонявшие на свалки бомжи, наверняка смотрели бы на меня свысока. Сейчас я думаю, как я могла такое позволить? Как я могла всё ему прощать и на всё закрывать глаза? Но, наверное....я поступала правильно. Как знать, обнимала бы я сейчас до боли, до чёртовой ломоты в костях любимого человека, если бы тогда не прошла через всё это'.

Весь следующий месяц прошёл как в тумане. Похороны, множество незнакомых мне лиц в чёрных одеяниях, море слёз, не всегда похожих на истинную скорбь, знакомство с мамой Андрея...странная она женщина. На похоронах стояла вдалеке от сына, за чёрными очками не было видно чувств, скрытых в её взгляде, но за всё, то время, что мы провожали в последний путь Олега Константиновича, она не проронила ни слезинки. Конечно, можно было подумать, что она очень сильная духом женщина, но что-то в её поведении, в выражении её лица, даже в том, как она поправляла свои густые пепельно-чёрные волосы, казалось мне неестественным. На поминках, когда кто-то в очередной раз вспоминал добрым словом покойного, я попыталась заговорить на эту тему с Андреем, но он быстро дал мне понять, что не хочется говорить о своей матери, которая уехала сразу, как только похоронили Олега Константиновича. На поминки она не осталась. Только спустя несколько дней, когда Андрей, несмотря на траур и ужасно подавленное состояние, которое он всячески пытался от меня скрыть, занялся делами банка, я смогла немного передохнуть от всего этого сумасшедшего круговорота и встретиться с Надей. Как мне показалось, девушка была чем-то очень озадаченна. Она не шутила как раньше, всё время вздрагивала, когда ей на мобильный приходили смс-ки, и мчалась сломя голову, если звонил домашний телефон. На все мои вопросы она отнекивалась. Говорила, что ей надо, что-то там выяснить. Обещала, что в скором времени всё мне расскажет. Видимо, чтобы увильнуть от моих вопросов, Надя задела тему матери Андрея, зная, что она меня очень волнует, с тех пор как Ангелина вернулась в Москву, и уехала спустя два дня после похорон, даже толком не пообщавшись с Андреем. Надя сказала, что в последнее время ходили упорные слухи о том, что Ангелина изменяет своему мужу с их общим другом, якобы они даже развестись из-за этого собирались, но ни подтвердить, ни опровергнуть это никто не мог. Хотя вероятнее всего у Ангелины и её мужа действительно были какие-то проблемы, но сейчас это уже не имело значения. Олег Константинович умер, и его смерть повлекла за собой целую череду вывернувших мою жизнь наизнанку последствий. Я устроилась на работу. Надя помогла с местечком в небольшой туристической компании. Работа несложная, всего лишь предлагать клиентам подходящие им места для отдыха, и платят хорошо. Свою первую зарплату я сразу отложила. Тратиться мне особо было некуда, а деньги про запах всегда надо иметь, мало ли

что может приключиться. Андрей к моему удивлению, на счёт работы не возражал, сказал: 'поступай, как хочешь'. Да и вообще в последнее время он сильно изменился. Видимо смерть отца наложила на него существенный отпечаток, и он, увы, не пошёл ему на пользу. Пусть он и стал более собранным и из кожи вон лез, чтобы расширить дальнейшие перспективы банка, от него веяло холодом, цинизмом, даже в своём роде жестокостью. Но изменился не только Андрей. Моё отношение к нему тоже охладело. Я больше не терялась в его присутствии, я не чувствовала слабости и дрожи в теле от его ласк и поцелуев, более того, мне стала ужасно неприятна наша близость, которой я всячески пыталась избежать. И всё это дико меня пугало. Что случилось? Прошла любовь? И чего меня тогда удивляет? Люди встречаются, сходятся и расстаются. Так бывает у всех и это абсолютно нормально. Глупо было думать, что мы с Андреем вместе на всю жизнь. Мы, в конце концов, не в сказке живём. Только вот, что мне теперь делать? В последнее время я всё чаще стала задумываться о том, как мне строить свою жизнь в дальнейшем. Конечно, можно было бы остаться в Москве и на следующий год поступать в столичный институт, кроме того до этого времени я бы скопила довольно крупную сумму денег, но с каждым днём нам с Андреем было всё тяжелее и тяжелее уживаться под одной крышей. Нет, мы почти не ссорились, но чувствовалось, что между нами разродилась пропасть и с каждым днём она только увеличивается. Кроме того я больше не хотела быть причиной раздора между Димой и Андреем. Эти двое так и не помирились и при встрече здоровались друг с другом сквозь стиснутые зубы. Андрей продолжал быть категорическим противником моих встреч с его давнишним другом. И это уже была не ревность, а скорее эгоистичные порывы. А Дима...я ему нравилась. Он и не пытался этого особо скрывать. Несмотря на мои протесты, всегда дарил мне цветы и устраивал неожиданные сюрпризы, а в последнее время стал вся чаще намекать, что хочет больше, чем просто дружбу. И, что самое странное мне даже хотелось ответить ему взаимностью...но я не могла. И дело было даже не в Андрее, с которым у нас всё близилось к расставанию, у меня просто не было к Диме взаимных чувств. А обманывать и пользоваться его чувствами я бы никогда не смогла. Налив Боните молочка, я почесала за ушком своё пушистое чудо, и не смогла сдержать улыбки, когда моя принцесса зарылась мордахой в свой завтрак и начала увлечённо его поглощать, при этом довольно помахивая хвостиком. Имя котёнку придумала Надя. Просто назвала первое наобум пришедшееся ей слово, и на наше общее удивление Бонита сразу довольно заёрзала на моих коленях, как бы соглашаясь со своим теперешним прозвищем.

На работу мне сегодня было не нужно. Поэтому сразу после того как Андрей ушёл в банк, предупредив, что сегодня он будет поздно, я позвонила Диме и предложила прогуляться. Несмотря на то, что я уже несколько месяцев жила в Москве, я не видела и малой части всех тех сокровищ, которые скрывала в себе столица, и каждая прогулка становилась для меня своего рода маленьким открытием. Дима на моё предложение охотно согласился и сказал, что заедет за мной ближе к обеду, когда у них на работе пройдёт какая-то сделка. Свободное время до обеда я хотела провести за встречей с Надей, зная, что у неё сегодня тоже выходной, но девушка меня опередила и уже пол одиннадцатого сидела вместе со мной в гостинной, даже не предупредив меня о своём приходе. Но сейчас это меня совсем не волновало. Надя выглядела такой испуганной и подавленной, что у меня не осталось никаких сомнений, что произошло, что-то очень плохое.

— Надюш, всё хорошо, успокойся и попробуй мне всё объяснить. Что произошло?

Поставив перед Надей кружку ароматного зелёного чая, я приобняла девушку за плечи,

пытаясь унять нервную дрожь в её теле.

— Ксан, я не знаю, что делать, я совсем запуталась... Я даже не знаю с кем могу этим поделиться. Наверно, только с тобой. Никто больше просто не поймёт, и даже не будет считать это за проблему. А у меня сердце разрывается, как только представляю...

Уткнувшись лицом в моё плечо, Надя попыталась подавить рвущееся наружу рыдание. Девушку колотила крупная дрожь. Её руки дрожали, и она то и делала, что пыталась свести вспотевшие ладони в замок.

— Что представишь? Надюш, что произошло?

— Я... я ещё тогда, на похоронах, случайно услышала разговор двух девушек, сотрудниц, которые работают в банке Олега Николаевича вместе с Андрем и... Стасом. Я бы, наверное, даже не обратила на них внимания, если бы не заметила, что они долго и упорно за нами наблюдали. Причём они ещё так странно смотрели на меня... то ли с сожалением, то ли с усмешкой.

— Что это был за разговор? Что именно ты слышала?

Призрачная догадка уже начинала овладевать моим помутнившимся от страха сознанием. Что ещё могло так напугать Надю как не...

— Я ведь тогда... я не поверила, ни одному их слову, но волнение и какое-то пагубное предчувствие не давали мне покоя с того самого дня. Я начала следить за ним... за Стасом. Я понимаю, что ты, наверное, меня презираешь и считаешь, что до слезки опускаются лишь повихнувшиеся на ревности идиотки, но я... я так его люблю, и так... я так боялась потерять его. А он... — её голос сильно задрожал. Обхватив руками меня за шею, Надя спрятала взгляд покрасневших глаз на изгибе моего плеча. — Он мне изменяет... и, судя по разговору тех девушек, и тому, что я видела своими собственными глазами, он всегда мне изменял. Понимаешь, всегда?! Что мне делать Ксана?

Андрей сидел в баре дорогого ночного клуба столицы. Опустошив уже пятый по счёту бокал виски, мужчина брезгливо поморщился, посмотрев на экран мобильного. Шесть пропущенных от Оксаны. Что ей опять надо? Небось, снова лень жопу от дивана оторвать и самой в магазин сходить. Он ей, что мальчик на побегушках? В супермаркет после работы заедь, вещи из химчистки забери, завтрак сам приготовь, а что потом? Ему самому полы в квартире мыть придётся и с посудомоечной машиной возиться? А она ему тогда на что? Ночью пять минут в постели покувыркаться, так это можно устроить и с любой девахой из этого клуба или из его банка, или просто какою-нибудь цыпочку на улице подцепить. Что мало желающих попытать своё счастье с банкиром? И на кой чёрт он только с этой детдомовкой связался? Что его раньше могло в ней привлекать? Как он вообще мог её хотеть? Стоило всего пару раз трахнуть, чтобы понять, как он с ней лоханул. Кайфа ноль, да и желания она в последнее время никакого не вызывает. Только раздражает своим присутствием и вечными просьбами. Он мать её, каждый день впахивает как проклятый, а она что? Устроилась в какое-то тур агенство, и жопу свою обвислую целый день на кресле протирает. Лучше бы в спорт зал почаще ходила. Или думает, что если скинула килограмм восемь так теперь она супер модель? Ей ещё похать и похать до девушек его круга.

— Привет Андрюша, не ожидала тебя здесь увидеть.

На глаза парня легли мягкие женские ладони, от которых исходил притягательный аромат жасминового масла. Он узнал этот голос. Узнал сразу. От него по телу прошла давно позабытая волна дрожи, осевшая в паху и в миг вызвавшая дикое желание. Стоило лишь обернуться, как Андрей почувствовал, как в горле начало жутко драть. 'Красивая, до чего же красивая! Ещё лучше, чем была раньше! Стройная, притягательная, сексуальная', - мысленно простонал мужчина не в силах отвести взгляд от девушки. Как давно он её не видел? С тех пор, как Стас порвал с ней? Где она пропадала всё это время?

— Я присяду к тебе, ты не против? — сладким голосом протянула Катя, сев рядом с парнем.

Против? Да стоило лишь ему увидеть кружево её чёрных чулок, как желание стало просто невыносимым, а мысли понеслись вскачь со скоростью света. Одета в лёгкое полупрозрачное, вызывающе красное платье, лишь немного прикрывающее её аппетитную попку.

— А где же твоя Ксана? Я слышала вы всё ещё вместе.

Девушка обхватила пухлыми губами трубочку, болтающуюся в стакане апельсинового сока, и Андрей почувствовал, как всё поплыло у него перед глазами. Желание прикоснуться к её шелковистой коже, попробовать на вкус эти сочные, так манящие его губы, стало просто невыносимым. Вот такие чувства должна вызывать девушка, вот такие желания должна пробуждать в каждом парне. Стоило лишь Кате поднять глаза и встретиться с ним пылающим, переполненным таким же яростным желанием, как и у него взглядом, как Андрей почувствовал, что ещё секунда и он кончит от одного лишь взгляда этих огненных глаз.

— Пойдём, — смотря Андрею прямо в глаза, хрипло произнесла Катя, и встав со стула, потянула его за собой, куда-то вглубь клуба. А он пошёл. Как на заклинание.

В комнате играла тихая расслабляющая музыка. На мягком белоснежном ковре были разбросаны смятые, местами разорванные вещи. Поглаживая атласные молочно-белые плечи, парень молчаливо смотрел в потолок, смешивая воздух с табачным запахом дорогих сигарет. Закинув ногу на его живот, белокурая красавица тонкими пальчиками вырисовывала на его груди незамысловатые узоры. Блаженно прикрыв глаза, девушка с трудом восстанавливала дыхание после недавней вспышки страсти. Перебирая в голове картинки этого вечера, Катрин с присущем ей ехидством, думала, что, пожалуй, пойти сегодня в клуб было одним из её самых верных решений. Геннадий вернётся из-за границы только через месяц, почему бы за это время не насладиться искусными ласками молодого любовника? Пятидесяти трёхлетний олигарх не мог одарить юную особу таким ураганом страсти, в который её поверг Андрей. Всё на что был способен её состоятельный 'папик' это на несколько минут 'жаркой любви' после долгого рабочего дня. Впрочем, большего, она, пожалуй, и не вынесла бы. Делить постель с мужчиной, который старше больше чем на тридцать лет, да и к тому же обладает не самой восхитительной внешностью, не очень-то приятно. Хотя за четырёхкомнатную квартиру в центре города, новенькую серебристую ауди и ежедневно пополняющуюся кредитную карточку, можно было и потерпеть. Кроме того, её встречи с содержанием бывали не так часто. На постоянной основе Геннадий живёт в

Барселоне вместе со своей женой и тремя детьми. Но по излишкам своего бизнеса нефтяной магнат часто отлучается от семьи в командировки. Связи с Россией у него закреплены уже много лет, поэтому мужчина довольно часто навещает столицу. И как минимум несколько раз в месяц Катрин проводит со своим 'папиком' ночи страстной любви, после которых в её гардеробе всегда оказываются либо шубка за пару сотен тысяч евро, либо брильянтовое кольцо, на которое даже голливудские звёзды поглядывали бы с завистью. Конечно, Кэт понимала, что рано или поздно их отношения прекратятся. У Геннадия наверняка в каждом городе, есть девушка, которая искусно заменяет её в постели нефтяного магната, поэтому Лебедева старалась особо не раскидываться деньгами состоятельного любовника и за короткое время отложила довольно приличную сумму, которой вполне бы хватило на несколько лет безбедного существования, пока она не найдёт себе нового спонсора. А сейчас в её жизни всё прекрасно. Геннадий с диким вожделением смотрит на свою 'куколку', по несколько раз на дню звонит, чтобы по-сути поболтать ни о чём, а в их довольно редкие встречи, не отпускает от себя молодую любовницу ни на шаг. Да и деньгами не забывает помогать. А на жену своего нефтяного магната Катрин было глубоко наплевать. Никогда, начиная с того самого дня, когда девушка впервые легла в постель к своему состоятельному спонсору, Кэт не чувствовала угрызения совести. Она семью не разбивает и на место жены своего 'папика' не претендует, хотя если бы подвернулась такая возможность, ни за что бы, ни отказалась от неё. Но даже в свои юные восемнадцать лет, Катрин понимала, что это из ряда фантастики. Никогда мужчина, тем более в таком возрасте как Геннадий не уйдёт из семьи, поэтому Кэт всегда старалась быть для своего спонсора нежным цветком жизни, чтобы их связь продлилась как можно дольше. И пока у них с Геннадием всё хорошо, можно и насладиться жаркими встречами с молодым горячим любовником. Любовником довольно обеспеченным, как она недавно узнала. Точнее, что Андрей сын крупного банкира, Кэт знала с первого дня их знакомства, но буквально на днях из газет, она выяснила, что теперь Андрей, в связи со смертью своего отца, является главным акционером, и по-сути владельцем филиала крупнейшего банка России. А это значит, что связь с ним может быть очень выгодна. Кто знает, может именно Андрей станет для неё новой финансовой опорой, когда закончатся отношения с Геннадием. То, что у Громова есть девушка, с которой Кэт знакома уже не один год, Лебедеву совершенно не смущало. Не в первой с чужими мужиками связь водить, кроме того, если сами налево ходят, значит, свои бабы удовлетворить не могут, а тогда всё по-честному. Только вот в отличие от Геннадия, Андрей на своей девке не женат, да и зная Оксану, у Кэт не вызывало никаких сомнений, что если немного поднажать, можно легко прибрать к рукам молодого банкира.

— Кофе хочешь? — поцеловав парня в мускулистую грудь, на которой ещё виднелись капельки пота, ласково спросила Кэт, приложив все усилия, чтобы Андрей не уловил фальши в её голосе.

— А я смотрю, ты неплохо устроилась, — никак не отреагировав на вопрос девушки, спокойно, на первый взгляд произнёс Андрей, постаравшись скрыть, проскальзывающие меж слов нотки злости. Парень и сам не понимал, что его так бесило. Глупо было думать, что такая девушка как Катя живёт одна. Судя по обстановке её квартиры у девушки есть вполне состоятельный спонсор, возможно даже более обеспеченный чем сам Андрей. И удивляться здесь нечему. Внешности Лебедевой позавидовали бы даже топ модели, а её страстным ласкам, доводящим мужчину до полного безумия, нужно было бы поучиться опытным соблазнительницам. Только вот после бешеного, выбившего из него все силы

секса, думать о ещё каком-то любовнике Андрею не хотелось. Не привык он быть вторым. — Помогает кто?

— Да так, нашёлся добрый человек, — вкрадчиво произнесла Кэт, и отчего-то в её взгляде проскользнуло удивление, которое уже через несколько секунд сменилось мимолётным восторгом.

— Что-то мне подсказывает, что этот 'добрый человек' вовсе не по доброте душевной тебе такую квартиру подкинул. Она ведь твоя?

— Моя. А ты Громов никак ревнуешь? — довольно улыбнулась девушка, поняв, что она интересна парню не только в рамках постели. Если ревнует, значит, он уже в её руках. Ревность — это слишком сильное чувство, которое порой затмевает все доводы разума. — Так ведь у тебя Оксана есть. На неё права и выставляй, а меня изводить ревностью не смей. Я девушка свободная. Вольна встречаться с кем хочу, и принимать подарки от кого захочу.

Заметив промелькнувшие в глазах парня искорки ярости, Катрин едва сдержала хищную улыбку. А этот банкир оказался довольно лёгкой добычей. Жуткого собственника не привыкшего оказываться на вторых местах, всегда проще простого окрутить вокруг пальца. Если бы не Геннадий она бы прямо сейчас закрутила с ним бешеный роман, возможно, если бы получилось, и до загса бы паренька довела. Этот несчастный считает себя альфа самцом, владельцем всей вселенной, но на самом деле его не составив труда посадить под свой каблук. Чего нельзя сказать о его друге. Стас воробей куда более стреляный. Такого никакими ухищрениями не возьмёшь. Без труда выкинул её из своей жизни, как использованный презерватив. Та Катька, которая осталась в Челябинске, хорошо запомнила день, когда Кривицин в лицо ей сказал, что она дешёвая шлюха, и он никогда не бросит ради неё свою невесту. Сейчас Кэт, пожалуй, даже благодарна Стасу, за то, что он раскрыл ей глаза. Ведь в какой-то момент она даже подумала, что начинает влюбляться в него, по-настоящему, не из-за денег. Но к счастью, Кривицин быстро развеял её иллюзии. И также быстро потухла нищенка Катька из заныконного детдома. Теперь она Кэт, Катрин, женщина одного из самых обеспеченных мужчин Европы, и лить слёзы из-за какого-то мелкого бизнесмена уж точно не будет. А вот отомстить напыщенному бабнику, Кэт сочла своим долгом. Никто не в праве так поступать с ней. И каждый, кто наплюёт на её чувства, сполна за это поплатится. Стас уже поплатился. Сегодня его будет ждать 'приятный' сюрприз. Его любимая невестушка-рогоносница, наверняка уже упаковала свои вещички. Слышала Кэт, что эта Надюша не прощает предательства, а стало быть, Стасику придётся позабыть о намечающейся свадьбе. Катрин не составило никакого труда 'великодушно' открыть милой девушке глаза на её возлюбленного.

— И с кем ты захотела?

— Громов не строй из себя ревнивца, тебе это не к лицу, — разозлилась Кэт, на миг, выйдя из своего образа. — Вы ведь все меня бросили. А в Москве жизнь дорогая. Надо было как-то обустраиваться, — уже более смягчённого произнесла Лебедева, поцеловав немного смутившегося парня в грудь.

Устало потерев глаза, Андрей прижался губами к оголённому плечу девушки и вдруг испытал адское желание остаться с ней на всю ночь. А возможно и больше... Давно он не чувствовал такого вихря страсти, а добавившаяся к нему ревность, только придавала остроты. Всё. Хватит с него этих экспериментов с 'домашними девочками'. Такие как Оксана не для него. Слишком она правильная, слишком тихая, нет в ней такой зажигательной искорки как в Кате. И в постели Ксана слишком сдержанна. Со своим

мужчиной нужно наоборот раскрываться, стараться доставить удовольствие, а не зажиматься и тихо постанывать на особо смелые ласки. Хотя может для семейной жизни, нужна именно такая девушка. Что-то туго Андрей может представить Катю в роли любящей матери и примерной жены. Только он пока ещё слишком молод. Куда ему семья? Не нагулялся ещё. Ему бы пару десятков девок, таких как Катя перетрахать, и уж тогда искать свою "вторую половинку". Хотя может и не стоит сейчас рвать отношения с Оксаной. Как-никак уже не первый день вместе. Да и куда он её теперь денет? На улицу что ли выкинет? Раньше, когда он только предлагал Оксане поехать вместе с ним в Москву, Андрей думал, что в случае их расставания он поможет девушке и с жильём, и с работой, и с учёбой, а сейчас у него почему-то отпало желание заморачиваться на этот счёт. В конце концов, она сама знала, на что шла. Да и работа у неё есть. Ничего не маленькая, если он решит с ней порвать, сама как-нибудь выкарабкается. А впрочем, может он её и оставит, для домашнего уюта так сказать, а голод можно и с другими девушками, такими как Катя утолить. В конце концов, он верности Оксане никогда не обещал.

— В таком случае не буду мешать, а-то вдруг твой 'добрый человек' с работы раньше вернётся.

Встав с кровати, Андрей поднял с пола своим джинсы и рубашку.

— Он в командировке ещё месяц будет. А ты уже уходишь?

— А что есть повод остаться?

— Повод всегда можно найти.

Спустив тонкую простынь до низа живота, девушка соблазнительно обхватила ладонями свою полную грудь и широко развела ноги, представ перед Андреем в самой бесстыдной позе. В ту же секунду в голове у парня всё переклинило. В паху моментально требовательно заныло. Желание подмять под себя это хрупкое, но такое соблазнительно тело, перекрыло все остальные. И, наверное, ещё бы секунда и он вновь бы набросился на призывно ласкающую себя блондинку, если бы в кармане его брюк не завибрировал телефон. С трудом отведя взгляд от такого феерического зрелища, Андрей перевёл его на экран дисплея и тут же поморщился. Оксана. Прочитав её имя, парень вдруг почувствовал болезненный укол совести, но тут, же отнёс его в сторону. Он никому ничего не обещал. Ни перед кем, ни в чём не виноват. А Оксана сама виновата. Была бы чуток поживей, может и не пошёл бы он налево. По крайней мере не так скоро.

— Она? — сведя ноги вместе, ухмыльнулась Лебедева. — Возьми трубку. Насколько я помню, Оксана всегда всё принимала близко к сердцу. Не заставляй её нервничать. Ответь.

Жалость и даже некий упрек в голосе Кати были настолько искренними, что Андрей не смог уловить и грамма фальши в её словах. И это его мягко, скажем, удивило. Желание остаться вместе с белокурой красавицей разгорелось с новой силой. Только этот проклято трезвонящий мобильный не давал парню забыться. Стиснув челюсти так, что меж них проступили желваки, Андрей нехотя нажал на 'вызов'.

— Андрей, — дрожащий голос своей девушки, вмиг заставил парня насторожиться, — Надя...она попала в аварию. Андрей она в реанимации...врачи...они говорят, что травмы несовместимы с жизнью...Андрей, она умирает!

Несколькими часами ранее...

— Надюш, успокойся, пожалуйста, и расскажи мне всё по порядку. Что ты увидела? Каких девушек встретила? Что они там тебе наболтали?

Я понимала, что своими вопросами только пытаюсь переубедить Надю в очевидном. Но видеть боль, страдания, непонятно откуда взявшееся чувство вины в её взгляде было, просто невыносимо. Пожалуй, в эти минуты я чувствовала себя ещё более паршиво, чем обманутая подруга. Все эти месяцы я не только знала о похождениях её благоверного, я ещё и принимала активное участие в их 'прикрытиях'. И чем я после этого лучше её Стаса?

— Я встретилась с этими девушками... Олей и Дашей... они работают в банке Андрея, и они... были близки со Стасом, — согнув ноги в коленях, Надя обхватила голову руками, попутно взъерошив в разные стороны свои густые волосы. — Чёрт побери, он трахал их одновременно, всего пару месяцев назад, тогда как мы с ним вместе больше двух лет!

Голос Нади вибрировал. Я понимала, что ещё вот-вот и у девушки начнётся настоящая истерика. Черт, неужели это правда? Стас крутил роман сразу с двумя девушками? Коллегами Андрея? Прямо перед носом у своей невесты? Скотина! Бездушный предатель, такой же, как и я сама. Он изменял, а я его выгораживала. Зачем? А точнее ради кого? Ради Андрея? Я, правда, предавала Надю ради несуществующей любви? Ну и кто я после этого? Дура! Самая настоящая безмозглая дура.

— Надь, а может ты ошиблась? Ну, разве можно верить словам каких-то там незнакомых девчонок?

Я и сама не понимала, зачем упорно продолжала отталкивать Надю от истины. Возможно, потому что боялась потерять единственную подругу. Как поступит Надя, узнав, что все её друзья не только знали, но и прикрывали похождения Стаса?

— Нет, я не ошиблась, — когда Надя подняла голову вверх, и я встретила глазами с её обезумевшим взглядом, у меня не осталось никаких сомнений, что прежней Надюшки-хохотушки, вечной оптимистки и неизменной души компании, больше уже никто никогда не увидит. Она изменилась. Вот сейчас. Именно в эту секунду. — Даже если те девушки мне врал, я получила доказательства, которые не оставляют сомнений в изменах Стаса, — на последних словах голос Нади дрогнул. Слегка дрожащими пальцами она расстегнула боковой кармашек своей сумочки и достала фотографии, которые в нём лежали.

— Вот посмотри. Как всё чувственно и красочно, правда? Столько страсти.... Со мной у него никогда не было ничего подобного. Немудрено, что он искал все эти развлечения на стороне, — голос подруги вибрировал от еле сдерживаемых слёз и злой усмешки.

Беглым взглядом я бродила по разбросанным на диване фотографиям и чувствовала, как на меня накатывала волна отвращения. Все, что было на этих снимках больше походило на дешёвое порно. Господи, бедная Надюшка.... Каким зажавшимся в край парнем нужно быть, чтобы предавать такое хрупкое чудо?

Я хотела обнять, попытаться хоть как-то утешить закрывшую лицо руками и вздрагивающую от тихих всхлипов Надю, но мои планы оборвал резко разнёсшийся по квартире дверной звонок. Кто это? Неужели Стас? Может он уже обо всём догадался?

— Не открывай! Богом заклинаю, если это Стас, не впускай его в квартиру! Скажи, что меня нет. Что я исчезла. Умерла. Что угодно скажи. Я не могу его сейчас видеть. Не могу!

Надю колотила мелкая дрожь. Обхватив себя руками, она словно маятник качалась вперёд-назад, мокрым взглядом блуждая по всему периметру комнаты, как бы выискивая место, где можно было бы спрятаться.

— Успокойся, я не подпущу его к тебе.

Поцеловав подругу в макушку, я на цыпочках вышла в коридор, и на секунду задержав дыхание, посмотрела в дверной 'глазок'. Дима. С плюшевым медведем в руках и неизменной улыбкой на лице. Как это странно видеть здорового двадцатипятилетнего парня 'обросшего' грудой мышц с огромной игрушкой из 'Детского Мира'. Вот такой парень нужен Наде. Для всех холодный и неприступный, а для любимой девушки — надёжный, верный, самый нежный и заботливый.

— Привет котёнок, ты чего ещё не готова? Мне через несколько часиков по делам надо будет отъехать, так что давай собирайся в темпе вальса и буду я тебя мороженым закармливать.

Как только я распахнула входную дверь, Дима тут же сжал меня в крепких объятиях. На секунду я даже позабыла обо всех свалившихся на меня неприятностях. Вот таким должен быть настоящий друг: верным и надёжным. На которого всегда можно будет положиться в трудную минуту. А я, что? Врунья и предательница.

— Тише. Прогулка отменяется. Наде плохо.

В подтверждении моих слов за стенкой послышались слабые всхлипы и шмыганье носом. Вот как в жизни бывает. Добрая хорошая девушка, всегда готовая прийти на помощь в трудную минуту, а достался ей самый последний скотина. Скотина, который просто играл на её чувствах и вовсе не собирался превращаться в доброго и прекрасного принца. Вот она — любовь, а точнее то, что после неё остаётся. Слезы и мерзкий осадок на душе. Неужели мимолётные моменты счастья стоят всего этого?

— Что с ней? Что-то случилось? — понизив голос, взволнованно спросил Дима, разжав руки.

— Получила весьма интересные фотографии, где её Стас развлекается с какими-то девками, — тоже перейдя на шёпот, я поплотнее закрыла дверь в гостиную.

— Фотографии? Кто их прислал?

— Понятия не имею. Ты же знаешь, сколько у твоего друга поклонниц. Видимо одна из них и решила, что если Надя уйдёт от Кривицина, путь будет свободен.

— Значит, он всё-таки прокололся? — облокотившись о стену, Дима запрокинул голову кверху и тихо выматерился сквозь стиснутые зубы. — Вот чёрт, говорили же этому идиоту, чтобы завязывал со своими похождениями! Чего ему не хватало-то? Как теперь Надюшка?

— Как мы в аквариуме со змеями.

Мы с Димой резко подскочили на месте, одновременно обернувшись на звук тихого, слегка подрагивающего голоса прямо за нашими спинами. Надя стояла, облокотившись о дверь гостиной в паре шагов от нас. Мне хватило всего лишь раз заглянуть в её глаза, чтобы понять, что я навсегда лишилась друга. Бывают такие моменты (а забегая вперёд, скажу, что я и сама не раз их испытывала), когда у человека наступает точка кипения. Он резко прекращает свою прежнюю жизнь и вычёркивает из неё всех людей, которые могут ему о ней напоминать. У Нади такой момент наступил сейчас.

— Значит, вы всё знали...И столько времени от меня это скрывали, — каждое её слово, был как самый болезненный удар по совести. Чёрт подери, и как теперь оправдаться? Да и стоит ли вообще? За свои поступки надо уметь отвечать. — Вот, передайте это Стасу, —

сняв с безымянного пальца обручальное колечко, Надя сунула его в карман джинс застывшего на месте Димы, — и скажите, что спектакль окончен. Я проиграла. Видать хреновая из меня актриса, и в театре мне делать нечего, — резко выпрямившись, Надя уже через секунду оказалась возле раскрытой входной двери. — Ну, прощайте, ДРУЗЬЯ.

Чёрная "Тойота" с бешеной скоростью мчалась по размытой ливнем дороге. Вслед ей доносились многочисленные сигналы и гневные ругательства выезжающих на встречную автомобилей. Девушка, дрожащими пальцами вцепившаяся в руль и даже не пытающаяся утереть размазавшие тушь на лице слёзы, не сбавляя скорости, гнала автомобиль вперёд, не обращая ни на что вокруг. Всего несколько минут назад начался дождь, а дорогу уже размыло так, что машины заходило на каждом повороте. Но ей было на всё наплевать. Предали. Все предали. Друзья, которых она считала своей семьёй, коллеги, наверняка ехидно обсуждающие её за спиной, любимый человек, с которым она хотела провести всю оставшуюся жизнь. Сколько планов было. Поднять бизнес. Купить свой собственный дом. Завести детишек. Стас хотел троих. Говорил, сначала двух пацанов мне забабахает, а потом дочурку нянчить будем. Зачем. Зачем он это делал? Хотел поиздеваться? Только за что? Что она упустила? В чём виновата? Обделила любовью? Может, ущемила лаской или вниманием? Что в ней не так? Она не сексуальна, не привлекательна? С ней неинтересно? С ней не о чём поговорить? Может она часто устраивала ему скандалы? Может, пилила, как ревнивая жена? Так ведь не было этого никогда! Она всегда верила каждому его слову, смеялась над каждой его шуткой, отменяла репетиции, когда он говорил, что хочет провести с ней вечер, бежала к нему в объятия слома голову, и разрушила ради него свои моральные устои....Он говорил, что её невинность — самый драгоценный для него подарок. Ложь. Чёрт побери, это всё ложь! Он забыл об этом 'подарке' через несколько дней, когда лёг на очередную шлюху. А она жила в своей сказке и верила как наивная дура, когда он говорил, что задерживается на работе....Но как же так? За что? Неужели она просила так много? Неужели верность и любовь теперь 'не модны' в нынешней жизни? Тогда ей не нужна такая жизнь. Кругом ложь, предательство, измены. Родители погибли три года назад, и, похоже, в тот день, она лишилась единственных людей, которые любили её по-настоящему. А теперь у неё больше нет людей, ради которых можно жить дальше. А если их нет....то на кой чёрт нужна эта жизнь?

Откинувшись на спинку сиденья, тело Нади вдруг впервые за последние несколько часов перестало колотить дрожь. Убрав руки с руля, девушка положила их на колени, и уже через секунду машину с силой качнула влево, а ещё через мгновение, Надя почувствовала резкий удар, принёсший за собой нечеловеческую боль во всём теле....Вот и всё. Такая она жизнь. Ещё несколько дней назад, Надя думала, что она самая счастливая девушка на свете, а сейчас из её глаз катятся прощальные слёзы и туманный взгляд девушки в последний раз запечатлеет картинки этого жесткого мира...

Нервно теребя края белоснежного халата, я старалась хоть как-то привести чувства в порядок. Меня разрывало от невыносимого желания ворваться в операционную и быть там, рядом с Надюшкой. И вместе с тем я понимала, что это ей сейчас никак не поможет. Всё что теперь остаётся это сидеть возле двери, за которой врачи борются за жизнь лучшей, и по-существу единственной подруги, и изводить себя слабыми тусклыми, но всё-таки надеждами на благополучный исход. Вместе со мной такими надеждами себя изводили ещё две девушки, с которыми Надя очень давно дружила, Дима нервными шагами измеряющий каждый сантиметр коридора и... Стас. Мне кажется, что сейчас, когда все знали из-за чего, а точнее из-за кого, Надя на операционном столе, никто не злился ни Кривицкого. Потому что невозможно было испытывать по отношению к нему никаких чувств кроме жалости. Я даже лишний раз не могла посмотреть в его сторону. В горле образовывался комок, и тело начинала колотить волна мелкой дрожи. Сидя на коленях у самых дверей операционной, Стас с закрытыми глазами дрожащим голосом шептал какие-то слова. Он произносил их так тихо, что, даже находясь в паре шагов от самого парня, мне не удавалось их разобрать. Но мне кажется, что все здесь знали, что он читал молитвы. Как умел. Как помнил из ещё совсем раннего детства, ведь как-то Надя говорила мне, что Стас неверующий. Точнее не то чтобы он совсем отрицал существования Бога, просто он не отмечал религиозных праздников, не ходил, хотя бы изредка в церковь и не раз пытался убедить и саму Надю, что церковная вера — это пропаганда. Надя говорила, что он всегда считал, что вера должна быть у человека в душе, и вовсе необязательно ходить в церковь, чтобы обрести покой в этой жизни. Поэтому сейчас, когда Стас, бледный, словно мертвец дрожащими губами молил Бога не отнимать у него любимую, у всех, кто находился рядом с ним, и даже у всегда сдержанного Димы, проступали слёзы на глаза. Нет, сейчас никто не мог злиться на Кривицкого. И я в том числе. Наверное, потому, что именно теперь поняла, что Стас действительно любит Надю. По-своему конечно, не так как об этом пишут в красивых книгах, но любит. И, наверное, сейчас, когда я молила всех святых оставить Наденьку с нами, я пересмотрела свои взгляды на некоторые вещи в жизни. А именно на взаимоотношения парня и девушки. Раньше мне казалось, что измены не может быть в любви. Что измена — это всегда предательство, которое нельзя прощать. Теперь я немного поменяла свою точку зрения относительно этого вопроса. Измена — это предательство, с этим невозможно поспорить, но вот можно ли её простить? Конечно, можно, но осадок наверняка останется. Смогла бы я на месте Нади простить Андрея, если бы он повёл себя также как Стас? Раньше, когда у нас с Андреем всё только-только начинало складываться, я была уверена, что не прощу ему отношений с другой девушкой. Да что там, по-сути я никогда всерьёз и не задумывалась, что у Андрея может быть другая. Слишком влюблена была, витала в облаках, и практически не видела недостатков в своём парне. А сейчас всё изменилось. Я прекрасно понимаю, что у Андрея могут быть отношения на стороне, и с глубоким удивлением для самой себя, я также понимаю, что если бы было нужно, я смогла бы проглотить его измену. Да, наверняка бы мне было неприятно. Но я смогла бы закрыть на это глаза. Почему? Да потому что чувство остыли, притупились. Нет больше тех сносящий рассудок безумных эмоций. Нет того ураганного вихря, ради которого я всё бросила и рванула в Москву. Сейчас всё изменилась, и измена со стороны Андрея, больше не кажется мне моим персональным концом света. А вот как быть с Надей? Она любит Стаса. Даже

спустя два года отношений она смотрит на него с нескрываемым обожанием. Смогла бы она простить ему предательство? Сейчас я молила Бога лишь о двух вещах: спасти жизнь Надюшке и подарить им со Стасом настоящего счастья. Они оба его заслуживают. Особенно сейчас, когда жизнь Стаса резко перевернулась. Сомневаюсь, что после всего того, что случилось, он будет вести себя как раньше. Ведь как мне кажется, все его измены были обусловлены не желанием попробовать чего-то новенькое, не притуплением чувств к возлюбленной, а обычной юношеской дуростью, которая быстро выветривается из головы. Наверное, если очень сильно любишь, можно закрыть глаза на эту дурость, только вот сейчас, Надюшке бы хотя бы просто их открыть.

— Ксюша, — я вздрогнула, когда на мои плечи, легли ладони Андрея. — Что с Надей? Чёрт побери, что произошло? Я ничего не понял по телефону.

Почему-то от его голоса у меня внутри начала подниматься волна негативных, каких-то предостерегающих чувств. Когда я стала медленно оборачиваться, у меня в голове проскользнула шальная мысль, что у женщин всё-таки безупречная интуиция. Они каждой клеточкой своего тела, каждым ноготком на пальцах, каждым кончиком волос на голове, чувствуют, когда происходит что-то значительное в их жизни, о чём они не знают. Когда я обернулась и посмотрела на Андрея, я за секунду определила, что именно произошло. Он мне изменил. Это была не догадка, и не опасение, это был факт. Его рубашка была смята и её края выглядывали из-под ремня брюк, тогда как сегодня утром я идеально выгладила его костям, и Андрей сам, всегда следил, что бы рубашка была заправлена в брюки. Он него чувствовался слабый запах алкоголя, перебитый сильным приторным ароматом дорогих женских духов. А он с утра сказал, что едет на важную деловую встречу в банке, которую видимо, перенесли в какой-то кабак, и закончилась она тем, что мой Андрюша оказался в постели какой-нибудь длинноногой девицы. Мне стало гадко. Как только я представила перед глазами картину, как в его руках извивается другая девушка, к горлу подкатила тошнота. Что называет, вспомнишь об изменах, и бах, судьба тебя ими 'наградила'. А больше всего меня сейчас душила обида. Не за то, что он с кем-то спутался, а за то, что сейчас он абсолютно спокойно смотрит в мои глаза, хотя кажется и сам уже понял, почему между нами повисло такое затяжное молчание.

— Она не справилась с управлением. Врезалась на машине в какой-то столб на обочине дороге, — спокойно ответила я, не отрывая взгляда от его глаз.

— Она на машине всегда как черепаха плелась. Как такое могло произойти? — также спокойно произнёс Андрей и вдруг не выдержал, резко отвёл взгляд в сторону.

— Она откуда-то взяла фотографии, где твой друг развлекается со своими многочисленными девицами, — я сказала эти слова с вызовом, и Андрей сразу понял, к чему я клоню. Несколько секунд молча, смотрел мне в глаза, а потом протянул руку, и провёл ладонью по моей щеке, заправив выбившуюся прядь волос мне за ушко. Это движение отозвалось во мне такой небывалой волной отвращения, что у меня помутнело в глазах, а к горлу с новой силой подкатил комок тошноты. Вот этими руками он ещё совсем недавно....а теперь, как ни в чём не бывало, касается ими меня. Оказывается, что даже, когда в отношениях притупляются чувства, измена — это всегда больно и противно. А какого было узнать обо всё Наде? Внезапно, у меня всё резко поплыло перед глазами. Я почувствовала такую слабость во всём теле, что не выдержала, и свалилась на грудь Андрей.

— Эй, Ксан, что с тобой? Тебе плохо?

Он цепко сжал пальцы на моей талии, с беспокойством заглянув в моё побледневшее

лицо. Чёрт, откуда взялась эта слабость, это головокружение, эта тошнота? Сказывается недосып и капитально сорвавшиеся нервы?

— Всё нормально. Голова резко закружилась. Мне уже легче, — соврала я, чуть отстранившись от Андрея, не в силах выносить, исходивший от него приторный аромат женских духов. Меня тошнило с этого запаха, и голова начинала кружиться ещё сильнее. Кажется Андрей, уловив моё состояние, хотел возразить, но ему помешал, вышедший из кабинета врач. Все сразу же окружили его, с бешеным волнением надеясь, на то, что всё обошлось.

— Доктор, как она? — вцепившись в руки врача, помертвевшим голосом произнёс Стас, еле шевелящимися губами.

— К сожалению, травмы оказались очень тяжёлыми, — я чувствовала, как медленно начинаю терять сознания, ослабевая в поддерживающих меня руках Андрея. — Ваша подруга впала в кому.

Поставив на плиту кастрюлю с макаронами, я повесила фартук на стул и резко обернулась на звук приближающихся шагов. Андрей. Устало потерев глаза, он положил мобильный на обеденный стол и достал из верхнего ящика кухонного гарнитура бутылку коньяка, плеснув янтарную жидкость себе в бокал. Первый раз за последние две недели он вернулся домой так рано. Обычно он приходил часам к десяти вечера, а то и позже. Поначалу я волновалась, обзванивала его друзей и знакомых, а когда он приходил, принимала его вечные отмазки. Важные встречи, корпоративы, ужины с акционерами и так далее. Хотя я и не считала себе умной девушкой, но я вроде, как и не была дурой, и в его липовые оправдания никогда не верила. Но скандалы не устраивала. Да, мне было неприятно, когда я нашла на воротнике его рубашки следы от губной помады. Яркой такой, вызывающей. Да я была далеко не в восторге, когда чувствовала от него аромат женских духов. Всё тех же. Приторно сладких, для меня ставших уже тошнотворными. Пару раз, поздно ночью, когда Андрей уже давно спал, я даже позволила себе немного поплакать. Правда на следующее же утро дала себе обещание впредь сдерживаться. Я не хотела, и по правде говоря, даже не думала найти его новую подругу. То ли потому что не было особого желания, то ли из-за того, что на меня свалилось всё и сразу. После того, как я три раза пропустила свою смену, меня уволили с работы. Найти себе новое местечко я даже не стала пытаться. Пока Надя не придёт в себя, в этом не будет никакого смысла. Кому нужен вечно не высыпавшийся, рассеянный и постоянно опаздывающий работник? А пока моя подруга, мой единственный родной человечек помимо Димки лежала в реанимации, я не могла ни о чём и ни о ком другом думать, кроме неё. По несколько раз на дню я приходила в больницу, чтобы выслушать одни и те же слова врачей, о том, что никаких изменений нет, и в который раз попытаться привести Стаса в чувства. За все две недели, что Надя неподвижно лежала на кровати с закрытыми глазами, парень отходил от неё от силы пару раз. И то только для того, чтобы сбежать в туалет и мигом вернуться обратно к кровати к своей девушке, или когда мне, или кому-нибудь из его друзей удавалось оттащить его в коридор, чтобы он хотя бы мог хоть как-то поесть. Никто, ни один человек из компании их общих с Надей друзей не осуждал

Кривицина. Да и какой в этом был смысл? Сейчас он сам был для себе самым жёстким судьёй. Начиная с того момента как Надя попала в больницу и заканчивая сегодняшним днём Стаса невозможно было узнать. Он стал совершенно другим человеком. И этого касалось, как и внешности, так и внутреннего состояния. Помимо того, что парень осунулся, сильно похудел и зарос щетиной, его глаза постоянно были одного, аловато-красного оттенка. Несколько раз я пыталась привести Стаса в чувства, но быстро поняла, что пока Надя не придет в себя, все старания будут напрасными. Андрей тоже довольно часто заходил к Надюшке. Приносил цветы, также старался поддерживать своего друга. Нормально, по крайней мере не пряча друг от друга взгляды, мы по существу могли поговорить только у палаты общей подруги. Дома мы почти не виделись. Уходил Андрей рано, а приходил поздно. Да и у меня не было особого желания вникать в его дела. После того, как я практически каждое утро стала просыпаться от того, что на меня накатывала тошнота, и иногда я не могла съесть ни одного кусочка еды за день, я уже практически перестала обращать внимания на заскоки Андрея. Единственные мои ежедневные молитвы были и скорейшем выздоровлении Нади и о том, чтобы меня 'пронесло', пожалуй, в прямом смысле этого слова. В сложившейся ситуации, когда у нас с Андреем всё шло к расставанию, когда меня уволили с работы, и своего собственного жилья у меня не было, только ребёнка мне к большому счастью не хватало. Единственным человеком, на чью поддержку я теперь могла рассчитывать, был Дима. Из-за того, что парень из-за проблем с бывшей девушкой, стал разрываться между двумя городами, мы стали реже видеться. Зато вот телефон мой разрывался практически каждую секунду. В основном мы разговаривали о Надюшке. Дима всегда старался меня подбодрить, искренне веря, что в скором времени наша маленькая оптимистка придёт в себя. Об отношениях с Андреем и о своих подозрениях в беременности я ему ничего не рассказывала. Что-что, а вот этот чемодан я уж точно должна была разбирать сама и, без чьей-либо помощи.

— Ты сегодня рано. Что-то случилось? Сделка сорвалась? — не удержавшись, усмехнулась я, глядя в лицо Андрея. Сейчас оно было каким-то чересчур серьёзным. И притом я не могла сказать, что оно было задумчивым. У меня сложилось такое ощущение, что Андрей чем-то подавлен, чем-то очень сильно подавлен. Неужели его подружка продинамила?

Никак не отреагировав на мою колкость, Андрей наполнил коньком второй бокал и протянул его мне.

— Вышей.

Удивлённо моргнув, я непонимающе уставилась на парня. Он предлагает мне стать его собутыльником? А может он мне сейчас и душу ещё излить начнёт?

— Спасибо, как-то не хочется. Я, пожалуй, лучше пойду, прогуляюсь. Если захочешь есть, еда на плите.

Уйти как можно скорее и избавиться от общества Андрея, сейчас мне хотелось как никогда сильно.

— Сядь, — парень сказал это таким голосом, что по моему телу прошёл ледяной холодок дрожи, и я мигом села на стул напротив него. Наверное, только сейчас, именно в эту минуту, по его безумному остекленевшему взгляду я поняла, что произошло, что-то действительно ужасное, что-то намного страшнее, чем проблемы в личной жизни. — Пару минут назад я разговаривал с Дашей.

Я не знаю, что произошло со мной в этот момент. Чувства были схожи с теми, когда

человека колотит от сорокоградусной температуры и вместе с этим он босиком идёт по мокрому снегу, а по ушам ему долбят оружие песни 'Rammstein'. Даша — одна из самых близких подруг Нади. Сегодня она вместе со Стасом осталась дежурить у её палаты. Что она могла такого сказать, если Андрей сейчас сидит передо мной как каменное изваяние?

— Полчаса назад сердце Нади остановилось. Она умерла.

С кухонного стола упал стакан с вишнёвым соком, вдребезги разбившись на сотню мельчайших осколков и разлив под ногами кроваво красную жидкость.

— Мы не знаем, какое время отвели нам на небесах. Слишком рано ушла из жизни добрая талантливая девушка, которая могла бы подарить своим друзьям и близким ещё столько света и тепла. Она проскользнула в душе каждого здесь присутствующего как искрящийся лучик света. Мимолётный, к великой скорби не успевший познать все прелести этой жизни. Не успевший познать счастье быть любимой женой, великую радость материнства. Она ушла на небесам, чтобы в образе прекрасного ангела хранить и оберегать своих близких. И всё, что нам остаётся — это вечно чтить её память. В сердце каждого из вас она жива. И так будет всегда. Души не умирают. Не умирают и воспоминания. Она жива, пока жива память о ней.

Всё было как в тумане. Чёрные образы, мелькающие перед глазами. Хрупкие, казалось вздрагивающие от каждого дуновения ветерка плечи девушек, стоявших в нескольких шагах от гроба. Отведённые к небу, блестящие от еле сдерживаемых слёз взгляды парней, не решающихся подойти к уснувшей навсегда подруге. Сегодня было холодно. Очень холодно. Настолько, что дрожь вскружившего листья в воздух ветра, пробила до колик в костях. Это было объяснимо. На дворе стоял конец августа. Только вот резкое похолодание началось с конца той недели. А сегодня...к ледяному ветру присоединились кристальные капельки моросящего дождя, скатывающимися на землю, вырванными из сердец людей слезами. Небо плакало. Плакало и скорбило вместе с нами.

Кутаясь в чёрное, местами уже изношенное пальто, я затерялась в кучке едва ли не прижимающихся друг к другу людей. Практически никого из них я не знала, кроме Димы, дрожащими пальцами, обводящего контуры мёртвого лица, покоящейся в деревянной коробке Нади, и нервно курящего в стороне Андрея. Ни к тому, ни к другому мне подходить не хотелось. Всё, что мне сейчас было нужно — это остаться наедине. На берегу какой-нибудь журчащей речки или в уголке завершала парка, но главное наедине. Со своими мыслями, со своими чувствами, со своими воспоминаниями, которые грызли, разрывали душу на части. Всё, что сейчас я не хотела, да просто не могла понять, это то, что ЕЁ нет. Совсем нет. Нет той самой искренней, самой доброй и нежной на земле улыбки. Нет того завораживающего всех вокруг смеха. Нет тех ласковых, всегда светящихся искорками счастья и доброты глаз. Нет. И никогда уже не будет. Как? Просто как это можно понять? Как можно осознать, что человек просто исчез? Испарился. Ушёл навсегда. Как можно понять, что больше никогда, никогда в этой жизни ты не сможешь увидеть хотя бы слабый отблеск так полюбившегося тебе человека. Как можно смириться с тем, что всё, что теперь остается это дрожащими руками проводить по мраморной плите, выжигать душу с каждым годом всё

блекнувшими и блекнувшими воспоминания, и со скорбящей в сердце грустью смотреть на ЕЁ фотографии, понимая, что больше не будет ни одного такого снимка.

Теперь я осознала, что на самом деле таит в себе слово 'страшно'. Страшно — это когда удаляешь номер из списка телефонных контактов не потому, что он просто сменился, а потому, что теперь больше нет в живых человека, которому можно было по этому номеру позвонить. Страшно — это когда ты перечитываешь в сообщениях несколько коротких, но продирающих душу слов, и понимаешь, что они были последними. Страшно — это когда ты пересиливаешь себе и говоришь о человеке в прошедшем времени. Страшно — это когда ты смотришь на небо и понимаешь, что сейчас ОНА где-то там, но ты больше никогда не сможешь увидеть, обнять и поцеловать её. Страшно — это когда обрывается жизнь друзей и близких. Вот это на самом деле страшно. Вот это иногда становится для человека непосильной ношей. А всё остальное...можно пережить. Можно перетерпеть и идти дальше. Нет, не только можно — НУЖНО. Ведь ты живёшь. Ты дышишь, ешь, спишь, каждое утро просыпаешь по утрам, а значит это кому-то нужно, значит это, чёрт побери, нужно ценить, хотя бы в память о тех, кто был лишён такого чуда просто просыпаться по утрам. Нужно жить.

Я смогла всё. Прокусывая губы до крови, я смогла подойти к гробу. Смогла, еле сдерживаясь от того, чтобы не упасть в размытую дождём землю прикоснуться дрожащими губами к мертвенно — бледной щеке, закрывшей глаза навсегда Надюшки. Смогла заставить себе отойти от гроба, в последний раз запечатлев в памяти образ самого доброго и искреннего человека, которого только я встречала в этой жизни. Я смогла, хаотично сглатывая кровавые слёзы, смогла выстоять, когда закрывали крышку гроба. Я даже смогла выдержать, когда в холодную землю опускали так жестоко оборвавшуюся жизнь. Я не перенесла только одного. Я не смогла, не захотела, просто не сумела поднять взгляд на Стаса. Я только знала, что все похороны он стоял на коленях у ЕЁ гроба. Я знала, что сегодня мы простились не только с Надей, но и с ним тоже. Прежнего Стаса больше не существует. И кто может знать, появится ли на свет новый.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я ушла раньше других. Как только опустила свою горсть песка на ЕЁ теперь уже вечное пристанище. Как только положила свой скромный букетик на могилу...на Надину могилу. Я несколько часов бродила, казалось по застывшему лесу, и когда наткнулась на упавшую и разломившуюся на две части березу, ноги резко перестали меня слушаться, и я упала на землю. Подняв голову, я встретила взглядом с небом. С небом, которое вдруг разгладилось. Словно по волшебству тучи испарились, а солнышко засияло радужными бликами, искрящимися по нежно-голубому небу. Значит, её душа уже взлетела. Она уже там. И ангелы приняли её со всей безграничной любовью. В это же мгновение в моём сознании всплыл стих. Стих, который я слышала когда-то уже очень давно, и слова которого, казалось уже давно должны были позабыться. Но я их помнила. И, наверное, всегда буду помнить.

***Верните тех, кого забрали небеса, Хоть на мгновение на землю их спустите. И разрешите нам увидеть их глаза... Ведь мы прощения у них не попросили. Верните тех, кого забрали небеса. Позвольте их увидеть вновь живыми. Но по стеклу сползают капельки дождя, И прячутся... загадками пустыни. Верните тех, кого забрали небеса. Чтоб воскресить из пепла наши души, Чтоб растопить замёрзшие сердца, И то, что мы им обещали, не нарушить. Верните тех, кого забрали небеса. Чтоб были силы снова отпустить их, Потом уже**

надолго... навсегда. Мы просто скажем им... как сильно их любили... Верните тех, кого забрали небеса...*

(Автор неизвестен)

Спустя неделю

Я села на кушетку, одёрнув кофту. Дрожащими руками я вцепилась в жёсткую синюю материю, пытаюсь привести себя в чувства. К горлу вновь подкатила тошнота, которая не отпускала меня за последние несколько дней. И только сегодня, понимая, что ещё пара часов в пустой квартире, и я сойду с ума, я решилась прийти к врачу, надеясь. Что она пропишет мне какие-нибудь сильнодействующие таблетки.

— Ну, что Оксана, я не буду ходить вокруг да около. Срок у вас четыре недели. Что будем делать? Мне выписывать вам направление?

— Направление? — до меня туго доходили все слова довольно молодой на вид женщины. Я не могла заснуть последние несколько дней, а перед этим без секундного перерыва из моих глаз скатывались слёзы. Поэтому сейчас перед моим взглядом всё плавало, а слова складывались в какие-то непонятные мозаики. — Вы хотите сказать, что мне нужен четырёхнедельный больничный?

Врачиха как-то странно усмехнулась, исподлобья взглянув на меня.

— Девочка не глупи. Ребёнка ты ждёшь, уже как четыре недели. Так что скажи мне теперь, что делать с тобой дальше. Встанешь на учёт в женскую консультацию или тебе нужно выписать направление на аборт?

Честно, я не была удивлена словами врача. Где-то подсознательно, на уровне тонкого шестого чувства я уже знала, что у меня за 'недуг'. Мне даже не хотелось идти в больницу. Андрей заставил. Вчера, первый раз со дня похорон появился дома. Нашёл меня в гостиной, как всегда лежащей на диване под шерстяным одеялом. Окинул равнодушным взглядом. Несколько минут помолчал, а потом спокойно сказал мне, чтобы я показала врачу. Я сразу начала отнекиваться, но он тут же перебил меня. 'Либо ты идёшь к врачу, либо уходишь из этого дома со всеми своими вещами. Мне не нужен в квартире медленно разлагающийся труп', - его голос был абсолютно спокоен, и всем своим видом он дал мне понять, что в его словах нет и грамма шутки. Он совершенно серьёзно и как я думаю, обдуманно, поставил меня перед фактом: либо я полностью и беспрекословно соглашаюсь с ним во всём, либо я могу идти на все четыре стороны. И я выбрала первое. Точнее нет, я пока, на неопределенное, но как я думаю совсем недолгое время, должна была согласиться с ним. Просто потому, что сейчас у меня нет сил, драться за свою гордость и самой, без чьей либо помощи пробиваться в этой жизни. А помощь, настоящую бескорыстную помощь теперь я могла получить только от Димы, который звонил мне каждые полчаса, и по несколько раз на дню заезжал ко мне, просто для того, чтобы забить мой холодильник продуктами, и насильно впихнуть в меня еду. И, наверное, если бы со мной сейчас не было этого человека, мой ответ, терпеливо поглядывающей на меня женщине в белом халате, был бы совсем другим, а не тем, на который я всё-таки решилась:

— Я встану на учёт в женскую консультацию.

Протерев вспотевшие окуляры очков, Мария Павловна (если я правильно запомнила её имя) серьёзно спросила меня:

— Будете рожать?

— Пока не знаю, — честно ответила я, поморщившись, от болезненных колик в животе. После того, как Дима два дня назад уехал в свой город, по причине того, что у него сильно заболела двоюродная сестра, он взял с меня клятвенное обещание, что я буду хорошо питаться и хоть изредка выходить на свежий воздух. Я это обещание с присущим мне в последнее время пофигизмом нарушила. И сейчас, в первый раз за последнее несколько дней испытала острое дикое желание загрызть какую-нибудь жареную курочку.

— Девушка, вы сейчас должны очень чётко представить перед собой картину всей ситуации. Если не ошибаюсь, вам только недавно исполнилось восемнадцать. Срок беременности четыре недели. Это немного, но не так уж и мало. Вы должны в кратчайшее время, решить, что вам делать. Если будете долго раздумывать, и только через месяц решитесь сделать аборт, последствия могут быть намного более тяжелыми, чем сейчас. На ранних сроках беременности есть все шансы, что в дальнейшем, когда вы захотите, а главное будете готовы родить ребёнка, проблем с беременностью не возникнет. Для этого вам нужно сдать анализы, и я скажу вам, опасно для вашего здоровья избавляться от ребёнка или нет.

— Вы меня отговариваете от родов?

Я не совсем понимала, что происходит. У меня действительно сложилось такое впечатление, что врач отговаривает меня оставить ребёнка.

— Оксана, если я не ошибаюсь? — утвердительно кивнув, я проследила за тем, как женщина достала из своей сумочке пачку сигарет, несколько секунд прокрутила её в руках, потом мельком бросила взгляд на меня, скривилась, и убрала сигареты в первый ящик стола. — Оксана я вас не отчего не отговариваю. Решение всегда остаётся за вами. Мне только хотелось бы, чтобы вы были уверены, в том, что делаете. Знаете, сколько у нас бывало случаев, когда такие молодые девушки как вы, сначала решали оставить ребёнка, а потом под давлением друзей, знакомых, своих с позволения сказать 'женихов' бежали на аборт. И знаете, что происходило потом? Большинство из них через несколько лет ночевали под дверьми моего кабинета, кабинетов моих коллег, готовые отдать все, что у них есть, только ради того, чтобы хотя бы раз в жизни испытать счастья материнства. Бывали и другие случаи, когда молодые мамочки не решились, возможно побоялись в своё время сделать аборт, а потом отказывались от своих крохотных малышей сразу после родов. Вот вы, уверены в том, что будете рожать? Что действительно хотите этого ребёнка? Что не пожалеете о своём решении?

— Я не знаю, — опять тот же ответ, и вставший в горле тошнотворный комок слёз. Не выдержав пронзительного взгляда врача, вспотевшими и начавшими чуть подрагивать ладонями, я закрыла своё бледное исхудалое лицо.

— Скажите, отец ребёнка уже знает о вашей беременности? Он готов вас поддерживать?

— Нет, он не знает, — согнув ноги в коленях и прижав их груди, я смахнула скатившуюся по щеке одинокую слезинку. Андрей не знает, но что это меняет? Не думаю, что он будет в восторге от этой новости. В последнее время я совсем перестала его понимать. Мы отделились настолько, насколько это вообще возможно. — И я не уверена, что он будет рад, когда я ему сообщу.

— А родители? Близкие родственники? У вас есть кто-нибудь, на чью помощь вы можете рассчитывать?

— Я детдомовская. Не родителей, не родственников у меня нет. Но у меня есть друг.

Он...он, пожалуй, единственный кто не отвернётся от меня.

— Простите, что лезу не в своё дело, но я бы не стала рассчитывать на помощь друга. Вряд ли он будет круглосуточно находиться рядом с вами, помогать вам во время беременности и после. Обеспечивать, в конце концов. Вы сами имеете постоянное место работы?

— Нет.

— Вы студентка?

— Я не поступила.

— Лимитчица? Из какого горда приехали?

— Из Челябинска.

— У вас есть своё жильё? В Москве или в своём родном городе?

— Нет. У меня ничего нет.

Я чувствовала, как эти вопросы загоняют меня в тупик. Они словно сдавливают вокруг меня острие кинжалов, безжалостно уничтожая хрупкую жизнь моего ещё не родившегося малыша. Уничтожают мои крохотные надежды на то, что я смогу дать ему жизнь.

— А как же жильё от государства? Вам оно положено по закону.

— Я стою в очереди, но неизвестно когда смогу получить свою комнату в коммуналке. Если вообще смогу.

— Тогда, в силу всех обстоятельств я бы советовала тебе ещё раз всё хорошенько обдумать. Если всё же решишься рожать, вставай на учёт в женскую консультацию. Но знай, судьба у тебя будет нелёгкая. Даже если отец ребёнка останется с тобой и будет помогать, это очень тяжело в таком раннем возрасте нянчиться с малышом. Ты как я вижу, к этому пока не готова. Поэтому, если решишься прервать беременность, сообщи об этом как можно скорее. Тянуть нельзя.

— Я поняла. Можно идти?

Встав с кушетки, я почувствовала дикую слабость во всём теле. Сейчас мне больше всего на свете хотелось двух вещей: есть и спать. Всё остальное можно решить после.

— Иди. И Оксана, — остановившись в самых дверях, я обернулась к вставшей со своего кресла женщине. — Я хочу, чтобы ты знала, я тебе сейчас ни к чему не склоняла. Ты сама должна принять решение. Сама, не обращая внимания ни на чьё мнение. И быть в этом решении уверена на все сто процентов.

— Доктор, — почему-то в этот я миг позабыла и о голоде и о желании завалиться в кровать. Мне вдруг стала так необходима поддержка. Чья либо. Хоть даже и постороннего человека. — А как бы поступили вы? Пожалуйста, ответьте мне сейчас, не как врач, а как женщина. Что бы вы сделали на моём месте?

— Я девушка не вправе вам сейчас чего-то советовать как женщина. Могу проконсультировать вас как врач, не более. Да и не нужно вам моё мнение. Я вам человек посторонний.

— И пусть, — сама того не заметив я сорвалась на крик. — Может, у меня и нет людей, которые были бы мне НЕ посторонними. Скажите мне как женщина, как мать, судя по стоящим на вашем столе детским снимкам, чтобы вы сделали на моём месте?

— На снимках мои племянники. Своих детей у меня нет, и, наверное, уже не будет.

— Почему?

Сейчас мне было глубоко плевать, что мой вопрос, наверное, прозвучал совершенно бестактно. Если врач советует мне прервать беременность, а я принимаю её слова именно

так, то мне нужно знать, что меня ждёт дальше.

— Потому что сама была когда-то той же глупой дурочкой слишком поздно решившейся на аборт. Так что, вы девушка, подумаете.

— Всего доброго.

Я подумаю, только вот боюсь, всё уже решено за меня.

— А знаете Оксана, — Марина Павловна снова заставила остановиться меня в самых дверях. — Ровным счётом всё зависит от человека. Какой он внутри. Какая у него сила воли и выдержка. Его окружение и всевозможные обстоятельства не имеют никакого значения. Если вы готовы, если вы морально чувствуете, что сможете всё вынести, то рожайте. Да это, наверное, не правильно, что я вам всё это говорю...но жизнь сложная, Оксана. Если мы всегда будем чего-то бояться, будем прогибаться под обстоятельства, ничего и никогда не получится. Настоящее счастье познают только сильные люди.

Кэт смотрела, как он поправляет галстук, заправляет в брюки рубашку, разглаживает пиджак, и чувствовала, как в ней поднимается волна злости. Пепельница была уже переполнена окурками сигарет. Всё рушилось. Всё, что ей удалось выдрать невероятными усилиями. Геннадий практически забыл к ней дорогу. Возможно, у него начались какие-то трудности в семье, в работе, или он просто нашёл себе новую 'подружку', но Кэт абсолютно точно понимала, что её 'папик' сходит с крючка. Он практически перестал ей звонить, в то время как раньше её мобильный разрывался. Когда он перестанет оплачивать её счета — всего лишь вопрос времени. Поэтому, девушка отлично понимала, что ей пора подыскивать себе нового спонсора. И на этот раз она была готова сделать ставки по крупному. Кэт больше не интересовали состоятельные пожилые мужчины с 'крепким браком' за пазухой. Её молодость и красота недолговечна. Когда-нибудь она станет никому не нужна даже в роли любовницы. Нужно устраивать свою жизнь сейчас. Когда она ещё даже не переступила рубеж двадцатилетия. И Кэт казалось, что она уже нашла подходящую кандидатуру. Последние несколько недель владелец контрольного пакета акций крупного столичного банка Андрей Громов практически не вылезал из её постели. Всё шло хорошо. Кэт даже думала, что уже пора переходить в стратегическое наступление, когда все её планы встали под угрозу. Эта смерть...чёрт, наверное, она подкосила даже саму Кэт. Девушка никак не думала, что холодная месть, которая предназначалась Кривицину, погубит совсем другого человека. Она всего лишь хотела, чтобы Стас понял, какого это, когда тебя бросают, но она никак не желала его невесте...смерти. Чёрт побери, только от одного этого слова мурашки по коже. Думать о том, что она виновата в смерти Надежды, Кэт не хотела. Кто виноват, что у этой девушки была такая расшатанная психика? В конце концов, она бы всё равно узнала о похождениях своего женишка. Это был лишь вопрос времени. Так что во всём случившемся виновен лишь Кривицин и никто больше. Кэт, наверное, давно бы смогла отпустить эту историю, если бы не Андрей. За последнюю неделю он превратился лишь в тень похожую на человека. Он тоже считал, что в смерти подруги есть и его вина. За то, что покрывал Кривицина, за то, что врал ей. И Кэт это не нравилось. Она боялась, что в таком состоянии Андрей снова захочет сблизиться с Оксаной. С этой серой мышью, которая, наверное, всё

делает, чтобы прибрать его к рукам. Но нет. Этого не будет. Кэт добьётся Громова любой ценой. И если для этого придётся растоптать болтающуюся под ногами овечку, она не побрезгует.

— Завтра вечеринка в 'Аквамарине'. Я подумала, может, появимся на ней вместе?

— Какая вечеринка Кэт? О чём ты говоришь? — устало произнёс Андрей, и девушка почувствовала, как медленно начинает закипать. Чёрт побери, сколько ей ещё придётся играть роль сиделки?

— Ну, нельзя же всю оставшуюся жизнь держать траур. Пора потихоньку вылезать из этого мира чёрных цветов.

— Замолчи! — резко перебил её Андрей, и Кэт невольно вздрогнула. Никогда она ещё не видела его таким злым. — Ты не знаешь, что такое терять близких.

Наверное, если бы не эти слова, она бы отступила, сменила тактику, постаралась быть для Андрея не только страстной любовницей, но и любящей ласковой девушкой, но в одну секунду внутри неё всё взорвалось.

— Я? Я не знаю? Да я, чёрт побери, знаю это намного лучше тебя. Только я не ною! И ни на кого свои проблемы не перевешиваю. Если ты хочешь со мной порвать, соскучился по своей серой мышши, то имей смелость сказать это прямо. Хватит юлить. Уходи. И больше сюда не возвращайся.

Она села на кровать, закрыв лицо руками. Постаралась выдавить из себя слезинки. Её тело пробивала крупная дрожь. Впервые она так сильно волновалась. Вот сейчас он либо действительно захлопнет дверь её квартиры и больше не вернётся к ней, либо попадётся на крючок, и она, наконец, сможет вздохнуть спокойно. Когда сильные ладони легли на хрупкие плечи Кэт, и притянули девушку на бурно вздымающуюся мужскую грудь, она едва ли смогла подавить в себе восторженный вопль. Попался.

— Прости меня. В последнее время я сам не свой. Сначала смерть отца, теперь Нади... Я не хочу терять тебя, слышишь? Ты мне нужна.

— Нужна? — Кэт попыталась добавить в голос как можно больше ноток страдания. — Я всего лишь твоя любовница. Думаешь я не устала вечно быть второй? Ждать когда ты бросишь меня ради своей Оксаны.

— Этого никогда не произойдёт. Оксаны больше нет в моей жизни. Я сегодня же скажу ей, что между нами всё кончено. Я больше не хочу никого обманывать. Мне никто не нужен кроме тебя. И хочу, чтобы с этой минуты мы всегда были вместе.

— А Оксана? — всеми силами Кэт попыталась скрыть улыбку. Улыбку победительницы. Она так долго накручивала себя. А всё оказалось слишком просто.

— Забудь о ней. Она дело прошлого.

Измеряя комнату нервными шагами, я несколько часов подряд изводила себя одним и тем же вопросом: что делать? Беременность... Господи, как бы страшно и цинично это не звучало, но ребёнок — самое худшее, что сейчас могло со мной произойти. Чем я думала? Чем думал Андрей, в конце концов, ведь он старше меня и опыта у него в таких делах, куда побольше моего. Хотя сейчас было не время искать виноватых. Нужно было решать, и

решать в самые кратчайшие сроки, что делать дальше: оставлять малыша или идти на аборт. Последнего я хотела меньше всего. Убивать своего собственного ещё не родившегося ребёнка, кому можно такое пожелать? Но разве у меня будет выбор, если Андрей не признает малыша? Если бросит меня и пойдёт на аборт. Что мне делать тогда? У меня нет своего жилья, нет Московской прописки, нет работы, а соответственно и своего заработка. Устроиться сейчас куда-то у меня вряд ли получится. Кому нужна официантка страдающая токсикозом? Единственное на что, а точнее на кого я абсолютно точно могла рассчитывать это на Диму. В его поддержке я была уверена на все сто процентов. Но ведь, если вдуматься, врач действительно был прав. Имею ли я право свешивать собственные проблемы на плечи друга, учитывая, что у него и у самого сейчас не всё в порядке. Но кроме Димы у меня по-сути никого не было. Если конечно не считать Андрея, уверенности в котором у меня практически не было. Пожалуй, только сейчас я поняла, что с Андреем нас никакие возвышенные чувства никогда не связывали. Я его привлекла, скорее всего, только тем, что выбивалась из формата девушек, с которыми он привык иметь дело. Он сразил меня, по-сути тем же. Я никогда не общалась с парнями такого круга. Конечно я охотно слушала его рассказы о загранице. О странах, в которых он бывал, и о которых я знала исключительно из телевизионных передач. Конечно, меня манил переезд в Москву. Не потому что я витала в иллюзиях покорить столицу, а потому что я хотела, нет, я жаждала перемен. Я умирала от желания, перевернуть какую-то страничку в своей жизни, но вместе с тем мне не хватало на это смелости. А Андрей оказался рядом. И он не боялся перевернуть страничку не только своей, но и моей жизни тоже.

Когда хлопнула входная дверь, я как ошпаренная подскочила с места. Тело прошила такая мощная волна дрожи, что я невольно пошатнулась, и если бы не успела ухватиться за край кухонного стола, приземлилась бы на линолеум. Слишком сильные сейчас во мне бурлили чувства, которые не поддавались никакому контролю. Вот сейчас, без всякого преувеличения, решится моя дальнейшая жизнь. А самое страшно, что решение буду принимать не я. Последнее слово не за мной.

— Здравствуй, — голос Андрея был не таким как раньше. К холоду и равнодушию я уже привыкла, а вот тяжесть и даже какая-то вина были для меня совсем в нову.

— Мне надо с тобой серьёзно поговорить, — мы произнесли эту фразу совершенно одновременно, совпав с друг другом слово в слово. И, несмотря на повисшую вокруг нас тяжёлую атмосферу, мы оба всё же смогли улыбнуться.

— Говори первый.

Я чувствовала, что не могла сейчас сказать ему о ребёнке. Несмотря на то, что почти два часа морально на это настраивалась, сейчас находясь всего в двух шагах от Андрея, у меня словно ком в горле встал.

— Нет лучше ты. У меня к тебе разговор не на пять минут будет.

— У меня тоже, — какое-то нехорошее чувство поселилось внутри меня. У Андрея был такой взгляд, словно он собирался мне сказать кое-что не только важное, но и болезненное...наверняка ужасно болезненное.

— Начинай первая. Чтобы ты не хотела мне сказать, мой разговор важнее. Так что давай говори уже, не тяни.

— Я не думаю, что твой разговор важнее. Мою новость ты явно не перескочишь.

Кажется, Андрей начинал злиться, и довольно сильно. Ну и пусть. Я ни слова не скажу ему о беременности, пока он не объяснит в чём дело.

— Я ухожу от тебя. Ты мне надоела. Мне тяжело с тобой жить. Мне тяжело просто находиться с тобой рядом. Я хочу всё это прекратить. Хочу, чтобы тебя не было в моей жизни. Понятно? Теперь ты довольна? Теперь можешь сказать, что у тебя за новость такая сверхважная?

Я чувствовала, как каждая клеточка моего тела начинает медленно отмирать. Неизбежное произошло. И произошло намного раньше, чем я думала, уничтожив все мои, пусть и призрачные, но всё-таки надежды.

— Я беременна. Я жду от тебя ребёнка.

Почему-то в эту секунду мне показалось, что Андрей меня ударит. Его глаза испепеляли меня нечеловеческим взглядом. Уничтожающим убийственным. На его скулах ходили желваки, руки непроизвольно сжались в кулаки. Он походил на человека, у которого отняли драгоценный приз на самой вершине славы. И у меня абсолютно чётко сложилось понимание, что этот приз, сама того не понимая, отняла я.

— Какой срок?

Наверное, даже если бы сейчас моя щека горела от удара, мне бы не было так больно, так унижительно. Я чувствовала себя мухой, которую давно желают раздавить, но всё никак не могут поймать.

— Четыре недели, — я постаралась, через силу проглотив унижение и подступающие к горлу слёзы, я постаралась выдержать голос стойким. Нет, я не заплачу. Не сейчас. Не при нём.

— Ты была у врача? Ты уверена в своих словах?

— Да была. И да, я уверена. У нас будет ребёнок.

Несколько минут он неотрывно смотрел на меня, пытаясь, что-то прочитать в моём взгляде. А потом расхохотался. Громко неожиданно, вызвав неприятную волну дрожи в моём теле. Достав с верхней полки кухонного гарнитура бутылку коньяка, Андрей из горла хлебнул янтарную жидкость, при этом он всё так же продолжал сотрясаться от смеха.

— Я вижу ты не особо рад.

Андрей расхохотался ещё больше, съехав по стене на пол, и зарывшись руками в волосы. А я испытала дикое, сносящее все преграды желание убежать, исчезнуть, скрыться где угодно, главное, чтобы поскорее. Уже сейчас я проклинала себя за то, что сделала. Зачем я всё рассказала? Кому от этого стало лучше? Мне? А может Андрею? Ведь изначально же знала, что всё так и будет.

— Я просто счастлив, дорогая. Всегда мечтал воспитывать с тобой ребёночка, — запрокинув голову вверх, Андрей шумно выдохнул. Вмиг он перестал смеяться. Его взгляд потемнел, стал серьёзным и...устрашающим. — И что ты думаешь? Будешь рожать? Оксана я могу помочь, слышишь? У меня много знакомых. Я найду тебе самого лучшего врача в Москве. Клянусь, тебе нечего бояться. Не будет никаких последствий для здоровья. Ну, хочешь, за границу поедem?

От его слов мне стало ещё более тошно, чем раньше. Захотелось закрыть уши и не слышать ничего этого. А ведь как бы сумбурно это не звучало, но всё, что сейчас происходило, было абсолютно предсказуемо, да ещё и к тому же забавно. Вот они результаты тех самых безумных поступков. Той немыслимой погони за любовью. Той сказки, ради которой тысячи таких же дур как я бросают всё на свете и полагаются на всемогущую удачу. Только вот удача покоряется лишь сильным. Лишь тем людям, которые сами зубами землю жрут, чтобы чего-то добиться. А с теми, кто наивно полагает, что в этой

жизни можно получить что-то просто так, только потому, что очень захотелось, она играет. Жестко двулично, и в тот самый момент, когда ты, казалось бы, находишься на вершине счастья, она отворачивается от тебя. Чтобы показать, что вся наша жизнь — иллюзия, выстроившаяся нами же в наших подсознаниях. Ничего в этой жизни не достаётся просто так. Особенно счастье.

— Ты предлагаешь аборт?

— Да! — резко подскочив на ноги, громко прокричал Андрей. — Да, чёрт подери, я предлагаю аборт! Я не хочу с тобой жить, слышишь? Твою мать, да я просто не могу с тобой жить! Мне невыносимо одно твоё присутствие. Мне тошно просто смотреть на тебя! Ну, какой к чертям ребёнок, а? Дети должны рождаться в семье. В счастливой семье. А у нас с тобой счастья никогда не будет. Ну, зачем нам этот ребёнок?

Я не знаю как, но я поняла, именно в эту секунду, именно после этих слов, я поняла, что во мне что-то надломилось. Ещё несколько минут назад я была готова взять на себя, на мой взгляд, один из самых страшных грехов — убийство собственного ребёнка. А теперь я поняла, что никогда не сделаю этого. Никогда, даже если от меня все отвернутся, даже если в этом мире я останусь одна одинешенька, я этого не сделаю.

— Дети должны просто рождаться. Никто не вправе отнимать у них их жизнь. Аборта не будет.

Андрей молчал. Несколько минут неотрывно смотрел на меня, не произнося ни слова, а потом замахнулся, и резко ударил. Первый раз с той ночи, когда он насильно лишил меня невинности. Машинально, я прикрыла щёку ладонью, но взгляд не отвела. Если он хочет ещё меня ударить — пусть бьёт. Но своего решения я не поменяю.

Андрей больше ничего не сказал и не сделал. Он не стал снова кричать на меня или поднимать руку, он просто прожёл меня до костей взглядом полным безграничной ненависти, и вышел из квартиры. Не сказав ни слова, просто оставил меня в одиночестве.

— Значит, это всё? Между нами всё кончено?

Он смотрел на закутавшуюся в шаль девушку и ловил себя на мысли, что сгорает, что подышает от безумного желания обнять её, прижать к своему телу. Он вбирал в себя каждый её взгляд, каждый жест. Смотрел, как она зажимает между пухлыми губами сигарету, как наполняет комнату табачным дымом, как обхватывает себя за хрупкие подрагивающие плечи, и понимал, что никогда и никого в жизни не будет любить так сильно как её. Давно ли он понял, что именно к ней чувствует? Давно ли сознался себе, что любит? Пожалуй, только сегодня. Когда он потерял её. Когда счастье снова ускользнуло от него. Ещё тогда, когда он первый раз увидел её в том клубе, он почувствовал, что-то новое, что-то неизведанное до того момента. Только тогда он переборол в себе свои чувства. Безумное влечение к этой девушке он заменил презрением и ненавистью. Он окрестил её для себя дешёвкой. Продажной потаскухой, которая ничем не отличается от остальных. Но эта была лож. Для него она всегда была другой. словно не из этого мира, не из этой вселенной. Только понял он это слишком поздно. И теперь ему снова придётся отказаться от той, из-за которой у него душу в клочья рвёт.

— Я не знаю. Я уже ничего не понимаю. Я хочу, если бы ты знала, как я хочу быть с тобой....но не могу. Оксана...она решила рожать, понимаешь? Что я могу сделать? Мне остаётся только смириться и помочь ей с ребёнком, ведь чёрт подери, он и мой тоже....Я не могу её бросить. Не сейчас, понимаешь?

— Понимаю, — сделав ещё одну затяжку, Кэт затушила сигарету и обернулась к нему. Стоило лишь раз посмотреть в её глаза, как Андрей почувствовал, что начинает задыхаться. Она нужна ему. Она необходима ему как воздух. — Но для этого не обязательно жениться. Ты можешь просто помогать ей материально. Разве нет?

— Я не собираюсь на ней жениться, малыш, — слегка подрагивающими ладонями, Андрей неуверенно провёл по шелковистым волосам, боясь, что вот сейчас, она его оттолкнёт. Но Кэт не сделала, ни одного движения. Вынув из пачки новую сигарету, она снова закурила, никак не реагируя на его близость. — Катя, — первый раз с того времени, как он снова встретил её, Андрей назвал её просто по имени. По её настоящему имени. Ни 'Кэт', ни 'Катрин', а Катя. Навсегда любимая для него девушка. — Между мной Оксаной ничего нет, и никогда уже не будет. Но я не могу её бросить. Не сейчас. Я должен быть рядом с ней. Хотя бы во время беременности и впервые дни после родов. Пойми, она ведь ждёт моего ребёнка. Я не могу оставить его на произвол судьбы. Если она решила рожать, то всё, что мне остаётся это заботиться о своём ребёнке. Понимаешь? Это ведь мой малыш.

— Твой малыш, — хриплым голосом медленно повторила Лебедева, и Андрей не увидел, как в её остекленевших глазах зародились пламенные искорки. — Я всё понимаю Андрей. Ты действительно должен быть с ней рядом. Ты ей сейчас очень нужен. Но я могу тебя кое о чём попросить?

— Всё, что угодно, — не задумываясь, ответил Громов и тут же вздрогнул, когда девушка провела ладонями по его груди.

— Проведи со мной эту ночь. Я хочу впитать в себя твой запах. Хочу, возможно, в последний раз испытать, что это такое — сгорать в руках любимого мужчины. Я хочу тебя. Сейчас. Он не заметил, не услышал, не уловил фальшь в её голосе. Да и разве он сейчас мог соображать? Её слова пробудили в нём хищника. Неутомимого зверя, который порвёт любому плотку, но никогда не отдаст свою добычу. Обхватив ладонями хрупкую талию, он бросил девушку на кровать, в ту же секунду жадно накрыв её своим телом.

Убедившись, что он спит, Кэт осторожно встала с кровати, на цыпочках пройдя в кухню. Взяв с подоконника свой мобильный, девушка без доли сомнений набрала короткое, но возможно самое главное в её жизни смс, после которого ничего нельзя будет повернуть назад. Тварь. Стерва. Дрянь. Никогда Кэт не ожидала такого от Ксаны. От девушки, которая всегда была невзрачной наивной идиоткой. Беременность. Вот же гадина. Додумалась сучка. Быстро просекла, что пузо — лучший шанс удержать мужика. Только хрен ей. Она ещё не знает, с кем связалась. На что нарвалась. Ведь хотела, Кэт хотела, решить всё по мирному. Но эта сучка видимо тоже решила показать свои коготки. Что же, тем хуже для неё. Теперь Кэт не только коготки, она ей руку по локоть отрежет. Сделает всё, чтобы эта гусеница отправилась вслед за своей откинувшейся подружкой. Она устроит ей такой ад, о котором живущая в своих розовых соплях Ксаночка даже не догадывается.

Полгода спустя...

Раскладывая в аккуратные стопки, разбросанные на столе бумаги, я старалась особо не шуметь. Андрей сегодня был дома. За прошедшие шесть месяцев с того момента, как я сказала ему о ребёнке, он в третий раз остался ночевать в нашей квартире. Обычно он заезжал ко мне по три-четыре раза в неделю, чтобы завести продуктов, поинтересоваться моим самочувствием, в редких случаях прогуляться на свежем воздухе. Всё остальное время он проводил с любовницей. Я узнала кто она. Не специально. Я не опустилась до слежки или нервных поисков в его телефоне, я просто по воле судьбы сама увидела всё своими глазами. После того как он в очередной раз завёз мне продукты и сразу же поспешил уйти, не удосужившись даже попрощаться со мной, я вышла на балкон, зачем-то желая проводить его хотя бы взглядом. Наверное, если бы створки окон не были открыты и мне бы в лицо не дул морозный октябрьский воздух, я бы потеряла сознание. Катя. Я узнала её сразу, хотя она ужасно изменилась. Новая причёска, новый макияж, новая одежда, красный, наверняка безумно дорогой кабриолет. Всё о чём она мечтала. И мужчина рядом был. Не пенсионного возраста как она хотела. Всего лишь двадцать пять, но зато уже главный акционер процветающего банка. Я увидела, как она вышла из машины, как смачно поцеловала его в губы, а он с силой сжал ладони на её талии. Я увидела, как он с довольной улыбкой забрался в кабриолет, а она, прежде чем занять место за рулём остановилась, и вдруг резко подняла голову вверх, встретившись со мной взглядом. Надо сказать, что тогда я еле сдержала подступающие к горлу слёзы. По сравнению с ней я была жалким никому ненужным мусором, и она это понимала. Стервозно улыбнувшись, она послала мне воздушный поцелуй, села в кабриолет и уехала с отцом моего ребёнка в неизвестном направлении. Наверное, я и вправду тряпка, только я никак на это не отреагировала. Не устроила Андрею скандал, банально, не влепила ему пощёчину. Если честно мне было уже всё равно. Наверное, измены прощают тогда, когда проходит любовь, угасают все чувства. Когда просто становится наплевать, в чьей постели сейчас человек, который ещё недавно был тебе очень дорог. Да и в последнее время я уже практически всему перестала удивляться. Я привыкла к тому, что кроме Димы, заезжающего ко мне чуть ли не каждый день и всё время подбадривающего меня своей поддержкой, я в этой жизни к чертям никому не нужна. Я привыкла к тому, что Андрей стал обращаться со мной как с ничтожеством. В те редкие дни, когда он удосуживался вспомнить обо мне, он никогда не упускал возможности в чём-нибудь подколоть меня. Обычно он задевал самые болезненные темы. Например: я настолько невыносима, что от меня даже родители сразу после рождения отказались или я самый скучный и неинтересный человек, который только может быть на земле, поэтому у меня и нет друзей. Но больше всего мне становилось, когда он цеплялся за мою внешность. Все женщины разные. И соответственно беременность все переносят по-разному. Мне она далась очень тяжело. Каждое утро меня выворачивало наизнанку. В течение дня я практически ничего не могла съесть. Иногда доходило даже до того, что я пыталась силой

впихнуть в себя еду, но всё без толку. А вот ночью у меня какой-то бум начинался. Нередко происходили случаи, когда я просыпалась в три часа ночи и со слезами на глазах бежала к холодильнику, за раз уничтожая практически недельный запас продуктов. Неудивительно, что моя фигура быстро приблизилась к той, когда я ещё не приехала в Москву и не встретила Андрея. За шесть месяцев (начиная отсчёт с того дня, как я узнала о беременности) я набрала пятнадцать килограмм. Надо сказать, что о такой роскоши как косметика я тоже позабыла. Потому что днём у меня возникало только одно желание — повеситься. А ночью я была занята уничтожением продуктов. И Андрею это, похоже, нравилось. Ему нравилось издеваться надо мной. А мой лишний вес и потрепанное состояние как нельзя лучше помогали ему в этом. Но все эти насмешки были ещё более-менее терпимы, по сравнению с его замашками и ударами. За эти шесть месяцев два раза мне становилось настолько плохо, что я думала, что просто умираю. Я звонила Андрею, просила его приехать и остаться ночевать вместе со мной. Он приезжал. Ужасно злился из-за того, что я выдернула его из тёплой кровати и нежных рук его новой пассии. Говорил, что я сама во всём виновата. Не соблюдаю режим врача, поэтому меня так и колбасит. Когда я в буквальном смысле загибалась и начинала скулить от дикой боли, он замахивался и требовал, чтобы я заткнулась и не мешала ему спать. Однажды меня вывернуло прямо ему на грудь, и он ударил меня. Ударил с такой силой, что я чуть было не получила сотрясение мозга. В больницу пришлось ехать. Андрей извинялся тогда конечно, даже цветы купил, только мне от его извинений легче не стало. Ещё за Диму опасалась. Когда он увидел меня в больничной палате, его не убедили мои слова, в том, что я сама в ванне поскользнулась. В тот вечер чуть было не завязалась драка прямо в больнице. Надо сказать, что Дима уже не один раз предлагал мне переехать к нему. Но я отказывалась. У него появилась девушка. Точнее он сошёлся со своей бывшей. И она ужасно его ревновала. Названивала каждые пять минут. Наверняка не хотела отпускать его ко мне, хотя он никогда и ничего мне об этом не рассказывал. Нередко он намекал мне, что я ему нравлюсь, и он хотел бы быть со мной рядом никак друг. Он дарил мне цветы. Заваливал дом игрушками и детской одеждой. Делал мне комплименты. Однажды даже поцеловать попытался, но я увернулась. Я понимала, что между нами ничего не может быть. Я жду ребёнка от другого мужчины, и к тому же Дима не свободен. Хотя он однажды и сказал мне прямым тестом, что не чувствует к своей девушке и грамма того, что испытывает ко мне и хочет с ней расстаться, я всё равно сделала всё, чтобы переубедить его. Я не любила Диму. Не любила как мужчину. Он был мне братом, отцом, лучшим другом, самым близким человеком, но не тем, кому бы я смогла подарить своё сердце и любовь. А он заслуживает ответных чувств. Заслуживает именно такую девушку, которая сейчас рядом с ним. Ту, что названивает ему каждые пять минут, беспокоясь, где он и с кем. Ту, что дико ревнует, безумно боясь потерять его. Ту, что с заботой стирает и гладит его вещи, готовит ему еду, желает счастливого дня. Она должна быть рядом с ним. Она должна быть его женой и матерью его детей. И я никогда не встану на их пути.

— Ладно, малышка, поздно уже, мне пора домой. Покормишь за меня Бониту? Она весёлая у моих ног трётся.

Обняв меня, Дима устало уткнулся носом в мою шею. Мне невыносимо сильно захотелось попросить его остаться. Пока он здесь, рядом со мной, Андрей меня не тронет. А кто знает, что будет, когда Дима переступит порог этой квартиры?

— Я уже налила ей молока. Иди, конечно. Уже темнеет. Наташа волнуется наверняка.

Я знала, что была не вправе так подставлять его. Если бы я попросила Диму остаться у

меня ночевать, он бы не за что не отказал, только вот девушки бы лишился сразу. Наташа бы вряд ли стала входить в моё положение.

— До завтра котёнок. Выспись сегодня хорошенько. Я уже договорился, завтра пораньше с работы уйду, и пойдём гулять в парк.

— Дима, не надо, правда. Наташа...

— Не думай об этом. Я сам всё улажу.

— Дима...

— До завтра, малышка.

Поцеловав меня в щёку, Дима вышел из квартиры, тихо прикрыв за собой дверь.

— Потихоньку налаживаешь свою личную жизнь? — выйдя в коридор, усмехнулся Андрей. — Только тебе здесь мало что светит. Я давно знаком с его Наташей. И любой нормальный парень, не страдающий какими-либо извращениями, ни за что не посмотрит на тебя, когда рядом такая красавица.

— Я, Андрей, ни на что и не претендую, — закрыв дверь на замок, я постаралась сохранить внутреннее спокойствие. Нельзя поддаваться на дурацкие подколки. Как только я начинаю волноваться, к горлу подступает тошнота. Так что уж лучше проглотить очередную насмешку, чем потом всю ночь над унитазом висеть. — Тебе как обычно в гостиной постелить?

— Нет. Я не останусь ночевать.

Как только Андрей начал собираться, я почувствовала небывалое облегчение. Чем он дальше от меня, тем мне спокойнее. Хоть трястись не придётся от каждого резкого движения.

— Ты ко сколько завтра к врачу идёшь?

— К четырём часам.

— Я заеду за тобой в 15:30. Вместе пойдём.

— Хорошо.

Когда за Андреем захлопнулась входная дверь, я, облегчённо вздохнув, пошла в спальню. Осталось всего два месяца. Два месяца до того как я стану мамой. Мне почему-то казалось, что в тот день всё изменится. Что как только родится ребёнок, всё кардинально поменяется. Забегая вперёд, скажу, что всё так и произошло. Только я никак не ожидала, что после рождения ребёнка прежняя жизнь покажется мне раем. Никак не ожидала той пропасти, в которую меня толкнул. Никак не ожидала, что останусь одна. Совершенно одна.

Кэт с удовольствием рассматривала разложенные на столе фотографии. Ребята постарались на славу. Никаких следов монтажа. Конечно, проверки они не пройдут, но вряд ли Андрей станет её устраивать. Она слишком долго ждала этого дня. Шесть месяцев. Полгода она готовилась к нанесению решающего удара и вот, наконец, наступил этот день. И если ей повезёт, если всё пройдет как надо, очень скоро на её пальчике окажется обручальное колечко. Кэт всем нутром чувствовала, что Андрей уже готов к этому шагу, ему мешала только Оксана с этим долбаным ребёнком. Но сегодня эта преграда будет сломлена.

Услышав, как хлопнула входная дверь, Кэт быстро сложила фотографии в конверт и

выбежала в прихожую.

— Привет, малышка. Это тебе.

Андрей протянул ей роскошный букет красных роз. Не было ещё ни одного вечера, чтобы он приходил без подарка. Цветы, драгоценности, духи...интересно, а этой клуше за полгода он хотя бы одну открытку подарил?

— Спасибо, милый. Они очень красивые.

Приняв букет, Кэт постаравшись вложить в свой взгляд как можно больше растерянности, отвела его в сторону.

— Малыш, что-то случилось?

Сцепив руки за спиной, Катрин смогла подавить довольную улыбку. Отлично. Рыбка клюнула на наживку.

— Нет, всё хорошо. Ты будешь ужинать?

Приложив колоссальные усилия, она добилась того, чтобы её голос дрогнул.

— Зайка в чём дело? Я же вижу, что-то случилось. Ты чем-то обеспокоена. Тебя кто-то обидел?

— Нет. Нет, всё хорошо. Со мной всё в порядке, правда. Пойдём ужинать.

Развернувшись, Кэт направилась к кухне, и не прошло и пары секунд, прежде чем, Андрей перегородил ей дорогу. Слава богу, она ещё смогла сдержать довольный смешок. Как же всё-таки легко им манипулировать.

— Не обманывай меня. Что случилось?

— Андрей...я не хочу об этом говорить, пойдём ужинать, пожалуйста.

— Я не сдвинусь с этого места, пока ты не объяснишь мне, в чём дело.

Выждав несколько томительных секунд, Кэт смутившимся, с долей сожаления и растерянности голосом, произнесла:

— Андрей, я не знаю, как сказать тебе об этом. Ты мне не поверишь.

— Малыш, у меня нет причин тебе не доверять. Говори, в чём дело?

Поколебавшись несколько минут, Кэт продолжила свой спектакль, попытавшись протиснуться мимо Андрея и пройти в кухню, но попытка оказалась тщетной. Андрей стоял как скала.

— Нет, это ненужный разговор. Ты всё равно мне не поверишь. Да я и сама не уверена в этом...

— Не уверена в чём? Катя, что случилось?

Катя...как же её раздражало, когда он так называл её. Слишком просто. Её нравилось Кэт, Катрин, но уж никак не 'Катя'. Но сейчас в этом даже были свои плюсы. Такое обращение значило, что Андрей напряжён и крайне серьёзен.

— Пообещай, что выслушаешь меня спокойно, и не будешь ругаться?

Кивнув, Андрей продолжал прожигать её испытывающим взглядом.

— Я следила за Оксаной.

— Что?

Лицо Андрея выражало шок и полное непонимание.

— Я тебе не рассказывала, но два месяца назад у меня были подозрения, что я беременна. Меня тошнило по утрам, не могла переносить даже одного вида многих продуктов...кроме того была задержка. Я решила провериться и сходить к врачу. Оказалось просто гормональное расстройство, ничего серьёзного. Но, когда я выходила из больницы, я встретила Оксану...Она меня не заметила, а вот я...чёрт, даже не знаю, как и сказать...

— Кэт не таяни, в чём дело? Что ты увидела?

И снова эта чёртова улыбка рвалась выдать её. Катрин, в который раз с диким усилием смогла её подавить. Он верит. Он даже не слышит в её голосе и грамма фальши. Наивный баран.

— Её встречал какой-то мужчина. Я не видела его лица, поэтому ничего не могу сказать кто он, но они... в общем, прежде чем вмести куда-то, укатить, они целовались.

Пару минут Андрей молчал, задумчиво, и даже с какой-то насмешкой глядя на Катю.

— Катюш, милая, ты либо обозналась, либо, что-то не так поняла. Единственный мужчина, который мог её встретить помимо меня — Дима. Но они никак не могли целоваться. У него девушка есть. И поверь надо быть либо импотентом, либо извращенцем, чтобы променять Наташу на Оксану.

Кэт слова Андрея никак не смутили. Более того, даже порадовали. Всё шло абсолютно так как она и думала. Сейчас он не верит. Но после её слов появятся сомнения. Потом, когда она покажет снимки и хорошо запечатанный конверт он, почти поверит ей. А завтра, когда он лично будет разговаривать с врачом этой клуши, он полностью проглотит всю приготовленную лично для него ложь. Остаётся только надеется, что врачаха не подведёт. Хотя на этот счёт волноваться не стоит. Кэт предложила ей то, ради чего она поступится всеми своими принципами. — Я тоже сначала подумала, что может я, обозналась или ещё что, но решила всё-таки перестраховаться. Я узнала, у кого она наблюдается, и поговорила с этой женщиной.

— С Марией Павловной?

— Да, с ней. Сначала она отказывалась со мной разговаривать об Оксане, личная информация и всё такое.... Но мне удалось её убедить, причём не за очень-то и большие деньги. Она рассказала мне, что Оксана делала ДНК тест на отцовство. И он оказался не в твою пользу. Андрей не верил ей. Кэт отчётливо видела в его глазах сомнение. Отлично. Всё как она и думала. Всё по плану.

— Кэт, ты что-то путаешь. Мария Павловна не похожа на человека, который за взятки будет рассказывать личную информацию своих пациентов. Ты или с каким-то другим врачом разговаривала или...

— Или просто выдумала всё это? Я знала, что ты мне неверишь. Думаешь, что я говорю это специально, чтобы ты отказался от своего ребёнка? Думаешь, я настолько подлая тварь?

Он начал колебаться. Кэт видела это в его глазах. Он всё ещё не верил её, но ему было явно неудобно. Он не хотел обижать её. Не хотел с ней ссориться.

— Малыш, я...

Он попытался обнять её, но Кэт умело высвободилась.

— Не надо, я не обижаюсь, правда. Я понимаю, что у тебя есть причины мне не верить. Поэтому я бы, никогда не рассказала тебе всего этого, если бы у меня не было доказательств своим словам. Неужели ты думаешь, что я бы стала разбрасываться такими речами, если бы не перемолола всю ситуацию? Вот держи.

Кэт протянула Андрею запечатанный белый конверт.

— Что это?

— ДНК тест, который делала Оксана. То есть его копия, о которой она ничего не знает. Как видишь здесь чёрным по белому написано, что твоё отцовство исключено.

Около десяти минут Андрей вчитывался в одни и те же строки. Кэт с диким и скрытым

за семью замками удовольствием наблюдала, как меняется выражение его лица. Он верил. По крайней мере, он начинал ей верить.

— Нет, это какой-то бред... Не может такого быть.

— Андрей, когда я увидела эти бумаги, я подумала тоже самое. Я очень давно знаю Оксану, и мне никогда бы в голову не пришло, что она способна на такую подлость. Конечно, людям свойственно меняться, но чтобы так... Мне тоже казалось, что это какая-то ошибка. И я наняла детектива. Единственный способ узнать правду была слежка. Честно скажу, я была в шоке от фотографий, которые получила. Я даже проверила их на монтаж, но....

— Что за фотографии?

— Андрей, я не думаю, что тебе стоит их видеть...

— Показывай!

Кэт даже вздрогнула от его басистого крика. Ещё никогда она не видела Андрея в таком бешеном состоянии. Просто на грани безумия. Но и это было по плану. Всё как она и думала. Его реакция была абсолютно предсказуема.

Протянув ему конверт с фотографиями, она в который раз боролась с чёртовой, пытающейся нарушить все её планы улыбкой. Слишком смешно было наблюдать за Андреем. За тем как он рассматривает эти снимки — настоящее мастерство монтажа. Даже она, не зная бы, что это чистая липа, поверила бы в их подлинность. А снимки были красочными. На одном Оксана в постели со своим 'другом', а по совместительству давним другом Андрея — Димой. На другом они всё с тем же Димой целуются в парке. На третьем парень страстно целует девушку в губы, а его рука заботливо лежит на её округлившемся животике.

— Нет....это бред какой-то. Не может такого быть!

Андрей отшвырнул фотографии, резко поднявшись с места. Он был в бешенстве. В дьявольском бешенстве. А это значит, что сейчас он способен на любые поступки кроме адекватных. Отлично. Андрей — самый лучший подарок, который когда-либо преподносила ей судьба. Он лучшая в своём роде марионетка. Обвести его вокруг пальцев всё равно, что семечки пощёлкать — плёвое дело.

— Милый, тебе плохо? Господи, зачем я вообще начала этот разговор? Клянусь, я не хотела. Я думала, что лучше промолчать, но...видеть, как твоего любимого мужчину держат за идиота — невыносимо. Я никогда не ожидала такого от Оксаны. Конечно, я сама не святая, но опускаться до такой низости, удерживая рядом с собой мужчину беременностью, к которой он не имеет никакого отношения и параллельно с этим крутить роман с его давним другом, у которого ещё и невеста есть — чёрт даже в моём понимании, это уже за всеми рамками. Я даже не понимаю, зачем им всё это было нужно. Возможно, они хотели, чтобы ты переписал на Оксану квартиру или даже какие-то акции в банке. Милый мой...

— Нет! Нет, это неправда слышишь? Это какая-то ошибка!

Впечатав кулак в стену, Андрей сполз на пол. Кэт тут же опустилась рядом с ним, крепко обняв его. Он поверил. Вот теперь он поверил. Он не хочет принять, то, что его обдурили, но он уже поверил. Остался только последний, финальный штрих и дело в шляпе.

— Я понимаю, это трудно принять, трудно в это поверить....Да и к тому же тебе наверняка кажется, что я всё это выдумала? Конечно, мне хочется, чтобы ты всегда был со мной, и Оксаны не было в нашей жизни, но я бы никогда не пошла на такую подлость. Я бы никогда не смогла разлучить тебя с ТВОИМ ребёнком, — поцеловав его в макушку, она с блаженным удовольствием почувствовала, как он обнял её в ответ. — Я не знаю как мне

доказать, что я не лгу....Ну, хочешь, если не веришь мне, поговорить с врачом? Ей-то какой смысл лгать? Она расскажет тебе всё как есть. Конечно, ты прав, Мария Павловна не взяточница, но ей вся эта ситуация тоже не по душе. Кроме того у неё сейчас сложное материальное положение, именно поэтому она всё мне и рассказала. Поверь мне до последнего не хотелось тебе обо всём этом говорить, но ведь лучше горькая правда, чем сладкая ложь? Я не могу видеть как тебя обманывают. Это не твой ребёнок.

Я перебирала вещи, в который раз решая, что нужно будет отправить в стирку, что взять с собой, а что мне уже просто не подходит. Совсем скоро мне надо будет ложиться в больницу. Мария Павловна говорит, что я в последнее время слишком много нервничаю. Это может отрицательно сказаться на здоровье ребёнка, и чтобы избежать негативных последствий, мне лучше будет лечь на сохранение. Да я и сама была этому рада. Долгожданный покой, полная сосредоточенность на будущем материнстве — это как раз то, что мне сейчас нужно. А ещё я, где-то глубоко внутри, пожалуй, даже втайне от самой себя надеялась, что Андрей исправится. Нет я не питала безумных иллюзий, что он бросит свою любовницу и полностью посвятит себя мне и нашему будущему малышу, но я искренне надеялась, что он хотя бы перестанет отбрасывать в мою сторону колкости и унижительные насмешки. Я надеялась, что он поймёт, осознает, наконец, что как не крути, я всё-таки мать его будущего ребёнка. Нам до конца жизни придётся вместе растить малыша, и зачем нам становиться врагами? Конечно, я понимала, что прежних отношений уже не вернуть, да и сама этого совсем не хотела, но я всё-таки надеялась, что мы сможем просто собраться с силами и стать если не друзьями, то хотя бы хорошими приятелями что ли. Мне совсем не прельщали вечные ссоры. И уж тем более я не хотела, чтобы их видел мой ребёнок. Я с самого детства была обделена родительской любовью, и всё, чего мне сейчас хотелось, это оградить от такой участи своего ребёнка. У него будет и мать и отец. И пускай и у меня, и у Андрея будет своя жизнь, мне всё же очень хотелось, чтобы ради нашего малыша мы смогли сохранить достоинство и уважение друг к другу.

Когда я закончила с разбором вещей и пошла, кормить Бониту, входная дверь с грохотом впечаталась в стену. Пока я ещё толком ничего не успела понять, Андрей ворвался в квартиру. Мне хватило всего лишь окинуть его мельким взглядом, чтобы моё сердце испуганно сжалось и затаилось где-то в пятках. Он выглядел как обезумевший зверь. Нет, даже хуже. Он смотрел на меня с такой ненавистью, будто хотел, страстно желал уничтожить, забить до смерти, разорвать на части. Он двинулся на меня так резко и с таким напором, что я даже не успела не то, что отступить, убежать, спрятаться, я не успела даже испугаться, прежде чем он замахнулся и ударил меня с такой силой, что я не удержалась на ногах и больно стукнулась головой об косяк торшера, пока летела на пол.

— Шлюха! Потаскуха несчастная! Дрянь паршивая!

Его крики, его омерзительные оскорбления и грязный мат, сопровождались непрекращающимися ударами. Я чувствовала, как всё внутри меня разрывается от безумного страха. Я не понимала, что происходит, я пропускала мимо ушей половину всей гнили, которую он выливал на меня, я только лежала, забившись в самый угол, и пыталась

прикрыть живот, моля то ли Бога, то ли Дьявола, чтобы всё это оказалось страшным сном. Каждая клеточка моего, покрывшегося слизкими капельками нечеловеческого страха тела, ныла от невыносимой боли. Я зажимала живот руками, и пыталась прикрыть его коленками, а в это время Андрей с яростью, с каким-то животным безумием пинал меня ногами по голове, спине, очень чётко метил в рёбра. Забивал как загнанного в угол поросёнка. Я даже не могла кричать. Я чувствовала, как всё тело парализовало от страха. Я дико боялась, что если издам хотя бы писк, он ударит в живот. Я чувствовала, как малыш внутри меня обеспокоенно зашевелился. Я чувствовала, что он впитал в себя мой страх. Я до крови закусывала губы, и молила, чтобы всё это поскорее закончилось. Дрожащими руками, я прикрывала огромный живот, и чувствовала, как волосы на голове слиплись, я чувствовала, как выступила кровь, я чувствовала, как невыносимо сильно болят наверняка сломанные рёбра. Я молила Бога, чтобы он спас меня. Глотая слёзы, я уже не в силах терпеть адской боли, поскуливала как подбитая собака от каждого нового удара, и клялась, клялась Богу и самой себе, что больше никогда не переступлю порог этого дома. Больше никогда не приближусь к Андрею. Чтобы не произошло. Как бы тяжело мне не было, я сделаю всё, чтобы больше никогда его не видеть. Я умоляла Господа, чтобы взамен, он только сохранил мне жизнь. Я не могу сейчас умереть. Я не могу оставить своего ребёнка. Я должна жить. Я хочу жить.

Не знаю, может быть, Бог услышал мои молитвы, а может Андрей просто сам выдохся, но с размаху ноги всадив мне носок ботинка в поясницу, он резко прекратил удары. На несколько невыносимо долгих секунд всё затихло. Я пыталась справиться с пробивающей всё тело дрожью. Пыталась побороть разламывающую голову напополам дикую боль. Прикладывая кусок оторванных обоев к кровоточащей ране, я всё так же, не убирая рук с живота, попыталась отползти к двери, но Андрей резко подскочил ко мне, и всей пятёрней вцепившись мне в волосы, дёрнул мою голову вверх с такой силой, что я не выдержала. Из моей груди вырвался дикий, ужаснувшись даже меня саму вопль, сразу после которого Андрей с безумным остервенением ударил меня кулаком по лицу. Я почувствовала, как из носа начала сочиться кровь. Тогда мне показалось, что это конец. Мне показалось, что вот сейчас он убьёт меня. И я начала кричать. Нет, я начала орать. Зажавшись в жалкий комочек, я всем, чем только можно прикрывала живот и орала, дико, сквозь проступающие слёзы я молила о помощи.

— Затки пасть, дешёвая шлюха! Ещё один визг и я прикончу тебя вместе с твоим вырождением. Ты поняла, шалава? Ещё один звук и разорву тебя на части вместе с твоим блядским отродьем!

Я замолчала после этих слов, я вцепилась зубами в свою руку, но подавила в себя рвущиеся наружу крики. Только не ребёнок. Всё, что угодно только не ребёнок. Я боялась, нет, я умирала не столько от боли, сколько от страха в ожидании нового удара. Но их больше не было. Вместо этого в меня полетели вещи. Те самые, которые я ещё несколько минут назад собирала с собой в больницу. Он матерился. Он поливал меня грязью. Он убивал меня не только физически, но и морально. Он кричал настолько омерзительные слова, что мне хотелось отрезать себе уши. Он кидал в меня всем, чем попадётся под руку, а я неуклюже пыталась увернуться и всё ближе и ближе подползала к двери.

— Куда лезешь потаскуха?! Я ещё не закончил!

Он подлетел ко мне, когда я уже практически смогла открыть входную дверь. Почувствовав его в сантиметре от себя, я интуитивно свернулась в калачик, сжала руками

живот, и уже приготовилась к новому удару, к новой нечеловеческой боли, но за его угрожающими словами ничего не последовало.

— Хотя...вали, давай сука, катись отсюда! Катись без ничего тварь! Без ничего шалава!

Он начал рвать на мне одежду. Я не понимала зачем, для чего он этого делает. Я только тихо поскуливала, боясь, дать ему отпор. Боясь, что если я оторву руки от живота, он погубит моего ребёнка.

— Это шмотьё тебе покупал я. Я, а не тот поскуда, с которым ты трахалась! Не тот поскуда, от которого ты носишь своего жалкого выроodka! Ты ничего от меня не получишь! Ты уберёшься отсюда в том, в чём и пришла! Жирная тварь!

Он разорвал на мне свитер, под которым была только тонкая белая майка. Он разодрал и откинул в сторону мои джинсы, под которыми остались только спортивные, немного смахивающие на шорты чёрные трусики. Меня колотила дрожь. Я уже понимала, что он сейчас сделает, и пыталась, когда он вышвыривал меня за порог квартиры, я пыталась ухватить с собой одежду, но когда он пнул, когда он коленом ударил меня в живот, мои руки безропотно опустились, и он смог откинуть меня на холодный пол прокуренной лестничной клетки. Выйдя вслед за мной, он на ключ закрыл двери квартиры и прежде чем скрыться из моего поле зрения, покрыл меня грязным матом и плюхнул в лицо. Только всё это уже не имело значения. Именно в тот момент, когда он ударил моего ребёнка, я почувствовала как из меня, что-то вытекло. Я почувствовала такую дикую, несравнимую ни с какими ударами боль, что из моей груди вырвался безумный дьявольский крик. Я забилась, я нервно забилась на бетонном полу, чувствуя, как мой малыш просится наружу, чувствуя, как я медленно и мучительно начинаю умирать в костре ни с чем несравнимой боли. Я даже не сразу сообразила, не сразу заметила, как возле меня появились две тени, которые что-то кричали, пытались поднять меня, закутывали в какую-то одежду. Кажется, я отключилась на несколько секунд и очнулась от разламывающей меня на части боли в чьей-то машине.

— Тихо, девочка, тихо. Сейчас мы уже приедем. Потерпи ещё немножечко, — чьи-то тёплые женские ладони, успокаивающе гладили меня по животу, волосам, а я ничего не могла понять. Я отказалась воспринимать действительность. — Лёша, гони быстрее! Она же сейчас родит! Сейчас, милая, сейчас. Потерпи ещё чуть-чуть.

Я сжала пальцы на сиденье, я до крови закусил губы и попыталась сдержать дикий вопль. Боль вернулась ко мне. Вернулась с новой силой. Я только сейчас начала осознавать, что происходит. Преждевременные роды. Мысль, что я могу потерять своего ребёнка, заглушила даже самую сильную, нестерпимую боль.

— Позвонить...Дай...дайте мне телефон...

— Телефон...Да, милая, сейчас. Лёша дай мне мобильный! — краем глаза я заметила, как какой-то смутный, расплывчатый в моём сознании образ протянул какое-то маленькое устройство обнимающей меня девушке. — Давай милая, диктуй моя хорошая. Диктуй номер.

Я продиктовала. Сквозь разламывающую меня на части боль, я продиктовала выученный наизусть номер. Приложив мобильный к моему уху, девушка крепче прижала меня к себе. Я чувствовала, как внутри всё замирает от слишком длинных гудков. Скорее. О, господи, скорее!

— Да, — с того конца телефона послышался незнакомый женский номер. На мои глаза выступили слезы. Малыш толкнулся во мне с такой силой, что я поняла — ещё немного, и я потеряю сознание.

— Дима...позовите Диму...

Мне стало трудно дышать. Я чувствовала, что не дотерплю до больницы. Сил сдерживаться больше не было.

— А кто это? — голос разговаривающей со мной женщины был слишком хриплым, в нём проскальзывали дрожащие нотки. Даже задыхаясь от слёз и нечеловеческой боли, я почувствовала, сердцем почувствовала, что, что-то случилось. С того конца телефона послышалось какое-то странное шуршание. — Какая-то девушка звонит....Диму спрашивает, — это было явно не мне, зато следующие слова, произнесённые уже другой, очень хорошо знакомой мне девушкой, предназначались именно для меня.

— Это ты? Сука это ты? Ты тварь?

Я чувствовала, как сердце начинает сжиматься всё сильнее. Меня разрывало от дикой боли, но голос Наташи...он был не живой. Дима...с ним, что-то случилось.

— Наташ...дай Диму....пожалуйста...

На лбу выступили капельки пота. Глаза начали закатываться. Я чувствовала, что теряю сознание, но мне нужно было услышать голос друга. Возможно в последний раз.

— Сука! Ненавижу! Я ненавижу тебя тварь! — она орала, орала ещё более безумно, чем я, когда почувствовала, что начались схватки. — Это ты, всё из-за тебя...! Из-за тебя....Ненавижу....я ненавижу тебя, — она плакала, нет, она рыдала, навзрыд, и я чувствовала как вместе с ней, кровоточит моё сердце. — Из-за тебя...Ты виновата! Он к тебе ехал...Он тебе вёз, эти чёртовы игрушки! Это из-за тебя он попал на ту дорогу....из-за тебя столкнулся с той машиной! Я ненавижу....Сука я ненавижу тебя! Это ты, ты его убила! Чтоб ты сдохла тварь! Ненавижу тебя, ненавижу!

В этот момент умерла Оксана. Умерла та наивная верящая в чудеса, искреннюю и нежную любовь Оксана. В этот момент умерла моя душа.

Мне казалось, что тысяча бездушных палачей ритмично и без остановки раздавливают мне кости. Я орала, выгибалась как змея, кажется, я даже покрывала матом пытающихся помочь мне врачей. Глотая выстраданные слёзы, я молила только об одном: чтобы всё закончилось благополучно, чтобы мой малыш родился здоровым. Сейчас мне было даже наплевать на себя. Мне было наплевать на то, сколько ещё продолжится эта пытка, которая и без того шла уже десять часов. Я знала, что мой малыш просится на свет. Я знала, что ему хочется выбраться наружу, увидеть своими крохотным глазёнками яркое солнце, голубое небо, первый, выпавший этим утром снежок. И я помогала ему. Разрывая горло от дьявольских криков, я изо всех сил пыталась помочь ему, выкарабкаться наружу.

— Давай милая, ещё немного осталось. Уже головка показалась. Давай, девочка.

Вибрирующий голос врача был успокаивающим, и я знала, что сейчас наступает кульминационный момент. Я знала, что сейчас придется тяжелее всего. Я знала, что сейчас будет очень больно....Но я даже не подозревала, что настолько. Мне казалось, что за мной лично, пришла сама смерть. Меня выгнуло дугой, и тело прострелила такая адская волна боли, что мой крик, мой вопль, создающий ощущение, будто меня раздирает разъярённый медведь, наверняка был слышен в каждом уголке роддома. А потом, чувствуя на губах соленые капельки слез, я обессилено обмякла. Наверное, никогда, как в тот момент, я больше не была такой счастливой. Никогда больше я не чувствовала такого умиротворения и спокойствия. Пусть мимолётного, но этого был мой личный, мой персональный, мой

выстраданный кусочек счастья. Я услышала первый крик своего малыша. Звонкий крик. Сразу дающий понять, что на свет пришла ещё одна жизнь. Я улыбнулась, закрыв слипшиеся от слёз веки, я просто улыбнулась, слушая попискивания своего ребёнка. А когда его дали мне в дрожащие руки, положили на часто вздымающуюся грудь, я задохнулась от восторга, счастья, нежности и любви. Ярко голубые, как чистейшее море глазки, маленькие подрагивающие ручки, абсолютно лысенькая головка, пухленькие розовые губки и тёплое мокренькое тельце — всё это стимул для дальнейшей жизни. Всё это награда за терпение и решимость. Всё это самое большое счастье, которое только может быть в жизни каждого человека. Это мой ребёнок. Мой малыш. Моё маленькое существо, ради которого я буду бороться до последнего. В этот момент, когда я дрожащими и мокрыми от непрерывных слёз губами прикоснулась к тёплой румяной щёчке, я поклялась себе, что не сдамся. Я поклялась, что положу свою жизнь, если будет нужно, но подниму своего сына на ноги. Я буду бороться.

Я распахнула веки так резко, будто и не спала вовсе. В глаза тут же ударил яркий луч света, заставивший меня болезненно поморщиться. В эту же минуту сердце болезненно закололо. Липкое чувство потери и одиночества ядом растеклось по моей крови.

— Где мой ребёнок?

Я резко поднялась на постели, и тут же чуть было не заскулила от прострелившей всё тело боли.

— Тихо девушка, вы что делаете? Вам надо лежать, набираться сил. Врачи вас еле спасли, а вы теперь так небрежно относитесь к своему здоровью.

Медсестра насильно уложила меня на кровать, а испуганно начала оглядываться вокруг себя.

— Где мой сын?

— Успокойтесь, он в инкубаторе. Малыш родился недоношенным, нам надо позаботиться о его здоровье.

— Но с ним всё хорошо?

Я чувствовала, как на глаза выступили слёзы. Если с моим малышом, что-то случится...я никогда не смогу жить дальше.

— С ним всё замечательно. Он необычайно крепкий мальчик. Четыре с половиной килограмма, разве после этого можно сказать, что недоношенный? Очень живой и бойкий мальчишка. Умотал весь наш персонал. Я думаю уже завтра, мы переведём его в обычную палату.

После этих слов я облегчённо выдохнула, и первый раз за долгое время позволила себя расслабиться.

— Как назовёте малыша?

— Максим, — не задумываясь, ответила я, и тут же почувствовала, как сердце защемило от боли. Дима всегда говорил мне, что когда у него родиться сын он назовёт его Максимом. Это была его мечта понюхать сынишку на руках. Но где он сейчас? Где Дима? Господи, неужели всё, что мне сказала Наташа правда? Неужели его больше нет...

Сердце сжали ледяные тески боли. Нет, этого не может быть. Он жив. Мне всё

причудилось.

— Скажите, мне никто не звонил?

— Нет, вам не звонили. Но девушка, которая вместе со своим мужем привезла вас в роддом, просила передать вам это, — медсестра протянула мне белый, свернутый напополам лист бумаги, и пакет с фруктами. — А теперь отдыхайте. Вам нужно набираться сил. Роды были тяжёлыми. Поправляйтесь. Скоро к вам зайдём наш врач.

Когда медсестра вышла из палаты, я развернула лист бумаги.

'Здравствуй милая. К сожалению, я не знаю, как тебя зовут, хотя мы, кажется, и жили на одной лестничной клетке. Врачи сказали мне, что малыш родился здоровым, хоть и недоношенным. И с тобой всё хорошо. К сожалению, я не могла остаться и поддержать тебя. У нас с мужем уже был заказан билет на самолёт. Я искренни, надеюсь, что у тебя есть люди, которые могут поддержать тебя. Если нет, то я записала свои координаты на обратной стороне листа. Понадобиться помощь — звони без всякого. Целую тебя, Вероника'.

Почему-то сейчас мне показалось, что я прочла письмо от Нади. Да, именно от Нади. Это её манера общения. Это её, проскальзывающее между строк, желания помочь даже незнакомому тебе человеку. В этот момент меня затопила волна ностальгической грусти. Как же мне бы хотелось, чтобы сейчас рядом со мной были два самых близких мне человека: Надя и Дима.

Когда в дверь постучали, я, позабыв о всякой боли, вытянулась на кровати. Сердце радостно забило. Я была уверена, что это Дима, я даже не сомневалась в этом. Но, когда на пороге моей палаты появилась незнакомая мне женщина, одетая во всё чёрное, улыбка невольно спала с моих губ.

— Здравствуй Оксана, можно войти?

Я непонимающе кивнула головой в знак согласия, не сводя глаз с незнакомой, но почему-то очень кого-то напоминающей мне женщины.

— Я понимаю, что ты в растерянности. Мы не знакомы, но мой сын очень много рассказывал о тебе, — внезапная догадка прошла моё тело похлеще, чем дьявольский раскат грома. — Я мама Димы.

— А где он сам?

Несколько минут она смотрела на меня с удивлением, а потом её большие карие глаза наполнились слезами. В эту минуту моё сердце дало трещину. Я узнала ответ ещё до того как услышала его.

— Он погиб. Вчера вечером, когда ехал к тебе.

Наверное, я больше никогда в жизни не испытывала такой боли. Этот удар был сильнее, чем ярость Андрея. Эта боль была глубже, чем потеря Нади. Эта тоска была более разъедающей, чем моё одиночество. Я потеряла себя. Я потеряла невосполнимую частичку своей души.

— Ехал ко мне...этого не может быть. Мы виделись с ним вчера...

— Я знаю. Он поехал к тебе повторно, когда увидел по телевизору рекламу про какую-то детскую игрушку. Кажется, развивающий мишка...Он словно обезумел. Сказал, что обязательно должен тебе его купить. Я думаю, это просто был предлог, для того, чтобы снова увидеть тебя, — дрожащими пальцами женщина достала из сумки пузырёк с лекарства и проглотила две таблетки. — Он поехал в объезд. Видимо решил, что так будет быстрее. Он превысил скорость и не успел затормозить, когда... в него врезался комаз, водитель, которого был в стельку пьян...

Замолчав на несколько секунд, Александра Андреевна дрожащими руками закрыла опухшее лицо.

— Мне тяжело об этом говорить... Дима был моим единственным ребёнком, — в эту минуту мне безумно сильно захотелось обнять эту женщину, постараться хоть как-то смягчить её боль. Теперь, когда я сама стала мамой, я даже не могла представить, что она сейчас чувствует. — Я понимаю, что мой вопрос, наверное, обидит тебя, возможно даже оскорбит, но я всё же должна его задать. Врачи сказали мне, что у тебя родился мальчик. Скажи... это ребёнок моего сына?

Голос дрожащий. Я не могла понять чего в нём больше надежды или страха. Сейчас мне хотелось, действительно хотелось сказать, что это ЕГО ребёнок, но я не могла. Время не повернуть вспять. У меня ничего не осталось от Димы.

— Нет. У меня ничего никогда не было с вашим сыном.

В глазах женщины облегчение и лёгкая грусть. Будто бы она хотела, чтобы Максим был её внуком, и вместе с тем боялась этого.

— Я знала это. Дима рассказывал мне, что между вами ничего нет, хотя я видела по его глазам, что это ужасно тревожит его... Он любил вас. Сильно любил. Он очень мучился в последнее время. Он постоянно разрывался между чувствами к вам и страхом обидеть Наташу. Знаете, я больше чем уверена, что если бы вы ответили ему взаимностью, он бы всё бросил. Он слишком сильно вас любил, — я почувствовала укол совести, ужасный укол совести. Сама того не понимая Александра Андреевна дала мне понять, что если бы мы были вместе, ничего этого бы не случилось. Дима был бы жив. — Мой сын умер уже в больнице. Единственное за, что я буду благодарить бога до конца своих дней, это за то, что он позволил мне попрощаться с моим мальчиком. Увидеть его последний взгляд. Услышать его последние слова. Знаете, что он сказал мне? Перед смертью он заклинал меня о двух вещах.

Александра Андреевна замолчала, и я интуитивно почувствовала, что сейчас ей в тысячу раз больнее, чем мне. Она мать. Мать, которая потеряла своего ребёнка. Своего единственного ребёнка.

— Вы ведь не знали, что Наташа беременна, так? — беременна? Я ослышалась? Нет. Этого не может быть. Дима ничего мне об этом не говорил. Ведь он не мог мне врать? Словно прочитав мои мысли, Александра Андреевна тут же спохватилась. — Нет. Умоляю, не думайте о нём плохо. Он сам не знал. И я ничего не знала. Наташа сказала об этом только вчера. Когда пришла попрощаться. Бедная девочка... она так плакала... Она не говорила раньше, потому что думала, что Дима хочет уйти к вам. Она ведь всё чувствовала. И ужасно страдала. Она безумно сильно любила моего сына.

Ещё один укол в мою сторону. Я мешала им жить. Я чёрт подери и сама это всегда понимала... и сейчас ужасно ненавидела себя за то, что не поборолла свои чувства. За то, что не заставила себя отдалиться от него.

— Перед смертью он попросил меня о двух вещах: заботиться о Наташе и их ребёнке, и помогать вам. Его последние слова были о вас... Он просил помогать вам. Не бросать. Поддерживать. И я не могу не выполнить последнюю просьбу моего сына...

— Я...

— Оксана, пожалуйста, не перебивайте меня. Мне очень тяжело об этом говорить. Врачи сказали мне, в каком состоянии вас привезли в роддом. Я не знаю, кто сделал это с вами, по всей видимости, отец вашего ребёнка. Андрей, кажется? Я знакома с ним. Пару раз

он бывал у нас дома. Очень давно. Ещё когда Дима не переехал в Москву. Если вы хотите написать на него заявление, у меня двоюродный брат работает в органах. Он поможет.

— Нет. Я не собираюсь ни на кого заявлять. Александра Андреевна вы не обязаны мне помогать...

— Нет, обязана. Я дала слово своему сыну. Пожалуйста, позвольте мне сдержать своё обещание, — голос женщины не терпел возражения, и я поняла, что ей это нужно. Ей нужно помочь мне возможно даже больше, чем мне нужна её помощь. — Если вы не хотите заявлять в полицию это ваше право. Я не буду настаивать. Я знаю, что вас привезли практически в одном нижнем белье. Я съездила к вам домой. У моего сына были ключи от вашей квартиры, и забрала оттуда ваши вещи и документы. Как я понимаю, у вас нет своего жилья? Ведь эта квартира принадлежит Андрею?

Мне не нравился этот разговор. Я понимала, что Александра Андреевна собирается мне помочь, но она не хочет этого делать. Как бы там ни было я ей неприятна. Она считает меня виновной в смерти своего сына. Я вижу это по её глазам. И я понимаю, что если бы не Дима, она бы никогда не пришла ко мне. Я понимаю, что ей очень тяжело даётся моё присутствие.

— Да, это его квартира. Но вам не стоит беспокоиться, я сама решу свои проблемы.

— Мне бы хотелось в это верить, но я всё равно не могу вас сейчас бросить. Я дала слово своему сыну. И чтобы не случилось, я его сдержу, — в эту минуту я поняла, что спорить бесполезно. Эта женщина останется непреклонна в своём решении. — Мы не очень богатые люди. В Москве у Димы была только двухкомнатная квартира, которую он взял в ипотеку. Наташа ещё учиться, и тем более сейчас, когда она в таком положении, она не сможет работать. Я продам квартиру в Челябинске. Выплачу кредит за квартиру и передую сюда, в Москву. Буду помогать Наташе с ребёнком. У нас есть ещё загородный домик, но его, я, скорее всего тоже буду продавать. Нам нужно на что-то жить. Я не уверена, что смогу одна обеспечить и Наташу и ребёнка, поэтому, скорее всего мне придётся продать дачу. Другой недвижимости у меня нет. Я понимаю, что одна в Москве, вместе с ребёнком, да ещё и без работы вы не потяните. Поэтому единственное, что я могу вам предложить это снять комнату в домике моей соседки по даче. Она одинокая пожилая очень добрая женщина. Безумно любит детей. Сама вынянчила троих внуков, поэтому думаю, поможет вам с вашим малышом. У неё очень маленькая пенсия, поэтому она и сдаёт комнату. Сдаёт недорого. Всего четыре тысячи в месяц. Я понимаю, что сейчас у тебя, наверное, совсем нет денег, поэтому я уже внесла плату на полгода вперёд. И вот, возьми это. Здесь немного. Но это всё, что я смогла собрать. Думаю, на первое время хватит.

Женщина протянула мне белый конверт, который я тут же положила ей обратно на колени.

— Спасибо, но не нужно. Я устраюсь на работу, я сама смогу...

— Оксана. Это была последняя просьба моего сына. Я прошу тебя, возьми деньги. Кроме того на обратной стороне конверта адрес дачи, — встав со стула, женщина поправила пуговицы на своём черном пальто. — А теперь всё. Я сделала то, о чём меня просил Дима. И я надеюсь, что это была наша первая и последняя встреча.

подавив образовавшийся у меня в горле ком, я окликнула её уже в самых дверях:

— А похороны? Когда они будут?

Несколько минут женщина молчала. По её глазам я видела, как сильно она желает ничего не говорить. Но Дима рассказывал мне, что его мама сильная женщина. И это правда. Она всё же, несмотря ни на что, нашла в себе силы ответить мне.

— В четверг. На Алексеевском кладбище. В два часа дня, — прежде чем выйти из палаты, женщина обернулась ко мне. — Но я прошу тебя не приходить. Это будет слишком больно. Для Наташи...и для меня тоже.

Прошло уже полчаса с того момента, как ушла мама Димы, а из моих глаз всё ещё катились слёзы. Мне даже не было больно. Я просто ничего не чувствовала. Во мне жила пустота. Я не могла и не хотела понимать, что его больше нет. Моего Димки. Моего друга, моего брата, самого дорогого и любимого человека в моей жизни. Его нет. Он погиб. И погиб из-за меня.

Когда в дверь постучали, я подумала, что это врач. Мне хотелось закричать, чтобы все оставили меня в покое. Но когда на пороге своей палаты я увидела Её, все слова застряли у меня в горле. Плавной походкой, слегка покачивая бедрами, она подошла к моей кровати и села на стул возле неё. Я смотрела на Лебедеву широко раскрытыми и мокрыми от слёз глазами. В ярко-красном, с чёрным поясом на талии пальто, высоко уложенной причёской, кожаными, под цвет пояса перчатках и безупречным макияжем она выглядела как голливудская звезда. Её взгляд...навверное, никогда в жизни я не видела более подлого, ядовитого взгляда. Змеиного взгляда.

— Здравствуй Оксана. Давно не виделись. Как жизнь? — в эту минуту мне захотелось её ударить. Захотелось устроить истерику. Зарыдать. Вышвырнуть её из палаты. Я чувствовала себя самым большим ничтожеством, которое только может быть в мире. — Я знаю, что у тебя родился сын. Поздравляю.

— Пошла вон, — я сама не узнавала свой голос. Мне хотелось закричать на неё, но вместо этого из горла вырвался лишь жалобный стон.

— Ух, ты, как грубо. А я, между прочим, тебе фруктов принесла.

— Жри их сама.

Губы Лебедевой растянулись в кривой усмешке.

— Милая это ты жрёшь, да так жрёшь, что еле на кровати умещаешься. И после этого ты ещё удивляешься, что Андрей выбрал меня? Он здоровый нормальный мужчина, которому нужна страсть, хороший секс, красивая и яркая женщина. А ты ничего не можешь кроме как подтирать полы и кашеварить. Так должна тебе сказать в нашем доме с этой ролью отлично справляется домработница, — это был удар ниже пояса. Я знала, чего она добивалась. Хотела, морально унижить меня. И у неё это отлично получалось. — Я вижу, что Андрей очень бурно отреагировал на известие, что ты обманывала его, изменяла ему. Я не думала, что он будет так не сдержан. В пакете с фруктами есть мази и лекарства. Недельку попользуешься, и всё пройдёт. И пожалуйста, не благодари меня за это. Я делаю это исключительно по старой дружбе.

В этот момент я поняла, что произошло. Она сказала Андрею, что...Тварь!

— Это его ребёнок! Я не изменяла!

Мне хотелось, вцепиться ей в волосы, избить так же сильно, как и её ублюдок забивал меня беременной, когда я не могла ответить. Мне хотелось, чтобы она почувствовала всю эту боль. Но я сдерживалась, из последних сил, но сдерживалась. Нет. Хватит. С этого момента у меня началась новая жизнь. Я не стану опускаться до их уровня.

— Верно. Но, видишь ли, тебе никто не поверит. Конечно, на твою защиту мог бы

встать Дима....но совсем недавно я узнала о трагедии, которая произошла. Упокой Господи его душу.

Этого я простить не смогла. Соскочив с кровати, я вцепилась ей в волосы, и, не обращая внимания на всё ещё не прошедшую боль, коленом двинула в её разукрашенную морду.

— Заткнись сука! Не слова о нём! Не смей открывать свой прогнивший рот! Не смей произносить его имя, иначе я убью тебя!

Она вырвалась. С трудом, но вырвалась и отшатнулась от меня на несколько шагов. Я абсолютно чётко видела в её глазах испуг. Не ожидала. Эта кобыла не ожидала, что я могу ответить. Тварь прогнившая!

— Успокойся истеричка! Я хотела решить всё по мирному, но раз ты не понимаешь человеческий язык, объясню на твоём. На свинячем. Попытаешься, подать в суд за избиение — пожалеешь. У Андрея много влиятельных друзей. Да и я, в отличие от тебя, время попросту не теряла. У меня тоже есть парочка нужных знакомств. Сама замучаешься от обвинений отбиваться. Что касается алиментов — можешь забыть о них. Если хоть на что-то станешь претендовать, я лично прослежу, чтобы тебя лишили родительских прав. У тебя нет прописки, нет жилья, нет работы, ты даже нигде не учишься. Так что если хочешь сама воспитывать своего выродка, забудь о нас. Ты теперь девочка одинокая, должна понимать: сама себе не поможешь, никто не поможет. Так что аривидерчи дорогая. Была рада повидаться. Надеюсь только, что в последний раз.

Я качала мирно сопящего Максимку на руках, нежно целовала его в пухлые розовенькие щёчки, тихо напевала ему колыбельную и всеми силами старалась проглотить наворачивающиеся на глаза слёзы. Моему сыночку уже пять дней от роду. Как мне и обещала медсестра, Максюту только один день подержали в инкубаторе, а потом его перевели в обычную палату. За эти дни я практически ни на секунду не расставалась со своим крохой. Я смотрела, как он хлопает своими сонными глазами, как закатывает на весь роддом истерики, когда хочет почавкать своим беззубым ротиком, как обхватывает крошечными ладошками мою грудь и жадно набивает своё пузико. Всё это успокаивало меня. Когда Максюта был рядом, все мрачные мысли улетучивались куда-то далеко-далеко. Но только не сегодня. Баюкая на руках своего, уже полчаса мирно посапывающего карапуза, я не могла и не хотела развеивать застывшего в моей памяти образа Димы. Человека, смерть которого, погубила и меня саму. Нет, я не плакала. Я больше не плакала с тех пор как меня 'навестила' Лебедева. Я просто умерла. Все чувства во мне заledenели. Единственное существо, которое заставляло меня улыбаться даже тогда, когда хотелось выть от горя — мой сынишка. В тот день, когда я узнала, что Димы больше нет, я поклялась себе, что теперь я буду жить только ради Максима. Только ради него я буду просыпаться по утрам. Только ради него я заставлю себя жить. Не просто существовать как увядающее растение, а именно ЖИТЬ. Только ради него я никогда не сдамся. Как бы трудно не было, чтобы мне не пришлось пережить, но я не сдамся. У меня есть самый драгоценный подарок, который только может получить человек за всё свою жизнь, и я сделаю всё, чтобы мой сын был счастливым. Единственное чего я никак не могла понять, это как можно отказаться от собственного ребёнка? От маленького беззащитного комочка, который наполнил этот свет неимоверной нежностью и любовью.

Как можно добровольно отказаться от такого счастья? Не весть, откуда взявшаяся измена, высосанная из пальца сказка о чужом ребёнке — всё это одни лишь отговорки. Отговорки от своей же совести. Андрей никогда не хотел этого ребёнка. Поэтому так охотно и поверил в удачно сложившуюся для него легенду. Что ж это останется на его совести. Жизнь всех рассудит по заслугам.

Я аккуратно, боясь разбудить, положила Максюту в кроватку, ещё раз поцеловав сыночка в пухлую щёчку. Вернувшись в свою палату, я в спешке накинула поверх больничного халата пуховик и надела сапоги. Надо спешить. Похороны начнутся через час. Я знала, что меня там никто не ждёт. Более того моё присутствие может оставить неприятный осадок у многих людей. Но я никогда не прощу себе, если не попрощаюсь с ним. Он был самым дорогим человеком в моей жизни. И он меня любил. Это был единственный мужчина, который действительно меня любил. Если я сегодня не приду к нему, это будет предательство. Я сама не смогу себя за это простить.

— Девушка вы куда собрались? Немедленно разденьтесь и вернитесь в палату.

Медсестра окликнула меня, когда я была уже у самого выхода. Чёрт, только этого не хватало. Сейчас устроит шумиху.

— Мне надо отойти на пару часов. Я вернусь к вечеру.

— Вы с ума сошли? Вам ещё как минимум дня три нужно отдыхать в своей кровати. Немедленно вернитесь в палату или я позову врача!

— Послушайте, мне нужно отойти всего на пару часов. Никто даже не заметит.

— Об этом не может быть и речи! Немедленно возвращайтесь в палату.

Мысленно послав эту надоедливую девчонку куда подальше, я хотела просто выйти из больницы, не обращая внимания на её восклицания, но она резко загородила собой проход.

— Всё я зову врача! Геннадий Ва...

— Да заткнись ты дура! У меня друг погиб, понимаешь? Сегодня похороны. Я должна с ним попрощаться. Уйди с дороги! Умоляю, отойди, иначе я за себя не ручаюсь!

Меня колотила крупная дрожь. Из глаз катились слёзы. Вся боль, все страдания и невыносимая потеря, всё то, что я пережила за последнее время, взорвалось во мне именно сейчас. Я понимала, что если, ошарашено хлопающая ресницами медсестра не отойдёт от дверей, я могу и ударить её. К чёрту, пусть зовёт врача. Меня всё равно никто не остановит. Если понадобится — из окна выпрыгну, но я должна с ним попрощаться!

Видимо в моих глазах отражались все, овладевшие сейчас мною чувства. Неуверенно перемявшись с ноги на ногу, девушка всё же отошла в сторону, освободив мне проход.

Я смотрела на всё происходящее со стороны. Я затерялась где-то в толпе, не смея поднять взгляда на ЕГО маму, на Наталью... Я только перебирала остекленевшими глазами, подходящих к гробу людей. Вот теперь слёз действительно не было. Я просто не могла плакать. Кровоточащее, сжимающееся от невыносимой боли сердце, закупоривало во мне все остальные чувства. Я так хотела, я просто разрывалась от желания подбежать к гробу, последний раз прикоснуться к нему, провести ладонью по его коже, прижаться губами к холодной щеке.... Но я знала, что нельзя. Рядом с ним те люди, которые сейчас страдают намного больше, чем я. Так же, как мне было больно смотреть на Стаса во время похорон

Нади, сейчас мне было больно смотреть на Наташу. Она потеряла не только любимого мужчину. Она потеряла отца своего ребёнка. Господи, ну почему всё так несправедливо? У них ведь всё могло получиться. Они могли бы быть очень счастливы. Наташиной любви хватило бы им обоим, а я уверена, что как только бы Дима взял на руки своего сына, он смог бы, как, когда то и раньше, вновь полюбить ту, для которой он был дороже всех на свете. Почему, черт подери, смерть забирает лучших? Почему такие ублюдки как Лебедева, готовая идти по головам лишь бы добиться своей цели, Громов, способный избить беременную девушку и откупиться от своей совести нелепыми отмазками, и другие прогнившие ничтожества, ходят по этой земле, смеются, улыбаются и продолжают гадить всё вокруг себя? Ответ на этот вопрос я не получу никогда.

Наверное, именно сегодня, когда все уже разошлись, и я смогла подойти к ЕГО могиле, провести ладонью по сырой земле и положить на мраморную доску две одинокие гвоздики — единственное, на что хватило моих, болтавшихся в кармане грошей — я возненавидела Андрея, его гнилую любовницу и себя саму! Да, в особенности, пожалуй, даже себя. За то, что была такой тряпкой. За то, что терпела все унижения. За то, что продолжала тянуть эту нить страданий, изводя себя. Зачем мне это было нужно? Что я получила? Я позволяла обращаться с собой как с тряпкой, и я заслужила всё, что произошло. Всё...кроме гибели Димы. Почему? Почему он сейчас лежит в сырой земле? Почему всё так получилось? Я заслужила всё, что со мной произошло, но ОН должен был жить! Он не заслужил смерти. И именно тогда я поклялась, я окончательно поняла для себя, что буду бороться до последнего. Дима хотел, чтобы я была сильной, чтобы у меня получилось все, о чём я мечтаю, чтобы я стала счастливой. И так будет. Клянусь, Димочка, всё будет, как ты хотел. Я стану сильной, я зубами землю продеру, но снова сделаю из себя человека. И я буду счастливой. Обещаю Димочка, я буду счастливой!

Спустя неделю

Крепче прижимая к себе закутанного в одеялко Максюту, я смотрела в окно поезда, по которому барабанили крупные капельки дождя. Одна за другой менялись картинки пролетающих мимо меня посёлков, деревень, городов. Я снова, как и когда-то ехала на встречу неизвестности. Только теперь мне не было страшно. Если в Москву я ехала, совершенно не зная, что меня ждёт, то уезжала я из неё с чётко поставленной целью. Целью и желанием вернуться сюда снова. Да, может я мазохистка, но я хотела, нет, я точно знала, что когда-нибудь я снова вернусь в этот город. Город, который сломал меня. Город, который подарил и тут же отнял самых дорогих людей в моей жизни. Город, который окунул меня в иллюзию счастья, а потом натянул петлю мне на шею. Только я перережу эту петлю. По ночам в подушку выть буду, выжму из себя все силы, сделаю всё возможное и невозможное, но я встану с колен. И я вернусь в этот город. Город — убивающий мечты, и город, который стал самым лучшим учителем в моей жизни. Возможно, когда-то я буду благодарна тебе

Москва. Возможно, когда-то я скажу спасибо за всё, что со мной произошло. А пока, я сделаю всё, чтобы снова вернуться в Белокаменную. Но я вернусь уже не той, что сейчас уезжаю отсюда. Я вернусь ЧЕЛОВЕКОМ! И сама поставлю на колени тех, кто растоптал унизил, вогнал меня в грязь. Последнее слово будет за мной.

Прижимая попискивающего, закутанного в одеялко Максютку к груди, я постучалась в деревянную калитку. На улице моросил дождик, и, судя по размывшим дорогу лужам, температура воздуха колебалась от нуля градусов до плюсовой отметки. Снег таял ещё до того как ложился на землю. Три дня, я с двумя пересадками добиралась до 'Вишнёвки' — достаточно отдаленной от Москвы деревушки. За это время я практически не сомкнула глаз. То Максюта звонко будил весь поезд, требуя его немедленно накормить. То приходилось искать испуганно забивающуюся во всевозможные углы Бониту. То меня тормозили со всеми этими пересадками. В общем, к тому время как я с большим трудом нашла адрес, который мне дала Александра Андреевна, я уже буквально валилась с ног от усталости и ужасного недосыпа.

— Сейчас, иду, иду... — со двора послышался тихий хрипловатый голос, и через несколько минут распахнулась калитка, в проёме которой появилась старая, закутанная в прохудившуюся чёрную куртку худощавая женщина, которой я бы дала на вид 60–65 лет. Прочитав во взгляде старушки лёгкое непонимания, я тут же принялась объясняться.

— Здравствуйте. Меня Оксана зовут, Оксана Толмачёва. Вам говорила обо мне Александра...

— Оксаночка? — не дав мне договорить, перебила старушка, шире распахнув калитку, освобождая проход. — Конечно, мы говорили о тебя с Санечкой. Ты с маленьким со своим да? Ну, не стой у ворот. Проходи скорее в дом. А то и сама заболеешь и малыша своего простудишь.

Честно сказать я испытала большое облегчение после этих слов. Всё-таки где-то в глубине души, я сомневалась в словах Диминой мамы. Не то, чтобы я была уверена, что она меня специально обманула, вовсе нет, просто после недавних событий я стала с опаской относиться ко всем словам и обещаниям. Доверие сложная штука. Ты получаешь предательство от одного человека, а опасаться начинаешь всех вокруг.

Войдя в дом, я оставила небольшую дорожную сумку со всеми вещами, документами и тут же выскочившей наружу перепуганной Бонитой у дверей.

— Ой, это кто тут такой махонький? Котёночек? Ну что ты там забился лапулечка, беги на кухню, я тебе сейчас и молочка налью и рыбки положу.

— Это девочка. Она сторонится чужих людей, — осторожно, стараясь не разбудить засопевшего в моих руках Максюту, я попыталась приласкать, успокоить свою забившуюся в угол кошечку, но малышка отчего-то увернулась от моей руки и быстро сиганула в комнату. — Бонита, что такое? Иди сюда малышка.

— Бонита? Имя-то, какое чудное. Первый раз слышу. А она, наверное, Мурзика боится. Почувствовала его присутствие, вот и жмётся по всем углам. А ты проходи в дом Оксаночка. Чего в дверях-то стоять? Я сейчас чай подогрею, котлеты вон ещё только со сковородки. Голодная, наверное? Умаялась с дороги, отдохнуть надо. Да и маленького твоего сейчас пристроим.

— А что за Мурзик?

Войдя вслед за пожилой женщиной в кухню, я облегчённо рухнула на стул, тихонечко начав укачивать открывшего сонные глазки Максюту. К моему удивлению малыш не закатил знатного крика, как он делал всегда, когда хотел кушать. А кушать он тоже хотел практически беспрерывно. Всё-таки сынуля появился на свет настоящим прожорливым кабачком.

Сонно похлопав глазками, Максюта крошечными ручками затеребонькал замочек на моей куртке. Расстегнув верхние пуговицы на кофте, и немного припустив лямку бюстгалтера, я невольно вздрогнула и не сильно хлопнула Максюту по попке, когда он умудрился своим беззубым ротиком больнова-то ущипнуть меня за сосок.

— Мой кот. Он сейчас по деревне где-то носится. Но твоя Бонита, понятно дело, учуяла его запах. Я тебе сейчас котлет с вермишелью положу. Ты, когда своего малыша покормишь, сама обязательно поешь.

— Да, спасибо....Простите, я ведь даже не знаю, как вас называть?

— Антонина Сергеевна я. Но ты зови меня просто — тётя Тоня.

Пока пожилая женщина ворковала у плиты, я укачивала на руках Максюту, не перестававшего мять в своих маленьких ладошках мою грудь. Должна сказать, что оглядевшись по сторонам, я сильно удивилась обстановке дома. Он не был похож на обычный простенький деревенский домишка. Нет, конечно, он не был и коттеджем, но сразу бросалось в глаза, что построено жилище было относительно недавно и руками добросовестного мастера. Высокие потолки, широкие комнаты, которых оказалось две, не считая кухни, камин и батареи (!), красивые светлые обои и новая, правда, немногочисленная мебель. Даже странно, что за комнату в таком доме женщина попросила всего четыре тысячи в месяц. Хотя судя по всему, несмотря на то, что дом строил явно не бедный человек, сейчас тётя Тоня нуждалась в деньгах. Мебели было действительно мало.

— Ты значит, с Димочкой дружила да? Ох, светлая ему память. Я до сих пор не могу поверить, в то, что произошло. Я ведь давно этого мальчугана знала. Ещё с тех самых пор, когда он в ползунках на полу валялся. Он почитай лет до шестнадцати, да и потом ещё пару годков, заезжал к нам погостить на всё лето. Жил в соседнем доме. Они со Стёпкой моим, как не разлей вода, были. Всё время вместе. И на рыбалку, и в лес, и на речку.

Тётя Тоня поставила передо мной тарелку с котлетами и вермишелью, а в это время, Максюта как раз закончил свою трапезу и довольно засопел на сытое пузико. Аккуратно, боясь разбудить малыша, я уложила его на стоящий, как раз позади меня диванчик.

— Тебе бы кроватку для него надо. У меня есть, надо только из сарая принести. Правда, она старая. Уже больше двадцати лет ей никто не пользовался.

— Это неважно. Спасибо вам большое. Даже не знаю, как вас благодарить.

— Да, что ты брось. Я рада, что коротать свои последние годки буду не в одиночестве. Ты не стесняйся если что. Надо будет с малышом посидеть — я всегда готова. Забот у меня особых нет. Практически целыми днями дома сижу. Так что мне только в радость твой приезд.

— Скажите, а Степан — это ваш сын?

Когда улыбка сошла с лица женщины, я поняла, что задела какую-то болезную тему.

— Да, только видимся мы теперь не часто. Он сейчас за посёлком. А мне старой, уже не по силам дотуда пешком ходить.

— А почему же он к вам не приезжает?

— Не придет, миленькая. Это только я теперь к нему скоро приеду. Пока жива — только на кладбище и могу его почувствовать, а уж когда умру — даст бог увижу своего Стёпку.

Мне стало не по себе. Кладбище...смерть...Чёрт, кругом эта смерть. Где бы я ни была, она окружает меня. Нависает надо мной дьявольской пеленой.

— Простите.

— Ничего. Два года уже прошло. Утонул мой мальчик. У соседней девочки матрас в водорослях застрял, он за ним поплыл и сам в этих водных верёвках запутался. А глубина-то большая была. Вот так всё и вышло. А ему только двадцать четыре исполнилось. Он был моим единственным ребёнком. А теперь вот и Димы нет...счастье, что хоть след после себя оставил. Санечка — мама его, говорила мне, что Наталья беременна. Даст бог мальчик будет. Может хоть так боль их поутихнет. А ты...сыночек твой, он...

— Нет. У нас с Димой никогда ничего не было. Он был мне как брат.

— Саня говорила мне, что ты сирота. Совсем никого из родных нет?

— Никого. — А отец ребёнка? Он где?

— Он умер.

Несколько минут тётя Тоня молчала, а потом очень осторожно спросила:

— Для тебя или вообще?

— Для меня.

Тяжело вздохнув, женщина поправила съехавшую на лоб косынку.

— Эх, время-время... Как же ты жить дальше собираешься? Одна с малышом, да ещё и в нашей глуши. Нет, ты не думай, я помогу всем, чем смогу, только тяжело тебе придётся. Очень тяжело. Ты это понимаешь? Не испугаешься?

— Понимаю. И я не боюсь. Я только спросить хотела, какая у вас здесь работа есть? Мне любая подойдёт, лишь бы деньги платили.

— Работа? Да, где же здесь работу найти можно? Это ведь не город. Если только на базар. Там лавочка одна пустует. Если с Тимофеевной договориться, можешь лавочку эту себе забрать. Торговать будешь.

— Торговать? Чем?

Если честно я не могла себя представить в роли продавца. Я думала о всякой работе: уборщица, кассирша в продуктовом, почтальон, но о базаре на лавке даже помыслить не могла.

— Да чем хочешь. У меня вон в погребе целый склад есть. Там и огурчики замаринованные, и помидорчики, и ягодки замороженные, и варенье. Банок сорок наберётся. Продавай, если тебе надо. Мне старой всё равно столько не нужно. Да и осенью снова урожай собирать будем. А то, что сейчас зима — ты не пугайся. Наша деревня вблизи крупных городов расположена. Знаешь, сколько на дню здесь столичных краль вместе со своими хахалями разгуливают? И на базар к нам часто наведываются. У нас-то продукты все натуральные, без добавок. А зимой спрос на фрукты ещё больше чем летом.

— А где ваш базар находится?

— Базар далеко. Он ведь не в самой деревне, он в соседнем посёлке расположен. Просто половина наших там торгует. Если пешком идти, то часа полтора не меньше. Только ты об этом пока не думай. Сынок у тебя ещё слишком маленький. Вот подрастет, и будешь по работам бегать.

— Да, подрастёт....Только некогда мне ждать. Я без дела сидеть не буду.

Пока я кушала, и старалась не выдать, как больно мне даётся каждый съестной кусочек — за эти три дня, я ела лишь один раз, и то всего два бутерброда — тётя Тоня отговаривала меня от работы. Да я и сама понимала, что не могу свешивать на неё Максимку. Тем более пока он маленький. Но я точно решила для себя, что без дела сидеть не буду. Я носки буду вязать, одежду шить, игрушки, тем более что у Антонины Сергеевны и машинка швейная есть и материал всякий. А потом, когда Максимка чуток порастёт, и на базар пойду. Может и правда, что получится с этим 'бизнесом'. Сразу после того как я поела, и не обращая внимания на причитания тёти Тони немного убралась в доме, я перенесла сына в отведённую мне комнату, и без сил рухнула на кровать. Отключилась я сразу, как только моя голова коснулась подушки. А проснулась несколько раньше, чем ожидала. И вовсе не от сигнала будильника. Услышав, плачь, и громкие причитания тёти Тони, я, в чём была — ночнушке и тапочках — выбежала в сени.

— Украла...ироды...всё украла...

Пожилая женщина лежала на ступеньках возле распахнутой калитки и вытирала струящиеся по щекам слёзы. Ничего не понимая с просони, я огляделась по сторонам. И даже, когда увидела, что всё в доме перевернуто, не совсем поняла, что случилось.

— Деньги...все деньги забрали....И пиджак Стёпочкин, даже пиджак украла... нелюди...

Наконец, осознав, что произошло, я с трудом заставила женщину подняться, завела её в дом, и еле как, отыскав лекарства, дала их Антонине. А потом...я точно не знаю, какие чувства я испытывала, когда подходила к своей истерзанной дорожной сумке, которую так и забыла перенести в свою комнату. Всё её содержимое было вытряхнуто. Вещи, документы валялись в разных углах комнаты, а вот денег не было. Ни копейки. Абсолютно ничего.

Тот день стал предпоследним коренным переломом в моей жизни. Все планы, которые мне хоть как-то удалось перед собой выстроить, рухнули в одночасье. Судьба снова перевернула мою жизнь вверх дном, не оставив мне не единого выбора. И я пошла по прямой. Преодолевая, скорее даже ломая себя, я пошла по той дороге, которую кто-то свыше упрямо выстраивал передо мной. На следующее утро, после моего прибытия в деревню, я поехала, а точнее пошла в посёлок. Самым трудным для меня, пожалуй, стала двухчасовая 'прогулка' в прохудившихся осенних сапогах по трёхметровым сугробам. Как назло, в ту самую ночь, когда в дом Антонины Сергеевны ворвались воры, которые по предположение самой хозяйки скорее всего были алкашами с соседней деревушки, найти которых и доказать их причастность к ограблению милиция, а точнее местный спившийся участковый, конечно же не смог, разыгралась настоящая снежная буря. И плюс ко всему тому температура воздуха упала до минус тридцати градусов мороза. Но я, с трудом убедив свою старушку в том, что это жизненная необходимость, пешком, едва ли не откинувшись на тот свет от дикого холода и безумной усталости, дошла до соседнего посёлка. Как мне и говорила тётя Тоня, одна из многочисленных лавочек на довольно большом рынке пустовала. Договориться с Александрой Тимофеевной — владелицей практически всего рынка — мне удалось довольно не трудно. Единственное что, как я в принципе и предполагала, понадобились деньги. Не сказать, что слишком большие, но у меня, после внезапно нагрянувших 'ночных гостей' остались лишь валявшиеся на дне кармана куртки восемнадцать рублей, а одолжить денег у Антонины Сергеевны я просто не могла. Да и не было у неё их наверняка. Всю пенсию вынесли. Да ещё и некоторые вещи её сына с собой прихватили, твари бесчувственные. Поэтому беспокоить, итак подсевшую на успокоительные старушку, я ни

как не могла. Пришлось, ещё раз переступить себе на горло и, упробив соседа довезти меня до ближайшего города, я скрепя сердцем и сглатывая разрывающие душу слёзы заложила в ломбард золотые серёжки с маленькими камушками в виде сердечек. Это был единственный подарок Димы, который привезла мне его мама в больницу. И это была единственная вещь, которая у меня осталась в память о нём. В тот самый день я поклялась, что в лепёшку расшибусь, но выкуплю эти серёжки. В каком-то смысле, они были моей единственной отдушиной, воспоминанием о самом дорогом человеке в моей жизни. И я сдержала своё обещание. Точнее ту часть, касательную 'расшибения в лепёшку'. Каждый день, я стала просыпаться в семь утра. Умывалась на заднем дворе. Напяливала на себя какие-то лохмотья, съедала свой скудный завтрак, состоявший из какой-нибудь печенки и горячего чая. А потом, осторожно, безумно боясь разбудить, целовала Максюту в лобик, я совершала свой ежедневный маршрут. Два часа, в простенькой курточке и прохуdivшихся сапогах по дикому морозу. Иногда я даже с громадной температурой, каждую секунду содрогаюсь от холода, выходила на работу. Просто потому, что мне нельзя было оставаться дома. Деньги были нужны катастрофически. Каждая копейка была на счету. Да и Тётя Тоня оказалась права. Я действительно частенько видела на рынке довольно обеспечивать людей. И чего греха таить, всякий раз, когда мимо прилавков проходили ухоженные до кончика каждого пальца привередливые особы, поглядывающие на всех продавцов, местных жителей и меня непосредственно свысока, я не чувствовала к ним ненависти или ярости, я просто завидовала им.

Нет, я не изливалась ядом по отношению к ним, но мне тоже хотелось иметь возможность, вот также беззаботно, прогуливаться по обычному продуктовому магазину, и складывать в свою сумку всё, что пожелается. Белый хлебушек, куриные ножки, свининку, кусочек сыра. О каких-то сладостях, пускай даже самых дешёвых конфетах я даже во сне помыслить не могла. И хотя сейчас, всё это ещё было терпимо, мне было страшно даже представить, что я буду отвечать сыну, когда он немного подрастёт. Когда, как и всё остальные мальчишки захочет игрушек, своей собственной, а не доставшей от кого-то одежды, каких-нибудь сладостей. Как я буду объяснять ему, что его мама необразованная дура, которая, наверное, до конца жизни будет торговать на базаре и никогда не сможет обеспечить ему достойную жизнь? Порой эти мысли загоняли меня в тупик. Я была на грани. Каждый день одно и то же. С утра и до позднего вечера я не появлялась дома, промерзая на холоде и получая за это гроши. Я практически не видела своего сына. Когда я уходила, Максимка ещё спал, когда возвращалась, он уже спал. Мне оставалась, лишь укрывать его в кровати одеяльцем, целовать в пухлые щёки. И сцеживать ему на утро молочко. Утешением было только то, что сыночек привязался в Антонине Сергеевне и по её рассказам сильно не 'шалил'. Только я ведь понимала, что ему всё равно нужна мама. Тем более в таком ещё совсем крошечном возрасте. Иногда по ночам, когда все уже спали, а я на заказ вязала носки, варежки, шарфы или шила детские пижамки, меня прорбировал плач. Жалкий такой, переполненный отчаянием. Я закрывала рот ладонью и тихо всхлипывала, боясь разбудить Максюту или тётю Тони. Я опустошалась. Морально я уже стояла на пути верной и мучительной смерти. Где-то глубоко в подсознании я понимала, что для меня наступает конец. Что я скоро не выдержу и просто брошусь под поезд или наглотаюсь таблеток. Но я держалась. Из последних сил я продолжала бороться. И теперь уже вовсе не из-за ненависти к Андрею или желания вернуться в Москву, вовсе нет. По-правде говоря за прошедший год, я истощала свой источник ненависти. Мне просто стало наплевать.

Наплевать, как там сейчас живёт Андрей и Лебедева, что у них происходит, вспоминает ли этот лишённый совести папаша, что где-то далеко у него остался брошенный им годовалый сын. Мне было уже всё равно. Всё это осталось на их совести. Им с этим жить. А я поняла только одну вещь. Ни на кого не надо держать зла. Чтобы не случилось, как бы тяжело тебе не было, не надо давать ненависти пробраться в своё сердце. Не надо отвечать злом на зло, потому что кругом итак одна злоба. Я поняла, что я просто выше этого. Что мне нет никакого дела до своего прошлого. Я живу настоящим и думаю о будущем. И надо сказать, что постепенно я стала ко всему привыкать. Привыкать к тому, что я работаю без выходных, практически не вижу своего малыша и сплю по четыре часа в день. Я привыкла к этому...но не смирилась. Где-то глубоко внутри я продолжала верить и надеяться, что скоро всё это закончится. Что я, наконец, смогу начать нормальную жизнь. А точнее я просто чувствовала, что грядут перемены. Я была уверена, что скоро должно произойти, что-то очень важное, какой-то толчок, который навсегда изменит мою жизнь. И на этот раз я уже не боялась перемен. Я ждала их. Мне нужен был этот новый глоток воздуха. И он наступил. Но всё произошло совсем не так, как я ожидала.

Тот день с самого утра начался ни как все предыдущие. Именно в тот день, я за многие месяцы первый раз освободила себя от работы и взяла немного денег из общего бюджета. Неспешно одевшись, я ещё раз предупредив тётю Тоню, отправилась в соседнее село. Уже около двенадцати часов утра автобус остановился на Сергиево-Посадском вокзале. Ещё через полчаса я уже сидела в электричке, которая неслась на пути в Москву. Я снова возвращалась в этот город. Только всего на пару часов. Мне надо было навестить своих родных. Целый год я не могла выбраться, чтобы съездить к друзьям и теперь меня пробивала волна мелкой дрожи, когда я была всего в пару километров от своих самых близких людей. Почему-то, всё время пока я ехала в электричке я думала о своей Боните. Своей маленькой привередливой кошечки, которая уже вот-вот готовилась стать мамой. Я даже улыбнулась, когда вспомнила, как застала их с Мурзиком. Тем самым котом Антонины Сергеевны. Они с Бонитой никогда не ладили. Она у меня девочка привередливая, всегда воротила нос от ободранного сторонящегося всякой ласки кота. Мурзик считался главарем бандитской группировки котят, которые держали в страхе всех собак деревни. И он тоже всегда не упускал случая припугнуть мою Бониту. Можно сказать, они никак не могли поделить территорию. Пометили весь дом так, что за километр несло кошачьими благовониями. Поэтому надо сказать, что я была в настоящем шоке, когда ночью выйдя в туалет, я услышала из сеней тихое попискивание, а потом и увидела, как Мурзик придавил мою Бониту к полу и....В общем, то, что они делали, не предназначалось для посторонних глаз. С той ночи, практически ничего не изменилось. Они всё также продолжали шипеть друг на друга, но тётя Тони рассказывала мне, что Мурзик начал отдавать Боните свою еду, а ещё он стал отпугивать от неё всех местных котов. Я даже немного завидовала своей кошечки. За мной бы кто так ухаживал, как за ней Мурзик.

Выйдя из электрички, я, стараясь отвлечь себя от мыслей, что снова нахожусь в этом городе, забежала в цветочный ларёк и купила два скромных букетика. До кладбища я доехала только через два часа. В Москве всё-таки нечеловеческие пробки. Первого я навестила

своего Димочку. Положила на каменную плиту свои одинокие гвоздики, провела рукой по его фотографии...Могила была ухоженная. Сразу видно, что за ней всегда следили. Много цветов, в основном живых....И венок 'От любящей жены и дочки'. Значит, у него родилась девочка. Представляю, какая красавица. Дима бы, наверное, был на седьмом небе, когда бы взял на руки свою крохотную дочурку. Я смогла сдержать слёзы. Прислонившись губами к мраморной плите, я тихо прошептала, что очень люблю его. Я была уверена, что он всё так же слышит и чувствует меня.

Надюшина могила была недалеко, и она выглядела такой же ухоженной, как и Димина. Только цветов было немного. Помимо моих гвоздик был только один, очень красивый, но скромный букетик. Почему-то, когда я прислонилась рукой к её фотографии, с которой она улыбалась, и её глаза сияли счастьем и безграничной любовью, меня прошила невероятная волна дрожи. Настолько сильная, что на этот раз я не смогла сдержать слёз.

— Эй, ты кто? Чего тебе здесь надо?

Я вздрогнула и резко подскочила на ноги, обернувшись назад. На меня смотрел мужчина. Скучно одетый, с помятым видом, заросшей щетиной. От него несло дешёвым спиртным. На вид я бы дала ему лет тридцать пять или сорок.

— Я пришла на могилу к своей подруге. Разве нельзя?

Мужчина молчал. Несколько минут внимательно и неотрывно смотрел на меня будто пытаюсь вспомнить. Будто мы с ним уже встречались. Я тоже попыталась поднапрячь память, но даже смутно похожий образ не мелькал у меня в голове. Хотя какие-то предчувствия, что этот мужчина мне знаком, меня всё же терзали.

— Оксана ты?

Я вздрогнула. Нет, я забилась в истерику. Внутри меня, что-то взорвалось. Моя и без того расшатанная психика уже не справлялась с новым накатом эмоций. Господи, Стас. Я узнала. Вот так просто. По одному единственному вопросу и смутно знакомому голосу. Это Стас. Точнее то, что от него осталось.

— Странно, я не думал, что ещё увижу тебя....Пришла к моей Наденьке? Последние полгода её уже никто не навещает....Выпить хочешь? — я молчала. Просто потому, что не знала, что ответить. Как выдавить из себя хотя бы слово. Я просто смотрела на человека, который больше напоминал умирающую собаку. — Нет? Ну как знаешь. А я вот выпью. Помяну свою Надюшу.

Я, молча, наблюдала, как он дрожащими руками наливает мутную жидкость в свой грязный стакан и залпом уничтожает её. Я наблюдала за тем, как он неотрывно смотрит на её фотографии. Как блестят его стеклянные глаза какими-то невероятными чувствами, которые не каждому человеку даны....В его взгляде даже не любовь. В нём просто смысл. Смысл всей жизни в одном единственном человеке, которого уже нет на этой земле. И мне было страшно. Пожалуй, никогда, мне не было так страшно, как в тот момент, когда я смотрела в его глаза.

— Спасибо тебе Ксюш, за то, что пришла. И за цветы спасибо. Наденька их очень любит, а у меня вот зарплату задерживают....И прости меня Ксюш. Я много в чём перед тобой виноват. Рад, что удалось покаяться. В последний раз, наверное. Больше уже вряд ли свидимся. По крайней мере уж не в этой жизни, точно. Ты иди Ксюш, мне ещё листья убрать надо, подкрасить кое-чего...Спасибо, что пришла, но иди. Мне бы наедине с моей Наденькой побыть.

*Стас был прав. Это была наша последняя встреча. Через три месяца после неё, он умер от сердечного приступа. Отмучился. Больше года он работал сторожем на этом кладбище, ежедневно находясь рядом с ней.

Его похоронили рядом с Надюшей. Пускай не в этом, но в ТОМ мире они обрели счастье....обрели друг друга.*

Я уезжала из Москвы в подавленных чувствах. Опять этот город, всего за несколько часов, что я провела здесь смог выдавить из меня все силы. И я опять чувствовала, что очень скоро всё изменится. Любой визит в Москву всегда менял мою жизнь. Я знала, что очень скоро должно произойти, что-то очень важное....И это произошло. В тот же вечер, когда я вернулась к себе, в свой временный дом. Только я не знала, что меня ждал очередной удар. Но в отличие от всех предыдущих именно этот удар вернул меня к жизни. Именно он снова подарил мне возможность дышать полной грудью, смеяться, радоваться каждому дню. Именно он, пусть и не сразу, подарил мне счастье. Самое большее счастье, которое только может получить человек. Именно благодаря нему я поняла, что такое любовь. Та самая, о которой так много говорят, так много пишут, о которой в тайне мечтает каждый человек....Та самая, которая бывает только раз в жизни.

Какое-то непонятное, щемящее душу чувство тревоги, подкралось ко мне ещё до того момента как я вошла в дом. С той самой минуты как я вышла из электрички, меня не покидало дурное предчувствие. Ощущение, что случилось, что-то плохое. Когда я, открыв калитку, вошла в сени и увидела сидящую на лавочке тётю Тоню, моё сердце болезненно сжалось. Она плакала. Её худощавые плечи непрерывно вздрагивали, а лицо было закрыто ладонями. Несколько секунд я не решалась ни то, что пойти к ней, я даже слова вымолвить не смогла. Видимо интуитивно ощутив моё присутствие, женщина подняла заплаканное лицо и в тоже мгновение наши взгляды встретились. Не знаю, что со мной случилось в ту секунду. Может, сыграло материнское чувство, а может просто хорошо развитая женская интуиция, но я точно поняла, не столько даже головой, сколько сердцем, что с Максютой случилось что-то плохое. Я даже ещё не успела испугаться, прежде чем заговорила Антонина Сергеевна.

— Оксаночка...деточка прости меня...это я, я дура старая не уследила....Это я во всём виновата...

Мне казалось, что меня медленно начинают разрывать на части. Максим. Что с моим сыном? Где он?

— Он же шустренький... шустренький мальчишка, а я за ним не поспевала....Забрался на лавочку, мне всего пары секунд не хватило....Упал твой маленький и головкой о ступеньки ударился....Кровь пошла, я скорую сразу вызвала....Так они ироды только через час приехали....Прости меня Ксаночка, ради всего святого прости....

Наверное, каждая частичка моей души покрылась ледяной корочкой дьявольского страха. Мой мальчик...мой Максюта...нет, с ним всё хорошо! Я бы почувствовала....если бы с ним, что-то случилось, я бы умерла в ту же секунду. С моим мальчиком всё в порядке!

— Что с ним? Где он?

— В больницу его увезли. Я хотела с ним поехать, так ведь надо было тебя дожидаться....Ты не бойся, там медсестра моя подруга давняя она за всем обязательно проследит...Ксаночка, она сказала, что всё обязательно будет хорошо...

— Где эта чёртова больница?!

Первый раз я подняла голос на Антонину Сергеевну. Не потому что злилась на неё или считала, что это она во всём виновата, просто сейчас я совершенно ничего не соображала. Все чувства, вся боль, все переживания, безумная усталость и безвыходность всей моей жизни, в этот момент просто взорвались внутри меня. Я всё могу проглотить, перетерпеть, но только не Максюту! Если с ним, что-то случится...

— Она тут, возле плотины....В противоположном направлении как ты на работу идёшь...Ксана...

Дальше я не слушала. Выбежав на улицу, я не разбирая дороги, помчалась буквально, куда глаза глядят. Я так и не поняла, где эта чёртова больница. Можно сказать, что меня к ней сердце привело. Ноги сами двигались туда, куда было нужно. Я даже не различала мелькавших передо мной картинок. Тело пробивал жуткий озноб. Сердце билось в таком бешеном ритме, что казалось, ещё совсем немного, и оно просто проломит грудную клетку. Перед глазами всё плыло. Затуманенный диким страхом рассудок отказывался воспроизводить действительность. Я даже не сразу поняла, как оказалась в больнице, как, не обращая внимания на доносящиеся за моей спиной неразборчивые крики, обежала все коридоры. Я очнулась только, когда меня кто-то усиленно тряс за плечи. Пришлось собрать в себе последние остатки совсем крошечных сил, чтобы хоть немного успокоиться и привести себя в чувства.

— Вы, как я понимаю, мама мальчика, что поступил к нам этим вечером?

Кажется передо мной стоял врач. Я смутно видела его лицо, хотя он был всего лишь в паре сантиметров от меня. Я смогла только понять, что за плечи меня придерживает довольно пожилой мужчина в белом халате.

— Да... Да я его мама! Доктор умоляю, скажите, что с моим сыном? С ним ведь всё хорошо, да? Умоляю, не молчите!

— Тише, успокойтесь. Оксана, кажется, да? Простите, не знаю, как ваше отчество...

— Не важно, чёрт с этим отчеством! Доктор умоляю, не тяните! Что с моим сыном?

— Разрыв мозговой ткани при травме. Насколько я знаю, он упал с возвышенности и ударился головой об угол ступеньки.

— Разрыв мозговой ткани...я не понимаю, что это значит?

— Это одна из наиболее ярко выраженных особенностей ЧМС.

— Что такое ЧМС? Я вас умоляю, говорите на человеческом языке!

Меня трясло как в лихорадке. Я даже не знала, чего мне хочется больше: вновь броситься искать своего мальчика по всем возможным палатам или придушить стоящего передо мной мужчину, из слов которого я ни черта не могу понять?!

— Черепно-мозговая травма. У детей грудного возраста нередко возникает перелом костей, что объясняется тонкостью костей черепа, отсутствием диплоического слоя.

— Чем...чем это опасно? Что мне делать?

— Для начала успокоиться. В таком состоянии вы нам вряд ли чем-то сможете помочь.

Обхватив себя за плечи, я с трудом смогла подавить в себе пробивающую всё тело волну дрожи. Хотелось кричать. Ужасно, на всю больницу, на весь посёлок. Кричать так, чтобы

кто-то свыше, наконец, заметил такую муху как я и перестал над ней издеваться.

— К сожалению, из-за бессимптомности или малосимптомности ЧМТ у детей, ранняя диагностика затрудняется. Последствия ЧМТ в детском возрасте зависят от тяжести травмы, возраста и преморбидного фона. Наиболее тяжелыми бывают последствия ЧМТ у детей раннего возраста. Это связано с недостаточной дифференциацией клеток коры мозга, слабостью тормозных процессов, незаконченной миелинизацией нервных волокон.

— Я...я не понимаю. Господи, скажите, что мне делать?

— В первую очередь вам нужно перевезти ребёнка в городскую клинику. Сами понимаете, в стенах этой больницы вашему сыну мало чем смогут помочь. С вашего согласия я могу прямо сейчас позвонить своему знакомому врачу-нейрохирургу. Он работает в больнице Сергеев-Посада. Думаю осуществить перевод вашего сына в городскую клинику, можно будет в ближайшее время. Нужно только ваше согласие.

— Да, да конечно! Как можно скорее, прошу вас!

— Будет произведена диагностика. Ряд медицинских исследований, многие из которых не бесплатны. Точнее, вы, конечно, можете получить льготу, и вам не придётся платить за диагностику, но для этого нужно будет собрать ряд определённых бумаг. Насколько я знаю, на это не уходит много времени. Поэтому, если вы согласны на перевод вашего сына в больницу Сергеев-Посада, прежде чем позвонить своему коллеге я точно должен знать какая диагностика будет проводиться. Платная или по льготе? Сразу хочу заметить, что в обоих случаях все процедуры абсолютно одинаковы. Разница только во временных рамках.

— Большая...разница большая? Сколько мне придётся ждать, чтобы собрать все бумаги для льготы?

— Недолго. Одну-две недели, не больше.

— Это опасно? Это как-то повлияет на здоровье моего сына?

— Ну, чем раньше будут проведены медицинские исследования, тем конечно лучше. Но думаю, что даже если придётся подождать пару недель, ничего страшного не случится. Госпитализация всё равно будет произведена. Ваш сын постоянно будет под присмотром медиков. Единственная неприятность, с которой вы можете столкнуться это отсутствие нужных врачей. Бывает надо оформить важные бумаги, а врач в отпуске. Такое редко случается, но всё же иногда это имеет место быть. Это, конечно, может значительно оттянуть получение льготы.

— А сколько...сколько стоит платная диагностика?

— Сейчас я не скажу вам это точно. Мне надо связаться с клиникой и обговорить всё со своим коллегой. Но думаю, что весь комплекс процедур будет в пределах тысячи долларов. Во всяком случае уж никак не больше, а возможно даже и значительно меньше.

Тысяча долларов...где, где чёрт побери мне достаться эти деньги, когда на дне моего кармана валяются жалкие двадцать рублей, а за этот проклятый год мне удалось скопить тысяч девять, не больше. Да какого всё это происходит? Кому я так насолила, что из меня выжимают все нервы и силы?

— Оксана, так мне созваниваться с клиникой?

— Да...только я пока не знаю, что делать с диагностикой... Мне можно подумать хотя бы до завтра?

— Разумеется. И не волнуйтесь так. С вашим малышом всё будет в порядке.

— Спасибо...Я могу его увидеть?

— Сейчас уже почти полдвенадцатого ночи. Я не думаю, что это лучшее время.

— Но, я очень хочу увидеть своего сына, пожалуйста...

— Оксана давайте завтра. Поверьте, так будет лучше, прежде всего для вашего Максима.

Я согласилась. Точнее просто молчаливо кивнула и больше ничего не сказав, вышла из больницы. Я практически ничего не чувствовала. Ни страха, ни волнения, ни безысходности, только презрение. Да, я презирала. Презирала саму себя. За то, что устроила себе такую жизнь. За то, что теперь не могу оплатить лечение собственному ребёнку. За то, что была бесхребетной тряпкой и позволяла всем подряд вытирать об себя ноги. Вот теперь я получила за это по заслугам. Так мне и надо. Я сама всё это заслужила. Внушила себе мысль, что я ничтожество, отброс общества. Вот теперь я этим ничтожеством и стала. И самое прискорбное, что мне некого винить в этом кроме как саму себя. За что боролась на то и напоролась. Я жила с мерзким лицемерным трусливым существом мужского пола, и позволяла ему втапывать себя в грязь. Я позволяла ему внушать мне мысль, что я ничто по сравнению с ним. Я плакала из-за размалёванной расставляющей ноги перед любым ходячим кошельком денег сучки, и думала, что она предел совершенства, а я жалкая размазанная картинка неизвестного художника. Почему я поняла всё это только теперь? Почему только теперь я осознала, что вся моя жизнь до сегодняшнего дня — одна сплошная нелепица. Я внушала себе, что простила Андрей? Забила на Лебедеву? И ведь да, в каком-то смысле это действительно так. Я не обманывала себя. Только я забыла пожелать им счастья. Я забыла послать им в небо воздушный поцелуй. Эти двое нашли друг друга. Слепой трусливый ослина отказавшийся от своего ребёнка и перетраханая шлюха — они чёрт подери, идеальная пара. А я дура! Слепая дура, у которой взорвались последние остатки терпения! Даже сейчас, я, чёрт побери, не бегая по знакомым, не пытаюсь хоть откуда-то достать деньги, я просто сижу под дождём на какой-то обшарпанной лавочке и размазываю слёзы по щекам. Хотя если бы не Максимка, я бы, пожалуй, даже бы и на лавочке сейчас не сидела. Я бы просто бросила под машину, прыгнула с моста, вены вскрыла или ещё чего-нибудь с собой сделала. Всё это предел. Эта та самая точка терпения. Терпения, которое у меня уже исчерпалось. Я не железная. Я, чёрт побери, обычная девятнадцатилетняя девушка, которая тоже хочет хоть какой-нибудь маленький кусочек счастья! И ведь мне не надо много. Мне нужен только сын. Мой Максимка. Мой здоровый маленький Максимка. Так кого чёрта всё это происходит? Кто и что пытается мне доказать? Через что я ещё должна пройти, чтобы расплатиться за свою наивность и идиотизм?

Наверное, я бы закричала. Громко. На всю деревню. Я бы заорала, чтобы хоть как-то заглушить разрывающие меня сейчас изнутри чувства. Но перед моими глазами постоянно мелькал какой-то мужик, возящийся со своей тачкой. Мне даже стало смешно за ним наблюдать. Вроде ничего такой мужинка. Костюмчик дорогой, часы на левом запястье, наверняка, золотые, иномарка, небось, только из салона. И вот он весь такой идеальный, живой представитель грёз всех девчонок и безупречный кандидат на роль опасного до чертей сексуального гангстера в каком-нибудь дорогом американском фильме, уже минут пятнадцать возится под капотом своей машины. Наверняка денег на ремонт зажал. Такие как они за каждую копейку удавятся.

Ещё немного повозившись со своим Мерседесом, мужчина вынырнул из-под машины, и словно почувствовав на себе чей-то взгляд, обернулся в мою сторону. Чёрт, ну и глаза. Синие до невозможности и вместе с этим отдающие даже какой-то чернотой. Мужчина усмехнулся, окинув меня мельким взглядом, а я мысленно показала ему фак. Что неприятно такому красавцу на такую неформатную швабру как я глазеть? Ну, так пусть валит. Пусть уматывает

туда, откуда приехал. Это ему не Москва, а обычная захудалая деревня. Здесь не все рожей удались.

— Подвезти?

Сначала мне показалось, что я ослышалась или что-то не так поняла. Я даже огляделась по сторонам, подумав, что вопрос не мне предназначался. Но нет. Никого кроме меня и этого Брэд Питта на дороге не было. Да и кому хочется ночью под дождём шляться?

— Садись, замёрзнешь.

Прежде чем залезть в свою машину он открыл дверцу со стороны пассажирского места возле водителя. Нет, это он, правда, мне? Этот мужик действительно только что предложил мне своим промокшим грязным задом смять кожаное сиденье его машины? Чего он хочет? А может он принял меня за... Да нет, такие мужики вряд ли трахают таких девчонок как я. Личиком мы не вышли. А хотя...кто знает, что у этих властелинов мира на уме? Только вот мне в самый раз не в их головах, а в своей башке покопаться. Потому что я села. Да, чёрт побери, я села в эту машину к совершенно незнакомому мне мужчине, совершенно не зная, что сейчас может произойти. И в этот же момент я очнулась как по щелчку пальцев. Здравый разум вернулся ко мне всего через пару секунд после того как я заползла внутрь дорогого кожаного салона. Но, несмотря на то, что бывая решимость и даже какая-то агрессия уже спали, я всё ещё тихо продолжала таить в себе злобу на всех окружающих. Особенно на богатых. Особенно на также ухмыляющихся, как и этот встречный.

— Куда тебя подвез...

— Тысяча долларов.

Если честно я сама от себя ошалела. Я даже не поняла, как решилась перебить этого незнакомца, да ещё и с явным подтекстом в голосе произнести такие слова? Но несмотря ни на что я не жалела и не собиралась просить прощения за свою дерзость. А что если и, правда, попробовать? Кто мне судья? Кто плюнет мне в спину? А даже если и плюнет....какое мне сейчас дело до чужого мнения, когда моему ребёнку нужны деньги на лечение?

— Не понял?

Кажется, мужчина действительно не понимал, что мне от него нужно. И у меня ещё был шанс исправить ситуацию. Только я не стала этого делать. Я, конечно, понимала, что абсурдность моего предложения превышает все допустимые нормы, но в тот вечер в меня как будто вселились все демоны, персонально ради меня вернувшиеся из ада. Мне тогда казалось, что я стою на краю пропасти и если не сделать этот шаг — этот ещё до недавнего времени казавшийся мне унижительным шаг, то я упаду вниз. Мне просто будет невозможно выкарабкаться и начать жизнь с чистого листа.

— Тысяча долларов. За всю ночь. И делайте со мной всё что хотите.

Несколько минут он молчал, похоже, пытаюсь осмыслить мои слова. А когда до него дошла суть моего обнаглевшего высказывания, он с такой силой вцепился ладонями в руль, что его пальцы побледнели. Невольно я даже вздрогнула и судорожно сглотнула, когда встретила с подёрнувшимися пеленой гнева глазами.

— Пошла вон отсюда. Давай выметайся шалава.

Я не была удивлена отказу. Более того я прекрасна знала, что ни на что другое мне рассчитывать нельзя. Но на душе всё равно неприятно заскребло. Не от того, что меня послали и послали довольно грубовато. И не от того, что я вообще опустилась до продажи собственного тела. Мне вдруг ужасно сильно захотелось плакать из-за голоса этого

незнакомца. Из-за его презрительного взгляда. Он оттолкнул меня с таким отвращением, словно представлял на моём месте грязную подранную кошку. Что ж так мне дуре и надо. На большее рассчитывать было нельзя.

Я вышла из машины. В тот же миг поежилась от порыва холодного ветра. Быстро забежала под занавес остановки, пытаюсь укрыться от крупных капель дождя. Хотя по сути это было бестолковое занятие. Я всё равно успела промокнуть до нитки и за то время, что сидела в машине этого мужчины я совсем не согрелась.

Кутаясь в прохудившуюся мокрую ветровку, я села на обшарпанную уже почти не для чего непригодную лавочку и согнув ноги в коленях, прижала их груди. Домой не хотелось. Я понимала, что Антонина Сергеевна волнуется, ждёт меня, переживает, но мне нужно было побыть одной. Сейчас я была просто не в состоянии кого-то видеть. Ужасно хотелось плакать. И не просто плакать, а рыдать. Сегодня я по-настоящему почувствовала себя настоящим ничтожеством. Ещё никогда и ничего не было для меня более унижительным, чем взгляд этого мужчины. А ведь я уже много, что испытала на своей дешёвой шкурке. И насмешки ухоженных дорогих женщин, которые с брезгливостью смотрели на меня и отпускали между собой шуточки в мой адрес. И унижения Андрея, которые всегда били по самому больному. У Громова была уникальная способность — найти самое уязвимое место и потом из раза в раз бить именно в него. Но всё ещё это было терпимо. Нет более того я привыкла к этому и даже можно сказать смирилась. Но сегодня...эти глаза, эта усмешка....Не знаю, я ведь сама не могу понять, почему на меня так подействовал этот отказ. Ну, какое мне дело до этого мужика? Ну, прогнал и прогнал. Мне же лучше. Наверняка утром я бы пожалела, возможно, даже возненавидела себя, если бы этой ночью что-нибудь произошло. В конце концов, не нужно кидаться в такие крайности. Да, тысяча долларов — практически непосильная для меня сумма. Но если очень постараться, то и её можно найти. Да и льготу никто не отменял. Почему я сразу думаю о плохом? Может именно сейчас все врачи на своих рабочих местах и мне не придётся платить деньги за эти процедуры.

Когда передо мной затормозила уже знакомая мне иномарка, и из неё вышел тот самый мужчина, из-за отказа которого я теперь едва сдерживала наворачивающие на глаза слёзы, я неожиданно даже для самой себя резко подскочила на ноги. Он усмехнулся, поджал губы и облокотился о дверцу своей машины, скрестив руки на груди. Теперь он смотрел на меня по-другому. Оценивающе, как-то удивлённо, с долей насмешки, но уже без брезгливости. Не знаю почему, но именно от этого взгляда, мне стало не по себе. И как не странно мне не захотелось резко сорваться с места и убежать. Наоборот я, не шевелясь, продолжала стоять на своём месте, неотрывно смотря на мужчину. Кажется, за те долгие несколько минут, что мы провели в полном молчании я забыла как надо дышать. Сердце пробивало хаотичные удары и по моему телу прошли давно забытые, а может даже ещё и совсем неизведанные волны дрожи. И мне это не понравилось. Откуда такая реакция?

— Ты просишь тысячу долларов за ночь. Опытные шлюхи, готовые выполнить любую прихоть клиента не берут столько за свои 'услуги'. Назови хоть одну причину, по которой я должен заплатить за ночь с худошавой промокшей до нитки девчонкой, одетой в какие-то лохмотья, да ещё и снятой на обочине захудалой деревни тысячу баксов? Что такого ты вытворяешь в постели, что ставишь себе такую цену? У тебя есть какие-то скрытые таланты?

Я не знала, что ответить. Более того около минуты я вообще не могла произнести не слова. Да и что мне говорить? У меня был только один парень. Я совершенно не имею опыта

в постельных выкрутасах. Не умею соблазнять мужчину. Не умею доставлять ему удовольствие. Но мне очень нужны деньги на лечения сына. Может ещё пару слезинок для убедительности пустить?

— Не попробуешь — не узнаешь.

Я сама была в шоке от того как только набралась такой наглости, как вообще осмелилась это произнести. И, похоже, в шоке была не только я. Судя по расширившимся от удивления зрачкам мужчины, он тоже не ожидал такого ответа. Наверняка думал, что я подожду хвост, начну трусить. И я начала. Мои щёки залились краской. Ну вот, сейчас он пошлёт меня куда подальше, и я опять почувствую себя полным ничтожеством.

— Садись.

Сначала мне показалось, что я ослышалась. Он, что действительно предложил мне....Да нет, не может такого быть!

— Садись, — вновь повторил он, я поняла, что всё происходит на самом деле. Он не отверг меня. Более того, он хочет, чтобы я поехала с ним, чтобы провела с ним эту ночь... — Садись, я не привык ждать. Или ты уже передумала?

Передумала? Может быть, я бы и передумала, если бы он дал мне такую возможность. Если бы перестал прожигать меня этим взглядом. С одной стороны холодным и равнодушным, а с другой, я за всю свою жизнь не видела такую смесь безумства и яростного желания в одном взгляде. Желания...Кого он желает? Не может быть, чтобы меня.

Я не знаю, что со мной случилось, когда он обогнул свою машину и занял место за рулём. Я почему-то испугалась, что на этом всё кончится. Что вот сейчас он уедет. Сорвавшись с места, я уже менее чем за одну долю секунды сидела на пассажирском месте в паре сантиметров от НЕГО. Он усмехнулся, повернул ключ в зажигании, и автомобиль сорвался с места. Я чувствовала, что со мной происходит, что-то странное. Куда подевалась та злость? То упадническое настроение? Почему я не могу нормально реагировать на близость этого, даже незнакомого мне мужчины? Ведь всего минут десять назад, когда он возился со своей машиной, а после предложил подвезти меня до дома я не чувствовала к нему ничего кроме равнодушия и даже какой-то злости. За то, что он ездит на иномарки, а я, дрожа от холода, мокну под дождём. За то, что он может позволить себе костюм за пару тысяч евро, а я не могу найти тысячи долларов на лечение своего сына. За то, что у кого-то есть всё, а кто-то я. Но сейчас...сейчас все эти чувства растворились, а на смену им пришли другие, совсем непонятные мне, до жути пугающие. Почему-то, когда я тайком бросала на него взгляды, моё сердце начинало биться так, словно оно жаждало вырваться из груди. Но ведь меня можно понять. На моём месте любая другая девушка, наверное, отреагировала бы также. Он красив. Дьявольски красив. Я ещё никогда не встречала таких мужчин. Я даже по телевизору их не видела. Густые шелковистые волосы, 'высокий' лоб, большие тёмно-синие, отдающие чернотой, словно вечерний океанический бриз глаза, широкие скулы, слегка заросшие щетиной, придающей лёгкую небрежность, волевой подбородок. Невольно бросила взгляд на его чувственные губы и затаила дыхание. Безумная красота, завораживающая и пугающая одновременно. От этого мужчины заверстку чувствуется сила, опасность, уверенность во всем, что он делает.

— Может, прекратишь меня разглядывать? Или эта твоя фишка? Внешность клиента как-то влияет...хм, на раскрытие твоих талантов?

Он усмехнулся, плавно свернув машину на повороте, а я вновь залилась краской стыда. Что будет, когда он узнает, что у меня нет никаких 'талантов'? Прогонит? Очень на это

надеюсь. Потому что сама я уже не смогу уйти.

— Куда мы едем?

Я оставила его вопрос без ответа, да и, по всей видимости, он его и не ждал. Весь путь его взгляд был сосредоточен на дороге и только изредка он переводил его на меня. Но и этих долей секунд хватало, чтобы я напрочь забывала обо всём на свете. Реакция собственного тела на этого мужчину меня пугала и одновременно с этим предавала каких-то сил. Несмотря на то, что мне было трудно дышать в его присутствии, именно рядом с ним я в первый раз я смогла облегчённо вздохнуть. Потому что сейчас я забыла обо всё на свете. Я забыла о том, что мне надо каждую секунду думать о том, где бы заработать лишнюю копейку. Я забыла обо всех страхах и переживаниях. На какое-то мгновение я даже забыла, что я мать. Да, пускай это неправильно и в первую очередь все моим мысли должны быть о сыне, тем более сейчас, но я взяла реванш. Только на эту ночь. Только на несколько часов, что остались до рассвета. Но я взяла этот так необходимый мне сейчас глоток воздуха. Я позволила, первый раз за столько времени, я позволила себе забыться. И сейчас мне даже стало всё равно, заплатит мне этот мужчина деньги или нет. Сейчас мне нужна эта ночь. С ним.

— В гостиницу, хотя вряд ли тот захудалый домик на окраине вашей деревни принимающий постояльцев, можно назвать гостиницей. Но это ведь лучше чем в машине?

Я не обратила внимания на его усмешку. Точнее я заставила себя унять пробивающую тело мелкую дрожь и наконец, отвести взгляд от его лица. Правда я тут же вернула его обратно, только теперь уже не на лицо, а на руки. На ладони, на его тонкие длинные пальцы. Мне вдруг стало интересно, есть ли у него кто. Может, он женат? Почему-то такая мысль оставила после себя неприятный осадок. Но на его безымянном пальце не было кольца. Хотя может просто снял или вообще не носит? В любом случаи это не моё дело. Я не должна думать о его жизни. Чтобы сегодня не произошло это никак не повлияет ни на мою, ни на его судьбу. Всего лишь ночь. Одна ночь.

Я думала, что всё будет проще. Точнее я ещё не до конца осознавала, что всё происходит на самом деле и заходит так далеко. Даже когда безропотно вышла из машины, прошла вслед за ним в незнакомый мне двухэтажный домик, довольно небольшой, но внутри вполне уютный. Я поняла, что назад пути нет, когда мы вошли в номер и он закрыл дверь на ключ. Маленькую по размерам комнату освещал тусклый свет стоящего на тумбочке возле кровати ночника. Кровать... она была довольно большой, для такого номера. Застелена обычными белыми простынями, от которых чувствуется запах дешёвого стирального порошка.

Я чувствовала на себе его взгляд. Когда осматривалась по сторонам. Когда расстегнула молнию ветровки и скинула лёгкую куртку на пол. Всё это время я чувствовала на себе его взгляд. Чувствовала и понимала, что он ждёт. Что он не будет начинать первым. Что это я должна быть инициатором. И от этого у меня коленки подкашивались. Было страшно. Во-первых, потому что я никогда раньше не начинала первый... ласкать мужчину. Да и сколько у меня этих мужчин было? Один, да и это словно 'мужчина' для него сильно сказано. Так жалкое подобие тусклого парня. А сейчас... сейчас передо мной настоящий мужчина. Тот, о котором так много пишут в книгах, снимают фильмы, в тайне фантазирует все женщины, порой даже замужние. Сейчас он стоит у меня за спиной. И это не сон. Он действительно

здесь. В этом номере. Вместе с такой как я. С неухоженной, не модно одетой, лишь смутно напоминающей образ девушки. И сейчас в этом номере...мы должны заняться сексом. Чёрт, даже мысленно подумав об этом, я залилась краской стыда. Разве это вообще возможно? Неужели это действительно происходит наяву? Да, происходит. Потому что я по-прежнему продолжаю ощущать на себе его взгляд. И от этого взгляда у меня сводит всё тело. Внизу живота разгорается уже давно позабытое томление. От этого взгляда у меня всё меркнет перед глазами и желание прикоснуться к этому мужчине, зарыться ладонью в его волосы, почувствовать вкус его губ своими становится просто невыносимым. Я обернулась резко. Просто потому, что больше не могла чувствовать на своей шее его дыхание и оставаться безучастной. Надо что-то делать. Именно сейчас. В эту минуту. Либо выбежать из этого номера и забыть об этом вечере либо плюнуть на всё и хоть раз в жизни позволить себе сделать то, что на самом деле хочется. И не просто хочется. Когда я подняла взгляд на его губы, чуть приоткрытые, такие чувственные и манящие, по моему телу прошла судорога желания. Низ живота свело от безумной дикой потребности прикоснуться к нему. И я не смогла себе сдержаться. Поборов страх я приблизилась к нему вплотную и положила ладони на его плечи. Кожа, под которой я чувствовала тепло его тела, заколола мелкая дрожь. Мне снова стало трудно дышать. А он не реагировал. Оставался всё таким же спокойным. Он наблюдал за мной сквозь опущенные ресницы и его взгляд оставался равнодушным. Это было хуже больнее пощёчины. Если он отстраниться, оттолкнёт меня сейчас, я поставлю на себе крест. Именно как на женщине. Но он не отталкивал. Он не отвечал, но и не отталкивал. И это хоть как-то обнадеживало.

Проведя ладонями по его груди, я зарылась пальчика под ворот воротника, желая ощутить голую кожу, не скрытую тканью одежды. И как только это случилось, мне едва удалось сдержать стон, потому что безумная дрожь желания, пробившая каждый потаенный уголок моего тела была настолько сильной, что я даже невольно испугалась. Но остановиться уже не смогла. Я нежно вырисовывала пальчиками узоры на его шее, гордом подбородке, небритых скулах. Щетина приятно царапала подушечки пальцев, ещё сильнее подталкивая меня на более откровенные ласки. И я решилась. Не знаю как, но я, затаив дыхание, поднялась на цыпочки, и еле дотянувшись до его лица, накрыла своими губами его сомкнутые мягкие губы. И это было похлеще всякого наслаждения, которое я когда-либо испытывала. Одно прикосновение к его губам, один украденный мною поцелуй выбил почву из-под ног. Мне уже не было страшно. Даже если он оттолкнет меня, я уже не о чём не пожалею. Но сейчас мне не хотелось о таком думать. Я вообще не о чём не могла думать в эту минуту. Я зарылась пальчиками в его шелковистые волосы, провела влажным язычком по его нижней губе и в ту минуту, когда меня резко стиснули за талию, и жадный горячий рот накрыл мои губы, я не смогла сдержать стон наслаждения. Нереального, граничащего с болью удовольствия. Господи, он ответил! И как ответил! Он яростно сминал губами мои губы, он до боли, до хруста в костях сжимал пальцы на моей талии, впечатывая меня в своё тело. А когда я почувствовала, как мне в живот упёрлась твёрдая пульсирующая плоть, готовая разорвать ткань брюк, я застонала, громко протяжно и, наверное, это стало той самой последней каплей. Он резко поднял меня на руки, словно я пушинка, не весящая даже грамма, хотя в его руках, по сравнению с его мощным телом это, наверное, было именно так. Так же резко, как и подхватив, он опустил меня на кровать и, не дав опомниться, в тоже мгновение придавил меня к ней своим телом. Теперь уже не только я подыхала от этого безумного рвущего душу на куски чувства... невыносимой потребности. Мне было мало

всего. Хотелось больше ласк, больше поцелуев, хотелось ощутить его не только на себе, но и в себе. Впервые я чувствовала такое дикое желание отдаться мужчине. Слиться с ним в одно целое. Не только получить, но и подарить наслаждение. Не было нежности. Он просто разорвал мою майку вместе телесным лифчиком и отбросил их куда-то в сторону. Пока я металась на кровати, словно в лихорадке и пыталась снять с него рубашку, он в два счёта стянул мои джинсы вместе с трусиками и они последовали вслед за остальной одеждой. С себя он стянул только рубашку, на которой я уже успела отодрать пару пуговиц. И мне не было за это стыдно. Мне не было стыдно за то, что я изнываю от желания отдаться совершенно незнакомому мне мужчине. Я первый раз в жизни почувствовала себя женщиной. Настоящей женщиной. Которая желает и которую также страстно желают в ответ. Не было слов и прелюдий. Он просто приподнял меня под ягодицы и ворвался в моё тело одним мощным толчком. Почувствовав в себе твердую огромную плоть, я застонала от прострелившего всё тело наслаждения. Оказывается, так бывает, когда каждый нерв оголён как натянутая струна, когда наслаждение перемешивается с болью и от этого каждую клеточку тела разрывает на мельчайшие кусочки. Я вцепилась зубами в подушку, выгнулась навстречу его движениям, его резким мощным толчкам, сплела ноги на его бёдрах, притянув его к себе максимально близко. Каждое его движение было подобно маленькой мучительной смерти. Каждый стон, больше походящий на рычание срывающийся с его губ, подводил меня к грани, к той самой грани, когда реальность перестаёт существовать. Я чувствовала, как головка его члена касается матки, как с каждым толчком он всё сильнее начинает вколачиваться в меня, как его огромная плоть с трудом помещается во мне, несмотря на влагу. Когда его пальцы сжались на чувствительном бугорочке, а жадный рот накрыл свернувшийся в тугую горошинку сосок, я закричала, громко, неистово. Прогнувшись в спине, я вцепилась в его сильные руки и разорвала ткань подушки зубами. С меня ручьями скатывался пот. Это было, что-то немыслимое, что-то не передающееся никакому описанию. Меня затрясло, всё внутри взорвалось от безумного дикого наслаждения, из глаз выступили слёзы и уже через долю секунды, моё тело обмякло на влажных простынях. Но ничего не закончилось. Всё продолжалось снова и снова, и я потеряла счёт времени. Он брал меня. Только в эту ночь я поняла значение этого слова. Он брал жадно неистово. С каждым разом всё сильнее и яростней. Брал, пока я не охрипла от криков, пока не прокусила губы до крови, пока не сломала все ногти о его тело и пока не услышала его стон, его победное рычание, после которого моё сознание покинуло меня, и я просто отключилась, обессилено рухнув на кровати.

Я резко распахнула глаза. В душе поселилось какое-то непонятное волнение, даже страх. Его не было. Я сразу это почувствовала. Постель была пуста. На какое мгновение я даже подумала, что всё это был лишь сон. Но смятые простыни, синяки на теле, искусанные губы и многочисленные засосы доказывали, что всё-таки было. ЭТО БЫЛО. Чёрт побери, это не сон, это случилось на самом деле. И я...не жалею. Да я не о чём не жалею. Даже, несмотря на то, что сказка рухнула, и наступил рассвет, после которого моя жизнь вернётся в прежнее русло, я не жалею. Эта ночь — мой персональный маленький кусочек счастья и глоток свежего воздуха, который мне просто необходим.

Когда я повернулась на другой бок, и мой взгляд упал на пачку купюр лежащих на тумбочке, мне впервые стало не по себе. Я несколько не сомневалась, сколько именно там было денег. Что ж... всё правильно. Так всё и должно было закончиться. Именно на этом. И сейчас, когда я немного соберусь с силами, я встану с кровати, приму душ, возьму деньги, уйду из этого дома и больше никогда не вспомню о минувшей ночи. Нет, я по-прежнему о ней не жалею, но она уже закончилась и мне надо возвращаться с небес на землю. Жизнь продолжается, и в ней нет места этому мужчине, имени которого я так и не узнала. И уже никогда не узнаю. Это была наша первая и последняя встреча.

'21 декабря 2014 года.

Здравствуй, дорогой дневник. Прости, что так долго не писала. Максюту только позавчера выписали из больницы. Сколько мы с Узурпатором бессонных ночей провели из-за его аппендицита. Но теперь, слава богу, всё позади. Сейчас сынуля спит в своей комнате в обнимку с новым медведем, который, наверное, раза в два больше Максюты, а я иногда поглядывая на мирно посапывающего мужа, наконец, решила поделиться с тобой своими мыслями. А точнее как всегда переживаниями и воспоминаниями. Сегодня любимый сказал, что хочет ещё одного ребёнка. Я боюсь. Нет, не то, чтобы я была к этому не готова... сама уже не раз подумывала, что уже пора бы, но мне страшно. Страшно, что своего ребёнка муж будет любить больше чем Максимку. И хотя я понимаю, что всё это бред, что Узурпатор души не чаёт в нашем крохе и, несмотря на мои запреты, балует его, как только может, я всё равно побаиваюсь. А ещё я всё никак не могу отпустить свою прошлую жизнь.... Уже даже к психологу думаю записаться. Я постоянно терзаю себя воспоминаниями. Вспоминаю те ужасные дни, когда приходилось экономить на каждой копейке, когда ходила по улицам как кошка драная и была похожа на бомжиху. Сейчас всё это кажется мне таким далёким, но забыть, а главное отпустить я по-прежнему не могу. А недавно, буквально на днях мне вспомнилась наша первая встреча с мужем.... Ой, чёрт, всегда краской стыда заливаюсь, когда думаю об этом. Да и Узурпатор не упускает возможности меня подколоть. Говорит, мол, набросилась ты на меня как одичавший звереныш, я даже отбиться не смог. Засранец. Как всегда всё перевирает))) Знаешь я, тут вспомнила утро после нашей первой с ним ночи. Забавно, но ведь тогда я действительно думала, что я больше никогда его не увижу. Могла ли я тогда предположить, что уже совсем скоро мне придётся видеть этого мужчину каждый день. Более того, я буду полностью зависеть только от него. Вся моя жизнь будет лишь в его руках. И могла ли я предположить, что ещё через какое-то время он станет этой самой жизнью. Он станет моим воздухом. Я буду нуждаться в нём каждую секунду. И моя жизнь снова повернётся на 180 градусов. Я не только полюблю... я, наконец, почувствую, что меня любят в ответ. А ещё... я встречу с НИМ. Встречусь с тем, кто растоптал и разорвал мою жизнь в клочья. Встречусь, чтобы посмотреть ему в глаза и плюнуть в лицо. Чтобы навсегда поставить точку в этой истории'.

Прошёл почти месяц с того дня, как мой Максютя попал больницу. За это время произошло достаточно много изменений. Моя жизнь полностью вышла из прежнего русла. Я переехала на непостоянную основу в Сергеев — Посад, в основном только для того, чтобы быть рядом с сыном. Диагностика прошла на платной основе, и я должна отдать должное просто потрясающим врачам, которые занимались моим мальчиком. Надо отметить, что это были не только настоящие профессионалы своего дела, но ещё и понимающие и очень душевные люди. Моему Максютю всегда уделялся должный уход, и диагноз не заставил себя ждать. Слава богу, подозрения на ЧМТ не подтвердились. Да и вообще как оказалось, ничего серьёзного не было. По-сути врач сельской больницы попросту поднял панику и, в принципе не было никакой необходимости перевозить ребёнка в городскую клинику. Но я не держала абсолютно никакого зла на вовремя не сориентировавшегося медика. В какой-то степени я даже была ему благодарна. Если бы не он, я бы, пожалуй, никогда не выбралась из той рутины, в которой жила всё это время, начиная с момента рождения сына. Я бы никогда не перебралась в Сергеев-Посад, никогда бы не встретила врачей, которые помогли мне не только в лечении моего Максюты, но и в нашем обустройстве в городе. Ума не приложу, как я всё-таки решилась на такие перемены. Как тёте Тони всё же удалось убедить меня уехать из деревни. Аргументы она, конечно, приводила весомые: мне надо воспитывать сына, а в захудалой деревне это невозможно. Мне надо в корне изменить свой образ жизни, найти новую более высокооплачиваемую и выматывающую меньше сил работу, после которой у меня хотя бы оставалось время на отдых. Конечно, я всё это и сама понимала, но в одночасье менять свою жизнь всё-таки страшно. Поэтому я начала постепенно свыкаться с неожиданно свалившимися на меня изменениями. Пока мой малыш был в больнице под наблюдением врачей, я несколько раз в неделю продолжала наведываться в деревню, в основном уже только для того, чтобы провести тётю Тоню. Надо сказать, что расставание с ней стало для меня очень тяжёлым решением. Эта женщина за недолгое время стала для меня самым близким человеком. Она единственная, кто поддержал и не бросил меня в такую трудную минуту. Единственная кто был со мной рядом, пожалуй, в самый ужасный период в моей жизни. В каком-то смысле она стала для меня родной бабушкой, которой у меня никогда не было. И с моей стороны, оставить ее, как только в моей жизни начали мелькать белые полосы, было бы самым низким поступком. Да и не могла я уже без этой доброй понимающей женщины. Без её советов и безграничной поддержки. Надо сказать, что только благодаря ней и некоторым врачам в Сергиево-Посадской клинике я, наконец, смогла встать с колен. До полного поднятия на ноги и гордого взмаха головы ещё конечно было далеко, но начало для этого уже было положено. На первое время я смогла остановиться здесь же в больнице и меня взяли на неполную ставку секретарём помощника главврача. Если честно, то в мои обязанности входило совсем немного. Перебирать кое-какие документы, делать небольшие заметки в отчётах, иногда прикрывать своё начальство, когда оно задерживалось или наоборот пораньше сваливало со своей работы. Да и с начальством с этим мы быстро нашли общий язык. Евгений Меньшиков был добрым и смешным дядькой преклонного возраста, но падшим на красивых эффектных девушек. Его последний роман со Светланой — молоденькой медсестричкой стоил ему расцарапанного лица и недельного переезда вместе с небольшим чемоданчиком вещей в свой кабинет. Надо сказать, что и должность-то свою я получила только исключительно благодаря тому, что не была выдающейся красавицей, и Меньшиков относился ко мне исключительно как к подчинённой. А настояла на моём назначении жена Меньшикова, которая прознала, что до меня на это место хотели назначить

какую-то молоденькую симпатичную девочку. В общем Санта-Барбора ещё та, но она сыграла мне на руку. В тот день, когда врач, наблюдавший моего Максюту, сообщил, что есть свободная вакансия на должность секретаря помощника главврача, и она может достаться мне — девушке без всякого опыта и необходимых знаний, я, конечно, была в шоке. А уж когда сообщили, что моя зарплата будет составлять 17 тысяч, я чуть было сознание не потеряла. На тот момент для меня это были огромные деньги. Да и в работе этой был ещё один, а точнее даже два плюса. Первый — на некоторое время, пока в больнице пустовала одна палата, мне разрешили там разместиться, естественно, что при этом я должна была держать язык за зубами. И второй — я всегда была рядом с Максимкой, а это стало самым драгоценным подарком в моей жизни. На протяжении долгого времени я могла видеть своего сыночка только ночью, когда возвращалась с работы и рано утром, когда на неё уходила. А тут я в любое время могла наведаться к своему беззубому крохе и потрепать его за румяные щёчки. Но такой благоприятный для меня расклад событий продлился недолго. Здоровье Максима больше не вызывало опасение у врачей, а следовательно и держать его в больнице не было никакого смысла. Когда Максюту выписали, в тот же день по 'счастливому' стечению обстоятельств произошла крупная авария на центральном проспекте и в больницу поступило сразу четыре пострадавших. Палату мне пришлось освободить, а вместе с этим и написать заявление об уходе. Нет, с работы меня никто не выгонял, просто оставаться на этой должности без своего угла, за который не нужно платить, для меня не было никакого смысла. Какой бы огромной мне не казалась зарплата в семнадцать тысяч рублей, её бы всё равно не хватило, чтобы снимать комнату, пускай даже в каком-нибудь захудалом домишке на окраине города и при этом ещё как-то справляться с бытовыми расходами. Тогда я думала, что придётся опять возвращаться в деревню и всё начнётся по-старому, но мне в очередной раз помогла врачиха, которая наблюдала за Максимом и которой я буду признательна по гроб жизни. Она дала мне визитку своей племянницы, а перед этим заранее договорилась с ней о встрече. По рассказам Ирины Кириленко или как она просила её называть — просто Ирины, эта племянница была замужем за одним очень крупным предпринимателем, который мог бы устроить меня в свою компанию на какую-нибудь 'незаметную' должность. То есть без каких-либо дальнейших перспектив, с небольшой, но стабильной зарплатой. Для меня эта 'небольшая, но стабильная зарплата' — была как самая заветная мечта на то время. Мне не нужны были никакие перспективы в карьерном росте, притом, что у меня нет высшего образования, и скорее всего уже никогда не будет. Я не грезила о каких-то замках и заграничных курортах, для меня было бы за счастьем просто иметь возможность снимать небольшую, но уютную комнатку в каком-нибудь спальном районе, хоть изредка, но всё же покупать своему сыну игрушки и сладости и при этом не выжимать из себя все силы, ежедневно уделяя на сон не более четырёх часов. Уходить на работу к восьми утра и возвращаться во столько же, было для меня не то, что безумным желанием, а какой-то, казалось бы неосуществимой мечтой. Ведь, чтобы удержаться в городе, недостаточно просто найти жильё и устроиться на работу, надо ещё, что-то с Максютой решить. Он ещё слишком мал для яслей, а няню я вряд ли смогу потянуть. По крайней мере это будет зависеть от того понравлюсь ли я этой племяннице, поможет ли она мне с работой и сколько в дальнейшем я буду получать. В крайнем случае, если график будет щадящим или хотя бы не таким жёстким, в котором я жила последний год, можно будет подыскать и вторую работу. Уж привередничать я точно не буду. Мне бы подошло и вечером двор подметать и листовки всякие раздавать. Да, что угодно, главное, чтобы хоть

какие-то деньги были в кармане.

Собираясь на встречу с Вероникой — племянницей Ирины, я очень сильно нервничала. Благодаря расчёту, который я получила в больнице мне удалось снять номер в дешёвом хостеле. Максюту я пока увезла обратно к тёте Тони и сегодня, именно от этой встречи будет зависеть, заберу ли я своего сынишку обратно в город или вернусь к нему в деревню и теперь уже, скорее всего навсегда. Что-то мне подсказывало, что мне как обычно 'повезёт' и встреча будет иметь очень неблагоприятные для меня последствия. Ну, кому захочется принимать на работу девятнадцатилетнюю, ну пускай даже почти двадцатилетнюю девушку, совсем без какого-либо опыта, да ещё и со средним образованием? Кроме того Ирина сказала мне, что муж этой племянницы крупный предприниматель, а соответственно и компания у него, наверняка, солидная, а тут я, с двумя старомодными кофточками в гардеробе и штопаными джинсами. Думаю, как раз впишусь в коллектив их фирмы.

Вероника опоздала минут на пятнадцать. За это время я сделала своей заказ. Цены в этом кафе были, конечно, астрономическими, но чисто для приличия я заказала чашечку чая и какой-то недорогой салат. Когда ко мне за столик подседа красивая ухоженная шатенка лет двадцати пяти я почувствовала лёгкую дрожь в коленях и головокружение. Обычная реакция моего тела на страх вперемишку с волнением. С искренней, как мне показалось, улыбкой на губах, Вероника плюхнулась на мягкий диванчик, немного отдышалась, видимо перед этим ей пришлось немало побегать, и, скинув с себя чёрное драповое пальто, наконец, перевела взгляд на меня. Несколько секунд в глазах девушки мелькало удивление, из-за чего мне пришлось занервничать ещё больше. Я даже тайком присмотрелась всё ли со мной в порядке. Может что-то ни так?

— Оксана? Это ты? Ты та самая девушка?

Вот тут я окончательно растерялась. Вероника говорит и смотрит на меня так, будто мы с ней уже знакомы и где-то встречались. Но это невозможно. Где мы могли встретиться? У нас уж точно ничего не может быть общего с этой девушкой.

— Я Вероника, помнишь? Соседка по лестничной клетке.

Теперь мне пришлось изо всех сил поднапрячь свои мозги, чтобы попытаться понять, о чём мне говорят. Какая соседка? По какой лестничной клетке? Я никогда не была знакома со своими соседями, а последний год вообще жила вдалеке от городского мира.

— Простите, вы ничего не путаете?

— Да ты что, я тебя хорошо запомнила! У меня вообще тот день из памяти никак не выходит. Ну, помнишь, мы тогда с мужем везли тебя в больницу, у тебя схватки начались, ты кажется, сына родила, если я не ошибаюсь? Да, точно сына, он ещё такой крупненький, под пятак весом.

В этот момент у меня в памяти чётко всплыли картины: бесконечные болезненные удары, мои крики и охрипшие стоны, холодный бетонный пол, чьи-то мягкие руки и встревоженный женский голос...автомобиль, роддом, записка...Господи, как же тесен этот мир.

— Я тебе ещё записку оставила. Там координаты мои были, помнишь? Правда ты так и не позвонила.

— Да...да я помню, — мой голос слегка подрагивал, я всё ещё не могла поверить, что в

жизни существуют такие совпадения. Вероника...эта та самая девушка, которая помогла мне в тот злополучный день....И что теперь? Мне стоит сразу встать из-за стола и уйти. Вряд ли после всего того, что она знает, и видела своими глазами, она захочется втягиваться в эти проблемы. — Я потеряла тот листочек.

Это была правда. Её записка лежала в наружном кармашке кошелька, который у меня украли. Хотя даже если бы она и сохранилась, я бы всё равно не позвонила. Зачем этой девушке мои проблемы? Да собственно и сейчас удивительно, что она вообще согласилась на эту встречу.

— Да ничего....Знаешь у меня до сих пор перед глазами тот день. Это, каким надо быть ничтожеством и моральным уродом, чтобы беременную девушку...

— Вероника...не надо об этом.

Я чувствовала себя ужасно неудобно. Эта девушка видела меня избитой полураздетой, да ещё и в день схваток...

— Ой, да извини, не подумала. Я всегда сначала, что-нибудь ляпну, а потом жалею. Прости, больше не буду к этому возвращаться. Может, закажем что-нибудь?

— Да я уже заказала...Правда аппетита особого нет.

— А вот я наоборот ужасно проголодалась. Официант!

Через несколько минут перед Вероникой поставили тарелки с прожаренным сочным стейком и каким-то овощным рагу. Девушка тут же набросилась на еду, а с меня постепенно начало спадать напряжение. Опасение, что я встречу с занозой высокомерной девушкой, развеялось окончательно и бесповоротно.

— Давай познакомимся что ли. И, пожалуйста, перестань мне выкать. Не думаю, что у нас очень большая разница в возрасте. Кстати о возрасте, мне 26 лет. Зовут, как ты уже знаешь Вероника, Вероника Лобачевская. Я ничем особым не занимаюсь. Домохозяйка. Всё своё время посвящаю воспитанию детей. Их у меня трое: два мальчика — близнеца и девочка. Муж у меня работает в нефтяной промыш...в нефтяном комплек....В общем, занимается какой-то хренью связанной с нефтью. Ну, собственно и всё. Больше мне похвастаться нечем. Теперь хотелось бы лучше узнать о тебе. Нет, я не имею в виду тот день...и вообще те моменты, которые бы тебе не хотелось вспоминать. Расскажи мне о своём сынишке. С ним всё в порядке? Тётя говорила мне, что он лежал у них в больнице.

Честно сказать меня поразила та простота и открытость в общении, которая проскальзывала в каждом слове Вероники. Я давно не встречала людей, с которыми можно было бы так легко, о чём бы то ни было разговаривать. Пожалуй, с тех самых пор как не стало Нади.

— Да, он лежал какое-то время в больнице, но как оказалось, ничего серьёзного не было. Упал, ударился головкой...моя вина, не уследила.

— Да как за этими карапузами вообще уследить можно? Он сейчас в детской, а как только отвернёшься на секунду, найдёшь это беззубое чудо в туалете, прячущегося за унитазом. Я-то уж не понаслышке знаю об этих фортелях. А твой сейчас где? С кем ты его оставила?

— Он пока в деревне...с бабушкой.

— В дереве? Свежий воздух это конечно хорошо, только ребёнку мама нужна. Скажи, ты бы со сколько и до сколько смогла бы работать? И, что с яслями? По возрасту ещё не подходит, да?

Сказать, что я впала в ступор, ничего не сказать. Вот так просто...и она даже не

спросит, есть ли у меня опыт работы, образование?

— Ну, я не знаю....Как скажут, так и буду работать. А с яслями да, пока пролетаем. Он ещё слишком маленький.

— А с жильём, что? Ты сейчас, где остановилась?

— В хостеле, пока что.

Несколько минут Вероника молчала, задумчиво поглядывая на меня, а потом совершенно серьёзно сказала:

— Знаешь, я сначала хотела тебя куда-нибудь в компанию мужа пристроить, но сейчас думаю, что, наверное, это не лучшая идея. Там все сотрудники часов до девяти вечера сидят, а то и больше. Тебе это, наверное, вряд ли подойдёт. Вот скажи мне, ты сама, когда школу оканчивала, думала на кого-нибудь пойти учиться? К чему у тебя душа лежит?

Я смутилась. Когда шла на эту встречу никак не думала, что меня будут спрашивать о моих предпочтениях. Какая разница 'к чему у меня душа лежит'? Главное, чтобы платили, а так под всё смогу подстроиться.

— Ну, вообще, как-то была мечта стать архитектором...Архитектором-проектировщиком. Даже документы думала в институт по этой специальности подавать, но обстоятельства так сложились....Не получилось, в общем.

— Архитектор-проектировщик... — внезапно Вероника хлопнула себя ладонью по лбу и радостно улыбнулась. — Вот я дура, как до меня сразу не дошло? У меня же брат владелец крупной строительной компании. Главный филиал находится в Москве и Влад сам там часто пропадает, но тебе повезло, он ещё как минимум месяц в Посаде проторчит. Я сегодня же позвоню ему и обо всём договорюсь. Конечно, не обещаю какой-то ответственной должности и заоблачной зарплаты, всё-таки тут и опыт нужен и знания соответствующие....но я думаю можно тебя к кому-нибудь в помощники запихнуть. Может даже и к моему братцу. Ему как раз секретарь нужен. Ты не пугайся, эта самая халявная должность, по крайней мере в компании моего брата. Надо только кофе, обеды вовремя приносить, документки кое-какие печатать, очень редко заниматься отчётами. Основную работу выполняет помощник босса, а секретарь так, мелочами занимается. Но зарплата приличная. Если что я с братцом договорюсь, чтоб накинул. Потом кстати, когда вживёшься в атмосферу, кое-какие знания накопишь, может и по специальности можно будет для тебя, что-то найти. Ну, так как? Подходит тебе работка?

Я онемела. Я действительно на какое-то время потеряла дар речи. Всё это происходит на самом деле? Нет, не может быть, здесь явно одно из двух. Либо Вероника сошла с ума, либо я. Секретарь владельца крупной строительной компании? Серьёзно? Да ещё несколько минут назад я могла только мечтать о том, чтобы мне доверили заниматься, хотя бы факсами. А тут....Нет, это бред какой-то!

— Простите....Прости, Вероника ты серьёзно?

— Абсолютно. Я думаю это идеальный для тебя вариант, разве нет?

— Да, но...это, наверное, неудобно. Твой брат...он согласится?

Вероника усмехнулась.

— А куда он денется? Жить-то всем хочется. А у меня удар как у Тайсона поставлен. Проверенно и на Владике и на муже. Так, что за это ты не бойся. Если дашь согласие, я позвоню братцу, как только вернусь домой. Ну, так что, каков твой положительный ответ?

Вероника улыбнулась, причём так искренни и дружелюбно, что в какой-то момент с меня даже спало напряжение. Да, она всё-таки похожа на Надю....очень похожа.

— Если это как-то возможно....то я буду тебя очень признательна.

— Ну, естественно возможно! Только от тебя требуется одна вещь. Она обязательна, без неё никак!

Я напряглась, мысленно уже приготовив себя к худшему.

— Сына своего обязательно заведи к себе. Ребёнок должен быть с матерью. С яслями как-нибудь разберёмся, а пока, на первое время, я помогу тебе с няней....Вот держи адрес, первое время можешь пожить на этой квартире, она небольшая, но очень уютная, и в ней было столько счастливых моментов....Это наша первая квартира, которую мы снимали с мужем, когда ещё денег особо не было. А потом, когда он взлетел, мы её выкупили, правда уже после того как переехали в новый дом. Всё-таки двушка для троих детей слишком мала. А тебе с сыном будет в самый раз. Плюс, на вашей лестничной клетке, прямо в соседней квартире живёт очень хорошая женщина, в бывшем воспитательница в детском саду, теперь подрабатывает нянечкой. Я сегодня же ей позвоню и обо всём договорюсь. Первое время она с твоим сыночком сидеть будем, а там уже сама посмотришь.

У меня вспотели ладони. Мне вдруг стало казаться, что мне всё это просто снится. Не может такого быть. После всего того, что произошло в моей жизни...Мне просто не могло так повезти. Это сон. Вот сейчас я проснусь и вернусь в жестокую реальность.

Но время шло. Вероника молчаливо ждала моего ответа и я, наконец, начинала осознавать, что всё происходит на самом деле. Наяву. Это не сон.

— Вероника, а зачем вам это?

Девушка молчала несколько секунд, а потом улыбнулась, той самой улыбкой, Надиной...и слова, последующие слова тоже были Надиными. Я их уже слышала.

— Людям надо помогать, делать добро. И я уверена, что когда-нибудь, в трудную минуту, эти люди ответят мне тем же.

На протяжении нескольких минут я рассматривала себя в зеркале и неуверенно поправляла причёску, разглаживала складочки на платье. Если честно, то я с трудом могла себя узнать. Весь предыдущий год, да и на протяжении практически всей беременности я ходила в одних и тех же штопаных джинсах и широких однотипных кофточках. А сейчас...сейчас из зеркала на меня смотрела вполне симпатичная девушка, в строгом чёрном платье, достигающем до середины колен и с длинными светлыми волосами затянутыми в высокий хвост. Я даже сделала себе лёгкий макияж. Подвела реснички тушью и нанесла на губы прозрачный блеск. В целом образ получился очень даже не плохой. По крайней мере по сравнению с тем, что было ещё только вчера я выглядела просто богиней. Права для такого преображения пришлось потратить большую часть расчёта, который я получила в больнице. Но первый раз я, не жалела о деньгах потраченных только на себя. Да и, в конце концов, это было практически производственной необходимостью. Не могла же появиться в серьёзной компании в заношенных джинсах и вязаной кофточке?

Когда раздался звонок в дверь, я тут же отворила замок, боясь, что Максютя проснётся. Малыш итак не спал практически всю ночь. Я увозила его от тёти Тони уже на такси, потому что не одна электричка не ходила в это время.

— Ну, что ты готова?

Радостно, но тихо, видимо вовремя сообразив о спящем сыне, произнесла Вероника,

войдя в прихожую. Прислонившись спиной к входной двери, девушка на протяжении нескольких минут внимательно разглядывала меня. И по её глазам, даже, несмотря на то, что Вероника всячески постаралась скрыть свои эмоции, я поняла, что она осталась недовольно. Что же этого следовало ожидать. Вещи, которые для меня кажутся пределом роскоши, такие девушки как Вероника, наверное, обходят с брезгливой усмешкой.

— Что не идёт, да?

— Да ну почему, очень даже идёт. И цвет хороший и длина подходящая, только.... У тебя фигурка такая хрупкая, худенькая, тебе бы что-то посвободнее, не такое обтягивающее. Чтобы ты хоть немножко поплотнее казалась.

Я смутилась. Мне не часто приходилось слышать о том, что я худенькая, обычно надо мной прикалывались именно по противоположному поводу. Хотя сейчас, глядя на своё отражение в зеркале, я действительно видела перед собой очень худень... скорее даже худощавую девушку. Впалые щёки, худенькие ножки, абсолютно плоский животик, и при этом, наверное, единственное, в чём природа решилась надо мной сжалиться это в сохранившейся груди. Конечно, она тоже сбавила в размерах, но очертание двух небольших, но вместе с тем упругих полушарий чётко проглядывало сквозь материю платья.

— Слушай, а чего ты из шкафа вещи не взяла? Я, когда с мужем съезжала, оставила здесь пару вещичек на всякий случай. Мы ведь с Лёшей иногда приезжаем сюда, делаем, так сказать генеральную уборку, и чтобы не таскать с собой сумки, у меня осталось здесь в гардеробе пару юбочек, блузочек, платьишек. Я думаю, они подойдут тебе по размеру. Тем более что некоторые вещи я покупала ещё до рождения дочки. А я знаешь, какая стройная была в те времена? Погоди здесь, я сейчас сгоняю в спальню. У тебя там Максютя спит, да? Я постараюсь не шуметь.

Пока я про себя размышляла, что Вероника и сейчас очень стройная, и по фигуре разве что на пару килограмм обходит меня, девушка уже вернулась обратно в прихожую, держа в руках небольшой чёрный пакетик.

— Знаешь, я сначала хотела платье какое-нибудь взять, а потом подумала, что это тебе подойдёт лучше всего. Переодевайся, а я пока выйду на балкон, позвоню Владу. Ещё раз напомню ему о тебе.

Я слегка покраснела, но промолчала. Мне почему-то уже было стыдно перед этим Владом. Такое чувство скверное возникло, будто я навязываюсь. Хотя в какой-то степени это, наверное, было именно так.

Пока Вероника разговаривала на балконе со своим братом, я переодевалась в вещи, которые она мне принесла. А именно: в белую блузку без рукавов с воротником из золотистых камушек и чёрную, расклёшенную к низу юбку чуть выше колен. Надо сказать, что вещи действительно смотрелись так, будто были специально для меня сшиты. Всё сидело просто идеально. И мне всё больше начинала нравиться девушка, смотрящая на меня из зеркала.

— Ну вот, совсем другое дело. Такой нежный образ и вместе с этим отлично подходит для офиса. Сейчас только макияж немного подправим и двигаемся. Мой братец ненавидит, когда опаздывают. Так что надо поспешить.

Я не успела даже слово вставить, прежде чем Вероника усадила меня на стул перед зеркалом, вытащила из своей сумки косметичку и начала колдовать над моим лицом. Минут через двадцать взглянув на своё отражение, я просто обомлела. Я не верила, что девушка, которая смотрит на меня из зеркала действительно я. Такая... такая красивая. Господи, не

думала, что когда-нибудь это скажу, но я действительно красивая. У меня большие глаза, которые удалось подчеркнуть с помощью смеси, если конечно так можно сказать, золотых и светло-коричневых теней. Оказывается, стоило всего несколько минут поколдовать с подводкой и тушью, чтобы мои глаза обрамляли пышные ресницы. Светлые румяна, придавали небольшой объём моим щёчкам, зрительно делая их чуть-чуть попухлее. А помада... Господи, никогда в жизни не пользовалась такой яркой красной помадой. Меня вообще отпугивали такие вызывающие цвета....но сейчас...сейчас мне всё ужасно нравилось. Начиная от самых кончиков ресничек и заканчивая кончиками волос, которые теперь свисали на мои плечи струящимися локонами. Пожалуй, ещё никогда я не могла так долго оторваться от своего отражения в зеркале как сейчас.

— Чёрт, какой стилист во мне пропадает! Могла бы открыть свой салон красоты, рубила бы бабки....Ой, а это у тебя тут чего? Как тебя так угораздило?

Вероника осторожно провела ладонью по до сих пор красующемуся на моём плече синяку, и я невольно вздрогнула. Краска стыда тут же прилила к моему лицу. Перед глазами всплыли картинки ТОЙ ночи. Сильные руки мертвенной хваткой вцепившиеся в мои бёдра, жадные губы оставляющие синяки и засосы на моей шее, плечах, груди...Сильно зажмурившись, я еле как смогла отделаться от всплывших в моей голове воспоминаний. Всё. Хватит. Эта запретная тема. И это прошлое, о котором нужно забыть раз и навсегда.

— Да так, я уже и не помню. Наверное, ударилась где-нибудь. Ну, что пошли? Ты же говорила, что твой брат не любит, когда опаздывают.

— Что, правда, то, правда. У него дисциплина как в армии. А мы с тобой, кстати, уже минут как десять должны были сидеть в его кабинете. Так, что если не хочешь, чтобы в дальнейшем он нагружал тебя работой как негра на плантации, давай выдвигаться.

Тихонечко прошмыгнув в спальню, я предупредила Елену Степановну — соседку по лестничной клетке и временную нянечку Максима (в ближайшее время я очень надеялась уговорить тётю Тоню переехать к нам), что, скорее всего, вернусь ближе к вечеру. Проведя ладонью по пухленькой щёчке сыночка, я также тихо выскользнула в прихожую и накинув верхнюю одежду, вышла из квартиры.

Когда мы зашли в кабинет, на двери, которой висела золотая табличка 'генеральный директор', я изо всех сил постаралась унять пробирающую всё тело дрожь. Но стоило нам зайти внутрь огромного по своим размерам и обставленного так, словно здесь работает сам президент, помещения, как у меня закружилась голова. Я почувствовала себя маленькой испуганной мышкой в аквариуме с удавом, который сидел за своим большим столом и, не отрываясь, перебирал какие-то бумаги. Наверное, в ту минуту, когда я увидела этого мужчину, когда прошла глазами по его профилю, подмечая каждую деталь, я просто приросла к полу. Дыхание перехватило. Сердце сбилось со своего ритма и теперь отплясывало цыплинку. Это ОН. Чёрт побери, это ОН. Нет, не может такого быть. Это просто невозможно! Мир тесен, но ведь не настолько?!

— Оксана познакомься это Влад — мой любимый братик и надеюсь, твой будущий бос, Влад, а это Оксана, та самая девушка, о которой я тебе говорила.

Когда он поднял голову вверх и наши взгляды скрестились, я чуть было не потеряла сознание. Это он. Вне всяких сомнений. Это тот самый мой таинственный ночной

незнакомец. Автор синяка на моём плече. Чёрт. Дьявол. Это конец. Я пропала.

На несколько секунд в кабинете повисла неловкая напрягающая тишина. Вероника спокойно без всякого приглашения плюхнулась в кресло возле огромного письменного стола и с миловидной улыбкой поглядывала то на меня, то на своего брата. А я в буквальном смысле собирала себя по кусочкам под пристальным оценивающим взглядом Влада. Мне казалось, что мужчина смотрел на мне презрительно, с усмешкой, без всякой скрытности своего отвращения. Мои ладони вспотели. Сердце сползло в пятки и казалось, его бешеный ритм был слышен даже на улице. Ватные ноги едва держали меня в вертикальном положении. Мне казалось, что я сейчас сгорю, провалюсь под землю от стыда. Мои щёки стали пунцовыми. Я припечатала взгляд к полу, тогда как Владислав спокойно разглядывал меня от макушки и до кончиков бархатных туфель. Он узнал. Чёрт, он узнал? Я даже не могу этого понять, потому что для этого нужно заглянуть в его глаза, а это выше моих сил. Я итак не чувствую себя от стыда. Если он узнал, если понял, кто сейчас перед ним стоит, всё пропало. Это конец.

— Да, ты действительно весь мой вчерашний вечер заняла разговорами об этой девушке, — голос мужчины звучал абсолютно спокойно и равнодушно. Он отвёл от меня свой взгляд и вновь занялся бумагами. Я даже выматерилась про себя. Вот как теперь понять, узнал он меня или нет? — Только ты забыла добавить, что она чрезмерно пунктуальна.

— О, это моя вина. Я её задержала, — тут же спохватилась Вероника, подбадривающе мне улыбнувшись. — Владик не будь таким букой. Мы попали в пробку.

— Не сомневаюсь. В такое время на дорогах действительно не протолкнуться. В одиннадцать утра, всегда начинается разгар часпика, верно?

Мужчина ехидно усмехнулся, всё также продолжая просматривать какие-то листы. Если честно, то сейчас мои ощущение были схожи с теми, что я испытывала в пятом классе, когда случайно разбила окно и потом около получаса стояла в кабинете директора. Правда есть небольшая поправка. Я не спала с этим директором, а вот с Владом...

— Влад...

— Вероника, ты, кажется, спешила на открытие какого-то там магазина или я что-то путаю?

— Ой, да точно, через полчаса уже надо быть на Садовой, — Вероника встала с кресла, обошла письменный стол и, положив ладони на плечи брата, тихо, но так, что её слова слышали и я и Влад, произнесла, — Не обижай её ладно? Или потом я обижу тебя.

После этих слов мне стало ещё более неудобно. Смущение и стыд в буквальном смысле пожирали меня с головой. Прежде чем выпорхнуть из кабинета, Вероника поцеловала меня в щёчку и подбадривающе улыбнулась. Когда в кабинете не осталось никого кроме меня и Влада, я даже рот не успела открыть, прежде чем мужчина смерил меня уничтожающим взглядом.

— А теперь, когда ваша подмога смоталась скупать всё, что увидит на своём пути, я хочу чтобы вы абсолютно чётко поняли некоторые вещи. Меня совершенно не волнуют проблемы вашего личного характера, транспорта и каких бы то ни было природных катаклизмов. На работу вы должны приходить вовремя. Это ваша прямая обязанность. Любое опоздание, даже на одну минуту, приравнивается к неявке на работу. Это первое и самое главное правило. Если вы хотите со мной работать, вам придётся его исполнять.

— Простите, я обычно никогда не опаздываю, просто...

— Правило номер 2: никогда меня не перебивать. Ещё раз повторяю, меня не интересует ваша личная жизнь, ситуации из 'вне' и прочие уважительные причины. Либо вы идеально выполняете возложенные на вас обязанности, либо мы прощаемся. Это понятно?

Я кивнула. Меня всё ещё коробила дрожь. Он меня не узнал, в этом я несколько не сомневалась. Но, к несчастью, это не отменяло того, что я просто не могла совладеть с собой, когда он не сводил с меня взгляда. Перед глазами тут же всплывали картинки ТОЙ ночи, и все мои мысли уходили совсем не туда, куда нужно.

— Правило номер 3: на свои вопросы я жду чёткие и внятные ответы, а не кивок головы и неразборчивый лепет. Ещё раз спрашиваю, вам всё понятно?

— Да, я всё поняла.

Влад...Влад Сергеевич (пора привыкать называть его именно так), вновь перевёл свой совершенно равнодушный, веющий холодом взгляд на бумаги. А я так и продолжала стоять возле его письменного стола, неуверенно теребя вспотевшие ладони и переминаясь с ноги на ногу.

— Если вам всё понятно, то я вас больше не задерживаю. Преступайте к вашим прямым обязанностям. В первую очередь назначьте встречу с Анатосяном, пусть подъедет к трём часам. Скажите, чтобы не забыл документы о поставках. После свяжитесь с Андреевым, напомните о сдаче проекта. Завтра, максимум послезавтра у меня должен быть полный отчёт о выполненной работе. И принесите мне кофе.

Развернувшись, я на нестигающих ногах вышла из кабинета. Господи, во что я ввязалась? Почему мне всегда так везёт? Зачем я согласилась на предложение Вероники? Ведь помимо секретаря гендиректора были ещё и другие должности. Можно было бы записаться помощником к какому-нибудь другому человеку. Это было бы всяко лучше, чем сидеть за дверью у хладнокровного робота, с которым я к тому же ещё и переспала. Господи, слава богу, что он меня не узнал. Иначе бы помимо полной пустышки, он бы ещё считал меня трассовой проституткой.

Не успела я сесть в своё кресло, как на моём телефоне загорелась какая-то красная кнопка. С трудом разобравшись, что к чему, я, наконец, нажала на какую-то пипку, после чего подняла телефонную трубку. Всего через одну долю секунду меня чуть было не оглушил басистый рык:

— Долго мне ещё ждать своего кофе?

Еле справившись с пробирающей всё тело дрожью, я нашла кофеварку, по рефлексу, как себе добавила в маленькую белую чашечку две ложки сахара, и на слегка подкашивающихся ногах зашла в кабинет.

— Правило номер 4, - я аж вздрогнула, и чуть было не уронила поднос, когда за моей спиной прозвучал грозный мужской голос, — никогда не входите в мой кабинет без стука.

Я снова залилась краской. В очередной раз почувствовала себя нашкодившим котёнком. Чёрт, нелегко мне придётся в этой компании. Очень нелегко. Возможно даже тяжелее, чем когда я торговала на базаре. Тогда хоть надсмотрщиков не было.

— Вы долго так будете стоять? Поставьте поднос на стол и возвращайтесь в приёмную.

Оставив чашечку с кофе на его столе, я, краснея от стыда, вышла из его кабинета. Как бы я не старалась, подавить пробивающую каждую клеточку тела дрожь, мне не удалось. Я не понимала, какие чувства сейчас играют во мне сильнее. Стыд, за то, что я совершенно ничего не умею или смущение, всякий раз, когда я вспоминаю ту дождливую ночь, после которой перевернулась вся моя жизнь.

— Что за дрянь вы мне принесли?

Я вздрогнула, тут же вытянулась на своём кресле и попыталась дотянуться босыми ступнями до туфель, которые скинула пару секунд назад. Не привыкла ещё всё-таки ходить на каблуках, тем более так долго.

— Кофе...вы же просили.

— Я не пью кофе с сахаром. Если не знали, могли бы уточнить.

Заметив, как я ёрзаю на кресле, он перевёл взгляд на мои ступни, всё ещё отчаянно пытающиеся подцепить валяющиеся в сторонке туфли. Глаза мужчины закатились. Он посмотрел на меня как на законченную идиотку.

— О, Господи. Хотя чему я удивляюсь? Когда закончите, будьте так любезны, свяжитесь, в конце концов, с Анатосяном. И передайте Лиде — вашей напарнице, когда та, наконец, вернётся с обеда, чтобы принесла мне кофе. Чёрный, без сахара.

Приблизительно так прошёл мой первый рабочий день. Я обложалась ещё раза три или четыре. Перепутала номера. Напортачила в каких-то справках. Опрокинула стопку бумаг прямо перед его носом и запнулась, а после и грохнулась на пол, когда выходила из его кабинета. В общем, более отвратительно и паршиво я себя никогда не чувствовала. Масло в огонь подливало ещё то, что даже, несмотря на то, что Влад меня не узнал, я-то его не забыла, а вместе с этим никак не могла отделаться от так не вовремя всплывающих в моей голове картинок...и каких картинок. Мне казалось, что его приглушённые стоны до сих пор стоят у меня в ушах.

Но самая большая лажа произошла уже под конец вечера. Мне позвонила Вероника, она начала спрашивать, как прошёл первый рабочий день. Смеялась, когда я рассказывала ей о своих косяках, поддакивала, когда я говорила какой её брат ужасный зануда, а потом пошутила и я на свою собственную глупость и невнимательность ответила на эту шутку:

— Да, ладно тебе Ксюш, Владик, конечно, ещё тот зануда, но он такой душка....Охмури его, и все проблемы исчезнут сами собой. Глядишь, может ещё и породнимся. Моему братцу уже пора бы собственную семью создавать. Как-никак он уже переступил тридцатилетний рубеж.

— Да хоть сорокалетний, во-первых, твой Владик, скорее чемпионат мира по футболу выиграет, чем когда-нибудь увидит во мне женщину, а, во-вторых, я сама скорее с резиновым мужиком в загс пойду, чем с ним. Это же невозможно. Одни сплошные правила. Правило номер 1, правило номер 2, номер 3...

— Когда закончите свой увлекательный разговор позвоните Резанову и перенесите встречу на пять вечера, — я вздрогнула, резко замолчала и положила телефонную трубку на стол. — И ещё, так просто для справки. Правило номер 5: никогда не разговаривать о личных делах в рабочее время!

Все следующие две недели прошли приблизительно также. Я вставала в шесть утра, боясь опоздать хоть на минуту и всё равно в те дни, когда Максюта просыпался на мой шорох и начинал плакать, я приходила на работу как минимум минут на сорок позже начала трудового дня. Влад (мысленно я просто не могла называть его по отчеству) ничего мне не говорил, он вообще за все эти дни ни разу не повысил на меня голос. Да и зачем ему это было нужно, когда от одного его взгляда я чувствовала себя полным ничтожеством? Но мои

опоздания были вершиной айсберга. С непривычки я не могла всё схватывать на лету. Я не сразу разобралась, что и к чему. А помогать мне было некому. Дней семь назад Вероника улетела со своим мужем в Прагу, и вернуться оттуда она должна не раньше начала следующего месяца. И это штормило меня ещё больше. Я не могла рассчитывать не на чью поддержку. А очередным ударом стало то, что два дня назад Максюту увезли на скорой с пневмонией. Моего малыша даже не положили в отдельную палату. Его разместили на кровати в коридоре, с ещё несколькими больными. Мест, видите ли, нет. Я скандалила, просила, даже плакала, но мне ничем не могли помочь. И вместе с этим, даже, несмотря на то, что я не спала последние две ночи, я всё равно старалась, я выворачивалась наизнанку, чтобы показать, что я чего-то стою, но итогом моей работы стало то, что под конец второй недели Влад вызвал меня к себе в кабинет и совсем не для того, чтобы поручить какое-то задание. Он решил так сказать подвести результаты.

— Итак, что мы имеем. За две недели работы в моей компании вы пять раз опоздали, пропустили четыре важных звонка, неправильно составили график встреч на пятницу, а вследствие этого сорвали одну очень важную сделку. Если бы за вас лично так сильно не просила моя сестра, я бы никогда в жизни не взял на работу такую безответственную растяпу. Вы не справляетесь даже с самыми элементарными поручениями. Могли бы хоть для приличия попытаться оправдаться....Всё ладно, идите работать. Считайте это ваш последний шанс.

Меня пробивала дрожь. Я вся была на взводе от того, что все мои мысли разрывались между Максютой и этим мужчиной. Этим, так ненавистным мне мужчиной. Ну, разве между ним и тем Владом, которого я встретила на остановке, который копался в своей машине, а потом с улыбкой предложил меня подвезти, есть что-то общее? Нет, этот Влад — наглый бессердечный хам и эгоист. Его ничего не заботит кроме его чёртовой компании. Ему наплевать на людей, которые здесь работают. Он даже не вспомнил меня!...Да, это было больнее всего. С трудом, но я всё же призналась самой себе, что мне бы хотелось, чтобы он узнал меня. Тогда бы я хоть не терзала себя вопросами, было ли всё так плохо, что он даже не вспомнил меня? Или для него подцепить девушку на остановке, а потом переспать с ней обычной дело?

Внезапно я остановилась посреди кабинета, и прежде чем успела, что-либо сообразить, меня уже понесло по кривой дорожке.

— Если вы не заметили, то я живой человек, а не робот! Я ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК! И да, опаздывала, я разговаривала по телефону в рабочее время, я иногда уходила без разрешения, но вы даже ни разу не поинтересовались почему! Вам вообще наплевать на всех сотрудников в этой компании. Вас волнуют только эти чёртовы бумажки, а они...они гроша ломанного не стоят, по сравнению с чувствами обычных людей, до которых вам конечно же нет никакого дела!

Я разрыдалась. Закрыла лицо руками и начала сглатывать струящиеся по щекам слёзы. Меня пробивала нервная дрожь. Я снова была на грани. Чёрт подери, я уже превратилась в какую-то истеричку, но так больше не может продолжаться.

Неожиданно, Влад, поставил рядом со мной стул, и с силой надавив на мои плечи, заставил меня сесть. А после этого, пока я удивлённо икая, размазывала слёзы по щекам, он налил в стакан воды и протянул мне его.

— Выпейте, успокойтесь и расскажите, что у вас случилось.

Я всё ещё удивлённо на него поглядывала, когда дрожащими пальцами обхватила стакан

и жадно выпила так необходимую мне сейчас холодную воду.

— Ну же Оксана говорите, я жду.

— Я... У меня ребёнок заболел. У него температура сильная, знобит. Его в больницу положили, только там мест свободных в палате нет, его прямо в коридоре разместили...

Я видела, как глаза Влада удивлённо расширились.

— У вас есть сын?

— Да, — этому вопросу я была удивлена не меньше чем Влад, по всей видимости, моей речи. Почему-то мне казалось, что Вероника всё рассказала своему брату. — В какой больнице он лежит?

— А какое это...

— Оксана, вы забыли правило номер 3? На мои вопросы вы должны отвечать чётко и внятно. В какой больнице лежит ваш сын?

— В пятой.

Я икнула и снова залилась краской, но Влад явно этого даже не заметил. Он был чем-то очень сильно озадачен.

— В пятой...это там, где ещё школа искусств рядом? — я неуверенно кивнула, и Влад тут же усмехнулся. — Там же Ефремов главврач...как же, мест у него нет....Вот что, Оксана. Вы сейчас приведите себя в порядок и идите домой. На звонки я и сам смогу ответить. Завтра тоже на работу можете не приходить. Считайте, что у вас выходной. Отдохните, навестите сына. Но чтобы в четверг вы были на своём рабочем месте, ровно в девять и без опозданий. Всё ясно?

Я снова неуверенно кивнула, всё ещё не веря в то, что это происходит на самом деле.

— Правило номер 3.

— Я всё поняла.

— Тогда идите. Нечего мне тут потоп утраивать. И вообще запомните на будущее, я не переношу всех этих женских штучек. Если вы чем-то недовольны или вам есть, что сказать, то сумейте это сделать внятно и по-существу. Всё идите. Я предупрежу своего шофёра, он отвезёт вас домой.

— Но...

— Правило номер 6: приказы начальства не обсуждаются.

Я не смогла понять, не смогла поверить в то, что произошло, даже тогда, когда уже лежала дома, в своей кровати. Я ведь его оскорбила, нахамила ему, разрыдалась в его кабинете, а он...не уволил меня. Более того он выслушал, дал мне выходной, ещё и распорядился, чтобы его шофёр довёз меня до дома. Но как такое возможно? То, что сегодня произошло, совсем не вяжется с тем, как он относился ко мне все эти две недели. Или может вся его строгость, и нетерпимость заключается только в работе? Может, когда он выходит из роли грозного начальника, он становится совсем другим человеком? В любом случае в тот вечер я об этом думать не могла. Я уснула, как только моя голова коснулась подушки, а когда утром, я пошла в больницу к Максюте и нашла его не в коридоре, а в большой светлой, заваленной кучей игрушек палате, я чуть было не потеряла сознание. Поначалу на мои вопросы, медсестра отвечала, что, мол, это помощь молодым матерям-одиночкам, но потом, когда я сунула ей в карман, всё что было у меня в кошельке, она поведала мне, что их

главврачу поступил звонок от какого-то очень важного человека, после чего у них в больнице буквально все встали на уши.

Я очутилась в компании быстрее, чем за десять минут. Когда я буквально вбежала к нему в кабинет, Влад разговаривал по телефону, жестом руки заставил меня подождать и только когда попрощался со своим собеседником, перевёл на меня слегка удивлённый взгляд.

— Я ведь дал вам сегодня выходной?

— Я просто хотела сказать вам, что я не беспомощный ребёнок. Я сама смогу со всем разобраться и вовсе необязательно было звонить в больницу.

Меня трясло как в лихорадке. Я сама не понимала, зачем сейчас всё это сказала. Но, всякий раз, когда мне стоило оказаться рядом с этим мужчиной, я выкидывала какую-то безумную глупость.

Несколько минут Влад молчал, прищурившись, внимательно смотрел на меня, а потом абсолютно серьёзно сказал.

— Хорошо, — набрав на телефоне какие-то цифры, он прислонил трубку к уху. — Ефремов? Это Ветров беспокоит. Слушай, ты помнишь наш вчерашний разговор? Так вот всё отменяется. Да, не нужна отдельная палата. И игрушки тоже выкинь...

— Нет, не надо! — я испуганно вскрикнула и поддалась вперёд, остановившись в паре сантиметров от вмиг замолчавшего мужчины, который перевёл на меня выжидающий взгляд. — Не отменяйте ничего....пожалуйста...

— Ефремов, отбой. Да, всё остаётся по-прежнему. Считай, что палата закреплена за этим мальчиком.

Он сбросил вызов, положил трубку на стол и перевёл на меня свой взгляд. В эту секунду я подумала, что он, наверное, накричит, выгонит, а может даже уволит....Но он улыбнулся. Первый раз я увидела, как он улыбнулся, и мне захотелось зажмуриться. В животе запорхали бабочки. Мне вдруг стало так хорошо, что я чуть было, не запищала от радости.

— Ребёнок...ты сама ещё ребёнок, Оксана. Вбалмошный, безрассудный, глупенький... Ладно, иди, работай.

— Так ведь у меня выходной?

Я улыбнулась. Не смогла сдержаться. Слишком счастлива я была в этот момент. Пожалуй, так счастлива как ещё никогда в жизни.

— Выходной? Щас, размечталась. Сорвала мне важный звонок, а теперь ещё и выходной требует. Иди работать, живо.

Наверное, я влюбилась в него именно в этот момент. Точнее нет, я поняла, что люблю его именно сейчас, в этом кабинете. А зародилось это чувство ещё тогда, в ту ночь, на той остановке. Я снова полюбила. Хотя нет, я, наверное, первый раз полюбила. Искренни, по-настоящему. Так как никого и никогда в жизни. И с этого момента, с этого разговора, я начала вести себя как настоящая, немного сумасшедшая влюблённая девушка. Я стала просыпаться в полшестого утра, чтобы накраситься, приодеться, сделать причёску, которую я кстати изменила. Я немного подстриглась и перекрасила волосы в каштановый цвет. Я начала следить за собой. Сделала маникюр, первый раз за долгое время посетила салон красоты. Я, по-моему, немножко тронулась умом, когда попробовав в пекарне очень вкусное

кофейное пирожное, купила ещё одно, точно такое же, упаковала его в красивую коробочку и, придя на работу в офис, дождалась, когда Влад уйдёт на обеденный перерыв, положив на его стол 'сладкую коробочку'. Когда он вернулся, он тут же вызвал меня к себе в кабинет и спросил, откуда здесь появился этот презент. Я сказала, что не знаю, но при этом покраснела с ног до головы и, судя по его едва заметной усмешке, он всё понял. А на следующий день, придя утром на работу, я обнаружила на своём рабочем столе розу. Шикарную красную розу без шипов, великолепный аромат которой просто обволакивал. И буквально через пару секунд 'по чистой случайности' рядом оказался Влад, несколько минут понаблюдал за тем, как я удивлённо разглядываю цветок и прежде чем войти в свой кабинет, усмехнулся — 'Понятия не имею, откуда она здесь появилась'. В тот момент я еле сдержалась от того, чтобы не запищать от восторга. Я чувствовала себя дурой, но ужасно счастливой дурой. Только вся эта эйфория разрушилась, когда он ближе к полудню вызвал меня в свой кабинет. Сначала, он что-то говорил о предстоящих встречах. Я слушала, даже что-то записывала, но все мои мысли были вдалеке от работы. Я всё чаще и чаще вспоминала о той ночи...

— Оксана вы меня вообще слушаете? О чём замечтались?

'О тебе. Голом. Занимающемся со мной любовью. Здесь. Сейчас. В этом кабинете. На этом столе'.

— Нет, всё нормально, я вас слушаю.

Внезапно Влад замолчал на несколько секунд. Откинулся на спинку кресла, а потом совершенно неожиданно спросил.

— Оксана, что вы делаете завтра вечером? Вы чем-то заняты?

Я чуть было не выронила блокнот из рук. Наверное, я так широко отрыла рот, что Влад не сдержался и посмотрел на меня с нескрываемой улыбкой.

— Я...нет, у меня никого нет...Точнее я ничем не занята!

Он снова улыбнулся, а я залилась краской стыда.

— Не будете против, если я украду вас завтра на один вечер?

'И на ночь тоже. И желательно бы не одну. А лучше бы вообще на всю жизнь'.

— Нет, не буду...

— Отлично. Надо заказать столик в ресторане.

— Мне всё равно.

— Не пронял?

— Мне всё равно, в какой ресторан идти. А можно вообще по городу прогуляться...

Погода ведь хорошая.

Влад улыбнулся так широко, что у меня создалось абсолютно точное впечатление, что он едва сдерживается, чтобы не рассмеяться.

— Погода хорошая. И я тоже люблю пешие прогулки на свежем воздухе. Только думаю, нашим партнёрам они не понравятся. Они предпочитают проводить деловые встречи в ресторане 'Звёздное небо'. Собственно столик уже заказан, нужно только позвонить и убедиться, состоится ли встреча.

В этот момент я почувствовала себя полной дурой. Размечтавшейся идиоткой. Чёрт, ну вот кто меня за язык постоянно дёргает?

— Деловая встреча?

— Да, я хочу, чтобы вы пошли туда со мной. И, пожалуйста, позвоните, сегодня нашим партнёрам из банка и деликатно им намекайте, что у них есть не больше двадцати минут. Я

хочу отделать от них как можно скорее.

— Почему?

Влад снова улыбнулся, чуть приподнялся на кресле и уже на полном серьёзе ответил:

— Потому что я хочу провести весь завтрашний вечер с тобой. Наедине. Ты не против Оксана?

Сначала мне показалось, что я ослышалась, но по его взгляду, по тому самому взгляду, который я не могу забыть ещё с той дождливой ночи, я поняла, что всё серьёзно. Он приглашает меня на свидание, после которого вполне возможно будет продолжение. Не знаю, что со мной произошло, но в этот момент меня прострелила такая мощная волна возбуждения, что я еле удержалась на ногах.

— Не против.

— Хорошо, — также серьёзно ответил он, а потом добавил. — Позвоните прямо сейчас представителем банка и договоритесь с ними обо всём.

— Да, конечно....а кому звонить-то?

Влад усмехнулся.

— Совсем у меня что-то с памятью стало, хотя вроде ещё и не старый. Свяжитесь с директором банка 'Лотос' — Андреем Грозовым. Если не сможете до него дозвониться, возьмите у нашей Лиды телефон Катерины Лебедевой. Она не акционер банка, но насколько я знаю, Грозов всегда берёт её с собой на деловые встречи. В общем, обговорите с кем-нибудь из них, напомните, что завтра мы с ними ужинаем. И подчеркните, что эта встреча куда важнее им, чем нам. Это ведь их банк находится на грани разорения.

В этот момент мне показалось, что земля ушла у меня из-под ног. По всему телу прошла невыносимая волна дрожи. Мне с трудом удалось взять с себя в руки и сохранить остатки самообладания.

— С Андреем Грозовым? А кто он? Я, что-то ни разу о нём не слышала...

— С недавних пор он стал директором 'Лотоса' и это обернулось тем, что теперь банк находится на грани разорения. Одна неудачная сделка за другой. Хотя чего ещё было можно ожидать от напыщенного юнца? Ему бы опыта сначала набраться, понаблюдать за более квалифицированными людьми, а он сразу в управление полез. Вот собственно и результат. Если завтра он не сможет представить мне действительно толковое дело, думаю 'Лотосу' пришёл конец.

Дышать становилось всё труднее. Я не верила в то, что слышала. Неужели у Андрея дела так плохи? Он ведь всегда грезил своей работой. Бывало ночами не спал, всё копался в каких-то бумагах. И как же тогда такое могло произойти?

— Если от этой встречи для вас нет особо никакой выгоды, то зачем же она вам тогда?

— Из уважения к его отцу. Хороший был мужик. Толковый, честный, с ним всегда было приятно иметь дело. Последние лет пять его жизни, мы активно вели сотрудничество. Можно сказать, что Олег этот банк на своём горбу поднял, а вот его сынок развалил такое крупное предприятие за такой короткий срок....Хотя так часто бывает. Дети не оправдывают ожидания своих родителей. Да и чего вообще было можно ожидать от мужчины, который бросил своего ребёнка? Год назад активно ходили слухи, что он свою беременную девушку ради Катки бросил....хотя кто знает так это или нет. Да и пёс с этим Грозовым. Завтра посмотрю, что он там опять навывдумывал, и больше не буду забивать себе голову этим парнем. Оксана свяжитесь с ним прямо сейчас, узнайте всё на счёт встречи... Оксана вы меня вообще слышите? Вам плохо?

Да мне было плохо, ужасно плохо. У меня кружилась голова, подкашивались ноги, дрожал каждый мускул на теле. Если бы Влад вовремя не успел усадить меня в кресло, я бы, наверное, потеряла сознание.

— Что с вами? Может скорую вызвать?

Обхватив моё лицо ладонями, мужчина пристально смотрел мне в глаза. И от его взгляда — серьёзного и в тоже время очень взволнованного, от прикосновения его рук к моей покрывшейся испаринами коже, мне стало ещё более трудно дышать. На какое-то время я даже смогла забыть обо всём на свете. Мне хотелось, чтобы это мгновение никогда не заканчивалось, и в тоже время я понимала, что мне надо, что-то ответить, как-то выкрутиться из всей этой ситуации.

— Влад...Владислав Сергеевич, мне, что-то нехорошо. С самого утра чувствую слабость. Можно мне сегодня домой пораньше?

— Можно, — серьёзно произнёс он, всё также продолжая вглядываться в моё лицо, сейчас, наверняка, ужасно бледное. — Я довезу. Собирайтесь.

Он, наконец, отпустил меня, выпрямился и отошёл на пару шагов, из-за чего я едва смогла сдержать стон разочарования.

— Нет, не нужно...Я сама.

— Сама ты только до приёмной дойдёшь и то не факт. Я довезу.

— Нет, правда, не нужно. Сейчас на улице ветерок такой прохладный дует...Я думаю, это приведёт меня в чувства.

— Или ещё больше поможет заболеть. Если и правда простудилась, то пешая прогулка обернётся тем, что сегодня ты ночью с температурой валяться будешь. Лучше я сам тебя довезу, так мне спокойней будет.

— Нет, Влад...Владислав...

— Влад, — отрезал жёстко, так что я сразу поняла — возражать бессмысленно. Вот так быстро и незаметно мы соскочили на 'ты'.

— Хорошо, Влад. Только всё равно меня подвозить не нужно. Я лучше такси вызову.

Взгляд мужчины изменился. Резко потемнел, появилась даже какая-то усмешка. Мне стало не по себе. Я интуитивно почувствовала, что он принял мой отказ как нежелание быть с ним рядом. В эту секунду ужасно захотелось его поцеловать. Просто соскочить с кресла, броситься ему на шею и впиться в эти властные губы жадным поцелуем. Мне хотелось, чтобы он узнал, чтобы почувствовал всё то, что чувствую я. Чтобы понял, что я с ним искренни. Но именно сейчас я не могла ничего сделать. Мне нужно остаться одной. Переварить всю эту ситуацию, подумать, как из неё выкрутиться.

— Как знаешь.

Он обошёл стол, сел обратно в своё кресло и начал перебирать какие-то бумаги. У меня сложилось впечатление, что он вообще забыл о моём присутствии. Стало скверно. Впервые за долгое время стало скверно не по тому, что у меня пусто в кармане или у Максюты поднялась температура, а потому что мне жутко захотелось, чтобы меня сжали в крепких объятиях. Настолько крепких, чтобы у меня рёбра болели, чтобы стало трудно дышать. Но ничего этого не было. Влад не отрывал взгляд от бумаг, а я так и не осмелившись, что-либо сказать, просто молча вышла из кабинета. Прежде чем уйти домой, я заскочила к Лиде и попросила её дозвониться до представителей 'Лотоса'.

На встречу я не пошла. Точнее я полчаса, прячась за ветками деревьев, вглядывалась в окно, за которым сидели три, пожалуй, самых ярких человека в моей жизни. Двое из них были мне настолько противны и ненавистны, что я даже не могла вынести их присутствие. А третий...я практически не отрывала от него взгляда, и когда увидела, как он схватил свой телефон, несколько минут вглядывался в экран, а потом положил мобильный обратно на столик и резко нахмурился, я едва сдержала стон разочарования. Всё, это точно конец. Теперь Влад, если и не уволит меня, то ни о каких отношениях я даже думать не смогу....Это я написала ему смс. Соврала, что стою в пробке и скорее всего не успею на встречу. Судя по тому, как он отреагировал на это сообщение, с рук мне ничего не сойдёт. Буквально через пять минут после того, как Влад получил смс, Андрей вместе с Лебедевой встал из-за столика и с кислыми минами они начали собираться. Видимо сделка провалилась. Не знаю, может это конечно и плохо, но когда Громов вместе с Лебедевой выходил из ресторана, и я прочла во взгляде обоих жуткий страх и отчаяние, мои губы расплылись в улыбке. Злорадной мерзкой, но прямо-таки освободившей душу от оков улыбке. Улыбке отмщения. Когда-то все те же чувства плескались в моём взгляде. Теперь всё вернулось бумерангом.

Как только ненавистная мне парочка села в такси и укатила в неизвестном направлении, я бросилась к ресторану. То, что я не смогла перебороть себя и не пошла на встречу, ещё не значило, что я собиралась отменить свидание. Только не это. Я не могла опять позволить этим двум недоноскам портить мне жизнь. Я хотела, да что там я желала, я как ненормальная желала провести вечер...провести ночь с этим мужчиной. И плевать на то, что он мой начальник. На то, что я с ним уже спала и возможно, когда он увидит меня без одежды, он меня узнает. Плевать на всё. Я хочу быть с этим мужчиной, а остальное не важно.

Когда я подбежала к столику, Влад уже собирался уходить. Я буквально едва ли не сшибла его с ног.

— Влад...прости, я опоздала. Такие пробки...больше часа простояла в этой тянучке...

Я пыталась отдышаться, но разве это было возможно, когда он находился так близко и не сводил с меня взгляда? Какого-то странного взгляда. Почему-то полного удивления.

— А я думал ты не придёшь. Мне казалось, что твой вчерашний побег из офиса и сегодняшняя 'пробка' всего лишь отмазки от сегодняшнего вечера. Нежелание провести его со мной.

— Ну, я ведь здесь. Значит, ты ошибался.

Мой голос дрогнул. Я совершенно перестала контролировать свои эмоции. Как только я перевела взгляд на его губы, все мои мысли свелись к одному. Я уже обо всём забыла и перестала что-либо соображать. Когда мужчина положил ладони мне на талию, и начал склоняться к моему лицу, сокращая расстояние между нашими губами, на одну долю секунды моё сердце перестало биться. Я забыла, как надо дышать. Хотелось, невероятно сильно хотелось вновь прочувствовать весь ураган эмоций, что свалился на меня той дождливой ночью...

— Влад, простите, что отвлекаю, но я забыла сумочку, а в ней важные...

Я резко повернула голову на разрушавший наше уединение голос. Она. Чёрт подери, она стояла всего в шаге от меня и наши взгляды мгновенно скрестились. Её, полный безумного удивления и абсолютного непонимания. И мой, в минуту почерневший от жгучей ненависти...и страха. Она узнала. Сразу же. Она поняла, кто перед ней стоит.

— Вот держите, — Влад протянул чёрную кожаную сумку её, всё ещё продолжающей прибывать в шоковом состоянии хозяйке, а я с трудом заставила себя успокоиться. — Катя, что-то ещё?

Я почувствовала, как мужская рука крепче сжала мою талию. Видимо Влад уловил моё напряжение. Мысленно я заставила себя взять себя в руки, во что бы то ни стало.

— Нет, извините, — судя по всему Лебедева тоже не захотела выдавать наше знакомство. Быстро взяв сумочку, она улыбнулась, настолько искренне и лучезарно, что если бы я не знала, какая она стервозная тварь, я бы, наверное, подумала, что она самое добродушное создание на планете. Этаким ангелочек. А ведь действительно похожа дрянь. Натуральная блондинка с большими ярко-голубыми глазами и ангельской внешностью. Только вот мало кто знает, что за этой внешностью скрывается самая последняя тварь, готовая любому горло перерезать ради достижения своей цели. — Ещё раз простите, что помешала. Приятного вам вечера.

Лебедева вновь растянула губы в нежнейшей улыбке и через несколько секунд скрылась за кабинкой нашего столика.

— Неприятная особа, — неожиданно усмехнулся Влад, и я в удивлении подняла на него глаза.

— Неприятная?

— До жути. С такими совсем не хочется иметь дело, — хмыкнул Сафонов и перевёл на меня настороженный взгляд — Что с тобой? Ты как-то напряженна.

— Нет, всё нормально, просто день сегодня не заладился, — кое-как мне всё-таки удалось вытянуть губы в улыбке и выровнять голос. — А, что не так с этой девушкой? По-моему, она очень милая.

— Разве что только внешне. Весь вечер улыбалась и пыталась строить мне глазки, и это притом, что рядом с ней сидел её мужчина. Ненавижу таких двуличных людей, — Влад уловил мой облегчённый вздох и, по всей видимости, понял его по-своему. Он улыбнулся и чуть приобнял меня за плечи. Видимо подумал, что я ревную. Нет, сейчас я не испытывала этого чувства. Наоборот после его слов у меня словно камень с души спал. — Всё хватит этих разговор. Пойдём лучше потанцуем?

Он вновь положил ладони мне на талию, и я почувствовала, как по телу прошла предательская волна дрожи. Внизу живота болезненно заныло. Чёрт, ну почему я всегда так реагирую на его близость?

— Я не умею.

Ответила честно и спрятала взгляд у него на груди, молясь, чтобы он не заметил, как зардели мои щёки.

— Я тоже. Давай доверимся импровизации?

В ту же секунду, не став слушать моих возражений он вывел меня из кабинки и повёл в самый центр зала, где под медленную музыку танцевали несколько пар. Уже через мгновение мы присоединились к ним. Влад закружил меня в танце, и я сразу поняла, что он соврал относительно того, что не умеет танцевать. Ещё как умеет. Могу поспорить, что, судя по его превосходным движениям, он даже где-то обучался этому мастерству. Он, то кружил меня по всему залу, то тесно прижимал к своей груди, вызывая целый ураган дрожи и желания в моём теле. Я забыла о времени. Я забыла о столь 'приятной встрече'. Мне вдруг стало совершенно всё равно, что мужчина, в чьих руках я теряю себя — мой начальник. Я просто была счастлива. Да, я была чертовски счастлива, когда он кружил меня в танце,

прижимал к своему крепкому телу, что-то шептал мне на ухо и улыбался, так искренне, так заразительно.

Я не знаю, сколько мы танцевали. Для меня часы превратились в минуты, в секунды, в крошечные пылинки. Я очнулась уже только в его машине, когда мы подъезжали к моему дому. И тут же, когда он припарковал автомобиль возле моего подъезда, сердце болезненно кольнуло. Максимка. Я совершенно забыла о сыне. Чёрт меня раздери, какая я мать после этого? Нервно перевела взгляд на окно спальни, которое выходило во двор. Свет не горит. Тогда, скорее всего нянечка уже уложила малыша спать и ушла домой. На душе немножко полегчало. Если Максимка спит — то всё в порядке. В последнее время он у меня как Добрыня Никитич, хоть кастрюлями над ухом греми — всё равно до утра глазёнок не откроет.

— Приехали. Чёрт, как быстро время пролетело.

Влад смотрел на меня с улыбкой и я понимала, что он явно ждёт продолжения... продолжения этого вечера.

— А откуда ты узнал, где я живу?

Голос слегка дрожал. Мне очень хотелось пригласить его к себе, но не слишком ли быстро всё происходит? Сегодня вроде как наше первое свидание.

— Раньше я часто бывал в гостях у своей сестры.

Мои щёки залились краской. Я совсем забыла, что помимо того, что Влад мой босс, он ещё и брат Вероники.

Несколько минут я молчала, нервно перебирая пуговицы на плаще, а потом...не знаю, какой чёрт меня дёрнул, но я на полном серьёзе произнесла:

— Зайдёшь ко мне?

Я видела, как переменился его взгляд, как дёрнулся кадык на его горле и как он судорожно сглотнул. Мне стало жарко. В секунду я забыла о терзавших меня сомнениях. Я хотела его. В самом примитивном смысле этого слова. Хотела так, что коленки дрожали, что мутилось всё перед глазами, что живот сводило от тянущей боли.

— А можно?

Голос хриплый, с долей волнений и того же безудержного желания.

— Если я приглашаю — значит можно.

Мы оказались возле двери моей квартиры в считанные секунды. Нервно-дрожащими руками я попыталась засунуть ключ в замочную скважину, и мысленно чертыхалась, всякий раз, когда этот мелкий 'жук' выскальзывал из вспотевших ладоней. Влад стоял позади меня. Он не пытался мне помочь, не произносил ни слова, но я чувствовала, что его прожигает тоже дикое волнение, что и меня. Наконец получилось. Дверь подалась, и мы оказались внутри. Не успела я опомниться, как Влад резко притянул меня к себе и смял мои губы в жадном поцелуе. Он накинулся на меня так неожиданно, что я даже выронила всё из рук, и сама чуть было не потеряла равновесие. Но он с силой, до болезненных отметин на коже обхватил ладонями мою талию и вжал меня в стену. Всего пару секунд я испуганно моргала, не решаясь ни на какие действия, а потом на меня нахлынула такая страсть и безумная волна возбуждения, что я забыла обо всём на свете. Я стала отвечать на его поцелуи. С той же страстью, с тем же безумным желанием, с той же жадностью. Я зарылась пальцами в его непослушных волосах, закинула ему на пояс ногу, до крови прокусила губу. В эту секунду он

резко оторвался от моих губ. Посмотрел на меня диким обезумевшим взглядом и подхватил на руки. Несмотря на то, что он знал эту квартиру куда лучше меня, спальню он нашёл только с третьего раза, а перед этим мы сшибли все вещи, которые встретились нам на пути. К тому времени, как он распахнул дверь комнаты и вновь жадно приник к моим губам, я уже просто обезумела. Я целовала его шею, нервно-дрожащими пальцами пыталась расстегнуть верхние пуговицы на его рубашке. На моих глазах даже проступили слёзы. Никогда раньше я не испытывала таких острых, граничащих с болью чувств. Никогда. Даже той ночью...

Я не сразу поняла, почему он остановился посреди комнаты, почему оторвался от моих губ, а через несколько секунд и вовсе поставил меня на ноги. Только спустя какое-то время я услышала звонкий писк из соседней комнаты. Максимка. Мой Добрыня, который всегда спал как сурок и именно в эту ночь, решил показать свой звонкий голосок.

— Иди....успокой его и возвращайся, скорее... — он нервно гладил мои волосы, жадно целовал меня в припухшие губы, — ...или я с ума сойду.

Я не знаю, как нашла в себе силы отстраниться от него. На подкашивающихся ногах я вышла из спальни, зашла в детскую и взяла плачущего сына на руки. Нежно поцеловав малыша в мокрую щёчку, я начала укачивать его, мысленно заклиная, чтобы он поскорее заснул. Ещё никогда мне не хотелось ничего настолько сильно, как вернуться обратно в свою спальню...к нему.

Влад сидел на краешке кровати, широко расставив ноги и подперев голову руками. Тяжело дыша, мужчина пытался успокоиться. 'Завёлся с пол оборота, как будто год баб не видел. Вот ведь зацепила плутовка. И, что в ней такого особенного?' Худошавая, слишком низенькая для него, совершенно неприметная, так и хочется серой мышкой назвать, только крышу от неё сносит похлеще чем от дорогой выпивки. Уже недели две приходится бороться с вечной эрекцией, которая возникает сразу, стоит лишь этой мышке ему кофе принести или бумаги на подпись. А уж от её простеньких духов вообще в башке всё меркнет. И чем только так привязала? Может искренностью? Глаза у неё такие, что и сравнить ни с чем нельзя — кристально чистые, аж дух захватывает. А как эта маленькая лисица пыталась его 'соблазнить' просто уму непостижимо! За свои тридцать два года, а в особенности за последние лет восемь, когда он начал вертеться в строительном бизнесе, ему с всякими девушками приходилось встречаться. И, что только многие из них не делали, чтобы поймать 'крупную рыбку'. Как только не изошрялись, к каким хитростям не прибегали. Но вот с пирожном в форме 'сердечка', пунцовыми щёчками и опущенным в пол взглядом он столкнулся впервые. Кто знает, что у него тогда в башке стрельнуло, но он решил подыграть. Купил розу, причём ни в каком-нибудь киоске, а в цветочный салон перед работой заехал и выбрал самую лучшую, продавщица сказала, что несколько недель стоять будет. Хотя какая ему к чертям разница, когда этот цветок завянет? Ему хотелось увидеть реакцию Оксаны, и когда он столкнулся с обворожительной улыбкой и светящимися глазами, он сам, взрослый мужик, едва ли не запищал от восторга. Оказалось это до безумства приятно — делать ей подарки и видеть, как она радуется, словно ребёнок. Только вот Оксана пробуждала в нём не только нежные чувства. Он хотел её. Хотел до осточертения, до боли в одном конкретном

месте. Сидел сейчас в этой комнате, слушал, как плачь из соседней комнаты становится всё более тихим и представлял, что будет, когда Оксана вернётся к нему. Представлял, как опрокинет её на кровать, сорвёт к чертям одежду, и до утра будет врезаться в её до боли желанное тело. От таких мыслей Владу даже стало жарко. Скинув куртку, мужчина, стараясь не шуметь, вышел из спальни и сразу же безошибочно нашёл ванную. Ополоснув лицо ледяной водой, Влад мысленно усмехнулся. 'Прямо как школьник на первом свидании'. Выключив воду, мужчина столкнулся с полной тишиной. Детский плач больше не был слышен. А это значит, что ребёнок заснул. Едва поборов пробирающее каждую клеточку тела нетерпение, Влад поспешил вернуться обратно в комнату, но уже около двери ванной, задел локтем какой-то тазик и тот с грохотом рухнул на пол. Не прошло и секунды, как вновь послышался детский писк. Грязно выругавшись про себя, мужчина сел на корточки и начал запихивать вывалившиеся вещи обратно в тазик. Внезапно, Влад замер. Несколько минут он держал в руках серую ветровку и не понимал, почему не может отвести от неё взгляда. Эта вещь, словно, что-то напоминала ему.

Через несколько минут мужчина зацепил глазами валяющуюся в самом уголке тазика белую майку и в ту же секунду судорожно вздохнул. Эти вещи.... Перед глазами сразу всплыли картинки, как он срывал эти вещи с промокшего женского тела. Стало душно. Накатили те самые воспоминания, которые он больше месяца старался не тревожить. Случайный секс со случайной встречной. Всего одна ночь ценной в тысячу долларов. Он хорошо помнил каждую деталь того вечера и потому не мог сейчас понять, что делают эти вещи в квартире у Оксаны — его милой стеснительной девочки, которая заливается краской от каждого его взгляда?

Засунув в ротик большой пальчик, малыш наконец-то, с довольным и насытившимся пузиком сонно засопел. Бережно уложив Максюту в кроватку, я на цыпочках вышла из детской, бесшумно прикрыв за собой дверь. Меня всю пробивала волна мелкой дрожи. Ладони вспотели, все мысли в голове перемешались в какой-то тугий узел. Когда я переступила порог спальни, сердце ухнуло куда-то в пятки, и забилось в бешеном ритме. Комнату освещали пробивающиеся через окно тусклые блики уличных фонарей. Закусив нижнюю губу я пробежалась нервным взглядом по всему периметру спальни и не обнаружив в ней Влада, растерянно прислонилась спиной к стене.

— Я здесь, — тихий, но уверенный голос мужчины заставил меня вздрогнуть и резко обернуться назад. Влад стоял в дверном проёме, скрестив руки на груди, и не отводил с меня пробирающего каждую клеточку моего тела взгляда. Взгляда, от которого у меня внутри всё запылало. Я нервно облизнула губы, скрестила вспотевшие ладони в замок и сделала один нерешительный шаг навстречу, после чего сразу же остановилась, не решаясь больше ничего предпринять. — Уснул?

Он медленно двинулся на меня. Шаг за шагом он сокращал расстояния между нашими телами, пока я вновь не прислонилась спиной к холодной стене, а он не навис надо мною. Его руки были по обе стороны от моей головы. Губы практически касались мочки уха. Он фактически отрезал мне всё пути к отступлению. Но разве я сейчас собиралась куда-то

сбегать? Я как замороженная смотрела на его до невозможности красивое лицо и мечтала, чтобы он, наконец, дерзко привлёк меня к себе, смял губы в жёстком поцелуе, порвал на мне одежду и жадно, без передышки брал меня до самого утра, до полудня следующего дня...

— Уснул.

Дрожащими губами произнесла я, и в ту же секунду он смял их в жёстком собственническом поцелуе, без капли нежности. Но нежность мне сейчас была и не нужна. Меня ломила, сжигала изнутри дикая потребность в нём. Потребность в остром, граничащем с безумием наслаждением, которое он дарил мне той ночью. Я всё ещё не могла забыть, как цеплялась за его руки, как извивалась под его сильным поджарым телом, как мокрыми от слёз губами целовала его лицо, шею, грудь... Он резко подхватил меня на руки, оторвался от моих губ и заглянул мне в глаза. Я видела, как помутился его взгляд, как в нём разгорелись искорки дикой безумной страсти. Я чувствовала, что он желает меня также сильно как и я его. Я чёрт подери, чувствовала себя ЖЕНЩИНОЙ. До безумия желанной женщиной, только это подводило меня к той самой черте, когда теряешь все ориентиры, когда весь мир разлетается на тысячу осколков, когда реальность вообще перестаёт существовать.

Влад опрокинул меня на постель, тут же накрыв своим телом. Несколько секунд он неотрывно вглядывался в моё лицо, а потом резко обрушился на мои губы жадным поцелуем. Я тут же выгнулась дугой, вцепилась ладонями в его волосы, в каком-то безумном порыве прокусила его губу и когда почувствовала солоноватый вкус крови, не смогла сдержать безумного, полного острейшего желания стога. На мои глаза проступили слёзы. Он сминая мои губы в жадном поцелуе. Но при этом очень нежно, с долей даже какой-то осторожности, скользил по моему телу, даря ласку....А мне не хотелось ласки. Не хотелось нежности. Я готова была валяться у него в ногах, на коленях умолять его взять меня. Грубо. Жёстко. На грани с болью. Я хотела, чтобы он задрал моё платье, чтобы порвал трусики и одним мощным толчком ворвался в моё тело. От одной такой мысли, меня пробрала волна мучительной дрожи, а трусики уже можно было выжимать от влаги. Не выдержав больше его губительной нежности, я вцепилась в ворот его рубашки и через секунду с неё слетели несколько пуговиц. Влад резко оторвался от меня. Пару секунд он помутившимся, подёрнувшимся дымкой ярости взглядом смотрел в моё побледневшее от страсти лицо, а потом тихо, почти шёпотом усмехнулся.

— Хочешь грубости да? Тебе не нужна нежность? Ты хочешь, чтобы я взял тебя. Хочешь, чтобы порвал твои трусики и засунул его поглубже?

Я жалобно застонала, выгнулась дугой и вновь попыталась прикинуться к его губам, но он не позволил. Дёрнул корсаж платья, разорвав ткань до пояса и тут же грубо, причиняя лёгкую боль, обхватил ладонью мою грудь, сжав пальцы на затвердевшем соске. Ещё бы секунда и тишину в квартире прервал бы вопль острого наслаждения, но Влад жадно смял мои губы в жёстком поцелуе, выпив мой вырвавшийся из груди крик. Меня ломила, подбрасывала, сжигала изнутри волна тянущей боли. Да я хотела его настолько сильно, что это желание уже причиняло мне боль. Наверное, если бы он и дальше решил сводить меня с ума нежными ласками, я бы просто потеряла сознание. Но он понял, он, словно почувствовал моё состояние. Наверное, он просто имел власть над моим телом. Безумную неконтролируемую власть. Задрав подол платья, он отодвинул полоску трусиков, согнул мои ноги в коленях и одним мощным толчком ворвался в моё изнывающее лоно. Я хотела закричать, чёрт подери, из моей груди рвался этот вопль безумного наслаждения, но Влад вновь не позволил. Он сцепил пальцы на моей шее и смерил меня убийственным взглядом.

— Ни звука. Ни одного слова, поняла?

После этих слов он начал двигаться как одержимый. Его словно подменили. Между тем Владом, что ласкал меня пару минут назад и тем, что сейчас терзал моё тело, не было ничего общего. Этот Влад безжалостно вколачивался в моё взмокшее тело, до боли сжимал ладонями мои колыхающиеся от каждого его движения груди, заставлял меня балансировать на грани безумия. И таким он нравился мне больше. Нет, я просто сходила с ума от его жёсткости, от его грубых толчков...Он словно за что-то наказывал меня. Я не понимала за что, да и сейчас мне было на это наплевать. Пусть наказывает....пусть наказывает сильнее глубже жёстче....Когда он сжал палец на затвердевшем бугорке и с такой силой вонзился в моё тело, что я почувствовала, как его огромный налитый кровью член касается стенки матки, я выгнулась дугой, разодрала зубами ткань подушки и закричала. Я послушалась его. Меня накрыла такая запредельная волна наслаждения, такой сметающий всё на своём пути оргазм, что я забилась в диких конвульсиях, разрушив тишину квартиры громким неистовым криком. И уже через секунду Влад заставил меня об этом пожалеть. Он накрыл ладонью мой рот и он начал двигаться во мне с такой силой, что теперь я уже жалобно стонала в подушку, глотала беспрерывно скатывающиеся по моим щекам слёзы, ломала ногти о его спину, сама неистово подмахивала ему бёдрами, вбирая в себя его плоть ещё полнее ещё глубже. Он брал меня всю ночь. Он практически не давал передышек. Я сбилась со счета, сколько раз я за эту ночь испытала оргазмов. Он позволил мне уснуть лишь к утру, когда он вновь до боли сжал пальцы на моих бёдрах и позволил мне выпить его приглушённый победный стон.

Я открыла глаза от ярких бликов, пробирающихся в комнату солнечных лучей. Поморщившись, я, всё ещё не желая расставаться со сладким сном, перевернулась на бок и тут же широко распахнула глаза, едва ли сдержав стон мучительной боли. Всё тело ужасно ломило. Мне в тягость было любое движение. Между ног дико ссадило, но, несмотря на всё это я улыбалась. Я улыбалась какой-то совершенно глупой улыбкой, потому что на моей постели стоял поднос с ароматным горячим кофе, плиткой любимого шоколада — Dove, вкус которого я уже успела забыть, и неизменной пышной красной розой. Взяв цветок, я тут же вдохнула в себя его аромат, и, несмотря на всю боль, блаженно растянулась на кровати. Но моя эйфория продлилась недолго. Ощущение абсолютной пустоты, липкими когтями страха обхватило моё сердце. Влада не было. Накинув халат, я бросилась на кухню, а затем в ванную, но мужчину я так и не нашла. На губах почему-то появилась презрительная усмешка. 'А чего ты ещё ожидала? Думала, он встанет перед тобой на колени, надет тебе на палец обручальное кольцо и сделает предложение руки и сердца?'. Ответ напрашивался сам собой. Да. Да черт подери, я именно этого и ожидала! Дура. Бесхребетная свихнувшаяся дура, которую жизнь ничему не учит. Вот, что теперь делать? А если Влад уволит меня? На черта ему такая секретарша, которая ничего не умеет кроме как спать с начальником? Отдалась на первом свидании...Идиотка ненормальная.

На глаза навернулись слёзы, но я смогла их побороть. Подпоясав халат, я приоткрыла дверь детской, но в комнату так и не вошла. Застыла на самом пороге. От картины, которую я увидела, сердце болезненно защемило. Влад держал на руках моего сына и что-то тихо напевая, пытался укачивать малыша. Меня проняло. Проняло настолько сильно, что я едва сдержалась, от того, чтобы не зарыдать. Но Влад всё-таки обнаружил моё присутствие, и неловко улыбнулся, глядя мне в лицо.

— Извини, просто он запищал, а ты ещё спала... Я не хотел будить, — подойдя ко мне, Влад переложил Максюту мне на руки. — Думаю, у тебя получится лучше. Хотя из меня нянька тоже не плохая. Частенько Вероника на меня свою малышню спихивает.

Я крепко прижала сына к груди, около минуты с любовью наблюдала за его мирным спящим личиком, а потом перевела тот же взгляд на Влада. Правда быстро опомнилась. В секунду отвела глаза в пол, боясь, что мужчина всё не так поймёт.... Смотрю на него как на своего мужа.... а ведь у меня никаких прав. Я всего лишь секретарша. И всё, что произошло этой ночью... собственно об этом часто снимают фильмы и пишут книги. Секретарша в постели у начальника. Точнее начальник в постели у секретарши. Хотя какая к чертям разница? Результат-то этой 'встречи' всё равно один и тот же.

— Ты так покраснела.... О чём сейчас думаешь? — он приподнял мой подбородок, заставляя меня встретиться с его взглядом, в котором играла насмешка. Но не ехидная или презрительная, а наоборот, какая-то добрая и задорная. — Ладно, поговорим об этом позже. Сейчас мне уже нужно ехать. Встреча с Зеленским назначена на двенадцать, а сейчас уже без двадцати минут.

— погоди, я сейчас сбегая к соседке, попрошу её остаться с Максимом и...

— Не нужно. Соседка уже заходила, я её отпустил. Считай, что сегодня у тебя выходной.

— Но...

— Не волнуйся, я вполне справлюсь и один.

Влад нежно провёл ладонью вдоль моего лица, а я ощутила, как в душе поселился неприятный осадок. Он избегает меня? Словно прочитав мои мысли, Влад резко изменился в лице.

— Прекрати себя накручивать. То, что произошло сегодня ночь, никак не влияет на наши рабочие отношения. Я и без того не планировал брать тебя сегодня на встречу. В этом нет никакой необходимости. А вот ему, — Влад кивнул на Максюту, — нужна ты, а не соседка.

Я не знала, что ответить. В его голосе не слышалось ни грамма фальши, да я и сама понимала, что он не врёт... но мне всё же не хотелось его отпускать.

— А когда мы увидимся?

Мужчина улыбнулся. Обхватил ладонью мой затылок и нежно поцеловал меня в припухшие губы.

— Сегодня вечером я заеду к тебе, и мы вместе где-нибудь поужинаем. Согласна?

— Да! — слишком поспешно и радостно выкрикнула я, от чего тут же покраснела. Но Влад улыбнулся ещё шире и снова накрыл мои губы нежным поцелуем. Несколько минут мы так и стояли, не отрываясь друг от друга, но потом, мужчина с разочарованным стоном всё же отстранился от меня. Проведя ладонью вдоль моего лица, Влад аккуратно заправил волосы мне за ушко и совершенно внезапно его взгляд вдруг почернел.

— Откуда он у тебя?

Мужчина обвёл пальцем контуры моего шрама за ухом.

— В детстве поранилась осколком стекла, — совершенно не понимая, чем была вызвана такая реакция мужчины, произнесла я.

Несколько минут Влад молчал, а потом совершенно неожиданно и абсолютно серьёзно сказал:

— Больше всего я не переношу в отношениях лжи. Она убивает все чувства. Там где есть обман, доверия быть не может. А я никогда близко не подпускаю к себе людей, которым не

доверяю.

— К чему ты клонишь?

Мой голос неожиданно осип. На что он намекает?

— Не знаю. Возможно, тебе лучше знать к чему я клоню, — в этот момент Максютя зашевелился в моих руках и уже через пару секунд комнату оглушил звонкий плач. — Ладно, забудь.

Наклонившись, Влад вновь поцеловал меня на этот раз коротко и совершенно без каких-либо чувств. Уже на выходе из квартиры мужчина добавил:

— Я заеду за тобой вечером.

Как только Сафонов припарковал машину возле здания своей компании, мужчина тут же откинулся в кресле и грязно выругался сквозь сжатые зубы. Чёрт подери это она, вне всяких сомнений. Сегодня ночью он забыл обо всём. Жадно врезаясь в её тело, он не мог думать о каких-то глупых догадках, но этот шрам... Прямо за ушком и рядом две маленькие родинки. Чёрт, у его ночной незнакомки был точно такой же, он это хорошо помнил. Но ведь Оксана не может быть той девушкой. У них нет ничего общего. Если только не считать взгляда, линии губ, этого чёртового шрама.... К тому же в ту ночь незнакомка была без грамма косметики и в каких-то поношенных вещах, а Оксана... Чёрт подери, ведь он вчера нашёл у неё эти вещи. Откуда они там взялись?

Достав из бардачка мобильный, Влад быстро набрал номер друга.

— Привет Олег, узнал? Как поживаешь? Да я тоже не жалуюсь. Слушай, помнишь, ты как-то говорил, что я могу обратиться к тебе в любое время дня и ночи? Ну, вот я и обращаюсь. Срочно нужна информация на одного человека. Да, полное досье. Я хочу знать абсолютно всё. Имя? Толмачёва Оксана. С недавних пор она работает у меня секретарём.

Дождавшись, когда Максютя, наконец, мирно засопит в своей коляске, я присела на лавочку и снова достала из кармана джинс мобильный. В очередной раз мне пришлось слушать голос автоответчика. На душе становилось всё сквернее и сквернее. Влад обещал заехать вечером, а на часах уже 18:30. Обычно к этому времени он уже всегда уходит с работы, тем более что если память мне не изменяет, на сегодня не было запланировано каких-либо особо важных дел. Тогда почему он до сих пор не приехал? И почему не отвечает на мои звонки? Может просто не хочет меня видеть. Может для него сегодняшняя ночь ничего не значила или как раз наоборот. Может он уже получил то, что хотел и теперь он потерял ко мне всякий интерес. Ведь, по сути, я так ничего о нём и не знаю. Разве что кроме рода его деятельности и просто жутко невыносимого характера, по крайней мере на работе. Я же не имею ни малейшего понятия, что он за человек, как он живёт, чем увлекается, какие девушки ему нравятся. А может у него даже кто-то есть, поэтому он меня сейчас

игнорирует....Да нет. Вероника ведь говорила, что он ни с кем не встречается. Тогда в чём дело? Скорее всего, я просто ему неинтересна. Да и чему здесь удивляться? Он умный взрослый мужчина, владеет крупной строительной компанией, по рассказам его сестры я знаю, что он несколько лет жил за границей. А я кто? Окончила одиннадцать классов. В институт поступать не стала. Весь предыдущий год проработала продавцом овощей на рынке. О чём ему со мной разговаривать? О работе что ль? Да я даже там постоянно лажаю. До сих пор не могу разобраться, как некоторыми программами на компьютере пользоваться и стенографировать не умею. От меня совершенно никакого проку. Разве что провести ночь без каких-либо обязательств. Да и какие со мной могут быть обязательства? Разве я могу хоть слово ему поперёк горла сказать, если он сделает вид, что между нами ничего не было? Ответ напрашивается сам собой. Ничего я возразить ему не смогу. Просто потому, что я полностью от него завишу. Я не могу себе сейчас позволить разбрасываться такой работой. Кто ещё будет мне столько платить, просто за то, что я приношу кофе, когда меня просят, и отвечаю на звонки? Только не смогу я больше вести себя как раньше. Просто не смогу быть с ним рядом и делать вид, что между нами ничего не было. А если он ещё с какой-нибудь девушкой познакомится....От этих мыслей мне стало совсем плохо. Даже пришлось сделать несколько глотков минеральной водички, чтобы прийти в себя. Я вновь посмотрела на циферблат часов, и тут же закусила нервно подрагивающую губу. Он не придёт. Мне не на что даже надеется. Да и о чём я сейчас думаю? Мне надо молиться, чтобы он меня с работы не пошёл. На черта ему теперь такая обуза? Вдруг ещё подумает, что я начну в офисе трепаться обо всём, что было.

Я вздрогнула, когда номер Влада высветился на дисплее моего мобильного. Схватив телефон, я тут же прижала его к уху.

— Оксана, привет. Ты мне звонила? Извини, я выключил телефон, когда встречался с Зеленским и забыл обратно включить.

У меня словно камень с души упал. Я даже облегчённо выдохнула, когда услышала его голос. Чёрт, он просто забыл включить телефон, а я себе уже невесть чего выдумала. Вот дура.

— Понятно....А я...я просто соскучилась. Ты обещал, что мы сегодня увидимся.

— Я не отказываюсь от своих обещаний, — сейчас я могла поспорить, что он улыбается. Той самой улыбкой, которая сводит меня с ума, лишает всякого самообладания. — Как ты относишься к 'Вавилону'?

— К чему?

— Это ресторан на набережной. Я заказал там столик. Но если ты против...

— Я не против, — мой голос практически сорвался на крик, я даже подскочила с лавочки и нервно вцепилась вспотевшими пальцами в поручень коляски. — Во сколько ты заедешь?

— Я уже выехал. Правда, я сейчас на другом конце города, так что буду минут через сорок. У тебя ещё есть время, чтобы спрятать своего любовника.

Услышав его приглушённый смех, мои губы непроизвольно расплзлись в широчайшей улыбке. Вот дурак.

— Не волнуйся. Я успею его предупредить.

— Не шути со мной девочка, — с той же усмешкой в голосе произнёс Влад, и я почувствовала, как у меня что-то защемило в груди. Чёрт, как этому мужчине удаётся так быстро поднять моё настроение?

— А то что? — парировала я.

— А то уволю без выходного пособия, — из телефона послышался хриплый смех, и я не выдержала, уже через пару секунд подхватила его. — Ладно, не буду больше тебя отвлекать. Тебе за сорок минут ещё надо успеть одеться, накраситься, любовника спрятать....Целую, малыш.

Он сбросил вызов раньше, чем я успела ответить ему что-нибудь 'этакое'. Так хотел какую-нибудь колкость отпустить. Но вместо этого, я поцеловала в румяную щёчку посапывающего Максюту и расплылась в глупой улыбке. Ну, вот не дура ли я? Пару минут назад уже думала, что буду делать, когда Влад уволит меня, а сейчас ломаю себе голову, какой бы наряд выбрать для сегодняшнего вечера. Чёрт, зачем только нужно было так издеваться надо мной? Нельзя было хотя бы короткое смс послать, что всё в порядке и ужин в силе. Утром ушёл, оставив меня в полной растерянности, а потом целый день не звонил и на звонки не отвечал. А я сидела, гадала, что произошло, с чего бы он вдруг заговорил о лжи и обмане? Я даже испугалась, что он меня вспомнил. Слишком почернел его взгляд, когда он увидел мой шрам. Но сейчас я успокоилась. Нет, он явно меня не помнит, иначе бы сегодня не было никакого ужина и он бы, наверняка, уже давно послал меня к чёртовой матери.

Облегчённо вздохнув, я покатила коляску к подъезду. Надо бы зайти к соседке, попросить её посидеть с Максютой. Чёрт, как неудобно будет появляться у неё на глазах... Что она подумала, когда сегодня увидела у меня Влада? Хотя какая разница? Она ведь не за бесплатно с Максютой сидит. Мне стоило бы краснеть и волноваться, если бы тётя Тоня встретила с Сафоновым.

— Оксана...Толмачёва, под ноги смотри. Ты чуть не сшибла меня своей коляской.

Меня проняло от этого голоса. Я узнала его сразу. Ещё до того как медленно подняла взгляд вверх. Ещё до того как встретила с фальшивой, пропитанной ядом улыбкой.

— Что ты здесь делаешь?

Я сама не узнала свой голос. Не узнала потому, что сейчас он мне не принадлежал. Он принадлежал другой Оксане. Той, что ещё так хорошо помнила тот день, когда красивая ухоженная блондинка послала воздушный поцелуй, стоящей на балконе растрёпанной беременной клуше, а после села в машину её жениха.

— Да вот, с тобой захотелось повидаться. Как-никак, когда-то мы были подругами.

— Мы никогда не были подругами.

Жёстко отрезала я, и попыталась вкатить коляску в подъезд, но Лебедева загородила собой проход.

— Да ладно тебя Ксюш, кто старое помянет тому глаз вон.

— А кто забудет тому оба.

— Ух ты, какая ты стала злая, — её губы расплзлись в кипящей ядом улыбке и я с трудом сдержалась, чтобы не плюнуть этой гадине в лицо. Вот ведь тварь. Ну как можно быть такой лицемерной сволочью? — А я ведь к тебе с благими намерениями пришла. Можно сказать, ты должна быть мне сейчас благодарна.

— Я? Я должна быть тебе благодарна?

Мой голос чуть не сорвался на крик. Из последних сил мне удавалось сдерживать себя.

— Конечно. Я ведь сейчас делаю тебе большую услугу.

— Что ты мелишь? Какую ещё услугу?

— Давай может, поднимемся к тебе? Не хотелось бы о столь важных вещах разговаривать на улице.

— Я не собираюсь с тобой ни о чём разговаривать. Уйди с прохода, мне сына нужно покормить.

Язвительно усмехнувшись, Лебедева всё же отошла в сторону, и я закатила коляску в подъезд. Правда дверь за собой так и не закрыла. Последовавшие слова буквально ввели меня в ступор.

— Зря ты так. Мне вчера показалось, что ты имеешь какие-то виды на Сафонова. Признаться, он к тебе, кажется, тоже равнодушен. Поздравляю, клёвого мужика подцепила. До тебя никому не удавалось. Только я не понаслышке знаю, что Влад до чертей принципиальный мужчина. Что будет, если до него доползут слухи, что ты в недалёком прошлом изменила своему жениху накануне свадьбы, родила ребёнка от его почти женатого друга, к тому же ещё и была косвенно причастна к смерти последнего. Ведь Димочка, насколько я знаю, в тот день к тебе на такой скорости мчался... Ксана, сама посуди, как отреагирует Влад, когда ему попадутся снимки, на которых ты в объятиях своего покойного друга? Мне почему-то не кажется, что он будет проверять эти снимки на подлинность. К тому же однажды такой фокус уже сработал на 'ура'. Так, что я думаю, нам всё-таки есть о чём поговорить. Ну, так что, пригласишь, мня к себе в гости?

Я мертвенной хваткой вцепилась в поручень коляски. Моё тело пробирала волна дикой убийственной дрожи. Я какими-то крошечными остатками сил самообладания всё ещё пыталась сдерживать себя. Вот ведь... Как можно быть такой тварью?

— Пошла вон отсюда!

Не оборачиваясь, прошипела я, с трудом подавляя ужасное желание впечатать эту гадину в асфальт.

— Зря ты так. Мы могли бы договориться. За небольшое вознаграждение я согласна не только молчать, но и уехать обратно в столицу. Что ты на это скажешь, Оксана? Согласись предложение заманчивое. Ведь в противном случае мне ничего не останется, как просто привлечь внимание твоего начальника. Ты ведь знаешь, у меня потрясающе, получается, уводить твоих мужчин...

Я сама не поняла, как это сделала. Не поняла, как схватила свою сумку и вмазала её в лицо Лебедевой. Меня сжигала изнутри волна адской ярости. Даже кровь, выступившая из разбитого носа ошалевшей Кэт, не смогла её усмирить.

— Ты... ты пожалеешь об этом! Клянусь, ты за это заплатишься!

— Собираешь вещи? — остановившись в проходе спальни, усмехнулся Андрей, скрестив руки на груди. — Бежишь при первых же трудностях?

— Первых трудностях?! — Кэт отшвырнула охапку вещей в сторону, с ненавистью взглянув на любовника. — Сколько я терпела? Сколько я тащила вместе с тобой эту рутину? Я больше полугода жила в настоящем аду. Постоянно бегала с тобой на деловые встречи, не отходила от тебя ни на секунду, всегда старалась быть рядом, чтобы поддержать, чтобы дать тебе сил и надежду.... Но ты не ценишь этого. Ты упорно продолжаешь разваливать всё к чертям.

— Это не так, — Андрей устало провёл ладонью по вымотанному лицу. — Я пытаюсь

всё наладить, вернуть на прежний уровень. Ты ведь знаешь, как мне дорог этот банк...его создавал мой отец. И ты...ты тоже мне очень дорога.

Лебедева усмехнулась, присев на краешек кровати.

— Если тебе действительно дорого дело твоего покойного отца, то почему же ты так удачно его просрал, да ещё и в такие короткие сроки? Почему ты позволил своей бессердечной стерве-матери, отобрать половину акций, которые по закону принадлежали тебе? Почему ты за какой-то никчёмный год развалил такое предприятие? А на счёт того, что я тебе дорога, так это просто смешно! Если бы я действительно для тебя, что-то значила, ты бы из кожи вон вылез, чтобы вытянуть банк из дерьма, в которое ты сам же его и засунул. А вместо того чтобы таскать меня с собой на провальные деловые встречи ты бы мог возить меня отдыхать, покупать мне подарки, вводить меня на тусовки. Но тебе на меня наплевать.

— Кэт, милая, ты ведь знаешь, что это не так, — Андрей медленно подошёл к кровати, опустился на колени перед девушкой и обхватил руками её бёдра. — Просто сейчас такое время....У меня нет денег, чтобы покупать тебе дорогие подарки, возить отдыхать за границу, вводить в модные клубы....Но всё наладится. Вот увидишь скоро...

— Хватит! Я всего этого уже наслушалась! Будь реалистом Андрей, ничего не наладится. Сафонов отказал нам в финансировании, контракт сорвался и это конец. Больше уже ничего не поможет.

— Так дело в нём? — глаза Андрея подернулись дымкой гнева. — Дело в этом Сафонове? Ты из-за него уходишь?

— Что за бред?

Кэт попыталась встать с кровати, но Громов не позволил, железной хваткой обхватив талию девушки.

— Бред? Ты думаешь, я не видел, как ты при каждой встрече строила ему глазки, пыталась привлечь его внимание? Конечно, Сафонов подходящая для тебя кандидатура. Зарекомендовал себя как преуспевающий бизнесмен, имеет крупную строительную фирму, деньги лопатой гребёт. Кроме того ещё и из качалки не вылезает. Тебя ведь это привлекает да?

— Да! — Кэт всё-таки вскочила с кровати, с силой оттолкнув от себя Андрея. — Да чёрт подери, меня, как и любую нормальную девушку привлекают красивые успешные мужчины. Он к своим тридцати годам без богатого папочки добился того, чего тебе и за всю жизнь не достичь. Но ты всё же ошибаешься. Я уйду от тебя не из-за него. Я уйду от тебя, потому что ты никчёмный, потому что ты не оправдал никаких ожиданий! Я думала, что имея успешный прибыльный бизнес, доставший от отца, ты сможешь обеспечить мне достойную жизнь, сможешь если не сам, то хотя бы найти человека, который мог бы умело управлять компанией. Но ты всё просрал с баснословной скоростью. Месяц-два и ты из банкира превратишься в банкрота!

Андрей вымученно улыбнулся, присев на краешек кровати.

— Значит это всё? Ты бросаешь меня, когда мне так нужна твоя поддержка?

— Ой, вот только не надо выставять меня последней тварью, а из себя строить святого. Я уже достаточно натерпелась. Нет у меня больше сил. Чёрт, почему какая-то серая замухрышка крутит роман с таким мужиком, а я должна подтирать тебе сопли?

— О чём ты?

Андрей непонимающе уставился на любовницу.

— Ах, да, ты же ничего не знаешь! Угадай, кто ходит в секретаршах у Сафонова? Ты не

поверишь, но это твоя Оксаночка!

— Оксана? — Громов продолжал сверлить подругу непонимающим взглядом. — Толмачёва что ли?

— На моей памяти это единственная Оксана, которую я видела рядом с собой. И она оказалась на редкость пронырливой. Мало того, что каким-то образом устроилась в его секретарском кресле, так ещё и в постель к нему пробралась. С первого взгляда можно понять, что они любовники. И как у неё только это получилось? Я слышала Сафонов никогда не заводил романов на работе.

Несколько минут Андрей молчал, переваривая всю свалившуюся на него информацию.

— Ну и что тебя удивляет?

— Что меня удивляет? — возмущенно воскликнула Лебедева. — То есть у тебя вяжется образ этой никчёмной замухрышки рядом с таким мужиком?

— Какой к чёрту замухрышки? Оксана та ещё стерва. Столько времени она строила из себя чистого невинного ангелочка, а на самом деле крутила за моей спиной роман с моим другом. Ещё и пыталась сделать меня отцом их ребёнка.

После этих слов Лебедева рассмеялась. Громко истерично, так, что даже слёзы на глаза выступили.

— Какой же ты всё-таки идиот, Громов! Ну, какой ты наивный придурок. Тебе лапшу на уши повесить ничего не стоит, ты её сожрёшь за считанные секунды и не подавишься.

— О чём ты?

— О чём я? Ты как самый последний осёл веришь во всё, что тебе на блюдечке преподнесут. В монтированные снимки, в липовые анализы ДНК, в выдуманный от первого и до последнего слова спектакль. Ты просто жалкий никчёмный идиот, которым можно крутить, как хочешь.

— Ты... Ты что сейчас говоришь?

Голос Андрей охрип. Он попытался встать с кровати, но неожиданно у него болезненногохватило сердце. В последнее время оно часто стало пошаливать. Сказывались все переживания и наследственный порок.

— Я говорю, что ты с аппетитом сожрал весь мой гениальный фантастический рассказ. Сначала поверил в мои светлые и бескорыстные чувства, потом проглотил тот бред о коварной стерве-Толмачёве, которая собственно говоря, даже мухе не смогла бы нагадить, что уж говорить про измену. И, что ты сейчас так смотришь на меня? Да я тварь, а ты полный лох раз до сих пор этого не понял. Кстати, к слову, как думаешь, кто выслал твоей дорогой ныне покойной подружке Наденьке, снимки, где её горячо любимый Стас развлекается с дешёвыми шлюхами? Да мой любимый, это я. А знаешь, почему я это сделала? Потому что я не прощаю, когда об меня вытирают ноги.

Андрей медленно поднялся с кровати, всё ещё не веря в то, что услышал. В его глазах застыл полный шок и безграничная адская боль.

— Ты с ума сошла? Что ты говоришь?

— Правду Андрюша. Первый раз за всё время, что мы вместе я говорю правду, — пну так и не собранный чемодан, Кэт спокойно прошла мимо застывшего на месте парня. Остановившись в самых дверях, девушка обернулась к так и не колыхнувшемуся Андрею. — Вещи я заберу завтра. И кстати, поздравляю тебя с рождением сына. Ты ведь вроде как только что узнал, что стал папой. Хотя это радостное событие произошло уже больше года назад. Насколько я знаю, твоего отпрыска зовут Максюта.

Всё время, начиная с того момента как я встретила эту тварь у подъезда своей квартиры, меня трясло. Я не находила себе места, словно маятник вдоль и поперёк измеряла нервными шагами периметр детской. Иногда поглядывала на ворочающегося в своей кровати Максюту, который явно не разделял моего состояния. Малыш широко улыбался и то и дело норовил поймать своими крохотными ручонками, висящую над кроватью игрушку. Только вид весёлого счастливого сына умирал ядом текущую в моей крови ненависть. Я всё никак не могла понять, откуда у людей берётся такой цинизм? Мы знали друг о друге не один год. Учились в одной школе, в одном классе, на протяжении двух лет были соседками по комнате. Да, нас нельзя было назвать закадычными подругами или хорошими приятельницами, но и врагами, тем более уж соперницами мы тоже никогда не являлись. Всего какие-то два года назад я даже не могла представить, какую роль сыграет эта девушка в моей жизни. Я, конечно, всегда знала, что Катя далеко не ангел и на многое пойдёт, чтобы только добиться своего, но я никогда не замечала в ней столько цинизма, столько злости и яда. На протяжении всего времени, что мы с ней знакомы я знала, что всегда главной целью в жизни она считала удачное замужество. Причём по её мнению, будущий избранник должен был быть на пару десятков лет старше, иметь толстый кошелёк и конечно делиться содержанием этого кошелька со своей избранницей. Нередко сама Лебедева говорила, что не постеснялась бы заводить отношения с женатым или просто несвободным мужчиной. Наоборот, как-то, года три назад, когда мы обе не пошли на дискотеку и остались в комнате одни, она сказала мне, что считает отношения с женатым мужчиной более выгодными, нежели со свободным. Мол, обязательств меньше, нервотрёпки меньше, детей не попросят, а обеспечивать будут. Только вот я никак не могла тогда подумать, что из-за того, что она найдёт себе такого 'принца', я буду горстями глотать успокоительные, бегать в осенней куртке по сорокаградусному морозу и ночью захлёбываться слезами, думая, где взять денег, чтобы купить сыну игрушек и тёплой одежды.

Все эти воспоминания вывели меня из колеи. Около получаса я просто лежала на кровати и смотрела в потолок. Нет, слёз больше не было, да и повода, чтобы их проливать тоже. Прошное это прошлое, можно кусать губы, рвать на себе волосы, постоянно задаваться вечным вопросом, почему всё так произошло, но изменить всё равно уже ничего нельзя. Да, о прошлом не надо забывать, наоборот, его надо помнить, чтобы впредь больше не совершать столь болезненных ошибок. Но вместе с этим его надо уметь отпускать, иначе воспоминания могут излить ядом всю душу. И именно этому мне предстоит научиться — отпустить. Отпустить всё, что было и жить дальше.

Ещё какое-то время я молчаливо валялась на кровати и накручивала себя философскими мыслями, но всё моё упадническое настроение сошло на 'нет', когда приехал Влад. Он даже не стал ругать меня, что я совершенно не готова к походу в ресторан. Уловив моё состояние, он, просто молча, не слушая никаких возражений, собрал нас с Максютой и буквально силком, выпихнул из квартиры. Хотя надо сказать, я нисколько об этом не пожалела. Такого прекрасного вечера у меня не было никогда в жизни. Мы гуляли по набережной, съели килограмм мороженого, запустили в небо воздушные шарик, да и вообще ввели себя как

дети. Кстати, хоть я и переживала, что Влад не обрадуется тому факту, что у меня есть ребёнок, Сафонов смог разбить все мои волнения в пух и прах. Его многолетний опыт с тремя шаловливыми племянниками очень сильно чувствовался. Мужчине вообще удалось в кратчайшие сроки найти общий язык с моим карапузом. В его руках Максюту всегда мгновенно отрубался и вёл себя очень тихо, хотя обычно обожал закатить концерт на весь дом. В общем надо сказать, что все последующие две недели я провела как в раю. Отношения с Владом походили на какую-то сказку. Нет, он не был принцем на белом коне, у него были свои недостатки, свои тараканы в голове, но чёрт подери, я была влюблена даже в его тараканов. Я витала в облаках. Я была счастлива этим безумным фееричным счастьем влюблённых. Мне казалось, что всё вокруг меня цветёт. Я была настолько счастлива, что иногда мне даже становилось страшно. Бывало, я изводила себя мыслями, а что будет, если эта сказка, вдруг померкнет? Если с Владом будет так же как с Андреем? Но мужчина не давал мне, ни времени, ни повода для таких мыслей. Мы постоянно были вместе и постоянно, даже на работе он старался оказать мне какие-то знаки внимания. Хотя в офисе мы всё же пытались не афишировать своих отношений. Не то, чтобы мы ото всех скрывались и целовались в туалете при полной темноте, но на работе мы всё же старались сохранить отношения начальник-подчинённая. Правда, это удавалось не всегда. После того как Лида без стука зашла в кабинет Сафонова и увидела своего босса на диване между моих ног, слухи расползлись с баснословной скоростью. Как-то во время обеденного перерыва девочки подловили меня и в буквальном смысле закидали вопросами, но мне тактично удалось от них отвертеться. И даже несмотря на то, что в последнее время на меня смотрели исключительно косыми взглядами, а женская половина коллектива вообще чуть ли не бойкот мне объявила, я всё равно была на седьмом небе. А после того как Влад предложил мне вместе с сыном переехать к нему, я окончательно поверила в сказку о золушке. Правда от переезда я всё же отказалась. Болезненный опыт прошлых отношений я всё же не забыла, и теперь, несмотря на безумную страсть и жгучую потребность постоянно быть рядом с Владом, я всё же решила не спешить. Пусть всё идёт своим чередом. Если через пару месяцев мы по-прежнему будем вместе, и Влад всё ещё будет хотеть съехаться, то я начну собирать чемоданы.

С того момента как я столкнулась с Лебедевой у подъезда своей квартиры, она больше не предпринимала попыток встретиться со мной, чему я была несказанно рада. Правда, что-то мне подсказывало, что эта дрянь так просто не отвяжется. Тем более после того, как я осквернила её божественное личико своей сумкой. Честно признаться мне было немного страшно. Меньше всего мне хотелось, чтобы Влад узнал подробности моего прошлого. Нет, я, конечно, понимала, что Влад не Андрей и слухам верить он вряд ли станет, тем более, что у него большая антипатия к Лебедевой, но мне всё же было немного не по себе. Я надеялась, что эта девушка больше никогда не появится в моей жизни. Мне не хотелось ей мстить, поквитаться за всё, что она сделала, мне просто хотелось, чтобы она исчезла, чтобы я больше никогда её не увидела. Только вычеркнуть всех персонажей из прошлого мне не удалось.

В тот вечер я возвращалась с работы раньше обычного. Влад зарезервировал нам столик в том самом ресторане, где нам так и не удалось побывать две недели назад. В запасе у меня было всего полчаса, чтобы одеться, накраситься и договориться с нянечкой, чтобы та осталась сегодня подольше. Но недостаток времени не мог испортить моё настроение. Завтра приезжает Вероника. Честно сказать я уже очень соскучилась по этой девушке. Как говорится, любовь важна в жизни каждого человека, но дружба ещё важнее. Кроме того

Вероника уже знала о наших отношениях с Владом, поэтому завтра я готовилась к грандиозным расспросам. С такими радужными мыслями я дошла до своего дома с глупой, святящейся каким-то совершенно безумным счастьем улыбкой и уже почти проскользнула в подъезд, но меня окликнули. Я остановилась на пару секунд, подумала, что, наверное, ослышалась и вновь собиралась скрыться за металлической дверью, но позади меня мужской голос опять произнёс моё имя. В эту секунду, что-то внутри меня надломилось. Я узнала этот голос. Моё тело, те шрамы, которые так с него и не исчезли, узнали этот голос. Медленно обернувшись, я почувствовала, как теряю землю под ногами, как реальность вообще перестаёт существовать. Мы смотрели друг другу глаза в глаза, и я не могла произнести даже слова. Похоже, мы оба находились в своеобразном трансе, из которого Андрею удалось выйти первому.

— Здравствуй, Оксана.

Признаться честно, я уже успела забыть этот голос, хотя раньше он снился мне по ночам в самых страшных кошмарах. Долгое время я не могла забыть, как этот голос выкрикивал гнусные оскорбления в мой адрес, от которых на мои глаза наворачивались слёзы.

— Здравствуй.

Моя нерешимость продлилась всего несколько секунд, после чего я взяла себя в руки и совершенно спокойно прошла мимо Андрея. Правда, зайти в подъезд он мне не дал. Громов ухватил меня за руку, и я тут же отдёрнула его ладонь. Это прикосновение было большее, чем удар в солнечное сплетение.

— Оксана нам нужно поговорить.

Голос спокойный, без капли волнения и раскаяния. Это взбесило меня. Нет, мне не нужны были его извинения или слёзные мольбы о прощении, но вот, это равнодушие ко всему, что происходит, просто вывело меня из себя. Он сейчас стоит позади меня полный спокойствия и решимости. Он пришёл к моему дому, словно мы старые хорошие знакомые, которые поддерживают дружеские отношения.

— Лично мне не нужно ничего, что связано с тобой.

Я снова сделала несколько шагов вперёд, но Андрей тут же перегородил мне путь.

— Я ведь всё равно не отстану. Если ты прогонишь меня сегодня, я приду завтра, послезавтра, через неделю. Я буду караулить тебя у подъезда, поджидать с работы, терроризировать звонками до тех пор, пока мы не поговорим.

Я остановилась, тяжело вздохнула и через несколько секунд, понимая всю безвыходность ситуацию села на лавочку.

— У тебя есть пять минут, не больше.

Андрей кивнул, хотел присесть рядом со мной, но я не позволила. Его близость итак напрягала меня. Я не могла сидеть с ним рядом и не видеть его глаза, не видеть, что творится в его взгляде. Мне было банально страшно. Я всё ещё хорошо помнила нашу последнюю встречу.

— Я думаю, извиняться будет бессмысленно. Тебе ничего это не даст, но всё же я хочу чтобы ты знала, что я раскаиваюсь. Да поздно, да уже ничего не изменишь, но мне жаль. Я идиот Оксана, который совершенно не умеет разбираться в людях. Меня развели как последнего лоха, а я так удачно попался на удочку лжи и предательства. Я сейчас обману тебя, если скажу, что хоть когда-нибудь тебя любил. Нет, не любил. Ты нравилась мне поначалу, ты манила меня своей искренностью, чистотой и невинностью, но очень скоро мне всё это надоело. Я хотел страсть, хотел какое-то сумасшедшие безумие, хотел видеть

рядом с собой сверх-девушку, и когда, как мне казалось, я получил такую, ты стала мне в тягость. Я больше не хотел видеть тебя рядом с собой, меня раздражало только твоё присутствие, и когда я узнал о ребёнке...думаю, будет глупо говорить, что я не обрадовался. Ты ведь итак знаешь, что эта новость не вызвала у меня восторга. Но, тем не менее, когда ты сказала, что хочешь оставить ребёнка я и не думал бросать тебя. Точнее я не планировал жить с тобой вместе, но я собирался обеспечивать ребёнка, я не хотел оставлять тебя на произвол судьбы.

— И что же вынудило тебя это сделать?

Я усмехнулась, зная, как болезненно сейчас пришлись для него мои слова. Ну и пусть. Пусть он хоть немного прочувствует всё то, что испытала я.

— Ты ведь знаешь ответ. Да я идиот. Наивный безмозглый идиот. Смотрел в лживые глаза и видел в них искренность, верил каким-то нелепым доказательствам, сам того не понимая стал марионеткой у подлого жестокого кукловода.

— Так значит, это кукловод заставил тебя избить меня и выставить на улицу в чём мать родила?

Из его груди вырвался болезненный вздох, который стал музыкой для моих ушей. Неприятно вспоминать Андрюша? А придётся. Я мой дорогой ничего не забыла, и незаживающие шрамы на моём теле никогда не дадут мне оставить прошлое в прошлом.

— Я понимаю, что мой поступок никак нельзя оправдать, да я и не хочу этого делать. Да, то, что я сделал — омерзительно и бесчеловечно. Но поверь, жизнь ставит всё на свои места. Я расплатился и до сих пор продолжаю расплачиваться за всё, что натворил. Я потерял компанию своего отца. Стыдно сказать, но меня обворовала родная мать. Ты была права, когда говорила, что от неё нужно держаться подальше. Да и если заглянуть в прошлое надо сказать, что ты вообще во многом была права, только вот я не слушал...

— Андрей, давай закончим этот нелепый разговор. Мне не нужна твоя исповедь. Я научилась жить со своим прошлым, я его не забыла и никогда, наверное, не забуду, но я научилась или, по крайней мере, начинаю учиться жить с ним. Сделай то же самое. Живи настоящим, думай о будущем, не забывай былых ошибок, чтобы не повторить их вновь. Только ко мне приходить больше не нужно. Наши дороги уже давно разошлись. У тебя своя жизнь, у меня своя.

Я встала со скамейки, вновь хотела скрыться за дверью подъезда, но Андрей снова остановил меня, правда теперь одной только фразой.

— Я хочу видеть своего сына.

Это было большее, чем, если бы мне вырвали сердце. Я сейчас ожидала всего чего угодно, только не этого.

— А у тебя нет сына. Ты убил его ещё до его рождения.

— Оксана...

— Всё Андрей, пять минут прошло, разговор окончен, — прежде чем закрыть за собой дверь подъезда, я обернулась, к судорожно сжимающему в руках детскую игрушку Андрею. — Не приходи сюда больше. Никогда не приходи.

Встречу с Владом я отменила. Позвонила ему и сказала, что плохо себя чувствую. Он хотел приехать, явно чувствовал, что что-то произошло, но мне удалось отвертеться. В тот вечер я была не в состоянии с кем-либо встречаться. Я просто лежала на кровати, и смотрела

на детскую кроватку, в которой ворочался Максютя. Теперь я стала замечать, что с каждым днём он всё больше и больше становится похожим на Андрея. Те же глаза, те же губы, те же черты лица. Я была опустошенна. Я знала, что рано или поздно эта встреча должна была состояться, но сейчас я совершенно не была к ней готова. У меня всё только начало налаживаться, и тут бац, Громов явился как гром среди ясного неба. Что-то мне подсказывало, что теперь он не отступится. Попытается добиться встреч с Максютей. Чёрт, вот где он раньше шлялся? Где он был, когда я была готова повеситься от безысходности? А теперь, когда у меня всё хорошо, когда уже нет проблем с деньгами и жильем, когда у меня появились друзья, а самое главное, когда я встретила любимого мужчину, Андрей решил напомнить о своём существовании. Видимо жизнь снова захотела поиграть со мной. И на этот раз я буду бороться. Я теперь не сдамся. Зубами землю рвать буду, но больше не позволю себе проиграть.

Я опять опоздала на работу. Пришла уже, когда стрелки часов показывали половину одиннадцатого. Влад, наверное, будет ругаться. Он всё также ненавидит опоздания. Чёртова Лебедева. Именно её звонок выбил меня из колеи. Позвонила, уже, когда я собиралась выходить из дома и таким невинным голоском поинтересовалась, не передумала ли я, не хочу ли я принести извинения её персоне, а вдобавок ещё и белый конвертик прихватить? Как же я обматерила её. Если честно, то я даже не представляла, что знаю столько бранных слов. Но эта тварь заставила меня вспомнить все 'культурные высказывания'. И надо сказать, что у меня от души отлегло, когда я послала её на три буквы. Деньги ей нужны. Пусть идёт на трассу и зарабатывает свои денежки. А от меня она ничего не получит. Я не позволю себя шантажировать. Я больше никогда и никому не позволю втаптывать себя в грязь. Вздохнув как перед прыжком в воду, я постучалась в дверь и нерешительно переступила порог кабинета Влада. Правда, как только я увидела нахально улыбающуюся Лебедеву за столом у МОЕГО мужчины, который сидел на диване и хмуро разглядывал меня, я застыла в самых дверях.

— Ну, я, пожалуй, пойду. Думаю, вам лучше будет разобраться без меня, тем более что я не люблю всех этих сцен. Ещё раз извините Влад, что побеспокоила вас. Я ненавижу копаться в чужом грязном белье, но я просто сочла своим долгом предупредить вас об этой особе. Терпеть не могу лжи и лицемерия, которые переполняют вашу секретаршу. Думаю, вам будет интересно послушать, как она обворовала своего бывшего жениха, и предала его накануне свадьбы. Правда, наверное, будет лучше, если она сама вам об этом расскажет. Ведь так Оксана? Может, ты поведаешь своему...

Я сама не поняла, как это случилось. Я всё ещё стояла в дверях кабинета и едва сдерживала наворачивающиеся на глаза слёзы, когда Влад резко подскочил с места, схватил Лебедеву за волосы и вышвырнул её из кабинета с такой силой, что она врезалась в мой рабочий стол и едва удержалась на ногах.

— Лида! — на дикий рёв начальника тут же выскочила девушка из соседнего кабинета. — Позвони охране, скажи им, что если ещё, хотя бы раз эта особа появится в моей компании, они сами больше никогда не переступят её порог.

После этих слов мужчина с силой захлопнул дверь перед носом у ошалевшей Лиды и тут же впечатал в меня полный дикого гнева взгляд.

— Никогда раньше не обращался так с женщинами. Но сейчас еле сдержался, чтобы не

размазать эту...по стенке, — Влад резко притянул меня к себе и поцеловал в висок. — А теперь я думаю нам нужно поговорить. Хотя по-сути это уже давно надо было сделать. Я хочу, чтобы ты прямо сейчас мне всё рассказала о себе, моя любимая ночная незнакомка.

Я сидела в его кресле, нервно дрожащими руками перебирая подол своей юбки. Мужчина достал из шкафчика бутылку виски, разлил янтарную жидкость в два бокала, один из которых осушил залпом, даже не поморщившись, другой протянул мне.

— Выпей.

Дрожащими ладонями я взяла бокал, и слегка помедлив, всё-таки уничтожила его содержимое. Через пару минут мне стало легче. Напряжение постепенно начало спадать, хотя слова Влада всё ещё чётко звучали у меня в голове. 'Ночная незнакомка', почему он меня так называл? Неужели он обо всё знает, помнит ту ночь...

— Тебе лучше?

Я кивнула, так и не решаясь поднять взгляд на мужчину. Я была одержима желанием испариться, исчезнуть как можно скорее. Если Влад обо всём знает, значит, мне сейчас предстоит не самый приятный разговор, к которому я, во-первых, совершенно не готова, и, во-вторых, возможно этот самый разговор перевернёт всю мою дальнейшую жизнь.

— Тогда рассказывай.

Влад сел в кресло рядом со мной. В отличие от меня мужчина вёл себя спокойно и абсолютно уверенно. Что ж верно, ему-то нечего волноваться.

— Что ты хочешь знать?

— Всё. Мне бы хотелось, чтобы ты рассказала мне обо всей своей жизни, начиная с самого первого дня, как ты себя помнишь и, заканчивая тем моментом, как мы с тобой познакомились...точнее, как ты первый раз вошла в этот кабинет. Но я не идиот, Оксана. Я также понимаю, что у каждого человека есть такие моменты в жизни, которыми он бы ни с кем не хотел делиться. Поэтому я хочу, чтобы сейчас ты рассказала мне только о том, что тебя связывало с Грозовым.

— Мои отношения с Андреем — одна сплошная больная для меня тема, о которой я бы хотела навсегда забыть.

— Понимаю, — Влад нежно провёл ладонью по моему лицу, видимо пытаясь меня успокоить. И у него это получилось. По крайней мере, я, наконец, решилась поднять на него глаза и когда, вместо осуждения, к которому я уже морально себя подготовила, я увидела понимание и поддержку, у меня словно камень с души спал. — Я не буду настаивать. Не хочу из тебя, что-то выпытывать. Надеюсь, наступит такое время, когда ты сама захочешь мне обо всё рассказать. Но скажи мне сейчас только одну вещь: Андрей отец твоего ребёнка?

— Только биологически. Он никогда не видел Максюту.

— А эта Лебедева? Вы ведь уже давно были знакомы?

В этот момент я поняла, что мне не нужно ничего рассказывать. Влад уже давно всё обо мне знает. Видимо навёл справки, для него это наверняка не составило большого труда. Но как именно глубоко он капнул в мою жизнь?

— Мы воспитывались в одном детском доме. Но ты ведь итак это знаешь?

Влад кивнул, подарив мне виноватую улыбку.

— Прости. Просто, когда ты первый раз пригласила меня к себе домой, и я увидел тебя без одежды....мне показалось странным, что ты очень сильно напомнила мне одну девушку.

Я заплыла краской. Причём кровь прилила не только к щекам, у меня даже шея побагровела. Господи, какой стыд....

— Влад, пожалуйста, не думай обо мне плохо...

— Я и не думаю, — серьёзно произнёс мужчина, резко оборвав меня. — Оксана, поверь, пусть и не в полной мере, но я понимаю, как тяжело тебе пришлось. Нас с Никой мама тоже воспитывала одна. И хотя у неё были живы родители, которые всегда и во всём помогали, рядом с ней были её друзья и близкие, она всё равно изматывала себя. Я понимаю, как это тяжело одной воспитывать ребёнка, тем более, когда даже не на кого положиться. И мне всё равно слышишь? Твоё прошлое не имеет никакого значения. Я сделаю всё, что только в моих силах, чтобы ты поскорей смогла его забыть. Для меня неважно, была ли ты проституткой...

— Я не была проституткой! — мой голос сорвался на крик. Мне вдруг стало ужасно обидно. Вот как теперь переубедить его, что я не торговала своим телом, когда он лично в буквальном смысле снял меня на трассе? — Влад, я не шлюха....Понимаю, что в это трудно поверить, но до тебя у меня был только Андрей. Мне действительно пришлось нелегко, я работала на рынке, торговала до позднего вечера, потом шла домой и уже ночью вязала носки, чтобы получить дополнительный заработок, но до проституции я не опустилась. А та ночь...я сорвалась. У меня нервы не выдержали. Максюта попал в больницу, срочно нужны были деньги, а где их было взять? Правда я даже тогда ни о чём таком не думала...Просто сидела на остановке, мне совершенно не хотелось идти домой, а потом я увидела тебя, ну и....в общем, это было каким-то помутнением.

— А ты жалеешь?

Я удивлённо подняла глаза на Влада, не совсем понимая, о чём он только что спросил.

— Жалею?

— Ты жалеешь о той ночи?

С трудом мне удалось сдержать улыбку. Проведя ладонью по нахмурившемуся лицу Влада, я наклонилась и поцеловала мужчину в сомкнутые губы

— Ни капли. Хотя признаюсь, мне немного стыдно.

Влад резко привлёк меня к себе, жадно прижавшись губами к моей шее.

— Тебе нечего стыдиться, слышишь, нечего?!

Я улыбнулась, положив ладони на плечи мужчины, и первый раз в жизни испытала колоссальное облегчение. Если бы знала, что всё будет так просто, я бы изначально открылась перед Владом. Хотя по-сути, я практически ничего ему ещё не рассказала....но у меня есть время. Влад дал мне его и возможно скоро, я окончательно смогу сбросить этот камень с души.

Чуть отстранившись, Влад взял телефонную трубку, набрав какой-то номер.

— Лида, свяжись с Рябцевым, пускай срочно бросает все дела и едет на встречу с Митрофановым. После позвони моей сестре, Веронике, и скажи, что наш сегодняшний ужин в ресторане отменяется. Если начнёт допытываться, скажи, что я сам завтра заеду к ней и всё объясню. Кстати, заодно передай, что прогулка с Оксаной тоже отменяется. Не тормози Лида, с нашей Оксаной, моим секретарём.

Сбросив вызов, Влад положил трубку на стол, а я почувствовала, как мои щёки снова залились краской.

— Теперь все точно обо всём догадаются.

— Ну и пусть. Мы ведь не школьники. Сколько можно скрываться и прятаться по углам?

— Мы договорились с Вероникой пройтись сегодня по магазинам, она убьёт тебя.

— Плевать. Не хочу тебя ни с кем делить сегодня, да и завтра тоже, и послезавтра...

Я улыбнулась, испытав дикий прилив радости. Набравшись смелости, я подняла взгляд на Влада и, закусив нижнюю губу, лукаво улыбнулась.

— Поехали ко мне?

— Чаю выпьем?

Влад усмехнулся, опустив взгляд в вырез моей блузки.

— И фильм посмотрим.

Я чуть с ума не сошла, пока мы ехали до моего дома. На каждом светофоре Влад жадно набрасывался на мои губы, блуждал руками под моей юбкой, выбивал почву у меня из-под ног. К тому времени как машина остановилась возле подъезда, я уже потеряла рассудок от дикого, просто убийственного желания. Вывалившись из автомобиля, Влад подхватил меня на руки и, не переставая терзать мои губы, понёс меня к дому.

— Кхм, простите, что отвлекаю, просто я бы хотел поговорить с Оксаной. Кстати, ещё раз здравствуйте, Влад, — я не сразу поняла, почему мы остановились. До меня даже не дошёл смысл слов, которые как мне показалось, прозвучали где-то вдалеке. Я всё ещё продолжала исступленно целовать, отчего-то окаменевшее лицо Влада, когда мужчина резко остановился. — Вы меня, наверное, уже вряд ли помните, я Андрей Громов, мы встречались с вами совсем недавно. Но сейчас мне надо поговорить с вашей...секретаршей. Разговор важный. Он касается нашего с ней сына.

Влад поставил меня на ноги, но не отстранил, а наоборот, крепче прижал к себе. Вцепившись дрожащими пальцами в ладонь мужчины, я почувствовала, как мне становится трудно дышать. Одновременно меня начали разрывать два совершенно противоречивых чувства: как можно скорее сбежать отсюда, и со всего размаху вклепить Громову пощёчину. Как он посмел, ну как он только посмел, после всего, что сделал, прийти сейчас сюда, да ещё и назвать Максюту своим сыном? Где предел его хамства, эгоизма и наглости?

— Ксюш поднимайся в квартиру, я подойду минут через десять.

— Вообще-то мне бы хотелось поговорить именно с Оксаной.

Андрей сделал пару шагов в нашу сторону, после чего Влад тут же загородил меня своим большим мощным телом.

— Вообще-то мне глубоко наплевать на ваши желания, — голос Влада казался абсолютно ровным и спокойным. — Оксана поднимайся в квартиру.

Я хотела было возразить, но Сафонов смирил меня таким взглядом, что я сразу поняла — сопротивляться бесполезно. Глубоко вздохнув, я, стараясь не оглядываться, вошла в подъезд и тут же прижалась ухом к металлической двери. Несколько минут я не слышала абсолютно ничего, а потом, прямо за дверью Влад несколько раз громко кашлянул. Тогда я поняла, что таким способом мне ничего узнать не получится. Мигом, бросившись к лифту, я в считанные секунды оказалась возле своей квартиры и как только няня моего Максюты открыла мне дверь, я тут же бросилась на кухню — единственную комнату, окна которой выходят во двор. Но заметить я успела только, как от моего подъезда отъезжала машины

Влада. Сердце забилося как у загнанной в клетку птицы, когда я поняла, что они вдвоём в одном автомобиле. Андрей и Влад. Вместе. Чёрт подери, куда они едут?!

— Оксана, прости, ты насовсем вернулась или сейчас опять куда-то убегаешь?

Голос пожилой женщины заставил меня отойти от окна и хоть как-то попытаться взять себя в руки.

— Насовсем. Если вам нужно, то сегодня вы можете уйти пораньше.

Ответ я не расслышала, потому что не удержалась и снова прилипла к окну. Но судя по широкой улыбке, Лидия Павловна осталась довольна. После того как женщина вкратце рассказала мне о том как себя сегодня вёл Максютя, что он ей, сколько спал и всё в этом духе, она попрощалась и сразу же поспешила уйти. А я ещё полчаса, стояла у окна и изводила себя тревожными мыслями, пока не послышался скрип открывающейся двери. Бросившись в прихожую, я чуть было не сшибла с ног вошедшего в квартиру всего пару секунд назад Влада. Мужчина усмехнулся на моё молниеносное появление и вовремя подхватил меня за талию, когда я едва ли не потеряла равновесие.

— Тише малыш, успокойся. Мне кажется или ещё немного и твоё маленькое сердечко просто разорвётся?

Я не поняла ни одного слова из того, что он сказал. Обхватив ладонями его лицо, я несколько минут вглядывалась в каждую его чёрточку, проверяла, нет ли синяков, ушибов, порезов. И только убедившись, что всё в порядке я облегчённо вздохнула, рывком обняв тихо рассмеявшегося Влада.

— Ксюш, такое ощущение, что ты меня с войны встречаешь. Всё нормально, я жив-здор, нет никаких причин для беспокойства. Правда я жутко голоден и если ты сейчас же меня не покормишь, боюсь, выйдет четвёртый сезон Ганнибала.

Я улыбнулась в ответ, спрятав лицо на груди у мужчины. Слава богу, всё в порядке. Я боялась, что они разорвут друг друга.

— Прежде чем я разрешу тебе опустошить мой холодильник, ответь на один вопрос: что вы так долго делали?

— Сидели в небольшом уютном ресторанчике, пили кофе, обсуждали вчерашний футбольный матч, о тебе немного поговорили. В общем, ничего интересного.

— Влад, я серьёзно!

— И я серьёзно. Ты, что думала, мы дуэль организовали?

Пока я не успела ничего ответить, Влад накрыл мои губы жадным поцелуем. Хватило всего пары секунд, чтобы я забыла обо всех переживаниях и полностью отдала себя в руки этого сумасшедшего мужчины.

— Ну, так что, покормишь меня?

Предупредив, что Максютя спит, я на цыпочках, вслед за Владом прошла на кухню. Мужчина тут же уселся за стол, нахально похлопав по нему ладонью. Но я не могла сердиться на Влада. Одна его улыбка вышибала у меня почву из-под ног. Я достала из холодильника продукты и решила приготовить самое быстрое и обыкновенное блюдо — яичницу. Пока моё творение жарилось на сковороде, я начала раскладывать столовые приборы, то и дело, прикрикивая на Влада, когда его руки как бы невзначай забирались под подол моего платья. Правда, надолго меня не хватило. Когда мужчина не обращая внимания на сопротивление, сгрёб меня в охапку и, усадив к себе на колени начал прокладывать дорожку влажных поцелуев на моей шее, я откинула голову ему на плечо, блаженно прикрыв глаза от нереального наслаждения. Наверное, такое возможно только с любимым мужчиной.

Он может делать вещи, которые тебя бесят. Может выводить тебя из себя наглой улыбкой и абсолютно эгоистичным поведением. Но ведь без него всё равно никак. До недавнего времени я терпеть не могла, когда чай оставляют недопитым. Меня это раздражало. А Влад так делал всегда. Он постоянно оставлял кружку наполовину полной. И вот недавно, всего пару дней назад, я подловила себя на том, что ушла в ванную, оставив на столе кружку с недопитым чаем. Да это мелочи. Но мелочи, которые въедаются под кожу, становятся пагубной привычкой, отделаться от которой практически невозможно.

Влад жадно нашёл мои губы, и, выбив из меня приглушённый стон удовольствия, начал расстёгивать пуговички на моём платье. В каком-то неосознанном порыве я приоткрыла глаза, и мой взгляд сразу упал на его руки. В ту же секунду всё прекратилось. Стоило мне увидеть его сбитые в кровь костяшки пальцев, как я резко соскочила с колен Влада, одёрнув одежду.

— Что это? Ты с ним всё-таки дрался?

Сначала мужчина не понял вопроса. Несколько секунд он не отрывал помутившегося взгляда от выреза моего платья, и только потом, когда я застегнула все пуговички, до него дошло, о чём я спрашиваю.

— Нет. Я не с кем не дрался.

Резко подскочив на ноги, Влад снова сгрёб меня в охапку и попытался вновь стащить с меня злосчастное платье, но огромными усилиями мне всё же удалось вырваться из его рук.

— Обманываешь, этого не было утром.

— Я поцапался с приятелем пару дней назад, ранки быстро затянулись, а сегодня, неудачно проехавшись локтем по решётчатой вывеске на двери ресторана, в котором мы были с Грозовым.

Влад говорил спокойно, не торопясь и совершенно не нервничая. Но что-то мне всё-таки подсказывало, что он лукавит.

— Звучит, как-то не слишком убедительно.

Улыбнувшись, Влад обвинил руки вокруг моей талии, и на этот раз мне уже не удалось отстраниться.

— Малыш, если бы была драка, думаю, у меня остались бы соответствующие следы не только на руках.

Влад поцеловал меня в шею, и мне с трудом удалось сдержать стон удовольствия. Еле как, но я всё-таки смогла его заставить посмотреть мне в глаза.

— Ты точно с ним не дрался?

— Точно малыш.

— Клянёшься?

— Клянусь. Я просто поговорил с ним, признаюсь, немного жёстко поговорил, но зато теперь он больше никогда не появится в твоей жизни.

Этот ответ меня успокоил. На все двести процентов я была уверена, что Влад бы не стал меня обманывать. Увернувшись от очередного поцелуя, я игриво усмехнулась:

— Сначала нужно обработать твои раны. Не торопись. У нас вся ночь впереди.

— Поспешит малыш, не то начну без тебя.

Я улыбнулась, на цыпочках выпорхнув из кухни и пропустив мимо ушей тихие слова Влада:

— Я не дрался с ним малыш, я его бил.

Уже через несколько минут я вернулась в кухню с целым арсеналом аптечки в руках. Влад сидел в кресле и смиренно ждал своей участи, с нескрываемым отвращением поглядывая на разложенные на столе ватку и зелёнку. Мне даже не удалось сдержать улыбки. Он ведь уже взрослый мужчина, а до сих пор как ребёнок боится лекарств.

— Пощиплет чуть-чуть, но это не смертельно.

Взяв его ладонь, я осторожно начала обрабатывать ранки. Влад сморщил лоб, прикусил нижнюю губу, но руку не отдернул.

— Хочешь быть моим доктором да? Тогда я настаиваю, чтобы ты переделалась в белый короткий халатик и провела полный осмотр всего тела, желательно нижних его частей.

— Если не прекратишь, я прямо сейчас его тебе организую. У меня есть двух литровая очистительная клизма. Угадай, в какое место я её тебе вставлю?

Влад расхохотался, нежно проведя ладонью по моей щеке.

— Только попробуй. Забыла, что перед тобой начальник сидит? В этом месяце оставляю без премии.

— Ты не поступишь так со мной! На что же я буду жить?

— Ещё как поступлю. Я очень злой. Особенно когда мне угрожают двух литровой клизмой.

Мне едва удалось сдержать смех. Положив ватку на стол, я поднесла ладонь Влада к губам и осторожно подула на ранки. Мужчина тут же вздрогнул. Краем глаза я заметила, как дернулся кадык на его горле, а взгляд резко помутнел.

— Тогда мне придётся ответить за свою дерзость.

Я медленно склонилась к его лицу и очень нежно поцеловала мужчину в судорожно распахнувшиеся губы. Через секунду Влад попытался сгрести меня в объятия, но я не дала ему это сделать. Несколько минут мы смотрели друг другу глаза в глаза и только после этого Сафонов понял, что именно я хочу сделать. Когда я неспешно расстегнула каждую пуговичку на его рубашке, опустилась на колени, проложив дорожку влажных поцелуев на его груди и животе, очерченном безупречными кубиками пресса, и начала расстегивать ремень его брюк, Влад хрипло застонал, вцепился мне в плечи, пытаясь отстранить меня, но я не поддавалась. Нет, сегодня я хотела подарить ему это удовольствие. Хотела слышать его стоны, хриплые вздохи. Когда я расстегнула ремень его брюк, оттянула резинку трусов и, обхватив с трудом поместившийся в ладонь член, коснулась распаленной плоти языком, я сама застонала, испытав дикий прилив восторга. Я сошла с ума, чуть было не достигла того самого апогея удовольствия, когда глаза Влада закатились от наслаждения, когда мужчина вцепился в мои волосы и осторожно притянул меня ближе, побуждая принять его мощную, готовую взорваться в любую секунду плоть ещё глубже. Я балансировала на грани пропасти. Я сходила с ума, слыша его вырывающееся сквозь стиснутые зубы прерывистое дыхание, его хриплые приглушенные стоны, чувствуя, какая мощная волна дрожи пробивает его тело. Когда мне почти удалось подвести его к той грани запредельного удовольствия, Влад резко схватил меня на плечи и усадил на стол. Задрав платье, он отодвинул полоску уже промокших насквозь трусиков и одним резким толчком ворвался в меня до упора. Глаза закатились от наслаждения. Я оплела руками его шею и в ту же секунду поломала ногти. С ним так всегда. Всё на грани. Каждый толчок его разгорячённого члена подобен маленькой мучительной смерти. И самое жестокое, что я даже не могла стонать. Максюту мог проснуться. Мне приходилось прокусывать губы до крови, заглушать рвущиеся из груди стоны дикого наслаждения. Но когда моё тело забилося в конвульсиях оргазма, я больше не

могла сдерживаться, и если бы Влад не накрыл мои губы жадным поцелуем, весь дом бы оглушил вопль безумного сумасшедшего наслаждения.

Наши тела всё ещё подрагивали от удовольствия, я собирала губами капельки пота с его шеи, когда комната наполнилась каким-то горелым запахом. Только через несколько секунд я вспомнила, что на плите всё ещё жарится яичница. К тому времени как я спрыгнула со стола и под приглушённый смех Влада бросилась к плите, на сковородке остались только какие-то чёрные угольки.

— Чёрт, хреновая из меня хозяйка.

Влад рассмеялся, пристроился сзади, обхватив меня за талию и положив голову на изгиб моего плеча.

— Да ладно, выглядит вполне аппетитно.

— Лгун, — поцеловав его в нос, я выбросила остатки сгоревшей яичницы в мусорное ведро. — Это даже пахнет отвратительно.

— Знаешь, когда я голоден, я совсем не привередлив. И вообще, это ведь я виноват в этом пожаре. Поставил тебе ультиматум.

Влад поцеловал меня в шею, крепче прижав к своей груди.

— Если бы я не угрожала тебе клизмой, ты бы и не поставил ультиматум.

— Если бы я весь вечер не пялился в вырез твоего платья, ты бы не угрожала мне клизмой....Хотя нет, в последнем виновата всё же ты.

— Неужели?

Я вопросительно вскинула брови, попытавшись чуть отстраниться от мужчины, благодаря чему Влад сжал меня в объятиях с такой силой, что даже больно стало.

— Конечно. Сначала превратила меня в дикое животное, а потом стала держать на постоянном голоде.

После этих слов я испытала резкий укол совести.

— Извини. Ты не ужинал да? Знаю это не лучший вариант, но в холодильнике есть булочки.

— Да нет, вариант не плохой. Но что-то мне подсказывает, что мой голод сейчас могут утолить совсем другие булочки.

Смысл его слов дошёл до меня только когда Влад сжал ладонями мои груди. В ту же секунду я залилась краской.

— Да ну иди ты, пошляк. А на первый взгляд таким приличным мужчиной кажешься. А ещё начальник крупной компании.

— Какая секретарша — такой и начальник.

После этих слов, Влад не обращая внимания на мои приглушённые пiski и брыкания, потащил меня в спальню, где отыгрался за испорченный ужин по полной программе. К тому времени как из его груди наконец-то вырвался приглушённый стон, больше похожий на рык, я уже не помнила себя от усталости. Я сбилась со счёта, сколько раз за этот вечер я испытала оргазмов. Каждая клеточка моего тела ныла от боли, от ужасной и одновременно такой сладостной боли. Я лежала, уткнувшись носом ему в шею и закинув ногу ему на живот, и уже почти мне удалось задремать, как Влад совершенно неожиданно произнёс:

— Через неделю я уезжаю в Москву.

После этих слов сон слетел с меня моментально. Приподнявшись на локте, я заглянула в его уткнувшиеся в потолок глаза.

— Командировка? Надолго?

— Командировка у меня была в Сергеев-Посад и притом она уже изрядно затянулась. Я ещё месяц назад должен был вернуться в столицу.

Я не сразу поняла смысл этих слов. А когда поняла, мне захотелось завопить от боли.

— То есть...ты надолго уезжаешь? А когда вернёшься?

— Не знаю, может через полгода. Хотя я думаю закрыть здесь филиал, в последнее время он не приносит прибыли. Вероника тоже планирует перебраться с семьёй в столицу. Так что мне нечего здесь будет делать.

Не знаю почему, но в этот момент мне захотелось рассмеяться. Громко. Даже как-то истерически. Он уезжает и притом, похоже, навсегда. Ну, вот и конец моей вылепленной сказке о золушке. Всё как всегда, Оксана. Жизнь снова поворачивается к тебе попкой.

— Закурить есть?

Помедлив несколько секунд, Влад протянул мне пачку сигарет вместе с зажигалкой. Закурив, я встала с постели, накинула на себя халат и подошла к окну.

— Ты ничего не скажешь?

— А что говорить? Итак, всё понятно. Ты уезжаешь, закрываешь филиал. А это значит, что мы расстаемся, и я начинаю подыскивать себе новую работу.

— Вау, какие радужные мысли. А ты оптимистична, — Влад откинулся на кровати, закрыв лицо руками. — Только не слишком ли поспешные выводы?

— У меня есть повод думать как-то по-другому? Может, ты меня с собой в столицу хочешь взять?

— Без 'может'.

Несколько секунд я молчала, обдумывая его слова, потом затянулась и выдавила из себя усмешку.

— А про сына моего ты не забыл? Или, что, оставим его здесь с нянечкой?

— Ты, что несёшь? Мозгами поплыла?

— Может и поплыла, а ты объясни мне всё милый. Скажи, к примеру, где мы будем жить? В твоей квартире?

— Первые несколько месяцев в гостинице, потом переедем ко мне.

Мне еле удалось сдержать истерическую усмешку. В гостинице. Ну, правильно. История повторяется.

— Дай угадаю, у тебя в квартире ремонт?

— Да, ремонт, а что в этом такого?

На этот раз я не сдержалась и всё-таки тихо рассмеялась. Как же жизнь всё-таки любит повторять старые истории.

— Что, квартира досталась от родителей, и ты хочешь её переделать на свой вкус?

— Эта моя квартира, мама в ней ни дня не жила, — голос Влада становился всё более серьёзным и жёстким. — А ремонт там нужен, чтобы переделать одну из комнат под детскую. Сама догадаешься или подсказать для чего?

Пепел сигареты упал на мою ладонь, но я даже не почувствовала боли. Что он сейчас сказал?

— То есть ты вот так всё решил...Ты настолько уверен, что я соглашусь рвануть с тобой в Москву? А, что меня там ждёт? Ну, потискаемся мы с тобой ещё пару месяцев, а дальше? Я тебе наскучу, и ты с ребёнком на руках выставишь меня из своей квартиры да?

Сначала Влад молчал, а потом сквозь стиснутые зубы произнёс.

— Знаешь, иногда мне так сильно хочется тебе врезать. Какая же ты всё-таки дура, Оксана. У каждого из нас есть своё прошлое. Если ты думаешь, что я до тебя не с кем не встречался, так ты глубоко заблуждаешься. У меня было полно баб. Кого-то я просто трахал, с кем-то и шуры-муры водил. Только я никогда не сравнивал тебя ни с одной из своих прошлых баб. Потому что я понимаю, что ты другая. Потому что я не идиот, и знаю, что все женщины разные. Мне тоже попадались стервы и законченные твари, но, даже натыкаясь на них, я не ровнял по ним всех женщин. А ты, сколько ты ещё будешь меня сравнивать со своим бывшим? Считаешь меня таким же чмом? Тогда почему мы вместе, Оксана? Что тебе от меня нужно? Деньги, работа? Я могу понять, что ты ничего не хочешь мне рассказать о своей жизни, но ты ведь и совершенно не интересуешься моей! Что ты знаешь обо мне, кроме того, что я владею крупной строительной фирмой?

— Я знаю, что ты сначала хотел пойти в медицинский, но в последний момент передумал. Я знаю, что ты увлекаешь стрельбой, и каждое последнее воскресенье месяца вы с друзьями ездите на рыбалку. Этой традиции вот уже семь лет. Я знаю, что самые серьёзные отношения у тебя были ещё в студенчестве, со своей однокурсницей. Вы повстречались чуть больше года, а потом разбежались, потому она уехала в другой город. Я знаю, что компания, которую ты основал, является одной из самых крупных и прибыльных компаний нашей страны. Я знаю, что это именно ты дал имя второму ребёнку Вероники. Я знаю, что в прошлом году ты купил дом своей маме на побережье Лазурного берега. И я ещё много чего знаю. Всего и не расскажешь.

Влад молчал. Я чувствовала, что он прибывает в шоковом состоянии. Неужели он и правда думал, что меня совершенно не интересовала его жизнь?

— Откуда?

— Ты забыл, что у тебя есть сестра?

— Вероника, — Влад усмехнулся, и я почувствовала, как его горячее дыхание опалило кожу моей шеи. — Тогда, что тебя останавливает? Мы знаем друг друга. Нам хорошо вместе. Чего ты боишься?

— А, что дальше? Ну, уеду я с тобой, и что будет в этой проклятой Москве? В прошлый раз этот город все силы из меня высосал. Влад, ты пойми, я доверяю тебе, но.... У меня есть ребёнок, понимаешь? Ты сможешь принять его, полюбить как своего? Ведь это большая ответственность и это очень тяжело. Уходи, пожалуйста. Мне надо побыть одной, подумать. Да и тебе надо подумать, ещё раз всё взвесить. Уходи Влад. Уходи или я уйду.

— Не уйдёшь, а выйдешь.

Твёрдо произнёс мужчина, обхватив меня за плечи.

— Чего?

— Замуж за меня выйдешь. Надеюсь это хороший гарант моих серьёзных намерений? То, что ты про ребёнка сказала — полная чушь. Я, Оксана никогда от ответственности не бежал. А, что касается любви, так я уже к твоему Максимке привязался. И вообще любые дети, которых мы любим — свои. Так, что у нас с тобой теперь только один выход — жениться. И пока ты ещё ничего не ответила, вспомни правило номер 8: никогда не перечить начальству.

Долгое время я вообще ничего не могла сказать. Я просто стояла прижатая к крепкой спине Влада и не понимала, происходит ли всё это на самом деле или я просто сплю? Он только что предложил мне стать его женой?

— Влад, ты с ума сошёл? Жениться? Да мы с тобой всего два месяца вместе. Какая

свадьба?

— Самая обыкновенная, что и у обычных людей. Не вижу разницы в том, сколько мы встречаемся: 2 месяца или несколько лет. Раз уж ты вспомнила мою бывшую девушку, с которой я был вместе в студенческие годы, так ведь мы всё равно разбежались, несмотря на то, что встречались больше года. Здесь всё зависит от людей. От того насколько они готовы создать семью, распрощаться со своей свободой и посвятить себя только одному человеку, с которым они будут растить детей. Не знаю как ты, а я своё уже отбегал. Меня давно перестали интересовать шумные вечеринки, легкодоступные девочки и всё в этом роде. И кстати как пример: Вероника вышла замуж после полутора месяцев отношений. Сейчас у неё трое детей и крепкая счастливая семья.

— Всё это конечно хорошо, но ведь бывают и другие ситуации, когда люди разбегаются после нескольких лет брака. А потом начинается канитель с разделом имущества, слёзы, крики, от которых страдают дети. И согласись таких случаев намного больше.

— Почему ты всегда думаешь о плохом? Неужели хоть раз в жизни нельзя отбросить свой пессимистический настрой и просто позволить себе быть счастливой? Или ты не счастлива со мной? В этом дело?

— Счастлива, — я обернулась и обняла за пояс напрягшегося мужчину, спрятав лицо на его груди. — Я очень счастлива с тобой, но мне всё-таки кажется, что ты торопишься. Свадьба — очень ответственный шаг, я пока к этому не готова. Но ты прав, мне пора прощаться с вечно преследующим меня дурным предчувствием. Правда, я пока не знаю, как это сделать, а хотя... Давай, как люди, занимающиеся бизнесом, мы заключим сделку?

Влад удивленно приподнял брови.

— Сделку?

— Ну да. Я переезжаю с тобой в Москву, хотя бы полгода мы живём вместе, и если за это время ничего не изменится, и ты по-прежнему будешь хотеть свадьбы, мы поженимся.

Это идея казалось мне лучшей на сегодняшний день, но Владу она явно пришлась не по душе.

— Полгода это долго. Зачем столько ждать?

— Затем, что это моё условие Влад. По-другому я не согласна.

— Абсурдное условие. Могли бы расписаться прямо сейчас и жить в законном браке, — Влад был явно недоволен моим предложением, но по моему взгляду, мужчина понял, что я останусь непреклонной. — Ладно, похоже, выбора у меня нет. Но ровно через полгода мы распишемся, и только попробуй дать отходную.

— Если за это время ты не окажешься в психлечебнице или не угодишь на тот свет, то да, мы распишемся.

— Не волнуйся, даже если я и окажусь в психлечебнице, ты будешь лежать в соседней палате.

Три дня спустя

Я всё ещё не верила, что всё это происходит на самом деле. Я снова уезжаю в Москву. Хотя когда-то, когда я покидала этот город, я дала себе слово, что так и будет. Я вернусь в

Белокаменную, как только у меня всё наладится. Правда я представляла себе это немного по-другому. Потенциальный жених и начальник в одном лице совсем не вписывались в мои планы, особенно когда я покидала столицу. Но жизнь всегда непредсказуемая штука. Всё может измениться за один день.

Вот и сейчас я стояла с ребёнком на руках около готовой к долгой дороге машины Влада и ждала, пока мужчина вынесет из квартиры оставшиеся сумки, а из головы не вылазили мысли, что ждёт меня в завтрашнем дне? Как не странно, даже несмотря на то, что я не находила ответа, мне совсем не было страшно. В отличие от прошлого раза, когда я впервые ехала в Москву, сейчас я была абсолютно уверена, что мне нечего бояться. И причиной этому был Влад. Я знала, что рядом с ним я в безопасности, мне всегда есть на кого положиться в трудную минуту, кто поддержит и не предаст. Почему-то я была абсолютно уверена, что у меня нет никаких оснований сомневаться в этом мужчине. Даже не потому, что он сделал мне предложение, а потому, что он принадлежал к умирающему виду таких мужчин, которые подкрепляют свои слова поступками. Я точно знала, что если Влад, что-то пообещал, он это выполнит.

— Оксан, здравствуй.

Я вздрогнула и резко повернула голову, машинально крепче прижав сына к груди. Андрей стоял в паре шагов позади меня и неуверенно мялся с ноги на ногу. Я сразу сосредоточила взгляд на его лице. На его разбитом лице. Вот значит, как Влад сбил костяшки пальцев в кровь. Что ж было глупо верить в то, что эта парочка вчера разошлась без мордобоя.

— Андрей уходи, пожалуйста, Влад спустится через пару минут.

— Я ненадолго. Мне просто хотелось извиниться за вчерашнее. Прости, я совсем не хотел тебя обидеть. Мне только очень нужно было увидеть Максима. Хотя бы один раз, к тому же, возможно он будет единственным. Завтра я уезжаю в Прагу. Мне удалось заключить выгодный контракт, благодаря которому банк остался на плаву. Возможно, я уже никогда не вернусь обратно, а если и вернусь, то очень нескоро. Поэтому я прошу тебя Оксана, пожалуйста, позволь мне хотя бы посмотреть на него...один раз поддержать на руках. Клянусь, больше я никогда вас не побеспокою.

Я колебалась. С одной стороны мне было даже как-то жалко Андрея, сейчас я со стопроцентной гарантией могла сказать, что у меня не осталось к нему ненависти, но с другой...я всё ещё не забыла, что он заставил меня пережить и я не испытывала к Андрею особого доверия. Однако с бешено колотящимся сердцем я всё-таки передала спящего Максюту на руки его...биологическому отцу. Могу сказать, что после того, как я увидела вспышку восторга и дикого сожаления в глазах Андрея, все мои страхи развеялись. Я поняла, что на этот раз он говорит правду. Возможно сегодня наша последняя встреча.

— Господи, он такой крупненький...и на меня очень похож. Точная копия моих детских фотографий, — в голосе Андрей проскальзывала безграничная нежность. Он с трепетом провёл ладонью по сонному личику Максюты, и в этот миг мне показалось, что мужчина готов расплакаться. — Я многое бы отдал, чтобы вернуть всё назад. Жаль, что некоторые вещи мы понимаем уже поздно. Слишком поздно.

Подрагивающими губами Андрей поцеловал Максюту в румяную щёчку, после чего, с большим сожалением во взгляде передал сына обратно мне на руки.

— Я не знаю, что сказать. Просить прощения я не имею права, да и вряд ли тебе сейчас нужны мои извинения. Я только хочу, чтобы ты знала, как бы в дальнейшем не повернулась

моя жизнь, я никогда и ни о чём не буду жалеть так сильно, как о том, какую боль я тебе причинил и сам отказался от этого безумного счастья. Мы уже вряд ли, когда-нибудь увидимся Ксана....скажи, я могу хотя бы изредка высылать ему подарки? Тебе необязательно говорить от кого они.

— Высылай.

Андрей улыбнулся, так горько и с такой болью во взгляде, что мне самой едва удалось сдержать слёзы. Нет, он не поддонок. Как бы дико это не звучало, но сейчас мне было жаль его. Он очень сильно запутался, ошибся, и плата за эту ошибку стала слишком высока. Но это жизнь. Рано или поздно все мы платим по счетам.

— Спасибо...и удачи тебе, Оксана. Я, правда, надеюсь, что у вас с Владом всё сложится. Он хороший мужик. Тебя любит. Вчера вон чуть не убил меня. И он будет хорошим отцом...нашему сыну.

Эпилог

'...и он будет хорошим отцом...нашему сыну' — это были последние слова, которые я слышала от Андрея. Он сдержал своё слово и больше ни разу нас не потревожил. По крайней мере пока. Хотя я думаю, что за эти шесть лет у него появилась своя жизнь. Я не знаю подробностей, но, насколько мне известно, у него есть девушка и они даже вроде как планируют свадьбу. Хотя Андрей всё-таки не забыл о Максиме. Он высылает ему подарки, которые я отправляю в детские дома. Может это и неправильно, но я считаю нечестным по отношению к Владу, принимать эти подарки. У моего сына уже есть отец, причём самый лучший в мире. Кстати, своё обещание мне всё-таки пришлось сдержать. Когда Влад однажды пришёл с работы и сказал, что срок длиною в полгода истёк, он даже не стал мне слушать. Просто перекинул через плечо и понёс в загс. Свадьбу мы отыграли через месяц, особых церемоний не было, зато был просто незабываемый медовый месяц на берегу пляжа Копакабана. Узнав, что я ни разу не была за границей, Влад решил наверстать упущенное. Теперь, как только ему удавалось немного отстраниться от дел, он возил нас с Максютой по самым красивым местам на планете. Не подумай, что я хвастаюсь, дорогой дневник, или что-то привираю. У нас с Владом неидеальная семья. У нас тоже бывают ссоры, разногласия, как-то мы даже целую неделю не разговаривали друг с другом, но всё это кажется таким пустяком, когда он прижимает меня к себе, крепко-крепко, как будто хочет растворить в своём теле, когда он тихо, словно стесняясь, шепчет мне слова о любви. Я тоже стараюсь не отставать и радовать своего мужчину. Например, сейчас, несмотря на все мои страхи, в моём животике развивается ещё одна жизнь. Я думаю, что это девочка, хотя срок небольшой, всего два месяца и точно я пока не знаю. Влад отнекивается, каждый раз, когда я спрашиваю, кого он хочет больше: дочку или сына? Он всегда говорит, что главное, чтобы ребёнок был здоров, а все остальное неважно. Но я-то знаю, что он хочет мальчика. Единственный из нашей семьи. И я, и Вероника, и моя свекровь (с которой у меня отношения как у Веры и Галины из сериала 'Воронины') хотят дочурку.

Мне не удалось уговорить тётю Тоню перебраться за мной в Москву, но зато в новый дом, который Влад сам лично построил, она с удовольствием переехала. Теперь каждое лето мы на одну или две недельки приезжаем туда погостить. А ещё мы забрали себе домой одного из котят Бониты и Мурзика. Максюта в восторге от нашего домашнего питомца.

Что касается Лебедевой, то о её судьбе я не знаю ничего, кроме того, что она уехала в

Канаду с каким-то ресторанным королём. Но судя потому, что я совсем недавно видела этого короля (у него были какие-то общие дела с Владом) в обществе длинноногой красотки, отношения с Кэт у него не сложились. А больше я ничего не знаю об этой девушке, да собственно как-то и не очень хочу знать.

Как только появляется возможность, я стараюсь не забывать своих друзей и приношу им свежие цветы на могилы: Стасу, Наде и Диме. Мне всё ещё тяжело думать, что они ушли из жизни такими молодыми...

Ну, вот и всё дневник. Пожалуй, я рассказала тебе обо всём, что хотела. И знаешь, мне стало легче. Теперь я по-настоящему перелистнула эти страницы в своей жизни. Только теперь я действительно смогла отпустить прошлое. Но ничего не закончено. Эта история будет продолжаться всегда. До моего последнего вздоха. Ведь это моя история. История моей жизни'.

Больше книг на сайте - Knigolub.net